

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ**

М.О. ӘУЕЗОВ АТЫНДАҒЫ
ӘДЕБИЕТ ЖӘНЕ ӨНЕР ИНСТИТУТЫ

Мұхтар Әуезов

ШЫҒАРМАЛАРЫНЫҢ
ЕЛУ ТОМДЫҚ ТОЛЫҚ ЖИНАҒЫ

49-том

МАҚАЛАЛАР, СӨЗДЕР, ПІКІРЛЕР,
ӘҢГІМЕЛЕР, СЦЕНАРИЙЛЕР

“ДӘУІР”
“ЖІБЕК ЖОЛЫ”

АЛМАТЫ
2014

УДК 821.512.122
ББК 84 Қаз-7
Ә 82

Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігі Ақпарат және мұрағат комитеті «Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару» бағдарламасы бойынша шығарылды

Редакциялық кеңес:

Кеңес төрағалары – М. Құл-Мұхаммед, А. Сәрінжіпов

Жалпы редакциясын басқарған – ҰҒА корреспондент мүшесі,
филология ғылымдарының докторы У. Қалижанов

Кеңес мүшелері:

*Әкім Т., Әуезов М., Жұртбай Т., Кекілбаев Ә., Қанатиянов Б., Қасқабасов С.,
Қирабаев С., Қонаев Д., Қошанов А., Құрманғали Қ., Мағсуин М., Мұртаза Ш.,
Нұрпейісов Ә., Оразалин Н., Сүлейменов О., Тасмағамбетов И., Ыбырай Ш.*

Әуезов М.

Ә 82 Шығармаларының елу томдық толық жинағы. – Алматы: “Дәуір”, “Жібек жолы”, 2014.

49-том: Мақалалар, сөздер, пікірлер, әңгімелер, сценарийлер. – 456 б.

ISBN 978-601-294-191-3

Мұхтар Омарханұлы Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық басылымының 49-томына бірнеше көркем әңгімелерінің аудармалары, “Ақын азамат”, “Разящий клинок” атты сценарийлері, “Абай жолы” роман-эпопеясының аудармасына қосымшалар, сонымен қатар пікірлері, жиындарда сөйлеген сөздері, мақалалары берілді. Томға кірген материалдардың көпшілігі алғаш жарияланып отыр.

Кітап ғылыми қызметкерлерге, студенттерге, жалпы әдебиетті сүйетін жұртшылыққа арналған.

УДК 821.512.122
ББК 84 Қаз-7

ISBN 978-601-294-191-3 (49-том) © М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, 2014
ISBN 978-601-294-142-5

Мақалалар

КҮНДЕЙ ЖЫЛЫ, НҰРДАЙ ЖАРҚЫН ДӘУРЕН (1936 ж.)

Дүниеде адамның ойы мен қолынан құралып туған ұлы көркем қазынаның барлығында екі үлкен ерекше қасиет бар. Бірі ірі, терең даналығында, екіншісі бұлдырсыз айқын ашықтығында, мөлдірлігінде. Ең ұлы көркемдік – ең ұғымды, ең қонымды көркемдік еді. Табиғатта – бұл күн сияқты.

Біздің бақытты Отанда, бүгінгі жарқын дәуренде ұлы көсем үні сол күн нышанымен барабар. Дәуір туын көтеріп, асқар асар баяндамасын бастағанда ентелей тыңдаған миллиондарға ұғымсыз, бұлдыр болған бірде-бір сөзі жоқ. Бұл сол миллиондар жүрегімен ашық сара жолдай жалғастырып, туыстырған көркем тілінің қасиеті; тіл ғана емес, талай шың мен шыңырауды талай тіліп өтіп жатқан ойының қасиеті. Ол ғана емес, дана басшының алып ісінің де қасиеті. Барлық терең, кемел күйінде соншалық ұғымды, айқын боп самғау – көсемнің барлық ұлы қалпының да қасиеті. Отанына ұсынған ұлы жол, жаңа заңды сол сипатпен әрбір жеке қарпіне дейін түсінікті де, қонымды да, ұтымды да сіңімді.

Біздің Отанның өмірі мұнарсыз ашық белге шықты. Күн сәулесі төгіліп шаңқия жарқыраған социализм жолына өрлей бастады. Сол адам тарихының жаңа жолын мөлдір сулы айдын шалқар көл үстіндегі көркейте сарқыратып, қуанта күлдіріп тұрған күн – дана көсем күні. Соның көреген, кеменгер ақылының күні. Бұрын тарих жауратқан, сорлы болған қауымдарды енді жұбата, өрлете жылытқан соның жылылығы, қамқор жүрек жылылығы. Жаңа адамның ұлы туы коммунизм өзінің дәуірден дәуір тудырған асқар

ұрандарына енді тағы бір жаңа тарих дәуірін өндірді. Ол – осы ұлы көсем ұсынған әділ, кемел конституция.

Күндей жылы, нұрдай жарқын дәурен туғызып, халықтар мен ғасырлардың арманын айықтырған кемеңгер көсемнің мына баяндамасын естіген күн өмірдегі зор бақытты күн болды.

ТАМАША КІТАП (1949 ж.)

Тілші: “Абай” романын жазуға қалай әзірлендіңіз?

М. Әуезов: Абай жөнінде кітап жазу үшін мен жас шағымнан, студент кезімнен бастап көптеген тарихи материалдар жинадым. Жазушы ретінде Абайдың өз еңбектері мен өмірін тексердім. Бұл тексеру менің қолыма көп материал берді.

Жазушы өмірді тереңдей зерттеп, жақсы білуі керек. Жазушының қолында жеткілікті мағлұмат, материал болмайынша, толық піскен, жақсы шығарма жазылуы мүмкін емес. Сондықтан “Абайды” жазғанда басқа шығармаларымнан да көбірек ізденгенімдігінің себебі осы.

Мен ол жиналған материалдардың ішінен Абайды жақынырақ көрсететін таңдаулыларын ғана іріктеп, теріп алдым. Жазушы жете ойланып, тоқсан толғанғаннан кейін сыртқа тепкен, кемеліне келген ойды жазуға кірісуі керек. Бұл жөнінде ұлы жазушы М. Горькийдің: “Айтпасқа лажың жоқ нәрсені ғана жаз” деген сөзі еріксіз еске түседі. Академик Тарленің айтуынша, кітапты жазып болып, ақырғы бетін жапқанында, сондай тағы бір кітап жазарлық мүмкіншілігін болу керек. Бұл жайды мен жастарға ескерту ретінде айтып отырмын.

Тілші: “Абай” романы қалай басталды?

М. Әуезов: 1937 жылы орыстың ұлы ақыны А.С. Пушкиннің туғанына 100 жыл толған еді. Ол мерекені жазуға ойланған тақырыбым үшін маңызы өте зор болатын. Өйткені Абай өзінің ақындығы жолында Пушкинді ұстазы тұтқан, халық мұңын жоқтауды содан үйрене отырып, осындай ұлы ақындар қатарына қосылған. Сол мереке құрметіне мен жазушылық дағдыдан тыс, романның соңғы – “Татьянаның

сахарадағы әні” деген тарауын жаздым. Бұл – романның хабаршысы еді.

Романды жазғанда әдебиет тарихын зерттеуші ретінде ғылыми ұғым тілімен, ал жазушы ретінде роман, бейне тілінде жазуым керек еді. Бұл екі тілдің екеуі қабыса келе, бір мақсатты көздеген еді. Ол – Абайды, Абайдың дәуірін толық көрсету болатын. Абай – бүгінгі күннің үлкен көмекшісі, өйткені ол бізге өз дәуірін сынап, ашып көрсетіп береді.

Жас жеткіншектер шығармадағы бейнені ұғына оқуы керек. Сол бейненің айналасында көп сыншы ұғым бар екенін түсінуге болады.

Бірінші кітаптан екіншісі тез жазылды. Оған көмекші болған ақын Абайдың өз еңбектері. Бірінші кітап Абайдың адам ретінде өсуін көрсетсе, екінші кітап оның ақын ретінде қалыптасуын суреттейді.

Тілші: “Абай” романының түпкі мақсаты не еді?

М. Әуезов: Абайдың тартыс үстінде өсіп, қыр өмірінің шеңберін аттап, орыс мәдениетіне, прогреске дара соқпақ салғанын көрсету еді. Данышпан Абайдың бейнесі арқылы тарихи тағдырлары қосылған екі елдің – ұлы орыс халқы мен қазақ халқының достығын, ол достықтың қадамы игілікті, болашағы жарқын екенін, Абайдың жақсы түсінігін суреттеу – романның түпкі мақсаты болатын. Осы тұрғыдан романның ақырғы тарауы – “Татьянаның сахарадағы әні” жазылды. Романның түйіні осында.

Тілші: Алдағы уақытта қандай шығармалар жазбақсыз?

М. Әуезов: Мен қазір “Ақындар ағасы” шартты атпен жаңа кітап жазып жүрмін. Бұл кітапта Абай өмірінің соңғы 11 жылы қамтылады. Мұнда мен ойшыл, ақындық мектебінің жетекшісі болған Абайды көрсетпекшімін. Ол Абай – орыс мәдениетінің өз сахарасындағы өкілі, адамгершіл, алысушы қайраткер. Бұл жөнінде Абай көпке көп мұра берді. Роман Абайдың өлімімен аяқталады. Өзінің жолын және мүддесін, бар тағдырын еңбек елімен бірге қосқан Абай, сол еңбек елінің жүрегінде өлмес орын алады. Бұл романды былай аяқтамақпын.

Бұл – қазақ халқының жүз жылдық, соңғы бір ғасыр өмірін баяндайтын жеті романымының үшінші кітабы. Қалған төрт кітап совет дәуіріне арналады. Жас ұрпаққа – пионерлер мен оқушыларға айтатын кенесім: халықтың өткен

тарихын терең зерттеп, жақсы білетін болындар, ол үшін көп оқындар. Өйткені “өткенді білмейінше, бүгінгі күннің мәнін және келешектің мақсатын түсіну мүмкін емес” (М. Горький).

ОСНОВОПОЛОЖНИК КАЗАХСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ (1957 г.)

Говоря о возникновении и формировании казахской советской лингвистики, мы вспоминаем созидательный труд людей, которые все свои знания и силы вложили в благородное дело развития отечественной науки. Одним из таких людей, живших и творивших в 20–30-х годах, был профессор Кудайберген Куанович Жубанов, который успешно и неустанно трудился на поприще казахской лингвистики.

К.К. Жубанов с ранних лет проявляет большие способности к языкам и в восемнадцатилетнем возрасте овладевает тюркской, арабской и персидской речью, как устной, так и письменной. Кудайберген, будучи учеником Джурунской русской школы, весьма прилежно относился к учебе: его классные сочинения по русскому языку, безупречное знание предмета не раз удивляли учителей.

Еще с детского возраста К.К. Жубанов увлекается литературой. Благодаря тому, что его отец Куан был просвещенным человеком в условиях того времени, семья Жубановых выписывала почти все периодические издания и книжные новинки на казахском и татарском языках. Еще в ту пору книголюб Кудайберген выделялся своей начитанностью. Первые свои литературные упражнения в виде статей, фельетонов и стихов Кудайберген начинает печатать на страницах дореволюционных периодических изданий под псевдонимами “Шекты” и “Караша бала”, сам редактирует выпускаемые молодежью рукописные журналы, которые были распространены в то время среди казахской интеллигенции. Так, например, в Илеке он выпускал журнал под названием “Тез”, в городе Темире, где работал инспектором уездного отдела народного образования, — журнал “Ай”.

Кудайберген и другие члены редколлегии многое сделали для того, чтобы довести до сознания своих читателей произведения революционного романтизма. В 1925 году Кудайберген работает инспектором-методистом в Актюбинском губоно. В это время он страстно изучает психологию, педагогику, логику, рефлексологию по трудам академика И.П. Павлова, Бехтерева и других крупнейших русских ученых. Одновременно молодой ученый поддерживает тесный контакт со многими языковедами-тюркологами Москвы, Казани, Баку, Ташкента, Ленинграда. Уже в то время можно было видеть на его рабочем столе письма из многих городов. Он переписывался с Поливановым, Богородицким, Мещаниновым, Агамалы-Оглы и многими другими виднейшими лингвистами.

В Актюбинске К.К. Жубанов начинает усердно изучать немецкий, английский, французский языки. Весной 1928 года его отзывают в Кзыл-Орду, прежнюю столицу республики, где он работает инспектором Наркомпроса. В январе 1929 года он командировается в аспирантуру по тюркологическому семинару Ленинградского восточного института, откуда спустя год переходит в аспирантуру Института языка и мышления Академии наук СССР.

За все это время К.К. Жубанов не отрывался от самостоятельной научной-исследовательской работы в области общего языкознания и тюркологии. Он активно участвовал в мероприятиях по переходу к новому латинизированному алфавиту. В 1930 году на съезде лингвистов-тюркологов в Алма-Ате К.К. Жубанов выступил с докладом на тему “Смысл бессмысленных слов”, являющимся результатом научных изысканий в области тюркских языков. Он был хорошим публицистом и журналистом, умел выражать свои мысли на увлекательном и доходчивом языке. Непревзойденный труд К.К. Жубанова под названием “Кюй” отличается оригинальностью постановки вопроса и богатством фактического материала. В нем автор дает историко-лингвистический анализ слова “кюй” и высказывает интересные суждения об этом музыкальном жанре. Его статья о языке Абая, написанная им в связи с 30-летием со дня смерти классика казахской письменной литературы, так же служит ценнейшим вкладом в казахское литературоведение.

К.К. Жубанов одним из первых указал на высокие художественные достоинства стихотворений Абая, его новаторство и мастерство в использовании народного языка.

К.К. Жубанов заслуженно считается крупным исследователем-тюркологом. Будучи аспирантом Ленинградского восточного института, потом Института языка и мышления (ныне Института языкознания АН СССР), он проявил себя как тонкий наблюдатель и исследователь-лингвист с широким востоковедческим диапазоном. Талант и способность этого казахского ученого особенно ярко проявились в стенах первого в республике вуза — Казахского педагогического института имени Абая, где он несколько лет работал профессором и заведующим кафедрой казахского языка. Его лекции по общему языкознанию, современному казахскому языку и тюркологии привлекали внимание не только студентов, но и широкого круга казахской интеллигенции. К.К. Жубанов, ведя тот или иной научный курс в вузе, прекрасно владел своим предметом и отличался разносторонностью лингвистических познаний. Он мастерски сопровождал свои лекции разнообразным фактическим материалом современных и древних тюркских языков, безупречно знал язык древнетюркских памятников и вооружал своих слушателей знаниями по руническим орхоно-енисейским надписям и их лексико-грамматическим, фонетическим особенностям.

Свою педагогическую деятельность ученый умело сочетал с научной разработкой вопросов казахского и других тюркских языков. Его перу принадлежит ряд ценных научных трудов, не потерявших своей актуальности и по настоящее время. Такие печатные работы, как “Из истории порядка слов тюркских языков”, “Вспомогательные глаголы”, “Заметки о вспомогательных и сложных глаголах” (1936 г.), брошюра “Кюй”, о чем мы упомянули выше, целый ряд статей и выступлений на конференциях и съездах (“К постановке исследования истории фонетики казахского языка”, “Буын жігін қалай табуға болады”, “Жаңа грамматиканың жаңалықтары жайында”, “Шылаулар, қос сөздер, біріккен сөздер”, “Об одном факте появления аффикса из корневого слова” и др.) снискали законное уважение со стороны тюр-

кологов нашей страны. Его труды характеризуются применением сравнительно-исторического метода.

В своей работе о порядке слов в казахском и других тюркских языках автор интересно и увлекательно анализирует действующие в них синтаксические нормы с точки зрения их исторического становления, иллюстрируя свои положения неопровержимым фактическим материалом.

В работе, посвященной вспомогательным глаголам, автор показал себя как непревзойденный знаток лексико-грамматических нюансов родного языка. Впервые в казахском языкознании К.К. Жубанов дал научный анализ таких вспомогательных глаголов, как “отыр”, “жүр”, “түр” и “жатыр”. Автор правильно установил их лексическое значение, показал на ряде ярких примеров грамматические функции указанных вспомогательных глаголов в зависимости от их сочетаемости с другими основными глаголами.

Заслуживает особого упоминания его труд “Қазақ тілінің грамматикасы” (ч.1. Общая морфология, 74 стр., 1936 г., учебник для 5 класса казахской средней школы), где автор дает системное изложение основных вопросов структуры слова и фонетических явлений казахского языка. Это работа, написанная на ясном, сочном и стилистически гибком казахском литературном языке, служит образцом для многих авторов учебников школьной грамматики. Целая серия статей К.К. Жубанова посвящена вопросам практического языкознания – орфографии, терминологии, методике преподавания казахского языка и другим.

Будучи прекрасным педагогом, всецело преданным делу народного просвещения работником, К.К. Жубанов постоянно переписывался со многими учителями, давал им советы по методике обучения родному языку, разъяснял самые разнохарактерные вопросы грамматики, методики, терминологии. В одном из своих писем по вопросу обучения детей он пишет: “Бывает, что иногда трудности в обучении возникают не по вине учебника, а по вине самого учителя. Поэтому ваши претензии рождают во мне сомнения, ибо другие учителя не говорили о подобной трудности. Напишите: как вы проходили их, с чего начинали, на что опирались, чего искали, как упражнялись и чем закончили?! Какие были трудности и почему они были? Напишите обо

всем, если убедите, я не стану упорствовать, сложу оружие”. Так беседует профессор педагогического института с одним из сельских учителей.

Имя профессора Кудайбергена Куановича Жубанова в свое время было популярным среди казахской интеллигенции, особенно среди работников просвещения. Как замечательного ученого-лингвиста его знали лично и ценили такие видные русские советские тюркологи, как С.Е. Малов, К.К. Юдахин, А.К. Боровков, А.Н. Самойлович, И.И. Мещанинов и другие.

Являясь чутким, отзывчивым товарищем, человеком чрезвычайно скромным, он в то же время был строгим и требовательным наставником молодежи и студенчества. Он заботливо проникал во все уголки культурной жизни республики. Везде — среди работников науки, искусства, литературы К.К. Жубанов был уважаемым человеком. Он заслуженно пользовался авторитетом как профессор и заведующий кафедрой казахского языка пединститута им. Абая, как руководитель учебно-методического совета Наркомпроса Казахской ССР, где концентрировались все вопросы обучения и воспитания, как заведующий лингвистическим сектором Казахского филиала Академии наук Союза ССР. В истории казахского советского языкознания Кудайберген Куанович Жубанов занимает видное место как автор монографического труда по казахскому языку и один из первых составителей школьной программы и учебника по родному языку. Много сделал он и в подготовке кадров по казахской филологии. Ряд известных языковедов нашей республики законно считает себя учениками К.К. Жубанова.

Наряду с научно-педагогической деятельностью К.К. Жубанов вел активную общественную работу. Он проявлял большую инициативу в проведении научных конференций, посвященных таким выдающимся деятелям прошлого, как Фирдоуси, и сам выступал с содержательными докладами. В 1935 году он был избран председателем оргкомитета съезда работников культурного строительства в Казахстане, где выступил с докладом. В 1935 году К.К. Жубанов был избран делегатом от Казахстана на XVI Всероссийский съезд Советов, где произнес пламенную патриоти-

ческую речь о культурном уровне Советской Татарии, что стояло на повестке дня съезда.

К.К. Жубанов был членом Коммунистической партии Советского Союза, членом Центрального Исполнительного Комитета Казахской ССР. Он был и остается одним из основоположников казахской советской лингвистической науки.

ЖАЗУШЫНЫ ЖАУАПТЫ ОЙЛАР БАСТАСЫН! (1959 ж.)

Бүгіндер біз, Қазақстан жазушылары, кезекті съезіміз – IV съезд кезеңіне келдік. Алдыңғы съездер тәрізді тарихтық кезекті жиылыстардың бірі десек те, бұл съездің көп жөніндегі орны, орайы өзгеше.

Біздің съезімізден бұрын арқа сүйер зор таянышы тәрізді партияның XXI съезі болып өтті. Алдымызда Бүкілодақтық жазушылар қоғамының III съезі тұр. Қатарымызда барлық туысқан бауырлас әдебиеттердің кезекті съездері әр тараптан үн қоса, ұран біріктіре іздене отырып, өрлей өсу сапарында қабырғаласа келеді. Өз әдебиетіміздің әрі ұлы одақтық, әрі республикалық мақсат-мүдделерін, міндет-талаптарын алсақ, бүгінгі шабытты табыс үстіндегі қозғалысымыз бейне бір бар тобымызбен өзімізді өзінше үлкен кемедей сезіндіреді. Болжалы солай, біз бір үлкен жол тартып келе жатқан кемеміз. Бұл кеме жақын келешек, жарқын болашақ – жетіжылдық игі сапар кемесі дер едік.

Сол жөнінде осы съезге жеткен қалпымыз, съезден былайғы барар аңғар бағытымыз: бар ісімізді сол игі сапар талабымен шендестіре өлшестіруге себеп болсын. Табысты тануымызда, олқылықты өлшеуімізде, алдағы зор міндеттер мен талаптарды барлап бағыттауымызда әрбір жеке жазушыны да, барлық жиын-тобымызды да жауапты ойлар бастасын! Ол жауапты ойлар – XXI съезд бар Отанымызға, халқымызға ортақ етіп тудырып берген ұлы нысаналарға жауап ұрарлық ойлар болсын. Бірлескен күштеріміз, достықпен тоғысқан тілек-талаптарымыз бәрімізді де шабытты, кенеулі кемел ойдың, өнерлі кең ойдың, әсіресе жауапты ойлардың өріне қарай бағыттасын! Съездегі бар мінез, сөз, өрістер осы аңғарда жоғарыда аталған әдебиет кемесін партия мен халық,

тарих бағыттап отырған жақсы жағаға жеткізетін болсын. Съезд көтерген ту — қазақ совет әдебиетінің коммунизмді құру жолындағы ырысты сапарының туы. Бар жазушы тобымызды да, әр жеке шабытты еңбегімізді де жұртымызды шынымен толық сүйсіндірердей жемісті табыстар көркейтсін.

БҰЛ КҮЛКІГЕ ДӘН ЫРЗАМЫЗ (1959 ж.)

Қалтай Мұхамеджановтың тұңғыш талабы татымды комедия тудырды демекпіз. Тегі, күлкінің жөн-жосығы, алуаны мол екені көпке мәлім. Жакынды қуантатын күлкі, жатты суалтатын күлкі бар. Сорақыны – мұқату, келеңсізді – келемеждеу әр саты, әр сыпатты күлкі жайларын аңғартады. Мына комедия күлкісінің сыр-сыпаттарынан әр алуан ой саларлық қасиет көрінеді.

Сапардың сорақы сұмырай мінез-қылығына арналған күлкі – көрушіні жамандықпен жалғаса алысып, соны жоюға мегзейтін күрескер күлкі. Марфуға, Арыстан тәрізді жеңілтек, сұйық, көңілсіздер сыпатына арналған күлкі – көңіл ашар, зілсіз күлкі. Айналамызда әлі де жиі ұшырайтын Жұпардай өсекші әйелдерге арналған күлкі – мысқыл, мазак күлкісі.

Осылайша бір шығарма көлемінде бірнеше сорақы, келеңсіз тұрпайы мінездерге арналған күлкілердің бәрі де қонымды, орынды, әсіресе нанымды сезіледі. Бұл комедия сол қасиеттері бойынша елеулі шығарма боп қалыптасқан. Айтар сөз аз емес болғанда, орын тарлығынан, әзірше тек алғашқы, сүйсінген ғана көңілді білдіреміз.

Жас жазушы Қалтай “бұл жанрда алда да өнімді өріс табады” деп нық сенгіміз келеді. Себебі күлкісінің бәрі де шынайы күлкі, көрерменді қытықтап күлдіргендей, зорлықпен езу тартқызатын жасанды, жұқалаң, тұзсыз күлкі емес. Шын күлесің де, сонысына сүйсінесің.

Тек қана бір кезеңде комедия сәл “әттегене-айды” айтқызатын жәйі бар тәрізді. Екінші актының екі суреті бойында Марфуға мен Арыстандардың келеңсіз, жеңілтек берекесіздігіне күлудің орны молырақ боп кеткен. Тегі, бұлар мінездерінің бергі бетінде тұрған келеңсіздіктер олардың

міні болса да, шыны емес. Тек тоғышарлық. Құр ғана қазақ тілін шала шөлдіріктеумен күлкі тудыру, өз өлшеуі мен мөлшерінен аса қалса, тапқырлық болмай, сәлден соң татымалдау боп кетеді екен. Олардың осы сыпатына арналған күлкіні азайтыңқырап, анау, түбегейлі тақырыпқа, түпкі арқауға арналған сырлы сатира, зілді сықақ көбірек орын алса, ондырақ болар еді.

Бірінші акты мен үшінші актыда өте жақсы тарайтын сол тақырып, екінші актының тұсында да үзілместен соқталы жотасын жақсы көрсетіп отыруға тиіс. Берідегі арзандау күлкінің шымылдығы астында кетпеуі керек. Бұл тәрізді азғантай сөзді тек пьесаға арнағандықтан, артистер ойынына арнаулы сөз айтпадық. Айта қалсақ: “Сапарды сынап ойнайтын Сүртібаевтің көзі-жүзі бірдей өнерлі енбек танытты. Марфуғада Шолпан талантының қызықты бір қыры танылды. Арыстан ролінде Мәмбетов те қымбат қасиет танытты. Жұпар ролінде Хадиша тамаша сүйсіндірді” дер едік.

Қысқасы, бұл комедия – қызғын-қырғын күлкіге қарық кылған анық талантты табыс. Жазушы Қалтайға және әрі режиссер, әрі қызықты артист сыпатында жақсы көрінген жас талант Мәмбетовке “осы бағытта өрлей өсуге жол болсын!” айтамын.

СӨЗДӨР

СТЕНОГРАММА ПЛЕНУМА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА 30 НОЯБРЯ 1949 ГОДА

Пленум открывает вступительным словом тов. Ауэзов.

Товарищи! Прошел год со времени предыдущего, последнего пленума нашего Союза. Я позволю себе очень коротко напомнить вам о тех важнейших событиях и фактах литературной жизни, которые имели самое непосредственное, самое ближайшее отношение к жизни нашей казахстанской писательской организации.

Первым, в хронологической последовательности, событием этого порядка явилось обсуждение проблем о состоянии и перспективах развития казахской советской литературы на Декабрьском пленуме Всесоюзной писательской организации.

Вторым, громадным и, в подлинном смысле, историческим событием явилась декада казахской литературы, проведенная в Москве, когда за много лет наша литература и, кроме нее, весьма серьезно, охотно помогавшее ей наше искусство, войдя на всесоюзный смотр со своими последними достижениями, и в целом получили высокую оценку на этом серьезнейшем испытании наших сил и возможностей.

Памятно не только нам, писателям, но и всей культурной общественности нашей республики, так участливо, близко принимающей к сердцу все наши удачи и неудачи, какую незабываемую заботливую и дружескую помощь оказала нам общественность нашей великой, горячо любимой нами столицы, Москвы.

Мы чувствовали вдохновляющую, окрыляющую нас повседневную поддержку ЦК ВКП (б) во главе с величайшим

другом всей советской литературы товарищем Сталиным. Как на пленуме, так и на декаде, нам оказали неоценимую братскую помощь наши друзья русские писатели в лице руководителей всей писательской организации Союза, также в лице многих крупных, ведущих писателей Москвы.

Все они явили достойный пример заботливо требовательного, искренне дружеского отношения к казахской литературе, явили пример, как истинные носители и выразители наилучших идейных, моральных и художественных традиций самой передовой в мире русской советской литературы.

Колоссальную, идейно-направляющую, повседневно-организующую помощь, как во время подготовки к декаде, так и во время проведения ее в Москве, оказали нам наш Центральный Комитет Коммунистической партии большевиков Казахстана.

Мы, писатели, хорошо помним о том личном внимании и о той непосредственной помощи в дни декады, которую оказывал нам руководитель большевиков Казахстана — товарищ Шаяхметов. Помним о помощи, которую оказывал нам секретарь ЦК товарищ Омаров и все наше правительство в целом.

Пусть не затуманят наши головы успехи нашей декады, достижения ваши, но припомним и о том, что помогли успеху декады и честный труд, и серьезные итоги этого труда, проявленного всем творческим коллективом наших писателей в областях поэзии, прозы и драматургии.

Товарищи!

Я напомнил вам об этих фактах и обстоятельствах, сопутствовавших им, не для того, чтобы еще раз подчеркнуть и выпячивать наши успехи и достижения. Они за нашим коллективом. Их никто не намеревается сбрасывать со счетов истории нашего литературного движения. Но я напомнил о них, главным образом, потому, чтобы каждый из нас в отдельности и все участники настоящего, только что начинающего свою работу пленума в целом, еще и еще раз вспомнили о том, сколько обязательств и ответственности привезли мы с тех наших поездок в Москву, с того знаменательного смотра, на котором мы были. Итоги и вытекающие из них последствия не позади нас, не за нашими плечами, а

они идут повседневно, рядом с каждодневным нашим трудовым процессом, идут рядом с тем литературным процессом, в целом за состояние и качество которого отвечаем все мы, без исключения, отвечаем коллективно и порознь.

Сейчас перед нами, со всей своей огромной важностью, стоит один основной вопрос — это вопрос о нашей писательской, творческой ответственности за те высокие признания, за то чуткое внимание, за ту дружескую, деловую помощь, которые оказаны нашему отряду советских писателей и со стороны общественности Москвы, и со стороны нашего республиканского руководства партии и правительства. А понятие подобной ответственности для писателя партийного и непартийного большевика вмещает в себя множество обязательств, каждое из которых равноценно смыслу жизни.

Исходя из этого, я еще раз возвращаюсь к вопросу о наших исключительных обязательствах, которые мы взяли на себя нашими, упомянутыми выше, успехами, достижениями. Мы привезли из наших поездок в Москву, вместе с признаниями, и вытекающие из них дальнейшие ожидания и требования нашего народа к еще большему подъему, еще большему преуспеванию нашей литературы.

Если эти наши обязательства вытекают, с одной стороны, из недавнего пройденного, то еще больше они усиливаются и возрастают также и из задач перспективных, где мы ожидаем вместе со всей нашей страной или со всей нашей республикой выдающихся исторических дат в ближайшем будущем.

Мы приближаемся к семидесятилетию товарища Сталина, к дате, которую достойно воспеть — значит совершить знаменательный творческий подвиг, поднимающий творчество не только отдельного поэта, писателя, но поднимающий уровень литературной культуры всей республики.

Еще в пятидесятом году мы встречаем тридцатилетие нашей республики, отмечаем великую дату, с которой 30 лет тому назад начался золотой век возрождения и расцвета нашего народа под знаменем Октября, под солнцем ленинско-сталинской национальной политики.

Таким образом, и все значительное предшествующее, и все знаменательное предстоящее, в сумме, определяют особым образом задачи настоящего нашего пленума. Как

вам известно, у нас на повестке только один вопрос — о состоянии и задачах нашей критики.

Как никогда, быть может, раньше, для нас сейчас важно поднять уровень и качество нашей критики. Важно не только потому, что до сих пор так сильно отставала и отстает критика у нас, потому нужно вдохнуть в нее жизнь и затем поднять ее как самостоятельный ведущий жанр нашей литературы. Важно еще, главным образом, потому, что она должна приходить нам, писателям, в помощь повседневно и перспективно в предстоящем нашем новом творческом подъеме.

Не успокоилась ли наша организация в целом или отдельные члены ее на достигнутом со времен декады? На каких наших новых достижениях и на каких именно качествах их мы можем сделать для организации новые объективные, полезные выводы? Какие писатели отстают от темпов и требований жизни нашей страны и как должны помогать им и вообще всем нам, большевистская, справедливая, требовательная товарищеская критика в данный момент?

В какой степени мы успешно овладеваем методом социалистического реализма, овладеваем необходимой степенью литературного мастерства, даем новое в утверждении и обогащении на новом этапе национальной формы, в обогащении нашего литературного языка? Насколько успешно идет творческое, самостоятельное освоение наилучших традиций русской классической и советской литературы?

Все эти вопросы — суть важнейшие проблемы нашего роста: пленум в праве ожидать от доклада тов. Муканова и из выступлений писателей и подготовки этих проблем и ответа на них. Все упомянутые вопросы составляют центральную определяющую задачу всей советской критики. Потому они и стоят в центре обсуждения проблем критики в Москве, будут стоять и на предстоящем пленуме Союза писателей СССР.

На этом пленуме в целях усиления и развития критики у нас должны быть правдиво, объективно сурово, нелицеприятно вскрыты и названы недостатки, присущие как многим из нас, так и каждому писателю в отдельности. Мы не должны, не имеем права быть нетерпеливыми, обидчивыми к справедливой, дружеской критике. Но должны понимать

голос правды, указывающий на наши недостатки в отношении идейного содержания, в отношении художественного качества, недостаточности мастерства, в отношении наличия схематизма, натурализма в наших произведениях как произвол критики. Нужно помнить мысли Белинского о том, что “произвол критики уже не может убить хорошей книги и дать ход дурной...”

Как поставленная на ответственных литературных совещаниях в Москве во весь рост проблема мастерства, художественного совершенства советских произведений во всех жанрах, так же и на том, указанном ЦК ВКП (б) уровне, мы должны судить о наших задачах качественного подъема нашей литературы.

Мы должны при этом исходить из требований искусства, требований, сформулированных Беским: “Искусство имеет свои законы, без уважения которых нельзя хорошо писать”, еще неоднократно повторенных им указаний... “невозможно безнаказанно нарушать законы искусства”.

Мы должны в каждом нашем серьезном, самокритическом, требовательном к себе самому и к сотоварищу-писателю выступлении помнить и руководствоваться мыслями основоположников марксизма-ленинизма, мыслями Ленина, великими указаниями товарища Сталина. Должны помнить о заветах А.М. Горького. Должны вспомнить с глубоким сознанием их смысла высказывания товарища Жданова, который писал: “Быть инженером человеческих душ — это значит активно бороться за культуру языка, за качество произведений”, которые наставляли бы советского писателя на неустанную работу над собой, над своим идейным вооружением в духе социализма”.

Пусть наш пленум пройдет под неизменно верным и высоким требованием — “создать произведения, отвечающие требованиям культурно выросших масс”, как сказал товарищ Жданов.

И мы, вместе с ним, стократ повторим для себя о том, что нам нужно высокое мастерство художественного произведения и мы обязаны создавать творения высокого мастерства, высокого идейного и художественного содержания.

Только следуя этим, испытанным на деле, мудрым указаниям партии Ленина—Сталина, мы создадим произведе-

ния, достойные эпохи нашего великого вождя, учителя и друга советской литературы – товарища Сталина. (*Громкие аплодисменты.*)

Тов. Ауэзов:

Теперь разрешите Пленум Союза советских писателей Казахстана объявить открытым.

Товарищи! Предлагается вашему вниманию следующий регламент работы пленума:

Во-первых, о рабочих часах нашего пленума.

Начало утренних заседаний – в 11 часов утра, перерыв на обед в 4 часа дня. Начало вечерних заседаний – в 8 часов вечера, прекращение вечерних заседаний – в 11 часов ночи.

Окончание работы пленума – 2 декабря – на вечернем заседании.

Имеются ли замечания по этому регламенту работы? (*Нет.*)

Следующая часть регламента – о времени для доклада и выступлений в прениях.

Предлагается: для доклада дать два часа, выступление в прениях – 20 минут, для справок – 5 минут. Перерыв после каждых двух часов работы – 10 минут.

У кого есть замечания по этому регламенту? Если замечаний нет, то принимаем. (*Замечаний нет, принимается.*)

Тогда приступим к повестке нашего пленума. У нас, как вам известно, на повестке дня один вопрос – “О состоянии и задачах критики казахской советской литературы”.

Слово для доклада по этому вопросу предоставляется председателю президиума Союза советских писателей Казахстана – товарищу Сабиту Муканову. (*Аплодисменты.*)

(Доклад на казахском и русском языках)

**СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ УЧЕНОГО
СОВЕТА ИНСТИТУТА ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ АКАДЕМИИ НАУК
КАЗАХСКОЙ ССР
9 ноября 1951 г.**

(Л.З.) Вопрос (Ауэзова): На 5-й странице написано: не указаны орхонские надписи.

Н.С. Смирнова¹: Можно будет уточнить перечислением всех памятников. Там не конкретизировано.

Вопрос (Ауэзова): Почему у Вас выпали пастушеские песни? Их много. Это в отношении становления литературы казахского языка очень важно. Это нужно потому, что терминология, образы связаны с животноводством.

Дальше, на 9-й странице назван феодально-аристократический цикл о Едиге и его потомках. О Едиге, может быть, сказать нужно, но стоит ли вводить Чингисхана?

Н.С. Смирнова: Пастушеские песни есть во всех периодах. Я думаю, эта тема не будет разрабатываться широко. Я представляю себе, что когда авторы будут писать о феодальном фольклоре, то в числе других имен упомянут имя Чингисхана, Едиге, не останавливаясь на них монографически. О чингизидах упоминать надо потому, чтобы раскрыть классовую суть феодально-аристократического эпоса.

Тов. Ауэзов: На 3-й стр. сознательно ли Вы ограничились двумя именами казахских просветителей, освещая принцип исследования казахского фольклора в казахской литературе? Ведь казахский фольклор — это основное в казахской литературе. Казахская литература широко пользуется народным творчеством. Почему Вы не добавляете пункт

об использовании устного творчества писателей советского периода?

(Л.4.) Тов. Смирнова: Это правильно. Нужно добавить пункт.

Тов. Ауэзов: В разделе сказок будет у нас три или четыре периода? Я потом по этому поводу выскажусь, но один главный пункт моих расхождений в отношении программы таков: куда Вы эти самые сказки отнесете? – Проникновение многих сказок. Сказки “Тысяча и одна ночь”, сказки попугая, в какой проникли в казахский фольклор? В целом программа зрелая и хорошо продумана, но не везде точны отдельные моменты.

Тов. Смирнова: Они будут отнесены к XIX в. У нас там они уже есть, но надо только раскрыть это, указать названия сборников.

Тов. Ауэзов: В отношении “Айман – Шолпан”. Ваша характеристика не совсем правильна (*читает*). На самом деле “Айман – Шолпан” критикует феодала. Поэма оправдывает девушку, которая стала достоянием межродовой борьбы, она восхваляет ее смелость и решительность. Вы не сказали, что это народное, но что это антинародное – сказать трудно.

Вопрос: Почему “Кыз Жибек” у Вас нет?

Ответ: Я еще не конкретизировала программу в проспекте. “Кыз Жибек” будет включена с оценкой не социального содержания и среды при развертывании программы в проспекте.

Вопрос: “Кыз Жибек” вовсе упустили. Это как раз относится ко второму периоду.

Ответ: Это как раз не феодальные отношения. Это уже начало распада феодальных отношений.

Тов. Ауэзов: Вот пока все.

Тов. Смирнова: Еще какие предложения будут в отношении второго проекта?

Тов. Ауэзов: Программа русского фольклора, полученная нами, разработанная кафедрой русского фольклора МГУ, имеет всего 21 страницу. Я думаю, что наша программа шире, чем та программа, она более детализирована. Сейчас по этой программе можно действовать. Следует теперь

указать литературу по этим разделам. Это не трудно будет, так как проспект уже на 60% составлен. Я считаю, что здесь уже есть около двух печатных листов. Кроме тех отдельных замечаний, в целом по программе я больше ничего не имею.

(Л.5.) Вот о четырех периодах можно спорить. Программа по русскому фольклору построена по трем периодам, причем, какой огромный период охвачен в первом – с древних времен до начала развития капитализма в России. Здесь охвачено 10–12 веков одним периодом для того, чтобы не повторяться. Потом – второй период – с 60-х годов XIX века до советского периода. Так ясно и отчетливо выступают различия. Они там выдвигают рабочий фольклор, но и фольклор двух периодов тоже остается. Здесь может быть спор методического порядка – XVI и XVIII века Вы выделяете. Можно было бы считать это периодом начала разложения феодализма. Можно было бы считать это одной формацией. Но о XVIII веке? Что на XVI век вы дадите, что на XVII-й век и что на XVIII в. дадите из нашего фольклора? “Кыз Жибек” или другое, или какой-нибудь айтыс, или какие сказки я отнесу к этому периоду? Например, волшебные сказки? Поэтому я предлагаю разделить на три периода, пусть наш процесс полностью не совпадает с теми тремя периодами, которые взяты для русского фольклора, но так будет лучше. У нас тоже много жанров, которые охватывают XIII, XV, XIX века, поэтому если мы разобьем на три периода, нам будет легче.

Сказки и айтысы мне будет трудно приурочить к XVI и XVIII векам.

Сказки могут быть отнесены к периоду начала существования Казахстана. Я предполагал к началу второго периода отнести... По Вашему первому проекту взяты сказки о Карымбае, сказки попугая, Бахтияра, это все входит, а теперь как с остальными? Если делим на четыре периода?

При делении на три периода мы могли бы сделать более убедительным подбор наших материалов, и не за горами время, когда мы могли бы добавить VI период, XVI и XVIII века выделить трудно и это будет довольно куцый материал. Значит, надо взять XVI, XVII, XVIII и XIX века.

Значит, период феодализма, период колонизации, период разрушения феодализма — все это назвать одной общей исторической формацией.

А в остальном программа основательно продумана и дает ведущие мысли и методологические и идейно-исторические установки четко и ясно. Здесь налицо связь с русским фольклором, с тюркским, здесь связь с историческими процессами, которые происходили в Казахстане, и поэтому программа может быть на первое время (л.6) удовлетворяющей нас программой, где представлены в различных жанрах богатые материалы о Казахстане.

Послевоенный период представлен очень суммарно. У вас в этом есть выход. Пока нет исторических материалов, не следует особенно детализировать, а в дальнейшем мы будем подбирать материалы и вносить уточнения, снабжая их новейшими фольклорными данными. Вот привезут данные о Караганде, о рабочем фольклоре, и потом на основании их можно уже будет конкретизировать.

Программа может быть принята.

Да, Нина Сергеевна, у Вас в первом варианте было о трудах товарища Сталина? А в этом есть ли?

Тов. Смирнова: Везде во всех вариантах было сказано и о трудах товарища Ленина, и о трудах товарища Сталина, в том числе и о работе “Марксизм и вопросы языкознания”.

(Л.7.) С места. Еще один вопрос: В программе говорится о зарождении этих элементов.

Тов. Ауэзов: Может быть, сказать “революционно-народное”, а не социалистическое?

Тов. Смирнова: Я имею в виду ленинское положение, что в период между революциями 1905–1917 годов произошло окончательное размежевание демократической и социалистической идеологии. В программе это указано не в отношении какого-либо произведения, а относительно общего процесса развития идеологии и культуры.

Тов. Ауэзов: Воплощение в художественной форме, которая могла бы быть названа социалистической идеологией, у нас все-таки найти трудно.

(Л.8.) Тов. Ауэзов: Мы уже на полном основании говорим о методах социалистического реализма везде. Тут будет специальная преемственность.

С места: Будем ли изучать путь советских народных акынов и если будем, то в какой период?

(Л.10–11.) Тов. Ауэзов: Я выскажу свои соображения. В тех высказываниях, какие сейчас М. Габдуллин изложил, это положение для меня не совсем убедительно, потому что то, что мы создадим в итоге нашей коллективной работы, если вспомнить критику, какая была на вузовскую программу, на историю русской литературы и древней русской литературы.

В наших вузах советскую литературу изучают только на последнем или предпоследнем курсе. Я помню высказывания писателей, которые говорили, что студенчество воспитывается, не зная советской литературы до последнего курса. Это требует не только того, чтобы мы не ограничивались изучением фольклора на первом курсе только до XX века. Этим мы, со одной стороны, механически разорвем процесс развития устного творчества, с другой, с точки зрения идейного воспитания студенчества, это будет политически неправильным, и поэтому как раз и было порочным издание Соколова, в которое не включался советский фольклор. А возьмите книгу Жирмунского об узбекском эпосе, в которую совершенно не включался советский период. Именно это, в числе других ошибок, и осудила наша общественность. С другой стороны, это будет очень искусственное деление. Тот же Джамбул, Нурпеис и другие (л.11) творили и до 16-го года, как можно их творческий путь пресечь. Настоящее звучание, полный расцвет они получили уже после 17-го года. Как же можно так изучать?

Что касается того, что советская литература должна их изучать, так советская литература должна их изучать как акынов, их отношение к устному народному творчеству.

Сулейман Стальский изучается в 9-х и 10-х классах как акын, раскрывая отношение Джамбула к устному творчеству казахской социалистической нации, устному творчеству казахского народа. Зачем же останавливать творческую пору расцвета, многообразие, пышное обогащение литературы, прерывая на 16-м году? Тогда как Джамбул назван акыном сталинской эпохи? Известно, что Джамбул творил устно, под аккомпанемент домбры, и это не умаляет его значения как строителя большой национальной социалистической

культуры, хотя его устное творчество должно идти в своем устном жанре.

Русский фольклор получил свое развитие с древнейших времен до советской эпохи и опускать эту эпоху нет основания, она не опускается в программах по русскому фольклору. Так же следует поступить и нам.

**Я ИМЕЛ УДОВОЛЬСТВИЕ
В ТЕКУЩЕМ ГОДУ ПОБЫВАТЬ
В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ...
(1960 г.)**

Я имел удовольствие в текущем году побывать в Соединенных Штатах Америки в составе писательской делегации нашей страны. Хотя за срок месячный, что называется, не объездишь, не объемишь такую великую, необъятную, многообразную и богатейшую всеми своими данными страну, тем не менее я вывез большие подробные записи в своем писательском дневнике. И на основе этих непосредственных впечатлений, наблюдений и связанных с ними мыслей, размышлений, замечаний и заключений – выступаю перед многообразной, большой аудиторией ученых, деятелей литературы и искусства и студенческой молодежи своей республики. Намереваюсь в ближайшее время поехать в одну из областей Казахстана, где встречу с нашими колхозниками, полеводцами, животноводцами, с рабочими и инженерами наших больших заводов, предприятий в этой области. Думаю и там рассказать обо многом, виденном мною в Америке. И я уверен в том, что сейчас в столице моей родной республики Алма-Ате, так и на местах, советский человек в массе своей будет слушать с огромнейшим интересом о жизни, труде, культуре американского народа. Все, что составляет наилучшие достижения современного человечества в середине двадцатого столетия как воплощение передовой цивилизации, как мирное творческое создание ума, познания, умения людей, народов нашего века, бескорыстно одобряется народами всего мира, простым человеком земли. Таковы наши советские народы, люди, высоко ценящие и великие свершения, происходящие в своей стране и в странах дру-

гих. Они высоко ценят лучшие достижения американской культуры, утверждающие собою общечеловеческую высокую цивилизацию, общечеловеческие победы над силами косной природы, как высокие принципы общечеловеческого оптимизма, гуманизма и т.д.

В этом ряду и было бы несомненно приятно душе каждого писателя, представителя каждого народа, если бы его книги, повествующие о жизни, быте, психологии его народа, книги, воплощающие в себе правду историческую, художественную о малоизвестных многим людям народах — были бы доведены до внимания читателей таких стран, как США.

Но, как я об этом высказывался во время встреч с различными деятелями США, к нашему сожалению, книги писателей многих народов Советского Союза, как и вообще книги советских писателей, переводятся, издаются очень мало для читателей США. Эту судьбу на сегодня делит вместе со всеми нашими книгами и мой роман “Путь Абая”, о котором, главным образом, высказался я в данном своем выступлении для уважаемых американских читателей.

Мухтар Ауэзов
1960 г., май

ВЫСТУПЛЕНИЕ КАЗАХСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЛАУРЕАТА ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ АУЭЗОВА МУХТАРА

(Дели, здание Вишай Бхаван, 1961 г. 24 марта)

Господин председатель, дамы, господа!

В этот вечер с этой трибуны каждый из нас стремится высказать часть своих мыслей, размышлений о Тагоре. И я хочу высказать здесь об особой и особенной счастливой судьбе великого поэта Индии.

Есть иные поэты, творческие личности и вообще творения, наследия которых вспыхнут яркой, но недолговечной жизнью. Они проходят для истории, как яркие метеоры, но угасают так же скоро. Но есть другие поэты, художники, чьи произведения долго, надолго светят на вашем небосводе и они сопутствуют вашей жизни, как иные светила, спутники в истории. Судьба Тагора подобна последней. В этом порядке стоит вспомнить о том, что Тагор, являясь сыном одного народа, ныне стал сыном многих и многих народов, являясь поэтом, пишущим на двух языках (бенгали и английском), он сейчас поет на двухстах языках, являясь человеком одной страны, Индии, сейчас стал гражданином всех стран, всех пяти континентов, являясь личностью одной исторической эпохи, он будет жить в долгих временах грядущих веков. Вот какая завидная, счастливая судьба у этого поэта!

Возьмем к примеру одну нашу страну – Советский Союз. С 1913 г. начал впервые издаваться Тагор в России на русском, грузинском, татарском языках. А за советское время до настоящего года его произведения изданы 180 раз общим тиражом 3 миллиона экземпляров на 18 языках народов Советского Союза.

Теперь же в связи со столетием его Тагор будет переведен, издан на 40 языках народов только лишь одного Советского Союза. Все это свидетельствует о том, что Тагор стал и становится таким же популярным и любимым поэтом — художником, как любой из классиков наших литератур.

В этом смысле хотя, к сожалению, я не читаю Тагора на языках бенгали и английском в оригинале, но считаю себя его наследником потому, что стихи, прозу его читаю на 5—6 языках народов моей родной страны.

Одно помню при этом, что Тагор, пришедший к народам моей страны, перейдя границы языков, рас, верований, вошел в любую семью, облагораживая материнство, окрыляя юность, умудряя отцовство, укрепляя великое чувство братства в народах в прогрессивном человечестве.

Перед светлой памятью такого великого сына индийского народа, я и склоняю свою голову.

ӘУЕЗОВТІҢ СӨЗІ

Көп сөздер сөйленді, көп пікірлер айтылды, мезгіл де кеш. Мен баяндамада көтерілген мәселелердің менің шығармаларыма соғатын жерлері бар. Сол жайлы айтылған сынды қарсы аламын.

Осында қойылған мәселелердің одақтық әдебиет көлемінде, соңғы уақытқа дейінгі фольклористика ғылымының веселовщина мен марризмнен арылғаннан кейін осы мәселе қай жерде қалай көтеріліп жатыр, соны теория мен ғылыммен байланыстыра шешу тұрғысынан сөйлеу керек. Осы тұрғыдан даулы болған нәрселерге айтылатын пікірім өте көп. Бірақ жиылыстың аяғы тақаған кезде, осылардың бәріне тоқтамай-ақ, ұсыныс ретінде бірқатар мәселелер айттайын деп отырмын.

Бүгінгі жасалған баяндама көптен естіген баяндамалардың ішінде ойланып жасалған баяндама болғандықтан, көп жерін дұрыс деймін. Бұл баяндаманың бір жеріне біреулер дау айтып жатыр, көбісі достық ретінде ойландыру үшін айтып жатыр. Тарих талдайды да талғайды, сын саралайды. Осындағы сөйлеушілер эпос мәселесіне, тарихи адам басына арналып жазылған шығармалар, пьесаларды өңдеу, жөндеу деген жазушылар тарапынан бола бермек, біз тірі жазушымыз. Күнде түлеп өсіп келе жатқан театр коллективі бар. Осындай ілгерілеген қауымы бар ортада мұндай мәселелерді қарағанда, бір жақтан сүйрей шығу деген сау, таза болу керек. Біз сол шығармалардың бәріне биылғы жылдың тұрғысынан қарауымыз керек. Биылғы жыл салт-сана, идеология майданында көп қателікті ашқан жыл. Партияның басшылығымен Мұрат, Бұхар, Шортанбай туралы айтқан қаулылар мен сындарды ұмытуға болмайды. Бүгінгі мұра дегенге сақтықпен қарау дегенмен бірге, кешегі партияның сындарын еске тұту керек. Бір нәрсені қорғап,

сақтап қалайын деген ниеттердің барлығы керексіз нәрсе болады. Ойланған жазушыға, композиторға, режиссерге дұрыс пікір беру керек. Негізінде сындардың көбі дұрыс. Сол айтылған сындарға алғыс айтамын.

Бұл сын айтылған шығармаға біздердің, жазушылардың, түсіп тұрған күні аз ғана. Ол шығармалармен Әуезов болсын, Мүсірепов болсын, Мұқанов болсын күні осы шығармаға ғана түсіп тұр деп түсінбеу керек. Біз тірі жазушылармыз, тірі жазушылардың шығармаларын өсіп, түлеп өсіп келе жатқан коллективі жөндеуге, сынауға мүмкіншілігі бар. Творчестволық табаны берік, мықты адамдар осыны істеу керек, жасқану деген орашалақтық болады.

Драма театры үшін, опера театры үшін ертеден жазып келе жатқан кісі едік. Басы ашық “Кенесарыны” былай шығарып қоямыз. Бұдан басқа нәрселерді алғанда, “Еңлік – Кебек”, “Айман – Шолпан”, “Қобыланды”, “Бекет”, “Абай” – осы сияқты алты-жеті нәрсені қалай ұғыну керек. Менің бірқатар шығармаларымды театр тастағысы келмейді. Тастамаулары да жөн. Сол шығармалардың 70 проценті жөндеуге келетін болса, сол шығармаларды қайта-қайта жеке-жеке обсуждать ету керек деймін. Бірнеше шығармаларды бөліп шығару керек. Сол бөліп шығарылған пьесаларды театр коллективі мен управление жиылысқа қоюы керек. Сол пьесаларды қалай түзетеміз дегендей.

“Еңлік – Кебек” пен “Абайды” жеке обсуждениюға қойса.

Осы “Абай” пьесасы туралы Сәбиттің басқа сынын қарсы аламын ғой. Бірақ Абай пьесасымен “Абай” романы, “Абай жолы” романын қоса салуға болмайды. Бұл жерде артығырақ айтып жіберді білем. “Абай” романында орыс адамы шешілген жоқ дегені дұрыс емес. Абай өзі, Әбдірахман да орыс келмей-ақ өзі шешіліп отырады. Оның ішінде алып келе жатқан мәдениеті, орыс мәдениетінің белгісі аңқып тұруы керек. Оны Әбдірахман, Дәрмендер арқылы көрсетуге болады. Қазақстанда болған оқиғаны Абай Некрасовты таныту арқылы шыққан шығарма. Пьеса мен романның арасында жазылуында 15 жылдай уақыт өтті. Биылғы жылы орталық газеттерде жарияланған мақалаларда, “Большевик Қазақстанның” үшінші номерінде “Абай” романынан орыс-қазақ достығы кең көрсетілген деген пікір

айтылған. Шығарманың өзгеруімен жазушының табысы, көзқарасы ауысып өзгеріп отырса керек. Романды пьесаның дәрежесіне апарып қоюға қарсымын. Пьесаның өзінде орыс мәдениетінің әсері деген Абайдың Россиямен жақындығын көрсету дегенді қарсы аламын. Пьесаны түзетуім керек, пьеса түзетілсе, либретто да өзгереді ғой.

Орталық Комитет Бюросының қаулысы бойынша пьеса романның ізімен жазылады. Опера үшін түзеп беруім керек те, ал пьеса қайта жазылуы керек. “Қобыланды”, “Айман – Шолпан”, “Еңлік – Кебекті” жөндеп беру оңай. “Бекетті” де өңдеу жеңіл. Екі Россияның төңірегінде, патшалықтың қойған аға сұлтанын өлтіріп, каторгіге кетеді, онда екінші Россияның өкілдерімен танысып, құтылып кеп, сол қайраткерлерден үлгі алып келеді. “Айман – Шолпан” театр коллективімен келісіп отыра өзгертуге болады.

“Қобыланды” эпосына байланысты әңгімелер, “Қыз Жібек”, “Қозы Көрпешке” байланысы бар әңгімелер жайында, біз жазба әдебиетке кеш келген елміз. Халықтың шығармасы, халық ортасында жүрген шығармаларда халыққа қас шығармалар да халық ортасында жүрген. Орыс әдебиетінің өзінде XV–XVI ғасырдан бері қарай үстем тап арасында, князьдар сарайына жазба әдебиет кірді. Сарай шежіресіне халық өзінше қарайды деп Горький айтқан. Дүниежүзіндегі ең демократшыл қасиеті бар эпос орыс эпосы деген. Орыс халқы өзінің эпосын үстем таптың идеологиясынан аман сақтап қалған. Орыстың еңбекші халқы саясаттан тысқары қалғандықтан сақтап қалған. Владимир Святойдың сарайында уәзір батыр Россияның жеріне келген шапқыншыларға қарсы өз Отанын қорғауда еңбек еткен, ерлік көрсеткен батыр болады.

Қазақта батырлық эпоспен қатар хандық эпостың бар екендігін бәріміз білеміз. Үстем тап өзінің салт-санасын өзінің шығармалары арқылы халықтың ортасына, халықтың санасына сіңіруге тырысты. Бізге жазба мәдениет кеш араласқандықтан болған кемшілік деп білу керек. Міне, сол әдебиеттің халықтық әдебиеті қайсы, соны талғай білу керек. “Едіге”, “Қарасай-Қазы”, “Орақ-Мамай” жырлары да халық ортасына айтылып келді, ал бұлар хандық, бектік жырлар.

Биылғы жылдың сын көзімен қарағанда, сақтықпен сынай қарауды талап етеді. Халық аузында келгеннің барлығын халықтық деп айтуға болмайды. Добролюбов былай деген: “...”. Бек-шоралардың халық арасына сіңірген нәрселері бар, соны айыра білу керек. Үстем таптар әсер етіп, халық шығармаларына әсер етіп, жабыстырып жүргендері бар. Белгілі дәуір, Ноғайлы дәуірі деп, Ноғайлы дәуірінің эпосын қазақтыкі емес деп шығарып тастау деген ұсыныс жасаушылар да болған. Бүгінгі мәжілістің бағалы жағы – сол пікірді қайталамай, өскелеңдік түрде қазақтың халықтық қазынасын бағалауда да, оны сақтау жағында пікір айтылып жатыр, бүгінгі жиылыстың бағалы жағы осында деп білем.

Ноғайлы дәуірінде, Ноғайлының қоластына қазақтың көп рулары кірген. Сол дәуірде туған, сол дәуірге байланысты шығармалардың барлығын хан сарайының шығармасы десек, қандай көзқарасқа ауысқан боламыз.

Ноғайлы хандығына қарап тұрған кезде, қазақ халқы тудырған шығарма жоқ болды деген сөз боп шығады.

Бұл кімнің көзқарасы? Бұл, әрине, буржуазиялық жазушылардың көзқарасы.

Добролюбов айтқан: “.....”.

Бұл бүкіл орыстың эпосы солай деген. Орыстың эпосы татар игасына қарсы туған шығармалар. Ерге құштар болған заманда туған жырлары. XI ғасырда болған Владимир князьдің айналасына апарып қояды. Ноғайлы дәуірінің қиянаттарын қазақ рулары арасында батырлар жыры неге болмасқа.

Жаңа Әлкей, Ғабит айтқандай, тайпалық дәуірлер заманында шыққан жырлар, халықтық жырды бектік, сарайлық дәуір өзінше пайдаланғысы келген болуы керек. Қобыланды өзі хан болды, сарай батыры болды дегенді айтып жүр. Бұл жырлар Ноғайлы дәуірінен бұрын тарап келген жырлар, оны хан сарайы пайдалануы мүмкін.

Алтын Орда бектерінің жайында жырда талай адамның аттары қосылса, соның батыры, соның жыры екен деген дұрыс болмайды. Бұл жырлар қағаз бетіне XIX ғасырда жазылды, сонда жазғанда бай-феодал орта өзіне пайдаланып өзгертіп алмады деп кім айта алады. Әрине, бояуын жағып, исін сіңіріп келді. Осының қай варианты халықтық, қай варианты халықтық емес, міне, осыны айыра білу керек.

Мана Марғұлан сөйлегенде, зерттелген “Қобыланды” материалының басы Жанактан алынған, соңы Шөжеден алынған дейді. Бұлай деу дұрыс емес. Леонрод Кальваланы жырлайтын жырдың барлық вариантын жиып алып, салыстыра зерттеген. Ал “Манасты” да қырғыз солай зерттеп отыр. “Қобыланды” варианты туралы да осыны айтамыз. Марабай, Мергенбай варианттарында шабуылға қарсы кек алу үшін шабады. Халықтық вариант пен феодалдық вариант қатар жүріп келгендігін көрсетеді.

Марғұланның бір кемістігі, бір кісінің аты бір кісіге ұқсаса, сол деп кете береді. Қараманды қият деп отыр ғой. Бұл қият дегені, қасындағы көп қыпшақтың бірі кара қыпшақ, шашты қыпшақ дегендері емес пе! Әлкей, аты ұқсады деп апарып ана қиятқа қоса салуың дұрыс емес. Қараман, Қорен деген аттар жырларда көп кездесетін, жүре беретін аттардың бірі. Өткенде тағы осы, Әлкей, Сайын деген Батыйдың аты екен деген шолақ қорытынды пікір айттам деп, бірқатар жолдастарға қолжаулық тауып бердің. Жырда Сайын Бозмұнай деген шалдың баласы деп келеді ғой, жырда Жошының баласы еді дегенді бір вариантынан кездестірдіңіз бе? Жоқ. Екіншіден, ешбір хандық, бектік қуған да жан емес, Қобыландының атын бағып беретін ешбір жолдас, атшы емес, әйелі Құртқа ғой.

Бұл жырдың ішінде халықтық ұғымға жат жерлері бар. Халықтық вариантының ішінде де қайшылықтары бар. Міне, соларды айыра қарау керек. Сайын тентек, сотқар батыр боп шығатын жерлері бар, соны тани білу керек. Ноғайлы дәуірінде болыпты, ендеше бұл қазақтық жыр емес деген пікірді тастау керек. Бар жырды хан сарайы туғызды десек, біз буржуазиялық фольклористикалық көзқарасқа шығамыз. Халықтың өзінікін өзіне беру керек.

Өз пьесамда Қобыланды жайында ешнәрсе жоқ. Бұл менің пьесамды патриоттық үлгіде жазылған пьеса деп Глатюра украин тіліне аудартқан болатын. Пьесаның түзелетін жайларын түзетемін.

Ал, ұсыныс ретінде, өз шығармаларым жайында мынаны айтқым келеді: мынадай қате, мынадай кемшілігі бар деген пьесаларды атап, оны обсуждениюға салғанда мына екі нәрсе салынса деймін. Бірі – “Еңлік – Кебек”, екіншісі – “Абай”.

Бұл жөнде маған жәрдем берулеріңіз керек.

“Қыз Жібек”, “Ақан”, “Ер Тарғынды” шығарып тастау дегенге қосылмаймын. “Ер Тарғын” жайын жеке сөз еткенде, оны дәлелдеу қиын емес. Ер Тарғын хан сарайынан қиянат көрген халық ұлы. Ол халық ұлын Ақжүніс түсінген, сөйтіп барып халық ұлына қосылуы да халықтық вариант, халықтық жыр болуында.

“Қыз Жібектің” біз білген бір-ақ варианты бар. Ол Жүсіпбек Шайхисламовтың варианты. Бұл халықтық вариант деген дұрыс емес. Бұл кертартпа үлгідегі жыр. Бұл жыр Қыз Жібек пен Төлеген, Қыз Жібек пен Сансызбай осы екі желіге құрылған жыр. Сонда Төлегендей еркіндік, бостандық сүйген ұлды жақтамай, ата тілімен, ата батасымен жүрген Сансызбайды жақтап, Төлегенді боқ басында өлтіртіп отыр. Атаның сүйген ұлы Сансызбай етіп көрсетіп отыр. Төлегеннің аузымен Жібекке сен Сансызбайға тиесің дегізіп, Сансызбайға саған ақ семсер, көк тұлпар, арнап сауық соққыздым дегізіп, сен тоғыз жылдан соң іздеп барып, менен хабар болмаса, жеңгенді аласың дегізеді. Сөйтіп, әке батасын аттап кеткен Төлеген Бекежанның қолынан өледі де қалады. Бұл Бекежанның қолымен өлтіріп отырған тағдыр. Сөйтіп барып Сансызбайға Қоренді өлтіртеді, Сарыбаймен табыстырады, сөйтіп ата сүйген, құдай сүйген құлы Сансызбай деп қорытынды шығарады.

Бізде “Қыз Жібектің” басқа варианты жоқ. Халық аузында сақталғанның бәрін халықтың варианты деуге болмайды, тарих талдайды да талғайды. Ағасы өлсе – жеңгесі мұра, інісі өлсе – келін мұра дегеннен туғызған ақсақал дәуірінің ұраны. Бұл халықтық “Қыз Жібек” емес. Анық ақсақалдық дәуірдің туғызған жыры, қазақ әйелінің халі мен правосын жойған жырдың бірі деп білем.

Шаяхметов жолдас баяндамасында бес нәрсені атап кетті: “Қыз Жібек”, “Ақан сері”, “Қозы Көрпеш”, “Ер Тарғын” қайта қаралсын деп. Бұл жерде омырауға салып, бәрі халықтыкі деп өткізе салуға болмайды.

“Қыз Жібектің” халық варианты бар. Бұл жырды Жүсіпбек осы жақта шығарған жыр болса, неге бұл жердің іргелі рулары аталмайды? Ақжайықтың бойындағы Шектінің руының аталатыны несі? Бұл, әрине, сол жақтың жыршыларының жырлағанын дәлелдеді. Сол жыр бізге жет-

кеннен кейін феодал қоғамының ақыны өзгерткен. Соған біз де ере саламыз.

Искусство адамдарының жиылысында айтып едім. Біз маркстілдік-лениншілдік қағида бойынша алғанда творчестволық ретінде қайта жырлау түрінде ғана алып өтті. Енді халықтың вариантын тауып алып, қайта жазу керек. Өзгертудің де шегі бар, жөні бар. Бекежанды қаракшыдан апарып положительный етіп көрсету қиын-ау деймін. Ұлтан құлды да, сол сияқты Қодарды да жақсы адам етіп қоя қою тіпті келмейді. Тақырыпты ақырына дейін шеп қайшылығын әшкереле, позорный институтты шегіне жеткізіп әшкереле.

Құрманбек тексте жоқ “Ассалаумағаләйкүм, Алтын Орда” дегізіп қояды Шегеге және себепсіз жерде Төлеген өледі де қалады. Соның барлығына біз ере бердік қой.

Ғабит Қыз Жібектің өлеңінің соңғы екі ауызын ғана өзгерте салды ғой. “Өлгені Төлегеннің рас болса, Құдайым Қыз Жібекті неге алмайды” дегізіп. Басы сол жырдағы күйінде ғой. Бұл да сынамай алудың белгісі. Енді алғанда қатты сынап алуымыз керек. Өзімізге қатты талап қойып, театрға көмек етуіміз керек.

Ақан сері жайын, әрине, зерттеу керек. Ақан серінің басына жеке адамдардың қиянаты да болу керек. Бірақ реакционный консерватизмді қиялай-қиялай Шортанбай, Мұраттарды да ақтауға болады ғой. Ақанның:

“
...
...
...
... ”

деуі биографиялық шындығы емес пе?

Сіздер сүйіспеншілікті жырлады, халықты айтты Ақан дейсіздер. Кейбір сөздерін айтуға да қиын. Ақан әндерін қоя тұралық. Әндеріне арнаған өлендері не? Ақан барып тұрған индивидуалист, дарашыл акын. Упадничествоға түскен акын.

Райымбаев Ақанды Абаймен салыстырады. Бұл тіпті келмейді. Абайдың торығуы мен Ақанның торығуы бір емес, оны айыра білу керек. Бір қатарға қою тіпті де дұрыс емес. Ақанның тақырыптары: бір қызға ғашық болу, мына қызды, ана атты сүйеді — Бұл не? Ақан эстет дарашыл акын, буржуазияшыл эстет дарашыл акын, Тютчевтардың,

Федоровтардың шығармалары типтес. Осыны халықтық сипатқа жатады дейтін болсақ, буржуазиялық эстеттерді не дейміз?

Сәбитөзінің “Менің мектептерімде” Ақанды ешбір сынамай көрсеткен. Былтырдан бергі сыналған жайларымыздың ішінде осы да бар еді ғой. Бұхар, Мұрат, Шортанбайлармен қатар Ақан да жүрген. Сол қателіктерді түзеуге керек.

Халықтық мұраларды сақтау деген маркамен керексіз нәрселерді сақтап қалуға болмайды. Сал мен серіні ажырата білу керек. Сал – халықтық артистері есебінде, бұл Біржанның жолы. Ал жапа-жалғыз серілік құру, патшаның мұрагерлерінің ананы сүю, мынаны сүю дегендері сияқты, Ақанның буржуазиялық эстетикасын көрсетеді.

Ақанның әнін пайдалану керек. Ақан әндерінің бірталайы нотаға жазылмағандықтан, оны сан Ақандар қайталап айтты ғой. Мысалы, “Көкжендет” кімдікі? Осылардың атын атамай, халықтыкі деп жырлауға болады. Киноға түсіріп мадақтайтын адамдардың қатарынан Ақанды шығару керек. Қайталап сары жұртқа қайта конудың керегі жоқ. Тарихтық прогрестік ролі жоғары тұрған адамдарды жырлау, соны сахнада көрсету керек. Ақанды көп жағынан ойланып, талғап алу керек.

Ақан пьесасындағы мылқау образы – халық образы. Халықты мылқау етіп көрсету деген тіпті де дұрыс емес. Халықтың кеудесі толы кара күш, кернеген қарсылық еді, соны мылқау етіп көрсету дұрыс па?

Ақан жөнінде жалғыз Ғабит ғана емес, Сәбит де, мен де кінәліміз. Ақан өлеңдерінің жинағын соңғы жылдарға дейін көргеніміз жоқ еді. Қазақ әдебиет тарихының екінші томына әнші-ақындар бөлімін жазуға Әбетов деген ғылыми қызметкерге тапсырсам, сол жиып әкелген еді, соның ішінде Ақанды тарихи прогрестік адам деуге келмейтін жерлері бар. Сол жерлерін әшкерелеп көрсету керек. Біздің сахнада көрсетіліп келген Ақан – тарихи шындық Ақан емес, сондықтан жөнделіп көрсетілуі керек.

“Қозы Көрпеш” пен “Амангелді” жайында дау айтыла беруі керек. Қай кезде қай шығарманың дауы жоқ деп айта аласыздар. Гогольдің “Мертвые души” жайында да, тірі әкеп Гогольдің қолдарына берсе, сол шығармасынан несін қалдырар едіңіздер?

Қодар алданған адам, Қарабайдың 90 мың жылқысын шөлден аман алып шығып, Баянды алам дегенде ол берулі қыз болады. Қарабай қызым берулі деп Қодарға қашан айтқаны бар еді. Бұл жерде Қодарды Қарабай алдаған жоқ па? Қодар халықтың үлкен алып денелі Миколасы емес пе! Жер шаруашылығына айналысқан Микола геройы болса, бақташы елдің геройы Қодар емес пе? Қодарды осылай неге алмайды?

Шығармаға саяси үлкен қатесі болмаса, дау айта берулеріңізге болады, оны жөндеу, жөндемес жағын жазушының жауаптылығына қалдырады. Жастарға тәрбие беру жөнінде тарихтық халықтық қазына қайсы? Соны дәл-дәл айтып беру керек деп отыр, сондықтан қияламай дәл ашып беру керек. Турасы осы дегенді қою керек те, автор оған көнуі керек және соған қарап шығармасын өңдеуі керек.

Πικίρλερ

В ПРИЕМНУЮ КОМИССИЮ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Арфо Аветисовна Петросян является выдающимся деятелем научно-литературного фронта в нашей стране. Глубокий знаток одной из богатых и древних литератур нашей страны, как армянской, она в качестве историка литературы и критика уже много лет выступает на страницах крупных центральных органов печати по многим проблемным вопросам современного литературного движения, по вопросам истории и теории литературы, по поводу научного изучения наследия, в частности, и эпоса народов советского союза.

Будучи специалистом по литературам закавказских народов тов. Петросян одновременно прекрасно знает и литературы среднеазиатских республик: узбекскую, киргизскую, туркменскую и также казахскую литературу со всеми народно-теоретическими проблемами марксистско-ленинского освоения, осмысления литературных процессов прошлого и современности в упомянутых братских литературах. Ее теоретические, критические литературоведческие труды по общей проблематике литературы социалистического реализма широко известны литературной общественности всего Советского Союза. По своему уровню научно-критического мышления они отвечают многим серьезным и глубоким требованиям марксистско-ленинской эстетики применительно к конкретным фактам литературы, литературного процесса. На основе этих данных я смело рекомендовал бы тов. Петросян в члены Союза писателей, как достойного деятеля советской литературы.

*Писатель литератор Мухтар Ауэзов
1961, 10 февраля*

ОТЗЫВ О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ З.С. КЕДРИНОЙ

В русской советской критике З.С. Кедрина известна огромным количеством своих журнальных, газетных статей, напечатанных на страницах центральных органов печати, и несколькими самостоятельными книгами историко-литературных, критических исследований.

Благодаря указанным трудам, являющимся плодом тридцатилетней деятельности литературоведа, З.С. Кедрина приобрела известность среднеширокого круга читателей всех народностей Советского Союза.

Кроме своих критических исследований по русской литературе, она создала ряд книг и опубликовала большое количество статей, исследований и по литературам: казахской, азербайджанской, киргизской и т. д. За большую монографию о казахской литературе под названием “Из живого источника” по представлению Института мировой литературы З.С. Кедринной при защите ее диссертации на объединенном ученом совете гуманитарных институтов АН КазССР присвоена ученая степень кандидата филологических наук.

Так же как в работах о русской советской литературе, статьи, исследования З.С. Кедринной о литературных процессах в целом или об отдельных выдающихся фактах упомянутых братских литератур, всегда и неизменно обнаруживают одно положительное качество. Это высокий культурно-научный уровень критического, научного мышления их автора.

На основе этих, лишь вкратце названных, разносторонне плодотворных трудов т. Кедринной считаю вполне заслуженным и законным присвоение ей звания старшего научного сотрудника.

ОТЗЫВ НА КНИГУ И. КАРАКУЛОВА “У ИНДИЙСКИХ ДРУЗЕЙ”

На юге, Гималаями, лежит Индия — большая, дружелюбная страна. В свое время мне пришлось провести там несколько недель, и я полюбил народ Индии, простой и добрый. Поэтому мне особенно приятно рекомендовать читателям книгу профессора И. Каракулова “У индийских друзей”. Его книга — результат поездки в Индию в декабре 1959 года в составе советской делегации под руководством академика Н.В. Цинина. Это — доброжелательный и честный труд человека, который искренне стремится понять нелегкий, сложный путь Индии к свободе, рассказать о тех радостях и заботах, которыми живет ее народ в трудной борьбе за экономическую независимость и материальное благосостояние.

Профессор Ишанбай Каракулов, будучи в Индии, много видел, много сумел подметить внимательным глазом взыскательного друга. Об этом он рассказывает в своей книге живо и увлекательно.

Дружба народов создается не декларациями. Она складывается из множества пусть маленьких, но конкретных дел. Мне кажется, что книга “У индийских друзей” войдет небольшим, но весомым кирпичиком в величественное здание советско-индийской дружбы, которое вместе со всеми советскими людьми активно строит и казахский народ.

ОТЧЕТ О ПРОДЕЛАННОЙ ГОДИЧНОЙ РАБОТЕ АСПИРАНТА ВОСТФАКА САГУ АУЭЗОВА МУХТАРА

Аспирантом Востфака я работаю с I/III-1929 года. Этот первый год аспирантуры моя работа протекала по двум направлениям. Одно из них — продолжение учебы, дальнейшее углубление полученных за время пребывания в университете предварительных знаний. Другое заключалось в опытах более или менее самостоятельных исследований с применением изучаемых мною научных методов анализа, по линии своей специальности.

Причем, работа в первом смысле для меня, как будущего специалиста по истории литературы среднеазиатских тюрков, в частности по истории литературы казахской, киргизской, распадается на две отрасли, с одной стороны, как основное задание — изучать в историко-литературном плане литературные факты у казахов, киргизов, узбеков, туркмен и татар, с другой стороны — изучать в порядке дополнительного задания необходимые для моего предмета языки и углубить свои знания в области общего языкознания, как смежной для литературоведения научной дисциплины.

В осуществление этих общих заданий мною за год проделаны следующие работы:

1) По изучению литературных фактов.

а) изучены большие и малые формы распределенных мною по жанрам на отдельные исторические эпохи образцов казахско-киргизской литературы.

Причем большое внимание мною было уделено за истекший год казахско-киргизскому эпосу.

в) изучена более или менее систематически новейшая узбекская литература: изучена не систематически, только в лице важнейших представителей, татарская литература.

Кроме того, по заданию моего руководителя М.Ф. Гаврилова, мною собраны образцы джагатайской литературы с диванов Ходжа Ахмеда Яссави, Навои. Интересует специально вопрос о тюркском эпосе, некоторые переводные эпические произведения (как “Шахнаме” и др.) и отделы народного эпоса туркмен и османских.

В последующем году в связи с расширением по персидскому и арабскому языкам, предполагаю заняться систематическим изучением всей и туркестанской литературы.

2) По изучению языков.

В настоящее время я изучаю персидский и турецкий языки, без которых мне, как казаху, были бы непонятны образцы джагатайской и азербайджано-турецкой литературы.

3) По получению необходимых теоретических по общей лингвистике и по углублению своих знаний в области литературоведения и методологии, и исторической поэтики — веду работу путем систематического чтения новейших исследований на русском языке. И в области литературоведения за истекший год больше занимался над изучением историко-лит. исследований, монографий и методологических трудов социологов-марксистов, являясь сторонником социологического исследования литературных фактов, имею основной своей установкой изучение научных достижений соцшколы литературоведения по изучаемым мною литературам. Научное осмысление литературных фактов в свете последних достижений в европейской науке, доступных мне через русскую критику на литературу, — считаю отправным пунктом начинающих самостоятельных исследований. Данная программа частично осуществляется мною.

В настоящее время в вопросе об изучении казахско-киргиз. эпоса, в частности в отношении киргизской героической поэмы “Манас”. Свою работу о “Манасе” я мыслю в будущем как монографию, которая должна состоять из нескольких глав социологического анализа художественной конструкции и идеологической направленности данного произведения. За истекший год мною окончена I глава “О сказителях и слушательской среде “Манаса”, размером около 1 ½ печ. листа. Глава прочитана мною в н. г. на

одном из собраний научно-исследоват. кружка при Востфаке САГУ и была в свое время представлена на отзыв моему руководителю М.Ф. Гаврилову.

Кроме перечисленных работ по линии основной специальности веду постоянную работу в семинаре по “Научному социализму”, организованному для аспирантов САГУ при правлении САГУ.

Аспирант Востфака САГУ.
(Гос. архив г. Ташкента (ГА г. Т.),
ф. р. 38, опись 1, д. 336, п. 7, №8.)

ФИЛОЛОГИЯ ФАКУЛЬТЕТІНІҢ СТУДЕНТІ Д. ҚАСЕНОВТЫҢ ДИПЛОМ ЖҰМЫСЫ ЖӨНІНДЕ

Тақырыбы: “Әлжаппар Әбішевтің “Терең тамырлар” деген жинағы туралы”

Дипломдық жұмыс “Терең тамырлар” атты ұзақ әңгімені толық талдайды және осы жинаққа кірген “Саржан”, “Серт” деген әңгімелерді де тексереді. Соңғы бөлімшеде Әлжаппар шығармаларының тіл ерекшелігін талдайды.

Жалпы Әлжаппар шығармалары турасында жазылған, немесе ауызша баяндама боп айтылған тексерулердің бәрімен де ж. Қасенов толық танысып, мол пайдаланған. Әр бөлек шығарманы тексергенде сол өзінен бұрынғы айтылған пікірлерді пайдалана отырып, өз жанынан, өзіндік сын, талдау жүргізеді. Ұзақ әңгіме “Терең тамырларды” және “Саржанды” тексерген бөлімдерінде дипломдық жұмыс Қасеновтың әдебиеттік сынға ысылып, төселгенін аңғартады.

“Терең тамырлар” әңгімесін ол жалпы композициялық құрылыс жағынан және басты 5-6 геройлар образдарын дәлелді түрде талдау жағынан университетте алған мамандық білімін ақтайды. Әңгімелі шығарманы тілі, реалистік сипаты жақтарын тексергенде елеулі компоненттің бәрін де дұрыс ескеріп, ашып таныта білген. Тіл кемшіліктерін, адам бейнесін суреттеудегі нанымсыз натурализм, олқылық, олақтық жайлардың бәрін де орынды сынап шыққан. Сондай тексеруді жоғарыда аталған екі әңгімеге де орынды, қонымды етіп дұрыс таратқан.

Тексерудің кемшілігі, көбінше тіл-сөйлем құруда. Кейбір ойларын дәлелдеуі түсініксіз, ұзақ бұлдыр сөйлемге айналып кетеді. Кейбір сөздерді өзі ойлаған ойына қарсы

түрде қолданады. Мысалы, бір бөлімшесінің аты “Тіл көркемдігі” деп аталған. Ал тексеру жұмысының ішінде көркемдіктен тапқаны жоққа тән. Көркемдігі деп алып, бәрінша “көркем еместікті” дәлелдейді. Жалпы жинақ жайында дұрыс талап танытып, қатты сындар айтумен қатар, дипломант Әлжаппардың жазушылығын аса тұқыртып, жоққа сайғандай, қатты, катал байлау жасап кететін жерлері бар.

Осы тәрізді кейбір кемшіліктермен қатар, бұл еңбек бағалы дәлел, деректі боп жазылған. Сол қасиеттеріне орай “өте жақсы” деп бағаланса лайық деп білемін.

Жетекші – профессор М. Әуезов
1955 ж. 25 апрель. Алматы

ҚАЗАҚТЫҢ С.М. КИРОВ АТЫНДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІНІҢ ФИЛОЛОГИЯ ФАКУЛЬТЕТІНІҢ СТУДЕНТІ ЕСБАЕВ ҚҰЛМАҒАНБЕТТІҢ ДИПЛОМДЫҚ ЖҰМЫСЫ ТУРАЛЫ ПІКІР

Тақырып: “Абай поэзиясының халықтығы жайлы”

Бұл дипломдық жұмыстың тақырыбы, мазмұн-мәні де бір диплом көлеміне оңай сия қоймайтын ауыр да, қиын да жайлар еді. Соған орай дипломант Есбаев ұзақ уақыт көп жұмыс істеді. Ізденіп зерттеу негізінде кейде көлемді ұзақ түрде жазған білімдерін түгелімен қайта қарап, тыннан өзгертіп жазуға қажыры, талабы да, орамы да жеткілікті болып көрінді.

Есбаевтың үлкен ықыласпен мейлінше табандылық көрсетіп, тырыса жазған еңбегі осы соңғы редакциясында ойдағыдай боп өте жақсы шыққан.

Алғашқы беттердегі кіріспе мен бірінші тарауда, Абайды қазақтың халық поэзиясы шамасынан биікке көтеріп, жоғарылатқан тарихтық сапалы себептер қысқа көлемде, дәл, дұрыс тексеріледі. Орыс классик поэзиясы мен жалпы демократтық халықтық бағыттағы ойшылдардың еңбектері Абайға зор пайдалы әсер еткенін дәлелді, деректі етіп жақсы талдайды. Кейінгі бөлімдер Абайдың сатирасын, әлеуметтік-азаматтық лирикасын, көңіл-күй лирикасын, табиғат лирикасын және махаббат лирикасы мен аудармалардағы ерекше еңбектерін халықтық тұрғыдан жақсы шолып өтеді.

Тексеру, зерттеудің барлық бойында дипломант университет курсы көлемінде айтылатын, зерттелетін тың да деректі талдау-тексерудің баршасын ойдағыдай жақсы ұғынып, орынды түрде қонымды етіп пайдалана біледі.

Халықтық сипатты тек халықтық фольклор іргесінен тауып талдамай, Абайдың терең сырлы, ірі көркемдік үлгісіндегі барлық эстетикалық қазынасынан тауып, қорыту – зерттеу жолындағы ең соны, өнімді пікір. Осы жайды Есбаев жақсы ұғынып, Абайдың тілінен де халықтық жаңа сапалы, жаңа үлгілі қасиеттер таба біледі.

Дипломдық жұмыстағы сәл ғана кемшін жай – Абай өлеңдерінің түрлерін жекелеп талдағанда, өзді-өз тұсында халықтық жай жеке-жеке түйіліп, қорытылып отыруы керек еді. Оның орнына бұл турадағы қорытпа пікірді Есбаев өз жұмысының соңында көп қысқалау жазып кеткен.

Жалпы диплом жұмысының тағы бір жақсы қасиеті: жазылған тілі ұғымды, орамды, мейлінше ашық, айқын әдебиеттік зерттеу тілі болып қалыптасқан.

Жетекші – профессор М.О. Әуезов
Алматы, 19 апрель 1956 жыл

**С.М. КИРОВ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН
МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ФИЛОЛОГИЯ ФАКУЛЬТЕТІ СТУДЕНТІ
ҒАЗИЗОВА ГҮЛЖИХАННЫҢ ДИПЛОМДЫҚ
ЖҰМЫСЫ ТУРАЛЫ ПІКІР**

Г. Ғазизова дипломдық жұмысты Жансүгіровтың “Құлагер” поэмасын зерттеп, талқылауға арнаған. Көлемді жазылған дипломдық жұмысы, кіріспесі мен қорытындысын қосқанда, алты тарауға бөлінеді. Сол бөлімдер ішінде поэманың тіл ерекшелігін тексерген тарау және қорытынды тәрізді бөлімдері өте жақсы шыққан.

Ғазизова барлық дипломдық жұмысының бойында және әсіресе жаңағы аталған көлемді бөлімдерде өзінің университеттен алған әдебиетшілік білім тәжірибесін жақсы танытқан.

Әдебиеттік зерттеудің жолы, жөнін, әдістерін арнаулы шығармаларға қонымды, орынды талдау жасап, өздігімен қолдана білетін тәжірибе танытқан. Тексеру еңбегінің тілі де нақтылы, ұғымды, орынды боп қалыптанады. Жалпы тексеруінде құрғақ сөз емес, кенеулі дәлелді, нақтылы сөйлеу машығы танылады. Осы аталған ерекшеліктеріне қарап Г. Ғазизованың бұл дипломдық жұмысын “өте жақсы” деп бағалау лайықты деп сенемін.

*Филология ғылымының докторы,
профессор Мұхтар Әуезов
1959 жыл 20 апрель. Алматы*

**КАЗГУ ФИЛОЛОГИЯ ФАКУЛЬТЕТИ
СТУДЕНТИ РАХЫМЖАНОВ ТӨЛЕГЕННИҢ
“ЖҰЛДЫЗ” ЖУРНАЛЫНДАҒЫ СЫН”
ДЕГЕН ТАҚЫРЫПТАҒЫ ДИПЛОМДЫҚ
ЖҰМЫСЫ ТУРАЛЫ ПІКІР**

Бұл дипломдық жұмыста бірінші тарау кіріспе бөлімде сәл ұзақтық бар. Одан кейінгі тараулар мен бөлімдер аталған тақырып бойынша дұрыс басталып, орынды дамып өрбиді. Әр тараудағы деректі зерттеулерінде Рахымжанов өзінің ғылымдық сын талдау жұмысына жақсы әзірлігін таныта білген.

“Жұлдыз” журналының бетінде басылған және кейбір бөлек кітап боп шыққан соңғы жылдың әдебиеттік сын жөніндегі жаңалықтарының көбін атап қана өтпей, өз тілімен бағалап, сынап та көрген.

Журналдың сын ретінде жазылған көп авторлардың мақала зерттеулерін Рахымжанов өзіндік еркін сын қалпында баяндайды. Сын мен сыншыға қойылатын талаптың көбін дипломант дұрыс түсінеді. Және орамды, дәлелді тілмен анық профессионалдық сын түрінде қалыптасқан.

Рахымжанов өзінің сын-зерттеу ісіне жақсы әзірлігі барын танытқан. Сол үшін бұл еңбекті “өте жақсы” деп бағалау лайық деп білемін.

*Профессор М. Әуезов
6 май 1961 жыл*

КАЗГУ ФИЛОЛОГИЯ ФАКУЛЬТЕТІНІҢ СТУДЕНТІ ҚҰМАРОВА ШӘРБАНУДЫҢ “ОБРАЗ ЖӘНЕ ОБРАЗДЫЛЫҚ” ДЕГЕН ТАҚЫРЫПҚА ЖАЗҒАН ДИПЛОМДЫҚ ЖҰМЫСЫ ТУРАЛЫ

Мен бұл дипломдық жұмысты елеулі, құнды зерттеу деп бағалаймын. Бұндағы талдаған шығармалардың бәріне дәл осы тұрғыдан қарап жазылған еңбектер жоқтың қасы. Сондықтан мұндағы арнаулы әдебиеттік тақырыпта не айтылған болса, бәрі де Құмарованың өз ойынан, өз сынынан туып қалыптасқан.

Зерттеу, саралау, бағалау қабілетіне қарағанда, Құмарова өзіндік сынау, талдау әдістеріне мейілінше төселгендігін аңғартады.

Әсіресе осы дипломның жазылу тілі аса жатық, орамды, ылғалды келген. Ой да бар, оны таратып нанымды, қонымды етіп берерлік сөз суреттілігі, кестесі де бар. Көбінше дұрыс, ұйтқылы ойды мөлдір түсінікті тілмен шебер тарата білу жақсы өнерді аңдатады.

Сондықтан бұл еңбекті “өте жақсы” деп бағалау әділ болар деп санаймын.

*Профессор Мұхтар Әуезов
1961 ж. 12 май. Алматы*

ҚАЗССР ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ТІЛ-ӘДЕБИЕТ ИНСТИТУТЫНЫҢ ДИРЕКТОРЫНА

Соңғы екі жыл бойында менің басшылығыммен диссертациялық жұмысын әзірлеп жүрген академик аспиранты Дүйсенов М. жөнінде төмендегі жайды мәлім етуді қажет деп таптым.

Диссертациялық жұмысын көп мәліметтер жиып, арнаулы, үздіксіз талап көрсетіп жазып келген аспирант Дүйсенов сол диссертацияның бірінші толық вариантын маған сентябрь айының аяқ кезінде табыс еткен болатын. Мен бір айдан артық уақыт диссертацияны толық қарап шығып, қажет болған үлкен-кішілі сындар, нұсқаулар көрсетіп, лайықты талап қойып, мәслихаттар беріп, қолжазбаны ноябрьдің алғашқы кездерінде, соңғы редакциясын жасауға қайырған болатұғым.

Аспирант екеуіміздің мөлшеріміз бойынша, бұл жұмыстың соңғы редакциясы ноябрьдің ақырында маған қайта келмекші еді. Бірақ ноябрьдің 25-нде менің асығыс түрде одақтық Бейбітшілік конференциясына жүріп кетуім себепті диссертация мені тосумен қалғанда еді. Қазір декабрьдің 20-нан бері қарай, Дүйсеновтың диссертациясы, бұрын мен көрсеткен кемшіліктерін түзеген, көп қосымша еңбек етілген күйде сенің қолыңа тиді. Мен енді бір жұма шама-сында бұл диссертация туралы ғылымдық дәреже қорғауға жарарлық мөлшерін айтып, дирекцияға мәлімет беремін.

Бірақ аспиранттық мезгілі біткен және кіші ғылым қызметкері ретінде жұмыс істеуге аспиранттың мүмкіншілігі бар жайын мәлім етіп, осы хатты жолдаймын.

*Аспиранттың ғылым жетекшісі
профессор М. Әуезов*

Әңгімелер

У ПОДНОЖЬЯ ТЕКШЕ¹ (1922 г.)

Накормленные с вечера и изрядно отдохнувшие кони очень охотно встретили ночную езду. Идут быстро, стремительно гарцуя. Верховая езда, веселый шаг коней сразу отогнали сон у нас.

Через некоторое время после выезда из аула мы въехали в горы.

Узенькая речка, вдоль которой мы ехали, своими то лесистыми, то обросшими густой зеленью берегами, извиваясь, прорезала горы. Мы ехали береговой тропой то рядом, то растягиваясь гуськом. О бок с нами спеша извивалась, точно молодая змейка, узенькая речка, звеня и о чем-то лепеча невнятным языком.

Иногда, выходя на простор, речка расширяется и тогда на поверхности ее, как бы улыбаясь, блестит отражение лунного света. Временами улыбающаяся гладь воды изменяется и тускнеет.

Безлюдная девственная природа безмолвно спит. Ничто не нарушает мирный сон, кроме однообразного журчания речной воды.

Ехали долго в горах вверх по речке. Каждый раз, когда долина и речка, извиваясь среди гор, образуют новый поворот, перед взорами открываются новые картины, новые красоты.

Изредка откуда-то из-за гор доносятся пугающие путников громкие гортанные выкрики ночных птиц. Некоторые из них, взмахивая черными сонными крыльями, пролетают над нами.

¹ Текше — название горы.

Когда время перекинулось за полночь и до зари оставался лишь легкий отрезок сна, — мы достигли половины пути. Перед нами выступила темная вершина Текше — самая высокая из Кояндинских гор.

Мы стали оживленнее, зная, что теперь близок конец пути. Ехавший рядом с нами старик Сулеймен, как будто вспомнив при виде вершины Текше какое-то событие, повернулся к нам и сказал:

— Ребята, осталось немного пути; вам, пожалуй, хочется спать. Чтобы сократить путь, я расскажу вам одну повесть.

Мы с большим вниманием приготовились слушать его рассказ.

Сулеймен в молодости, следуя примеру многих сверстников из своего беспокойного, буйного рода Бодей, занимался скотокрадством.

Преодолевать трудный опасный путь, участвовать в каких-нибудь сражениях, набегах казалось удалством старых батыров и приключением необыкновенным.

Таким образом, Сулеймен несколько лет подряд был знаменитым скотокрадом, но потом бросил это ремесло.

Мы ехали в ожидании начала повествования, старик понюхал с удовольствием насыбай² и начал:

— Каждый раз, когда вижу вот эту вершину Текше, мне вспоминается одна шалость, проделанная нами в молодости.

С тех пор прошло много времени. Не менее двух — трех раз в год мы отправлялись большой группой из аула. Тогда предводителем был батыр Жобалай. Слава о нем гремела. Ему тогда было лет 30—35. Перед выездом из аула он тайком ставил нас в известность: выступим в такой-то день, сойдемся в таком-то месте. Не ожидая повтора извещения в назначенный день, мы радостно выступали. Потом отправлялись в далекие края и возвращались через месяц или полмесяца.

Было время, когда аул находился на жайляу.

У меня был конь — Байге-торы³. Он был выдержан мною, как изюм.

Однажды вечером, напоив коня, я стоял и думал: “Ну,

² Насыбай — нюхательный табак.

³ Байге-торы — гнедой скакун.

теперь повеселиться бы нам с тобой”. В этот момент к колдцу подъехал один джигит с вестью от Жобалая.

— Пусть сегодня ночью во что бы то ни стало прибудет к подножью Текше, остальные уже там; завтра выступаем на врага.

Если старшие в ауле узнают, не отпустят. Состояние моего отца было приличное, родные ненавидели мои увлечения скотокрадством больше, чем собачье мясо.

Я отправился тайком. Доехал до условленного места. Тут была одна возвышенность; поднявшись на нее, я увидел беспечно расположившийся стан. Их стреноженные кони паслись тут же.

Оказалось, что собралась довольно значительная группа. Вздумав погугать их, я бросился к ним с криком “Капта-капта!”⁴. Кони их, перепугавшись, поскакали прочь. Многие из людей, обезумев от страха, полегли. Врезавшись в гущу, я ткнул дубиной одного-двух по макушке со словами “бас козди”⁵. Никто меня не узнал. Вдруг обернувшись назад, я увидел, как настигает меня Жобалай, босой, без шапки, с длинным березовым шокпаром⁶, головка которого величиной с медный чайник.

— Уа, капр⁷, подумал ли ты, что ты не Жобалай, чтобы осмеливаться одному напасть на вооруженный отряд! — орал он.

Тогда я, испугавшись, что он вдребезги разобьет меня, взглянул на его лицо и захохотал.

Он сразу признал меня. Лежавшие от перепуга товарищи тоже встали. Мы собрались и обсудили, куда ехать, что делать.

Перед тем мы все затаили кровную месть на аул Мырзатая из найманцев⁸. Весною, когда брат Жобалая — Сыпатай с двумя своими товарищами проезжал через этот аул к керейцам, он был схвачен в степи, ограблен и избит до полусмерти. Бывшие с ним товарищи спаслись бегством. Сам Сыпатай был избит в горах в безлюдной местности, весь из-

⁴ Капта-капта! — Гряньте лавой!

⁵ Бас козди — прикрой глаза.

⁶ Шокпар — дубина с круглым утолщением на одном конце.

⁷ Капр — по турецки «гяур», неверный.

⁸ Найман — один из казахских родов.

уродованный – полуживым – спрятан под большой каменной глыбой. “Теперь он умрет” – были уверены найманцы. Через неделю после этого, проезжавшие здесь пять–шесть человек из нашего аула, услышав чьи-то стоны, нашли и привезли Сыпатаю домой.

Сыпатай пролежал дома около двух месяцев и едва вылез, теперь он едва-едва мог выходить на двор, опершись на палку. Мы за это злились на найманцев и искали случая отомстить им.

Теперь, оказывается, Жобалай получил известие, что один мырза из аула Мырзатая, имевший невесту среди живущих в долине матайцев⁹, через несколько дней должен проехать к себе с невестой и ее богатым приданым. Услышав эту новость, все мы обрадовались и с нетерпением ожидали столкновения.

Мы решили ожидать их в красных холмах Тобета и выступили по тому направлению. Прибыв туда после полудня, расположились там. На расстоянии одной версты от красных холмов Тобета проходит большой тракт. Найманцы должны проехать по этой дороге. Кругом нет никого, кроме пролетающих птиц. Жуткое безлюдие. Выставив дозор из двух человек, мы расположились у подножья возвышенности около родника и занялись приготовлением пищи.

Наступил вечер. Время было уже между екинди и ахшам¹⁰. Все сидели, уныло приговаривая: “Эх, не приехали!” Вдруг карауливший на возвышенности человек дал знак, взмахнув рукой.

Мы побежали за конями, которые паслись оседланные и стреноженные. Нас было около 20 человек – целый отряд.

Тут к нам прибежал один из находившихся в дозоре и сообщил: “Свах и сватьев около 20 человек, – едут большой группой. Похоже, что сегодня они будут ночевать на Кзыл-Булахе, теперь надо их подкараулить”.

Красные холмы Тобета были опасным местом, известным всем путникам. Эта группа путников очевидно рассчитывает на свою многочисленность, – думали мы.

⁹ Матай – одно из племен казахского рода.

¹⁰ Екинди – молитва мусульман перед самым заходом солнца. Ахшам – молитва мусульман после захода солнца.

Но находясь в безлюдной местности, среди необъятного приволья, мы нисколько не сомневались в успехе своего нападения.

От красных холмов Тобета в сторону дороги тянулись более мелкие холмы. Мы пустились под их прикрытием, чтобы перерезать им путь. Холмы заканчивались у самой дороги. Подъехав к дороге, мы остановились под прикрытием двух холмов, разбившись на две равные группы. В тот момент лица наши приняли какой-то суровый вид, наушники тумак¹¹ у всех подвязаны. Лица бледны. В руках у нас пики, украшенные кистями, черные дубины и длинные айбалта¹².

Подобно кочующему аулу, медленно движется по дороге целая вереница верховых и навьюченных богатым приданным верблюдов.

Девушки, келинчеки¹³, юноши ехали, весело смеясь.

Поджидая под прикрытием холмов, мы слышали пение двух девушек.

Когда они подъехали на расстояние не более двух-трех десятков сажень, мы, как один, кинулись на них с гиком, грохоча дубинами.

И земля, и небо наполнились сплошным шумом и криком.

От внезапного нападения грозного отряда, точно выросшего из-под земли, путники остолбенели. Смешавшись с ними, мы стали меткими ударами сваливать седоков.

Лишь двоим попались в руки дубины, только они оказали сопротивление. Один из этих двух был молодой родственник невесты. Он своими меткими ударами свалил пять человек из наших джигитов, бросившихся на невесту и ее мать. Справившись с остальными, мы взяли и этих двоих. Гнавшегося за одним из наших джигитов молодого жениха невесты настиг сзади Жобалай и так махнул дубиной по затылку, что тот слетел, как тумак. Женщин не били, сняли с коней.

Невеста была дочерью одного из самых богатых матайцев. Ехала беспредельно счастливая с шестиканатным бе-

¹¹ Тумак – головной убор казахов.

¹² Айбалта – старинное оружие, вид секиры.

¹³ Келинчек – молодая замужняя женщина.

лым отау¹⁴ и приданым, навьюченным на десяток верблюдов.

Она была черноглазая, краснощекая, белолицая, имела целый нокер¹⁵ из группы девушек и келинчеков. Ей было лет 19. Время, когда красивая фигура ее достигла своего совершенства.

Приданое ослепляет глаза.

Когда мы снимали с коней женщин, никто из мужчин не осмеливался промолвить ни одного слова. Вдруг полная миловидная белолицая байбиче¹⁶, стоявшая рядом со своей дочерью, обратилась к нам:

— Эй, душеньки мои, у вас тоже ведь есть сестры и впереди — надежды. Это моя единственная дочь, взлелеянная мною на своей груди, не сжигайте ее счастья, когда ей предстоит сейчас перешагнуть через порог чужих людей. Сжальтесь. Если ищете богатства, имущества, то берите все, что вам понравится из ее приданого, но нас отпустите своей дорогой.

Не обратив на это внимания, мы отобрали у всех лошадей и пленников согнали в кучу, а сами устроили совещание. Нашлись среди нас такие, которые предложили отпустить пленников, отобрав приданое.

На это Жобалай заявил:

— Разве я ищу богатства? Для тех, кто зарится на богатство, нет ничего легче, чем красть лошадей у найманцев.

Моя задача отомстить аулу Мирзатаю так, чтобы он об этом век помнил. Что за речь о приданом? Сперва повеселимся, продержав эту компанию несколько дней в плену. Сейчас, завязав им всем глаза и связав мужчин, поедем к подножью Текше.

Это мы все одобрили. Поздно ночью мы двинулись по направлению к Текше, сопровождаемые рыданиями девушек и женщин. По прибытии на место мы рассадили пленников по разным местам. С верблюдов сняли вьюки и раскинули пять-шесть шалашей.

На вершину холма поставили сильный дозор. Мы решили не снимать повязок с глаз пленников, чтобы они не

¹⁴ Отау — юрта молодоженов.

¹⁵ Нокер — свита, отряд.

¹⁶ Байбиче — первая жена бая.

знали, где находятся, не видели наших лиц, не узнали имен, чтобы ни один из них ничего не видел, что мы проделываем с другими.

Трех девушек и одну келинчек поместили в одном месте. Мать невесты вместе с одной женщиной отвели далеко в другую сторону.

Глаза у всех пленников завязаны, руки связаны. Их караулят наши джигиты. Ни днем, ни ночью пленники не знают, что происходит на свете. Ни мольбы, ни рыдания — ничто нас не трогает. Молчим, как будто ничего не слышим.

Так продержали мы их в плену четыре дня. Нашим потехам за эти дни не было конца и края.

Нами заранее были поставлены совершенно отдельно два ослепительных белых шатра в одной ложине вдали от места расположения остальных людей.

Эти четыре дня Жобалай, вместе с невестой, занимал один из этих шатров, где проводил день и ночь.

А мы, остальные, забавлялись с другими девушками и келинчекками. Некоторые из женщин через некоторое время привыкли к нам, шутили и играли с нами.

Невеста же оказалась упрямецкой. Все четыре дня она не прекращала своих рыданий и рекою льющих горьких слез.

— Мое счастье погибло. Как теперь я смогу показаться людям? Теперь мне нет счастья. “С кем почернел, с тем и побелей” — говорит пословица. Осталась бы я жить с тобой, будь ты собакой, но ты самый ненавистный для меня человек, самый жестокий мой враг на свете, — говорила она Жобалаю.

— После этих ее слов, мне стало так стыдно, что точно огнем ожгло мое сердце. Но спорить что ли с ней? Молчал, — говорил Жобалай.

Так ровно четыре дня, четыре ночи провели мы в развлечениях. На пятый день ночью навьючили их поклажу так, как было у них вначале, не взяв ни одной нитки. Пленников с завязанными глазами посадили на коней, отвели на прежнюю дорогу, повернув по направлению к их аулу.

Глаза им еще не развязывали. Пленники не знали, что с ними происходит. Никто из нас им не говорил куда их ведут.

Жобалай отличался особенной находчивостью и изобретательностью в подобных случаях.

Мы вывели всех пленников на дорогу, Жобалай, взяв из них одного с завязанными глазами, повел за собой, приказав нам тоже следовать за ним. Когда мы приблизились к одному холму, он отослал всех нас прочь, оставшись с пленником наедине. Как только мы скрылись за холмом, он развязал глаза и руки пленника и сказал:

— Поезжай к своим товарищам и отправляйтесь с богом своей дорогой. Ни одной ниточки вашей мы не взяли. Меня зовут Жобалай. Аул Мирзатая в нынешнем году, схватив моего младшего брата, проезжавшего к керейцам, избил его до полусмерти. Вот я отомстил теперь за это. Пусть аул Мирзатая знает, что я тоже сын родной общины.

С этими словами он отпустил его.

Найманцы последовали своим путем. Мы тоже отправились домой. Хотя эта наша проделка могла вовлечь стороны в войну, но она так и заглохла, не вызвав ни одного слова.

Затушила дело, видимо, невеста.

После того, как всех пленников освободили, невеста, подозвав к себе своих девушек, спросила: “Расскажите, что вы видели, что узнали”. Хотя Жобалай запрещал нашим джигитам передавать девушкам о происходившем, оказалось, что некоторые из джигитов говорили им: “Наш батыр лежит с невестой”. Услышав это, невеста взяла с них твердое обещание, чтобы никто из них об этом ни слова не говорил. После этого она сказала мужчинам и матери, что все четыре девушки находились вместе и ничего не видели.

Таким образом, после того, как девушки скрыли то, что видели и знали, а приданое было в сохранности — за что же найманцам враждовать?

Они сами хотели скорее замять дело. Так окончил свое повествование старик Сулеймен.

Светало, утро уже наступало. Мы, проехав горы, выбрались на простор и пустились рысью дальше.

1922 г.

ЖАМИЛЯ (1923 г.)

Давно уже кончилась дневная жара. Над логом, где расположились аулы, чувствовалась вечерняя прохлада степей. Солнце, опустившись за желтые холмы, шло в свое гнездо. Синеватые тени холмов распростерлись над аулами. Все гуще эти тени. Ширясь вокруг, плавно, медленно переходят они в сумерки. Мягкий, прохладный ветерок вселяет бодрость.

Все население аулов сейчас в движении. Они спешат и снуют как люди на какой-нибудь большой ярмарке. Дети с шумным говором и звонким смехом отделяют ягнят от овец, вернувшихся с вечернего выпаса.

По склону холмов, расположенных позади аула, спускаются к вечернему водопою табуны лошадей. Сытые и игривые, они длинной пестрой вереницей тянутся к колодцу.

Дым от вечерних костров тянется по логу синеватобледной завесой. Оживленно и бодро живет вечерний аул. Мужчины с разных сторон идут к колодцу. Сидя полукругом у колодца, они наблюдают за водопоем и похваляют новое урочище с сочными подножными кормами и с хорошей питьевой водой для скота.

Только в этом сборе сегодня отсутствует главный аксакал этих аулов — Исмаил. Это хозяин близкого к колодцу богатого аула, расположившегося на самом широком зеленом лугу. В округе он важный аткаминер и богач. Старшие из собравшихся пускались в догадки о причине его отсутствия.

Почему сегодня нет Исмаила?

Иль он поехал куда-нибудь?!

А то, может быть, заболел? — спрашивали они.

О действительной причине отсутствия Исмаила знал его одноаулец Бейсембай. И он начал сдержанно, полупонамеками излагать аксакалам свою новость. Из его осторожных сообщений слушатели узнали, что взрослая дочь Исмаила Жамиля, к которой должен был скоро приехать посватавший ее жених, вдруг сегодня через человека заявила своим родителям, что она не желает идти за жениха, и, услышав это, Исмаил обрушился гневом на всю свою семью.

Люди у колодца заговорили очень оживленно. Многие передавали то, что слышали об этом от своих жен. Старшие единодушно осуждали и это время, и испорченные нравы молодежи. Делали глубокомысленные выводы: “Выросла дочь, так и знай, что выросло несчастье для родителей. Нет лучше, как скорее сплавить гяуров, пока они молоды и не успели опомниться”, – говорили они. Жалели о преклонных годах, о седине Исмаила. Сурово судили они об “испорченной девушке...”

Разгневанный и пасмурный от перенесенной обиды сидел в это время Исмаил одиноко на небольшом холмике близ своего аула. Наступали сумерки. Уже одолевала тишина и безмолвие вокруг. Тяжело и холодно в сумречной душе старика. В его голове роятся мысли, но ни одна из них не похожа на сострадание к слезам Жамили. Наоборот, они свидетельствуют об отрешении от родства. Все больше стынет в нем отцовское сердце, каменея нещадной жестокостью. Крепко поджав под себя ноги, хмуро, пристально смотрит он на закат и, погружаясь в свои упрямо суровые мысли, думает: “Создатель! Разве я просил у тебя ребенка для того, чтобы он обрушился несчастьем на мою голову? Иль ты задумал отобрать мое доброе имя, отнять почет и загубить славу предков через взбесновавшуюся безумную дочь, не имеющую рассудка хоть с ноготок? Значит, ты задумал рассеять мое счастье, непоколебленное до сих пор среди моего рода! Ну, пусть ты накажешь меня, если здесь я содею грех. Но лучше откажусь от нее сразу, чем буду сносить горе бескрайнее от неблагодарной, не оценившей того, как я лелеял и взращивал ее на своей ладони!” – это было его последним решением. Гневная кровь бурлила еще в нем. Бледный, он замкнулся в безмолвии.

В ауле уже кончили отделять ягнят. Не слышно громких голосов. Все успокаивается. Табуны лошадей уходят с водопоя. Люди серыми тенями расходятся по юртам.

Темная фигура Исмаила поднялась с места. Только он направился к аулу, как заметил двух верховых, спускающихся с противоположного близкого холма. На вороных конях путников по временам в полутьме поблескивают серебряные украшения уздечек и стремян.

По подтянутым и тонким фигурам седоков видно, что это молодые люди. Исмаил остановился, чтобы узнать, куда они направляются, и тут же увидел, как они повернули прямо к его большой белой юрте. Бодро и весело шагают кони при вечерней прохладе, все чаще взмахивая гривой и слегка гарцуя на ходу.

До самой большой юрты не придерживали торопливых шагов своих коней верховые.

Приезжих на улице встретили и провели в юрту младший сын Исмаила Касимжан и еще два джигита. Вскоре в юрту вошел по-прежнему нахмуренный и суровый Исмаил.

Приезжим оказался сын свата Азимбая, обучающийся в городе молодой человек Ислам. Уже два года Ислам не бывал в степях. Только недавно вернулся он к себе, окончив школу. Погостив у родителей, он по старой своей привязанности поехал в этот аул, чтобы проведать родню.

С ним был его друг и родственник Жагфар.

Семья Исмаила встретила молодого родственника долгими расспросами и очень радушно. Этот приезд особенно обрадовал друга детства Ислама Касимжана. Года три тому назад эти молодые люди часто звали друг друга в гости. А когда их аулы располагались на близких урочищах, они почти не разлучались, подолгу оставаясь гостить в этих аулах поочередно. Были общи их веселья и радости.

Аул Исмаила казался почти родным аулом для Ислама. Как своего родного сына любила и баловала его мать Касымжана Калиман. Так было до последнего отъезда Ислама. И сейчас тоже после обмена взаимными приветствиями и после оживленных расспросов друг друга чувствовалось, что ничто не изменилось в их отношениях.

Первые минуты радостной встречи омрачались только видом Исмаила.

Он вообще мало говорил с молодыми. Но эта обычная холодность его особенно резко углубила морщины, очерчивала выразительные складки его лица после недавней новости семьи и после тех холодных мыслей, какие недавно занимали его.

Был уже готов чай для гостей. Калиман, подзвав к себе служанку, велела ей пригласить сюда Жамилю, находившуюся сегодня весь день в отау — в юрте молодых (брата и невестки).

— Пусть придет к чаю и поухаживает за гостями, — сказала мать.

С этих пор Ислам все чаще взглядывал на дверь, и вскоре его настороженный слух уловил приближающееся тонкое позвякивание шолпы¹. Спустя немного вошла в юрту Жамиля. На ней было светлое летнее платье и черный бархатный безрукавный камзол. На голове, поблескивая позументом, красиво сидела ее новая шапочка. Изящно одетая Жамиля своим появлением как бы внесла в юрту ее украшение и особую теплоту.

Когда молодые сверстники со смущением приветствовали друг друга, бледное лицо Жамили вспыхнуло румянцем. От чего-то забилося ее сердце, и вмиг разгоряченное ее лицо как будто уронило неизвестную тайну.

Для Ислама, не выдавшего Жамилю два года, ее теперешняя красота показалась превзошедшей в несколько раз ее прежний вид. При слабом свете в юрте ее белое лицо как бы излучало какое-то необыкновенное изящество.

Давая тихие распоряжения служанке, она села ниже отца и начала угощать чаем гостей. Теперь Жамиля сидела близко к свету, но с ее лица все же не исчезла та необыкновенная привлекательность, которая невольно приковывала к себе внимание при первом ее появлении. Разговор за столом не клеился. А после чая Исмаил, обратившись к Калиман, сделал распоряжение:

— Приготовьте отау Касымжана для молодежи, им там будет лучше!

Калиман послала невестку в ее юрту и вскоре гостей позвали туда.

¹ Шолпы — украшение девушки.

Молодые люди были довольны избавлением от пасмурного вида аксакала и отправились туда.

С уходом гостей из большой юрты, покинула ее и прислуга. Остались только Исмаил с женой.

Сидя почти спиной к Калиман, Исмаил скоро вернулся к прерванному днем разговору. Повелительным и гневным голосом он как будто прежде всех обвинял Калиман:

– Жена, если ты не хочешь, чтобы я поступил жестоко с тобою, так уйми свою дочь, – начал он. – Не умеешь растить дочь, для чего же ты ее родила? Это твое воспитание сделало ее негодницей. Сгнила бы ты со своими примерами, вот до чего довела!

Калиман осуждала и ненавидела сейчас свою дочь не меньше Исмаила. Поэтому неожиданный гнев мужа, перешедший с дочери на нее самое, обидел ее сильно, истощил ее терпение. Обычно добродушное ее лицо исказилось гневом. Удивленно чмокнув, она начала:

– Да будет проклят творец, чего требуешь от меня? Разве хуже чьей-либо дочери воспитала я Жамилю? Хоть чуточку зла показывала я своей родной? Чья дочь выросла такая, как она? С чего ты наскочил на меня? Ведь отцом же зовешься ты, наставляй сам. Думаешь, я жалею для нее добрых слов? – при этих словах задрожал ее голос. Исмаила еще пуше раздражил упрямый тон ее речи:

– Проклинаю твое воспитание, вот что. Разве ты с твоим умом научишь хорошему? Ведь ты, только ты довела до этого. Чья же дочь из людей, равных тебе, испорчена, как твоя, о ком дурная слава-то? Ну, скажи! Найди мне другую такую! Видала среди этого рода другую мать, глупее тебя, и дочь-негодницу, кроме твоей? Назови же мне, проклятая, – повелительно крикнул он. Но гнев усиливался и в Калиман:

– Несчастный, с чего же ты чернишь свое дитя? Говоришь такие слова, каких и враг бы не сказал. Если хочешь, моя Жамиля равна ханской дочке, вот что. Виновна она, что не хочет идти за старого вдовца? Нет, не виновата. Сколь терпела, чтоб не разгневать тебя, а он вот оно...

Но Исмаил оборвал ее яростным криком:

– Замолчи! Ни слова! Знай, что сегодня за эту проделку твоей дочери я не остановлюсь ни перед какой жестокостью. Разве ты поймешь толковые слова? Запомни: если

не уймешь, а станешь заступницей своей дочери, то пусть проклянет меня из-за гроба мой отец, если не покину первый тебя, поняла? Не сумеешь вразумить дочь свою, так и скажи “не сумела” и откажись от нее. Поговори в эту ночь и кончай! — крикнул он и, не желая слушать дальнейших слов Калиман, вышел из юрты.

Крутой нрав мужа Калиман знает давно. Но вот уже много лет, как она не слышала столь холодных жутких слов.

Видно, вправду решился он на жестокость. Вспоминая его клятву именем отца, она суеверно вздрогнула. Начала терзаться тяжелыми думами. Стала уже больше жалеть не себя, а мужа, задавленного этим горем. Она решила в эту же ночь переговорить окончательно с дочерью.

II

Ислам с нетерпением ждал времени, когда заснут люди в юрте. Сомнения всплывали одно за другим, беспокоили и ворочали его с боку на бок. Ему казалось, что время не проходит. Полумрак в юрте давил на него особенной тяжестью. После долгого ожидания, наконец, он бесшумно встал, крадучись накиннул на плечи легкий летний халат и вышел из юрты. На улице светила луна. Ночь дремала в безмолвной тишине. Аул уже спал. Еле заметна также дремлющая ночная прохлада. Но с каждой минутой она мягко одолевает недавнюю тяжесть в душе молодого человека, заметно бодрит его. Стоя у юрты, он смотрит на тоскливо бледный диск луны.

Посередине аула и стада погружены в глубокий сонный покой. Даже и чуткие сторожевые псы притихли, лежа на груди, положив свои морды на вытянутые передние лапы. В эту тихую грусть полусветлой ночи сон одолевает и старого ночного сторожа. Закутываясь в рваную шубу, он изредка своим утомленным сонливым криком ночного дозора настораживает собак. Дремотная тишина ночи забудораженным эхом вторит ему.

Направо от той юрты, откуда вышел Ислам, стоит белая отау² Айши. Видно, что там еще не спят, хотя закрыт на

² Отау — юрта молодых.

ночь тундук³ — красно-желтый отсвет горящей внутри лампы тонкими неровными полосами виднеется у самой земли, где кошма не спускается до нижнего края юрты.

Постояв немного и убедившись, что в ауле спят все, Ислам тронулся прямо в сторону юрты Айши. Подойдя тихими шагами к дверям юрты, он заглянул в щель. Светит маленькая лампа. Сама Айша дремлет у высокой кровати. Около нее, облокотившись на белую подушку, полулежит Жамиля. Сильно изменившееся измученное ее лицо обнаруживает глубину печали, в которую она сейчас погрузилась всем своим существом. Никого больше нет кроме них в юрте. Ислам осторожно открыл дверь и вошел к ним. Женщины моментально отогнали сон и сели. Ислам опустил голову около Жамили. После обмена первыми фразами, постепенно начала восстанавливаться их прежняя привязанность друг к другу. Заметно возвращалась и прежняя теплота их дружбы. С улыбкою, но укоряюще, заговорила Айша, помогая Жамиле в ее объяснениях с молодым человеком.

— Ты забыл нас. Не исполнил своего обещания. Приехал в город, встретил старых друзей и степь стерлась с памяти... — говорила она, высказывая все тяжелые обвинения Жамили. Говоря легко и даже полушутливо об этом, она облегчала разговор для молодых. Скоро, когда преодолев первую застенчивость, свободно заговорили они сами, Айша сказала им:

— Не смущайтесь меня. Лучше уже выскажите друг другу все, что носите. Вы же знаете, что не каждый день вам дадут такую встречу, — посмеялась она. Жамиля долго молча смотрела на Ислама. Ясные, но печальные красивые глаза ее глядели с явным укором. Она решила не начинать первой. Ислам понимал, какая справедливая обида у ней, и чувствовал, что чем она будет выражена ею сдержаннее, нежнее, тем скорее будет обезоружен, побежден он сам. Зная это, он думал было об оправданиях, но неожиданно для себя сказал:

— Жамиля, видя твою печаль и предчувствуя обвинения, я готов заплакать. Но я сдерживаю себя. Ты печалишь и меня. Но прошу одного — утешь меня. Скажи, что ты еще не потеряна для меня.

³ Тундук — верхняя кошма юрты, закрывающаяся на ночь перед сном.

При этих словах он взял ее за руку и хотел поцеловать. Но Жамиля освободила свою руку и заговорила спокойно:

– Ислам, чьей бы я не стала, у меня было одно неизменное решение – не уйти никуда, пока не увижусь и не поговорю с тобой. Поэтому и ждала тебя в эту ночь. Но нечем мне тебя утешить. Я ждала. Тогда я готова была порвать с кем угодно ради тебя. Но прошло теперь все!..

– И теперь не пожалеешь меня? Я пришел к тебе с повинной, а тебе не надо было ничего? Ты гонишь?

– Я не гоню. Но прошли прежние дни. Связана моя воля. Я в сети, из которой не выпутаться больше. Только что была здесь мать. Я обещала исполнить их волю и идти без слов, куда погонят. Не мучь же воспоминаниями прежнего!

– Жамиля, разве так мы условились прежде? Разве не смягчилось ради меня твое сердце, каменное для других? Не меня ли избрала ты тогда?... – сказал он и, впиваясь в ее глаза, ждал ответа.

Жамиля гладила волосы на прислоненной к ней голове Ислама и долго молчала.

– Нет, дни ушли, чтобы не вернуться вновь. Значит, прежде мы наивно мечтали о несбыточном. Никуда не уйти от велений! – Она замолчала и в раздумье холодно смотрела на дверь. Ислам не находил слов. Глазами, полными слез, он с мольбой смотрел на Жамилю. Скоро Жамиля вновь взглянула на его умоляющее лицо и добавила:

– Лучше вот что, завтра, говорят, придет этот их жених. Посмотри на него и до их отъезда оставайся в нашем ауле.

Слово “жених” вызвало сильную ревность в Исламе. Она становилась еще дороже для него, но он заявил:

– Как встану утром, так уеду и жениха твоего не увижу.

Но, поговорив с Жамилей еще немного о будущих днях, Ислам переменял свое решение. Вместе с тем сколько бы он ни старался, не мог переубедить Жамилю. Единственное, на чем договорились они, это покориться на время всему, пока Жамиля у родителей, ничего не предпринимать, а перенести свои надежды на будущее.

Зато до тех пор они обещали держаться ближе и поддерживать друг друга в минуту обиды и утешать в печали. По настоянию Ислама Жамиля обещала выказать жениху свое презрение. Они решили и при женихе быть неразлучными.

Пока насилие не свяжет ее руки, Жамиля не оставит, не покинет его.

С этим решением они расстались в эту ночь. Перед уходом Ислам сжал в своих ладонях бледное от бессонной ночи лицо девушки, прильнул долгим поцелуем к ее губам. Тут и Жамиля не оказывала сопротивления. На минуту она откинула свою прежнюю сдержанность и сама, обняв обеими руками Ислама за шею, крепко поцеловала.

Ислам, уходя, последний раз прижал ее к своей груди и шепнул:

Обещай, что больше не будешь недоступной.

Жамиля улыбнулась и молча глядела на него.

Обнадеженный Ислам настаивал на ответе, и она тихо молвила:

— Увидим после...

Немного успокоенный вышел Ислам из юрты. Наступало утро. Совсем побелевшая луна гасла на закате. Звезды поредели. С занимающейся зарей они тухли одна за другой. Постояв на улице, молодой человек совсем успокоился при утренней прохладе, вошел в юрту и повалился на постель возле своего товарища.

III

Сегодня с вечера аул Исмаила встречает гостей — жениха со всей его родней и свитой. Между юртами к арканам — керме привязано множество оседланных коней. У костров суматоха. Ислам сидит в отау, отведенной для жениха. Беспомощно теряясь в этой новой обстановке аула, он выпил вечерний чай вместе с гостями. Он сидел среди них молча до тех пор, пока не вошла в юрту Айша и не вызвала его кивком головы.

Поняв знак Айши, он вышел не сразу, а спустя немного времени. Поджидавшая Айша подозвала его к другой юрте и сказала:

— В той вон крайней юрте сидит Еркеш⁴. Сейчас я была у ней. Зовет тебя, иди к ней.

⁴ Ласкательное наименование золовки, в данном случае это относится к Жамиле.

Ислам, обходя все средние юрты аула, пришел в указанную ему юрту. В маленькой серой юрте никого не было, кроме Жамили. Не было и света в ней. Тлеющие угли от догоревшего костра гасли, осыпаясь золой. В юрте наступал полумрак. Ислам сегодня весь вечер был охвачен никогда ранее не испытанной им ревностью и, подчиняясь ей, готов был решиться на какой угодно решительный поступок. Он ревновал Жамилю не только к жениху, но и ко всем людям этого аула, устраивающим ее новую жизнь, старающимся создать уют и радость, недоступную, запретную для него, предназначенную для его соперника. Это бурное чувство убивало мысли в нем. Нервно, неровно вел он себя и с Жамилей. Теряя самообладание, он весь дрожал и с прерывистым дыханием говорил невнятные слова. И когда Жамиля, по-прежнему владея собой, начала успокаивать его, он заявил:

— Жамиля, я сегодня испытываю невиданное горе. Нет мне выхода из него. Не утешись сама, так знай, что погибнет или твой жених, или я, или ты!

Огонь костра уже потух, и внутренность юрты освещалась пестрыми лунными кругами, падавшими внутрь через небольшие, но частые отверстия старой юрты. Светлыми монетами висели эти круги на невидимых нитях на темном фоне внутренности юрты.

Ислам вдруг крепко обнял Жамилю. Болезненная горячность чувств молодого человека заражала Жамилю. А он, крепко сжимая в объятиях ее мягкое тело, целовал молча и жадно. Дрожащими губами прильнула и Жамиля к его пылающему лицу... При уходе Ислама Жамиля снова взяла с него обещание не покидать ее в эти дни.

Когда Ислам вышел из юрты, он заметил темную фигуру удалявшегося мужчины. Не видя его лица, Ислам все же по очертаниям одежды узнал в нем того джигита из товарищей жениха, который еще вечером при выходе Ислама и Жамили из юрты Айши смотрел на них так подозрительно. Но Ислама не обеспокоил весь этот случай. Он снова пришел в юрту жениха. Оказалось, что гости уже отужинали. А перед ужином несколько раз посылали за ним человека, но нигде не разыскали. Всем находившимся в юрте показалось подозрительным это исчезновение молодого человека, тоже

почетного гостя этого аула. Шутливый парень из товарищей жениха решил задеть Ислама:

— Разве сойдемся мы с просвещенными? Мы много низываем на нитку. А они за это нас именуют “сплетниками”. Вот в каком несогласии мы всегда. А суда над нами нет, ну и разбирай!.. — Он многозначительно посмеивался, подерживаемый остальными своими товарищами.

Ислам вспыхнул при этой насмешке, но, не найдя острого ответа, сидел молча. Но эта шутка оказалась не легкой и для жениха. Особенно после того, как побывал на улице, поговорил со своим джигитом, он вернулся пасмурный, расстроенный. Его покинуло прежнее веселое настроение, теперь и он замкнулся. Обычный румянец на его лице то исчезал, то вспыхивал вновь, и было видно, как мучится он в нетерпеливой злобе. Товарищи Жакуба заметили такое состояние его не сразу, а заметив, каждый из них тоже умолкал. Вскоре в юрте притихли все.

Когда гости ушли из юрты, Жакуб, отстав от них, подозвал своего джигита и послал его за Айшой. При ее появлении Жакуб улыбнулся через силу и обратился к ней:

— Айша, вместе с золовкой и ты, кажется, чуждаешься меня, да? Подойди поближе, — сказал он, освобождая место около себя. Айша ответила ему улыбкой и, подойдя, сказала:

— Не успел приехать, а уж с замечаниями, в чем ты разочарован? Кажется, сегодня еще не время?

— Верно, что не успел приехать, а разочарован. Но что мне делать, если таковы ваши поступки. Прошу только об одном, покажи мне непременно в эту ночь Жамилю.

Айша с удивлением заявила:

— Дорогой мой, будто ты не знаешь обычаев. Иль ты не помнишь, когда приехал?

— Помню это, не смейся. Сегодня я не в состоянии переносить осуждение. Прочь всякие казахские обычаи. Шло бы мне быть чинным женихом, когда бы была чинной невеста. Посты и молитвы для святых, не правда ли?

— Какие ты говоришь слова! Как ты можешь?

— Да, говорю это очень серьезно. Хочешь считаться со мной, приведи ее. Будет скучно, уйдет Жамиля, но дай мне поговорить.

Никакие уговоры и увещания Айши не помогли, жених упрямо настаивал на своем.

Он просил передать Жамиле:

– Пусть сегодня придет поговорить со мной. Может, будет даже полезно для нее. Ведь я пока гость, приехавший на два-три дня. Не нравится мой приезд, так пусть заявит об этом. Может быть, не мешая ее счастью, я уберусь завтра же отсюда. Ведь вот какая может быть еще польза, скажи ей об этом, – закончил он.

Убедившись, что все это говорится Жакубом не в шутку, Айша перестала отшучиваться и пошла за Жамилей, чтобы в случае ее согласия привести к нему. В это время товарищи жениха вели разговоры о поведении Ислама в этот вечер. Скоро к ним подошел джигит Жакуба Муса. Давно он следил за Исламом. Подходя к группе, он расслышал вопросы:

– Скажите, кто-нибудь из вас понял странности сына Азимхана?

– А поведение какое? – рассуждали они.

Они много слышали у себя о несогласии Жамилы, но не зная кого она любит, они там еще пускались в разные догадки. А тут один только городской, необыкновенный вид Ислама дал им повод решить, что это был он и только он. Прислушавшись к их разговору, вмешался и Муса.

– До приезда сюда у нас были только одни догадки. А вот здесь уже не то! – При этих словах все присутствовавшие обратились к нему, начались оживленные расспросы.

Но Муса рассказал не все.

– Придет время, скажу. Но скажу одно, меня берет злоба. Гадкий этот Азимханов сын, вот, – коротко и ясно закончил он. Дальше никто уже не сомневался на счет Ислама. Недоговоренное Мусой каждый из джигитов дописывал в собственном воображении. Внешне каждый из них выражал участие и обиду за жениха.

– Я сделал намеки Жакубу. Уж как дальше быть, решит он сам, – добавил Муса с видом отбывшего свой самый почетный долг.

Скоро джигиты пошли спать. А когда Айша, поговорив с Жамилей, возвращалась к жениху, аул уже спал. Не спал только Жакуб, ожидая в отау Айши ответа Жамилы.

При появлении Айши он с нетерпением обратился к ней:

– Скажи скорее, с каким ты пришла ответом?

– Дорогой, оставь, пожалуйста, свой вид страдальца. Ты-то бог знает что подумал. А она, услышав твои слова, заявила: пусть осуждают люди, но нарушу обычай – приду, – говорит. Выйди, я приготовлю постель и тоже уйду.

Жакуп, делая вид, что удовлетворен всем, заметил:

– Ну, хоть ты не суди нас! – С этим он вышел из юрты.

Жених, вернувшись в юрту, лег в постель, и спустя немного времени вошла Жамиля в сопровождении Айши. Две женщины поговорили полупрошептом за спущенным пологом, и вскоре Айша, потушив свет, вышла из юрты. Оставшись один, Жакуб приподнялся на постели и позвал к себе невесту. Жамиля молча приблизилась к высокой кровати и остановилась в ожидании его слов. Жакуб долго лежал в ожидании, что невеста придет к нему, но она не шла. В этом ее поведении он усмотрел упрямую непокорность и, вспыхнув сдержанным до сих пор гневом, решил поступить с ней круче.

Стыд и смущение, испытываемые Жамилей от всего этого несуразного, безобразного обычая прихода невесты к жениху в такой грубой обстановке, все же не заглушили в ней ее личной гордости. Постепенно овладевая собой, она подбирала слова и готовилась держать ясный ответ перед ним.

Но Жакуб молча дотянулся до нее и, схватив ее за руку, притянул к себе со словами обвинения:

– Ты, конечно, недовольна мной. Разлучил ведь сегодня с Исламом. Не даром молчишь, верно, скован язык клятвой, да?

В такую минуту своего первого знакомства с женихом Жамиля на миг думала высказать все напрямик, но сразу не решилась:

– А ты приехал, ошетилившись на всех! Но никого своим гневом не напугаешь. Детей ведь нет, чтобы испугались выпученных глаз!

– А на кого ты надеешься? Кого тебе жаль? Скажи это! За то, что я вызвал сегодня, ты пришла ссориться. Скажи теперь все!

— Для меня равны все дни. И завтра бы все одно не увидел приветливее, какова сегодня, знать, уж такова всю жизнь. Нет у меня веселья, чтобы порадовать тебя. — Услышав эти слова, Жакуб убедился в справедливости всех слухов о ней и решил договорить все до конца. Он начал:

— Конечно, твои радости ушли с объятиями Ислама. А ты, кажется, и горда этим. Так почему же не сказала об этом отцу? Разве не учил этому твой возлюбленный? Этими словами ты уже, кажется, заявила, что не хочешь идти за меня. Коли так, скажи яснее. Я вызвал тебя только чтобы объяснить.

— А о чем нам говорить дальше с тобой?

— Да вот поговорим о твоих намерениях. Говорят, что ты обещала выйти за Ислама, если это верно, поговорим об этом.

Эта грубая хитрость жениха взорвала Жамилю:

— Если так, то я действительно не хочу быть подругой тебе. А переносу все это только благодаря насилию людей. Я люблю Ислама, что ведомо богу, не скрою от людей.

Выслушав ее, Жакуб ответил не сразу. Он обдумывал способ, как ответить на такое непокорное, дерзкое поведение невесты. По его мнению, Жамиля вместо стыда за свое преступление повторяет слова, которым ее научил Ислам, говорит, что презирает своего жениха. Они оскорбляют дух предков Жакуба. Какой будет позор, когда род заговорит, что дочь Исмаила отвергла, покинула Жакуба и ушла с образованным Исламом.

Ведь только вчера Азимхан и даже Исмаил были подчиненными, зависимыми людьми от его отца. А сегодня при Жакубе дочь одного и сын другого осмеливаются издеваться и унижать его. Нельзя переносить такой обиды. С этими мыслями он обратился к Жамиле, стоявшей до сих пор поодаль и повелительно предложил:

— Ну ложись!

Теряясь от неожиданности этих слов, Жамиля молчала. Но Жакуб уже расстегивал ее камзол, говоря при этом:

— Ты сегодня шутишь, смеешься надо мной. Первую колкость нельзя не перенести. Уж так и быть, раздenu я сам!

И он снял с нее камзол. Жамиля хоть не сопротивлялась

этому, но по-прежнему не пришла к нему и, немного постояв, заявила:

— Я к тебе не приду. Звал поговорить, и я пришла только для этого.

Услышав это, Жакуб с яростью вскочил с места, дернул Жамилю за руку и, колотя ее в грудь, приговаривал:

— Как ты смеешь издеваться надо мной! Позволил выказаться, а ты еще пуще!

Тут он повалил ее на землю, стал по-прежнему колотить и пинать ее.

Никогда невиданные до сих пор побои и унижение вызвали с горькими слезами обиды и гневную ненависть и презрение в Жамиле. Отчаянно сопротивляясь ему, она кричала:

— Убей, но не буду твоей. Лучше сырая могила, чем жизнь с тобой. Я презираю тебя! — выкрикивала она среди рыданий.

Жакуб, не выпуская ее, ответил:

— Негодная, думаешь, я погибну, если не женюсь на тебе? Хотел взять, думая, что ты девушка. А вот когда узнал, что ты баба, не возьму и за грош!

Тут он резко оттолкнул ее и пошел к постели. Жамиля, с трудом поднявшись, хотела с рыданиями выбежать из юрты. Но уходя решила взять свой камзол и халат. Жакуб не дал их:

— Уходи прочь! — сказал он, забрав себе ее одежду.

Жамиля вышла из юрты на рассвете. Прерывисто дул утренний ветер. В воздухе чувствовалась сырость и прохлада. Уныло, истомленно клонила луна к закату. В безмолвной тишине замерло все кругом. Казалось, мир затаил дыхание и застыл сурово. Аул в глубоком сне. И горе, терзавшее душу Жамили, и слезы, непрерывно льющиеся из глаз ее, неведомы никому. Тяжесть в ее душе была так сильна, что она, не будучи в силах нести ее, в изнеможении и бессильно прислонилась к отау, осталась стоять там. В поблекшей душе гаснут огни, и мертвящий покой, царящий кругом, примиряет ее теперь с покоем могильным.

Смертельно бледная, обливаясь слезами, она долго неподвижно стояла здесь. От кого ей ждать помощи, когда в

этот ад кинули ее отец и родная мать? Кому пожаловаться ей? Во всем сонном ауле единственно бодрствующая среди общего покоя, единственно лишенная покоя, она чувствовала себя подобно одинокой, забытой среди пустынных безлюдных степей могиле.

Простояв очень долго в таком состоянии, Жамиля стала сильно дрожать от холода. Подавленная своими терзаниями, она до сих пор не обращала внимания, как знобил ее холод, проникавший через ее тонкое платье. Кроме того, при выходе из отау она сознательно не хотела идти ни в одну из спящих юрт. Она думала прождать до утра на улице. Тогда еще она решила не показывать никому своих слез и мучений. Только ранним утром, еле двигаясь, прошла она до большой юрты. Жамиля очнулась в то время, когда в ауле все были уже на ногах. Утром, когда она легла в постель, ее поминутно бросало то в жар, то в холод. И с тех пор у нее не было сна. Забываясь в дремоте, она видела кошмары этой ночи, все путалось в ее голове. Не успокоение, а продолжение недавних мук испытывала она.

Когда наконец очнулась, ее щеки горели, огромной тяжестью давило на ее тело, и она чувствовала сильную головную боль и слабость во всем теле. Вначале она попыталась встать, но при этом так заломило голову, а тело как бы земля приковывала к себе. Лишенная сил, она вновь припала к постели. К ней подошла мать. Услышав жалобу Жамили на головную боль и заметив почти пылающий жар у ней, мать участливо спросила:

— Родная, не продуло ли тебя ветром, вид-то какой!

Калиман устроила поудобнее ее постель и уложила сама.

Жамиля заболела. Жар у ней усиливался и чем дальше, тем все чаще бредила она в забытьи. Страшные виденья носились перед ее глазами. А Исмаил в этот день, тщательно осмотрев, принял, наконец, калымный скот у сватов и уже готовился к тою⁵. Хоть Исмаилу, как и всем людям в ауле, было известно о болезни Жамили, они решили, что ее только продуло ветром и были заняты приготовлениями для приема уже приглашенных со всех окрестных жайляу⁶ и

⁵ Той — казахское пиршество.

⁶ Жайляу — летнее пастбище.

гостей. О болезни девушки думал только один Ислам. С самого начала болезни Жамили он был около нее, поминутно прикрывая больную одеялом, подавал ей пить.

В аул наехало очень много гостей. Они ходили большими пестрыми толпами из юрты в юрту. Все побывали у жёниха. Доносились громкие песни, веселый, дружный смех из ближайших юрт.

После еды все мужчины сели на коней и выехали несметной конницей на недалекий холм для всяких игр. Там устраивался азартный кокпар⁷, борьба и всякие иные состязания. Развлекались до самого позднего вечера.

Ислама не интересовали все эти увеселения. Отстав от всех, он все чаще заглядывал к Жамиле.

К ночи гости разъехались. В ауле остались для вечеринки лишь особо приглашенные джигиты, девушки и молодые женщины из родственных аулов.

А у Жамили в это время горело все тело, жар был нетерпимый, усиливался бред.

До этого в бреду она произносила одно, два невнятных слова. Но сейчас она часто звала себе на помощь людей, все чаще, вздрагивая в испуге, не находила покоя. Родные Жамили, не обращавшие на нее внимания весь день, сейчас начали поговаривать о ее состоянии.

Наконец, собрались вокруг нее сваты и товарищи жёниха вместе с ее родными. Духота в юрте и тесное кольцо окружавших больную посторонних людей давила на нее огромной удушающей тяжестью. Пробормотав несколько невнятных фраз, Жамиля вдруг среди общего молчания отчетливо произнесла:

— Ислам, милый, не покидай... Будь здесь, без тебя страшно!

Удивленные гости не нарушали своего молчания. Только смущенная ее словами Калиман, желая сгладить впечатление, объясняла:

— Учились вместе и в детстве часто играли с Исламом, вспоминает, верно, это.

При этих словах сидевший в группе гостей Муса толкнул своего товарища Сулеймана.

⁷ Кокпар — козлодрание — игра.

А Ислам ничуть не смутился слов Жамили. Наоборот, как бы получив для себя поддержку из ее слов, подвинулся к ней поближе, взял ее руку и спросил об ее состоянии. Жамиля по временам отвечала ему. А на расспросы других только молчала. Вскоре, не нарушив своего молчания, гости вышли из юрты.

С Жамилей остались ее свекровь, Калиман и Ислам. А товарищи жениха приступили к расшифровке недавних слов Жамили. Все они уже слышали от самого Жакуба о ночной сцене. Рассказав о ней, жених тогда высказывал догадку.

— Она какая-то безрассудная, думаю, не околдовал ли ее кто-либо? А сын Азимхана, верно, не без этого.

Сейчас, удивляясь словам Жамили, товарищи вспомнили эти слова жениха. Единодушно склоняясь к такому выводу, они говорили:

— А ведь и это возможно!

— Иначе, умная девушка и вдруг с чего так!

— Недаром все раскрывает сама! — толковали они.

И тут Муса по-своему распутал этот узел. Докладывая о каждом шаге Ислама, он говорил:

— Все прочее само по себе. Вчера я вам рассказал не все. Но я слышал одно его слово, вот послушайте-ка!

Джигиты насторожились и сблизились к нему.

— В первый день нашего приезда вечером Ислам и Жамиля долго пробыли вдвоем в крайней юрте. Помните, как он исчез? Я был там. Я за юртой подслушал все его слова. По всему заметно было, что он чем-то пугал ее. Он прямо заявил: не по-моему, так умрет кто-либо из нас троих: или жених, или ты, или же, говорит, я. После этих слов они оба притихли. Это одно, да?

А сегодня за кумысом он нечаянно проболтался и заявил нам: “Любой из этих девушек, какой хотите, стоит мне дать покурить моих папирос, так, говорит, закружится ее голова”. Значит, у него есть средство, чтобы вскружилась голова. Вот и видно по всему, что и ей он закружил голову и больше ничего.

— Джигиты теперь уже не сомневались.

— Значит, только это...

— В этом нет сомнения.

– Не даром же девушка, до сих пор ни в каких слухах не связанная с ним, вдруг сегодня при приезде жениха льнет к нему!

– Всему только одна эта причина, – решили они.

Эти слова в ту же ночь стали известны многим лицам в этом ауле.

И сватам, и жениху это объяснение было гораздо терпимее, чем сказать, что невеста отвергает жениха. Поэтому старательнее всех распространяли этот слух они сами. Дошла эта сплетня и до Ислама. Беспомощно обдумывая это, он не находил способа к оправданию. Кроме того, его так угнетала болезнь Жамили, что он отгонял всякие посторонние мысли и ничего не предпринял против этой клеветы.

Так прошло еще три дня. Жамиля слабела все более. Она уже не владела своим телом. Лишилась и сна, и питания. Сплетня, возникшая в день ее тоя, не утихла до сих пор. Сейчас она распространялась и за пределами аула Исмаила. И когда этот слух дошел до Калиман, она не знала верить этому или нет. И среди этих сомнений ей уже не нравилось присутствие Ислама около ее дочери.

Заметив это и подозрительные отчужденные взгляды всех других лиц в ауле, Ислам простился с Жамилей и уехал к себе. Спустя несколько дней Жамиля уже была в безнадежном состоянии. Она не узнавала людей. В последний вечер Калиман со свахой, сидя в сумерках около дочери, заметила, как постепенно угасает больная. Испугавшись, они позвали мужчин. Юрта была полна людьми, когда Жамиля последний раз тихо раскрыла свои веки. Взор был невидящий, потухший и безразличный. Калиман со сдавленным рыданием качнулась к ней и простонала:

– Родная моя, что стало с тобой? Какая беда постигла тебя? Как ты пугаешь! – и еще ближе нагнувшись, спросила:

– Или Ислам проделал что-нибудь? Скажи мне правду!

В ответ на это пошевелились пересохшие губы больной, и она из последних усилий еле внятно произнесла.

– Ислам... Ис...

Жадно прислушивавшиеся к ее ответу люди молча переглянулись между собой. К утру Жамиля скончалась, оставив неразгаданную загадку для родных.

Ранним утром все окрестное население уже было оповещено об этой смерти. Узнал это и Ислам. Большинство аулов одновременно с известием о смерти слышало и объяснения ее. Передавалось, что сын Азимхана убил ее колдовством. На другой день множество собравшихся на похороны всадников повезли тело Жамили за 20 верст от аула и похоронили ее рядом с могилами ее предков и близкой родни.

Чинно оплакивая смерть невесты, прожили в ее ауле еще три дня жених и его свита и после вернулись к себе.

Жуткий слух, связанный с именем Ислама, в три-четыре дня обошел все окрестные жайляу. Самой необыкновенной, ужасной и на сотни ладов измененной и прикрашенной новостью обошел он все соседние четыре волости. Этому слуху охотнее верили люди еще потому, что в центре события стоял загадочный, непонятный для них выходец из города, из неведомой школы. Ко всему этому на голову Ислама обрушилась новая невзгода. Дело в том, что жених, вернувшись к себе, поехал в ближайший поселок и обратился к старой русской ворожее, чтобы она на картах разгадала тайну полурусского странного человека и смерти его невесты.

Ворожея ему объявила, что невеста погибла от колдовства молодого человека врага. Родные Жакуба об этом известили родителей покойницы.

А среди сторонников Жакуба и Исмаила и им подобных людей все эти разговоры распространялись как доподлинные истины.

Ислам был бессилен бороться с молвой, ходившей на устах почти у всего населения. Неизлечимой раной было горе об утраченной возлюбленной. Обессиленный и одинокий, он терял волю. Часто плакал он днем и ночью. А его мученья не хотели понять не только чужие, но и собственные родные. Видя измученный, растерянный и нахмуренный вид своего сына даже отец подумывал: “Уж не правда ли эта людская сплетня?” С каждым днем все жестче, холоднее становился он к сыну.

Но, с другой стороны, отец сейчас не мог бы показать вида, что он верит этим слухам. Тогда бесспорно поднялся бы грозный для него вопрос о пени за убийство девушки. Поэтому он везде выступал в защиту сына.

С этой целью он, взяв с собой влиятельных людей своего рода, съездил в аул Исмаила. Говорил о прежнем родстве и дружбе и наконец уговорил Исмаила не поднимать скандального вопроса о пени. Но Калиман, оплакивая при нем смерть своей дочери, причитала:

— Не показывайся мне на глаза, ты, черноликий Ислам! Разве не была она тебе сестрою? Против кого ты задумал зло? — Обвиняла она отсутствующего Ислама.

Передавая об этом домашним, Азимхан явно выказывал свое презрение к сыну. Скоро не только среди чужих, но и в своем родном ауле трудно было Исламу показываться людям на глаза. На каждом лице он видел недоверие и брезгливую отчужденность от него.

И когда он однажды поехал развестись к родственникам в соседний аул, байбиче⁸ этого аула Батима обратилась к нему с большой просьбой:

— Дорогой, среди больших бед стыд молчит. Пусть неудобно говорить об этом, но я вынуждена тебя просить. Не осуждай. Вот моя невестка, жена твоего сверстника Жумакала, недовольна своим мужем. Боюсь, что еще осрамит она нас. Так вот, сделай, милый, над ней то, что ты умеешь, как люди говорят, делать над такими, вылечи ее.

Ислам от гнева не находил слов, резко оборвал ее и быстро отошел прочь. Байбиче хоть и не поняла его поступка, все же осталась еще более уверенной в его необыкновенной тайне.

Непонятый ни одним человеком из окружающих, Ислам не нашел другого выхода, как только бежать, скорее бежать из этого аула. Скоро пароконная подвода с джигитом кучером везла его в город.

Выехав из аула с раннего утра, они несмотря на то, что это было не по пути, свернули на дорогу, ведущую к зимовке Исмаила, и в полдень доехали до нее. Это был один из самых душных, знойных дней июля. Путники доехали до зимовки в самый разгар жары. Не давая кучеру остановить коней, Ислам крикнул везти к могильному кургану, видневшемуся недалеко на выжженном солнцем желтом холме. Безлюдный и бесконечно унылый вид безмолвных окрест-

⁸ Байбиче — старшая жена.

ностей наложил свой тоскливый отпечаток и на старый полуразрушенный могильный курган.

Подъехав к нему, подвода остановилась, и Ислам, сойдя с тележки, вошел на этот курган.

Там было несколько заросших сухой колючкой старых могил. Только свежая насыпь на одной могиле, расположившейся у одной стены кургана, обнаруживала след Жамили. Свежесть земли на ее могиле не задета еще ни ветрами, ни дождем. У ее изголовья торчал широкий серый камень, и ниже его на могиле лежал положенный рукой матери потрепанный старый Коран.

Подойдя к могиле, Ислам пристально вглядывался в эту старую книгу. Низко наклонившись над ней, он узнал ее. Это был тот самый Коран, имевший тогда пеструю новую обложку. По нему еще детьми обучались у муллы по очереди Жамиля и Ислам непостижимой жесточайшей арабской грамоте. Сейчас сошли с него все краски, как он посерел.

Мигом пронеслась перед глазами Ислама вереница свежих и ярких воспоминаний детства, связанных с Жамилей.

Свежа и глубока еще была боль в нем. Дрожащей рукой он раскрыл первую страницу старой книги и на ней увидел в нескольких местах написанное еще детской рукой Жамили его имя.

Ислам наклонился, чтобы поцеловать каждую из этих надписей, но в это время книга выпала из его рук, и он упал, с рыданием обнимая могилу.

Обессиленный, с покрасневшими и опухшими глазами, сел он на тележку перед самым закатом.

КРОВАВАЯ НОЧЬ

Светила луна.

Тысячи звезд на бездонном небе мерцали как дальние огоньки в безбрежных степях.

Был конец июля и кочующие аулы с дальних урочищ — жайляу¹, уже возвращались к осенним выпасам.

Несколько таких аулов прикочевали вчера на широкий лог Кен-Озек — одно из лучших жайляу в этой местности.

Кен-Озек мог вместить добрых 20 аулов волости Терис-Аккан, когда ее многочисленные роды кочевали сразу густыми потоками стад и всадников. Посредине Кен-Озека, обильно поросшего сочной травой, протекала узкая речка. Здесь всегда — даже в самый жаркий летний день — царила приятная прохлада. С севера, из-за высоких гор, непрерывно доносилось влажное дыхание прерывистого ветерка. Окружающие холмы, одетые густой травой, никогда, казалось, не потеряют своей молодой зеленой свежести. Сейчас, в покое и безмолвии летней ночи, Кен-Озек был похож на дремлющую красавицу; окутанное легким туманом жайляу, словно дышало теплой и влажной полумглой. Ряды белых юрт — аулы, разбросанные по Кен-Озеку, словно яйца в гнездах. Большинство аулов уже спит: тундуки² закрыты, и юрты, освещаемые лунным светом, безмолвствуют, покорно подчинившись ночной тишине.

Спят юрты, спят стада и лишь редким окриком бессонных дозоров, да отрывистому лаю собак вторит далекое степное эхо. Однообразный голос усталого караульщика призывает к покою и сну.

И кажется, будто, чуть покачиваясь в лунном тумане,

¹ Жайляу — летнее пастбище.

² Тундук — кошма, закрывающая верхнее отверстие юрты.

медленно плывет куда-то Кен-Озек, зачарованный неведомым грустным сном.

Лишь кое-где сквозь открытые тундуки байских юрт виден красноватый цвет: в земляных очагах, то угасая, то ярко вспыхивая вновь, бодрствуют костры.

В этих юртах, несмотря на позднее время, сегодня еще не ложились.

Во всех аулах на арканах, протянутых между большими юртами, были привязаны оседланные кони, остывающие после долгой скачки; их немало погоняли сегодня с полудня.

При каждом резком звуке кони и теперь беспокойно вздрагивали, нетерпеливо фыркали и били копытами землю.

Почему же тревожные красноватые отсветы байских очагов пятнают лунное серебро?

Почему тревожно прядают ушами и рвутся с керме³ славные скакуны? Откуда эта резкая нитка тревоги в тихой музыке ночного жайляу?

Население волости Терис-Аккан ежегодно пасло летом свой скот по соседству с жайляу Карагандинской волости. Караганда и Терис-Аккан входили в разные уезды, и каждая из этих волостей представляла собою отдельный род. Обычно они кочевали далеко друг от друга и встречались лишь на летних пастбищах. Оба рода были богаты и многочисленны, они сознавали свою силу и держались с вызывающим превосходством.

То ли из-за личной вражды родовых старейшин — аксакалов, обоюдно завидовавших богатству и высокому положению и всячески старавшихся насолить друг другу, то ли из-за обоюдного озорства и вызывающих выходок людей, подстрекаемых этими аксакалами, словом, роды эти с давних пор враждовали между собой.

Они вечно ссорились, скандалили и следили за каждым движением друг друга. За последние два года вражда их особенно обострилась и ненависть одного рода к другому достигла крайнего предела.

³ Керме — арканы, протянутые между юртами и служащие вместо коновязи.

Терис-Аккан и Караганда готовы были решительно на все, чтобы только причинить враждебному роду хоть какой-нибудь ущерб. И тот, и другой десятки раз жаловались властям на вожakov, заправил противной стороны и не жалели сил на сутяжничество и денег на адвокатов, на приставов и урядников, изредка заезжавших в пределы этих волостей. Но ни Терис-Аккан, ни Караганда не добились серьезного успеха. Власти не желали особенно глубоко и обстоятельно вникать в существо споров. А силами уездных властей разрешить эти споры было довольно трудно, так как враждующие роды двух волостей принадлежали к разным уездам. Поэтому эти власти хоть и принимали прошения и дары от своих волостных управителей, но к уложению дел не приступали. А вражду и набеги родов записывали в своих канцеляриях как должную и как нужную междоусобицу, “своими последствиями не вредную для общегосударственных целей”.

Ввиду того, что бесчисленные взаимные жалобы оставались без ответа, тяжбы между родами тянулись целые годы.

Однако терис-акканцы и карагандинцы боролись друг с другом жалобами и исками лишь зимой, когда они расходились в разные стороны на сотни верст.

Летом же, на жайляу, живя в невольном близком соседстве, они пускали в ход другие способы сведения давних счетов: барымтовали⁴ друг у друга скот, собирались большими толпами и бахвалились своей силой перед враждебным родом. Случалось, что дело доходило и до серьезных драк.

Так продолжалось в течение многих лет. За это время между Терис-Акканом и Карагандой накопилось немало острых спорных вопросов. Земельный иск, женский иск, кун⁵.

Нынешним летом родовая междоусобица разгоралась особенно жарко; обе стороны действовали с удвоенной энергией. Все лето, пока противники пользовались смежными жайляу, мужчины буквально не сходили с коней.

В аулах все чаще переходили из уст в уста самые разнообразные слухи о ночных происшествиях.

⁴ Барымта — насильственный угон скота через набеги.

⁵ Кун — уплата за убитого человека.

То оказывалось, что на табуны такого-то напали враги и отбили часть табуна, завтра, глядишь, у другого незваные ночные гости угнали несколько лошадей.

Иногда аул оглашался внезапным шумом и гамом: воры подбирались и к юртам.

Враждебные действия двух родов издавна отличались какой-то своеобразной закономерностью.

Каждый год в начале летнего соседства на жайляу Терис-Аккан и Караганда вели себя сравнительно мирно и не слишком беспокоили друг друга, как бы стараясь усыпить бдительность противника; но зато к осени, а в особенности перед откочевкой на зимовки, борьба между родами принимала все более и более острые формы. В иные годы, укочевывая в разные стороны, они на много верст преследовали друг друга ночными налетами и успокаивались лишь тогда, когда безлюдные степные просторы окончательно разделяли их своими затрудняющими переходами.

Терис-акканские аулы, дремавшие на Кен-Озек в эту ночь, всегда были в центре всех событий давней родовой вражды.

То были самые влиятельные во всей волости аулы Доспола; они постоянно руководили всеми “военными действиями” Терис-Аккана против Караганды. Все нападения производились по наущению и указаниям Доспола. В разгар междоусобицы Доспол подробно сообщали о всех спорах и недоразумениях. Своеобразный воротила всех дел Терис-Аккана – Доспол – подчас даже брал на себя роль верховного судьи в различных тяжбах и безапелляционного советчика в затруднительных случаях.

Мы без труда найдем юрты Доспола среди немногих аулов, ночующих сегодня на Кен-Озек; он расположился как раз посредине лога.

Вот почему с наступлением ночи старики и старухи тоскливо вздыхали, приговаривая: “Что-то будет!..”, а молодые смельчаки, скрывая лихорадочное нетерпение, начинали седлать коней и клали поближе к изголовью верные дубины.

Джигиты Доспола в нынешнем году решили окончательно унижить Караганду, смелым налетом барымташи угнали тридцать коней из табуна Айдара – главного аула враждеб-

ного рода. Несколько дней назад представители Караганды, явившиеся к Досполу для переговоров о возврате коней, уехали, не получив никакого ответа.

Весь Терис-Аккан, в особенности же Доспол и ближайšie к нему аулы, ожидали со стороны Айдара решительных действий.

Терис-акканцы молча готовились к этому и старались ничем не выдать своего беспокойства, подобно участнику поединка, строго соблюдающему очередь в ударе.

Большинство родовых воротил, участников всех дел Доспола, вынужденных теперь разделить с ним всю тяжесть мести Айдара, решили все время кочевать вместе с Досполом и держаться поближе друг к другу. Однако стада их аулов были слишком велики и при чрезмерной скученности овцы разных владельцев смешивались; разделить же их вновь и проверить было нелегко. Поэтому на самом Кен-Озеке вместе с Досполом находилось только шесть аулов. Остальные расположились почти вплотную друг к другу на окрестных урочищах.

С каждым днем ожидание становилось все напряженней, тревога все усиливалась, и в эту ночь на Кен-Озеке ждали больших событий.

Враждующие роды, готовясь к самым решительным действиям, посадили на лучших коней всех джигитов, владеющих дубинами.

Днем и ночью рыскали по жайляу дозоры.

В этом отношении Доспол превзошел своих врагов. Он был хитер, осторожен и бдителен. Посылая вместе с другими джигитами своих сыновей и родственников, часто выезжая в дозор и сам, он без усталости разнохивал, что делается в окрестностях. Разведчики Доспола часто захватывали врагсплох и уводили к себе в аул джигитов враждебного рода. Когда Терис-Аккан прикочевал на жайляу, Доспол нанял много табунщиков, выбирая надежных и храбрых джигитов, годных для схватки с карагандинцами. Вот почему отправленные Айдаром барымташи много раз возвращались, не солоно хлебавши, нарвавшись на дубины досполовых пастухов, в руках которых оставался подчас и кое-кто из незадачливых айдаровских налетчиков.

После удачного угона тридцати лошадей из табуна Ай-дара, Доспол стал еще осторожней и предусмотрительней, чем раньше.

Самых храбрых и сильных джигитов собрал он в свой аул, дал им надежных и быстрых коней, вооружил их дубинами, а некоторых ружьями.

Но сильнейшим и храбрейшим из них был табунщик Доспола – Халбагай – приземистый и широкоплечий, смуглый тридцатилетний джигит с редкой бородкой.

Халбагай был грозой всех врагов Терис-Аккана. Матери в аулах Караганды пугали его именем плачущих детей.

Но не только силой и отвагой славился Халбагай.

Лучшего табунщика не было в степи. В зимние бураны, когда всаднику не разглядеть даже ушей своего коня, Халбагай никогда не отставал от табуна. Он был нечеловечески вынослив и, казалось, не знал, что такое усталость.

“Снег подстилкой, а лед – подушкой”⁶ были для него.

Не было случая, чтобы с лошадьми его табуна произошло какое-нибудь несчастье. Халбагай знал все хорошие пастбища на много сотен верст в округности. Джуг⁷, волки и барымташи были бессильны против опытного и отважного табунщика.

“Одному Халбагаю обязаны баи благополучием их табунов”, – твердили бедные пастухи в аулах Доспола. А богатеи захваливали его в глаза, но не оплачивали его трудов и главное не давали ни летом, ни зимою ни единого дня вольной свободной жизни, дня отдыха и покоя. Лошади словно чувствовали власть Халбагай над собой. Самый норовистый конь останавливался, дрожа от страха, когда Халбагай пустился за ним в погоню на белом своем жеребце.

Аркан Халбагай останавливал на всем скаку даже одичавших в косяках жеребцов, шеи которых до 4–5-летнего возраста не знали курука⁸. Они падали в изнеможении раньше, чем им удавалось хоть немного сдвинуть с седла Халбагай, железной рукой державшего аркан, накиннутый на шею непокорного животного.

⁶ Казахская поговорка.

⁷ Джуг – массовый падеж скота вследствие гололедицы.

⁸ Курук – аркан, привязанный к шесту для ловли лошадей.

В ответ на все разговоры о близком налете карагандинцев Халбагай посмеивался: “Кто не покорит слабый аул? Кто не осилит слабого джигита? Зачем соваться в схватку тому, у кого трясутся поджилки при виде врага?”

Сегодня Халбагай находился при табуне. Вместе с ним Доспол отправил туда еще десяток джигитов, а остальных держал наготове в своем ауле, близ оседланных коней, стоявших на привязи.

Предосторожность Доспола не была напрасной; в этот день были самые серьезные поводы для тревоги.

Пастух верблюжьего табуна видал сегодня после полудня группы всадников, выехавших со стороны жайляу Караганды.

Пастух не мог точно сосчитать их, так как видал их издали, но, по его словам, вражеский отряд был очень многочислен. Карагандинцы ехали быстро и, насколько мог определить пастух, держали направление на урочище “Красные скалы”, верстах в десяти от Кен-Озека.

Эту весть пастух сообщил аулу только в час екинди⁹.

Доспол и его люди, рассудив, что ночь уже близка и что их разведчики могут разъехаться с врагами, решили выждать нападения Айдара в ауле, у табуна, и вступить в схватку, если враги сами пожалуют к ним.

Тем временем джигиты, дежурившие в табуне, вернулись в аул поужинать, полагая, что айдаровские барымташи совершат налет перед зарей, когда лошадей будут сгонять, как обычно, в кучу. Перед этим они перегнали табун поближе к аулу, на сторону, противоположную той, откуда ожидалось появление карагандинцев и, на всякий случай, оставили при табуне, кроме пастухов, еще несколько человек.

По общему мнению, к которому присоединились и Доспол с Халбагаем, Караганда на этот раз должна была совершать налет, подготовленный как следует, ибо дважды перед этим джигиты, посланные Айдаром, не только вернулись ни с чем, но и были так дружно приняты в дубины, что еле спаслись позорным бегством, увозя на своих плечах и спинах многочисленные синяки и кровоподтеки и оставив пару пленных в руках терис-акканцев. Кроме того, Доспол, угнав

⁹ Екинди — молитва перед закатом солнца.

тридцать лошадей Айдара, даже не соблаговолил вступить в разговор с приехавшими по этому поводу гонцами.

За последние дни узун-кулак¹⁰ донес верные вести о том, что Айдар собирает к себе всех самых ловких барымташей и самых боевых джигитов из всех аулов своего рода и что он готовится к серьезному налету с большим количеством всадников. Достоверно известно было людям Доспола и о том, что на стороне Айдара на сей раз будут действовать и Ханахай с Жоламаном – известные братья-конокрады, не брезговавшие при случае ни насилием, ни кражами, ни прямым разбоем. Этих отъявленных воров хорошо знали не только Терис-Аккан и Караганда, но и все окрестные волости, да и вообще, чуть ли не вся степь.

Ханахая и Жоламана поминали злобными проклятьями во многих юртах; их по заслугам называли “волками жайляу”.

Воровские проделки братьев привлекли наконец, после многих жалоб со стороны степного населения, пристальное внимание уездных властей.

Пристав и стражники охотились на “волков жайляу” уже много дней. Но братья-воры до сих пор счастливо избегали полицейских ловушек, скрываясь в степи. Удача сопутствовала им, и они не раз водили за нос своих незадачливых преследователей.

Разбойничьи подвиги братьев с каждым днем становились все наглее; “ежели даже “орыс”¹¹ не смог поймать нас, так у казаха и вовсе руки коротки”, – говорили они.

Степная молва упорно утверждала, что Ханахай и Жоламан никогда не показываются без оружия и что ружья за их плечами и кинжалы у поясов в любую минуту готовы на черное дело. Этих-то молодчиков, по данным узун-кулак, и принял под свое покровительство оскорбленный и мстительный Айдар, чтобы послать против Доспола.

Джигиты, вернувшиеся в аул из табуна, мирно сидели за ужином у очага просторной юрты Доспола в тиши уснувшего аула и беседовали о силе Халбагая и о последних набегах братьев-конокрадов.

¹⁰ Узун-кулак – весть, передаваемая по степи из уст в уста.

¹¹ Орыс – русский.

Внезапно из-за реки, с северной стороны жайляу, где расположился один из аулов Терис-Аккана, послышались тревожные крики. Люди у очага Доспола вздрогнули и застыли, прислушиваясь.

Недоуменная мысль – “что произошло?” – быстро сменилась страшной догадкой. Некоторые выбежали наружу.

Немного спустя отчетливо, как звон набата, ударил в уши давно ожидаемый сигнал тревоги – громкие крики: “Аттан!”¹². На коней!

Юрта Доспола быстро опустела, все выбежали на улицу. В тот же миг и со стороны табуна, раздирая ночную тишину, донесся отчаянный вопль – “аттан!”, частый топот многих копыт по каменистой почве и резкий треск скрестившихся в драке дубин.

Услышав призыв “аттан!” со стороны табуна, крайний аул тоже всполошился и зашумел. Выбегавшие из юрт джигиты суетливо бегали взад и вперед, размахивая своими соилами¹³; один за другим вскакивали они на коней и уносились туда, откуда слышался шум начавшейся схватки.

Едва услышав топот и призывный зов “аттан!”, неумолчно доносившийся со стороны табуна, кони, стоявшие на привязи, возбужденно заржали и бешено рванулись с керме. Некоторым из них удалось оборвать арканы; они тревожно метались из стороны в сторону, не давая сесть в седло торопливо подбежавшим джигитам.

В бестолковом гуле общей сутолоки едва слышны были тихие молитвы и густые причитания испуганных стариков и старух, которые тоже выползли из юрт. “О, господи, помилуй нас, бедных, – шептали их дрожащие губы, – о, боже, побереги от худого!”

Кто-то из молодых, ругаясь, успокаивал их: “Да замолчите вы, наконец. Чего каркаете? Что особенного случилось?” Боязливые кучки женщин и ребятишек, испуганно прижимавшихся друг к другу, тоже толкались среди джигитов и, хотя сердца их леденели, а колени невольно подгибались от страха, – они нетерпеливо и с любопытством ожидали, что будет дальше и жадно разглядывали необычайные картины кипучего ночного оживления.

¹² Аттан! – На коней!

¹³ Соил – дубина.

Севшие на коней джигиты вразброд, не дожидаясь остальных, уносились с быстротой ветра и, оглашая воздух криками: “Где? Где?”, мчались друг за другом. Немного спустя в ауле не осталось ни одного мужчины, способного сидеть в седле.

Вслед за другими и сам Доспол в сопровождении надежных джигитов неторопливо направился к месту схватки.

Среди оставшихся женщин была мать Халбагая – старуха Умсындык.

Словно терзаемая каким-то предчувствием, она то и дело всхлипывала и причитала: “О, господи, Ак-Сарбас”¹⁴. Надежда одинокого только на бога”...

Ее единственной опорой был Халбагай, кроме сына бедная Умсындык не имела ни родных, ни близких. Двадцать лет служил у Доспола Халбагай, но до сих пор не женат. Не смог еще уплатить всего калыма за просватанную невесту. Не так много и должен был он платить за свою бедную невесту. Но вот так ничтожно мало платил ему за труды Доспол. Сколько раз Халбагай в отчаянии собирался уйти отсюда, сколько раз мать его при его жалобах на злую долю плакала, жалея его юность, его бесплатные труды, но хитро и крепко держал его Доспол у себя. Щедрым он был на слова. Объявил Халбагая хозяином всех своих табунов, не жалел пищи и должной одежды для табунщика, выделял Халбагая своим вниманием и таким обхождением опутывал его. Давно познала эти уловки мать Халбагая, и в такие опасные, как сегодня ночи, проклинала даже призрачную славу своего сына. “Своими похвалами они столкнут тебя в яр, сын мой! Для чего тебе храбрость, когда она не для твоей жизни, а только для охраны чужого добра?” – говорила Умсындык. Молчал тогда Халбагай, в душе он был согласен с ней. Но как сажился он на белого скакуна-жеребца и с надежным соилом уезжал в ночь за безмолвные холмы, он ждал событий, он хотел, чтобы скорее рвалось утомительное безмолвие долгой ночи.

Оставшиеся в ауле с поминутно возраставшим нетерпением ожидали вестей о том, что делается в табуне.

¹⁴ Ак-Сарбас – буквально – белоголовая овца. Подразумевается обещание принести в жертву богу овцу, чтобы он спас от беды.

Всадники некоторое время шумно перекликались за аулом, потом отрывистые: “Где, где?” стихли. Джигиты умчались в сторону, откуда раздалось первое “аттан!”.

Прошло довольно много времени. Лишь изредка доносились издали приглушенные расстоянием крики. Казалось, будто сражающиеся быстро удаляются от аула.

На врагов одновременно с пастухами ринулись всадники из всех аулов, находящихся на Кен-Озеке. Чуткие ночные караульщики неистово вопили “аттан!”, науськивая осатаневших собак, захлебывавшихся бешеным лаем.

Шум схватки, лай собак, крики людей и топот многих коней, яростно понукаемых всадниками, устремившихся в ночь по призывному сигналу, — все это разбудило и всполошило степь на многие версты кругом.

Неумолчный хаотический гул долго метался над аулами Кен-Озека.

Все, кто остался у юрт, от мала до велика, разумеется, и думать забыли о сне и покое. В общем гомоне слышались возбужденные разговоры.

Женщины, то и дело испуганно озираясь, перебежали от аула к аулу, чтобы узнать подробности о случившемся и происходящем, и, оживленно жестикулируя, засыпали друг друга словами.

Время от времени разговор замирал; собеседницы умолкали и настороженно прислушивались к далекому гулу и топоту, шепотом призывая к молчанию.

К этому времени внимательное ухо могло определить, что центр схватки уже переместился от табуна и что дерущиеся, обогнув верхнюю часть Кен-Озека, повернули к югу, держа направление на жайляу Караганды. Это рассеивало последние сомнения в том, что виновниками ночной тревоги были именно карагандинцы.

В смутном гуле, волны которого непрерывно наплывали издали, можно было отчетливо различить то характерный звук удара дубины о дубину, то дробный конский топот, то постепенно затихающие отрывистые крики.

Внезапно женщины вздрогнули... Эхо трех выстрелов раскатилось по степи...

У Доспола, вместе с соседними аулами, было до тысячи голов лошадей. Табунщики, услышавшие рассказ пастуха

верблюжьего табуна о подозрительном передвижении карагандинских джигитов, по мере приближения ночи все нетерпеливее ожидали появления врагов близ табуна.

С наступлением сумерек Халбагай снова поймал белого жеребца, которого отпустил пастись, и вскочил в седло. Энергичный, находчивый и опытный табунщик, не раз на своем веку имевший дело с ворами и конокрадами, торопился принять сегодня все меры предосторожности и предусмотреть все случайности наступающей неспокойной ночи. По обыкновению Халбагай время от времени подъезжал к остальным табунщикам и подбадривал их веселыми шутками, чтобы прогнать их сон.

Сам же он беспрерывно в куче объезжал табун со всех сторон.

Халбагай старался не дать табуну рассыпаться и заставить лошадей держаться. То и дело заворачивал он обратно к табуну непокорные косяки, норотившие погастись отдельно от остальных.

Табун медленно передвигался по жайляу. Халбагай неотступно следовал за ним и зорко поглядывал по сторонам.

Кругом табуна расстилалась холмистая местность со многими укромными закоулками, как нельзя более удобными для тайной засады. Потому-то Халбагай и старался помешать табуну разбрестись.

Как только головная часть табуна подходила к этим подозрительным холмам, Халбагай немедленно подхлестывал белого скакуна и отправлялся на разведку.

С каждым часом табунщик становился все бдительней, без устали носился он кругом табуна, беспокойно оглядывая залитое луной жайляу.

Он несколько раз обскакал кругом долину, в которую медленно спускался табун, не довольствуясь этим, осторожный Халбагай то и дело опережал табун на добрую версту, рыскал по дремлющим оврагам и холмам. Время от времени он снимал с головы свой тымак¹⁵ и застывал, затаив дыхание, словно вслушиваясь в немое беззвучие ночи. Белый жеребец Халбагай тоже замирал в эти минуты, боясь фыркнуть или звякнуть удилами, видно было, что он не раз во-

¹⁵ Тымак — зимняя шапка.

зил своего хозяина в опасные ночные налеты. Словно следуя примеру Халбагая, конь настороженно прядал ушами и чутко вздрагивал при каждом звуке.

...Так наступил поздний час, когда все население аулов уже улеглось спать и последняя нота домбры, играя на которой веселил молодежь какой-то неутомимый полуночник, давно уже отзвенела в прохладном ночном воздухе.

Халбагай объехал табун с восточной стороны и, убедившись, что там все спокойно, повернул было обратно, но вдруг с запада на одном из холмов, ярко освещенных луной, показался большой конный отряд.

Пришпорив коней, всадники с криком ринулись к табуну, на скаку размахивая и стуча своими тяжелыми соилами.

Быстро и шумно, точно стая испуганных гусей, пролетающих над степью глубокой полночью, спускались они в долину, распугивая мирно пасущихся лошадей.

Врагов было много.

В тот же миг, когда они подобно черной туче показались из-за холма, Халбагай, не потерявший присутствия духа при виде барымташей, примерно подсчитал их количество. Результат подсчета был далеко неутешителен: 15 джигитов, охранявших табун, оказались лицом к лицу с четырьмя десятками карагандинцев.

Едва завидев шумную толпу налетчиков, огласивших всю окрестность неистовыми криками, табун в испуге, как бурный поток, хлынул в сторону Халбагая.

Топот их был подобен шуму степного пожара в ветренный день.

Несколько табунщиков, объятых внезапным страхом, помчались вслед за табунном и лишь человек 10 поскакали навстречу врагам с громким криком “назад”, размахивая белыми дубинами, сверкавшими в лунном свете словно мечи сказочных батыров¹⁶.

Обе группы всадников сшиблись вплотную.

Началась неравная схватка.

Тем временем почти половина налетчиков отделилась от дравшихся и поспешила к табуну, чтобы воспользовав-

¹⁶ Батыр – богатырь.

шись замешательством терис-акканцев, захватить его весь и быстро перегнать к Айдару.

В погоню за ними тотчас пустились несколько табунщиков. На скаку им удалось раз-другой померяться силами с врагом. Сразу видно было, что на этот раз нападавшие действовали смелее, энергичней и решительней, чем раньше; они знали, что количественный перевес на их стороне.

С первой же минуты появления карагандинцев защитники табуна подняли неумолкающий крик “аттан!”

Между тем табун, еще более испуганный этим резким призывным кличем, умчался из долины и кинулся за холмы.

После быстрого обмена первыми ударами с людьми Терис-Аккана барымташи погнались за табуном, не желая, видимо, терять в схватке дорогое время.

Табунщики поскакали им вслед...

Среди нападавших особенно выделялись два всадника, они были заметно смелей и напористей остальных и по всему их поведению легко заключить, что они-то и есть главные заправилы сегодняшнего налета.

Один из них сидел на сером в яблоках коне, под другим — ходуном ходил статный гнедой с пышным хвостом и белой лысиной. Конь был длиной, как говорится, от порога до тора¹⁷.

Эта удалая пара уже успела сбить с коней трех табунщиков. Даже отступая, ухитрились они со всех сторон осыпать своих преследователей сильными ударами. В самой гуще схватки, под ударами многих соилов, они ловко и быстро парировали удары, умело фехтуя своими дубинами и, оставаясь невредимыми, удачно выкручивались из самых затруднительных положений.

Эти двое сразу бросились в глаза всем табунщикам и с первых же наскоков сумели показать свою силу.

Раздавая удары направо и налево, теснили они противников и при каждом взмахе соилов хвастливо приговаривали: “Я — Хонахай”, “Я — Жоламан!”

Сейчас братья-конокрады, немного задержавшись и от-

¹⁷ Тор — почетное место в казахской юрте.

став от остальных, бились с несколькими табунщиками, мешая им прорваться к табуну.

Сквозь непрерывный стук скрещиваемых соилов то и дело прорывались злобные восклицания: “Ва, ширкин-ай”¹⁸, произносимые сквозь яростно стиснутые зубы.

Так, ни на минуту не прекращая схватки, табунщики и барымташи, преследовавшие их по пятам, проехали вдоль всего табуна и поскакали, наконец, к головным косякам, которые состояли из ста, примерно, голов.

Отрезав эти косяки от основной части табуна человек пятнадцать барымташей стремительно гнали их своими соилами, поднимая целый буран пыли, серые облака которой вот-вот, казалось, скроют от глаз луну...

Халбагая не было среди табунщиков, смешавшихся с врагами в пылу жаркой драки.

В ту минуту, когда испуганный появлением барымташей табун хлынул навстречу Халбагаю, он попал в самый центр этой стремительной волны. Потные крупы и крепкие бока очумевших от страха лошадей затерли его, не давая вырваться.

Полосуя плетью своего белого жеребца, взбешенный Халбагай выбрался наконец из табуна и с криком поскакал туда, где клубилась под луной пыль большой схватки.

Однако, увидев группу врагов, несущихся по направлению к табуну, он сразу круто повернул и погнался за ними.

Когда Халбагай настиг скачущих на табун барымташей и врезался в их толпу, к нему присоединились еще четверо терис-акканцев пастухов, устремившихся на выручку табуна.

Пять табунщиков смело кинулись на пятнадцать барымташей; завязалась ожесточенная драка. Джигиты, бившиеся рядом с Халбагаем, уже окончательно оправились от первого приступа страха и яростно наскакивали на карагандинцев.

Дубина Халбагая то и дело взлетала над головами и спинами врагов...

Вот уже один из барымташей приник лицом к гриве своего коня и, судорожно цепляясь за его шею, свалился в

¹⁸ Ва, ширкин-ай – О, злодей.

траву. Минуту спустя из пыльного облака выбежал гнедой жеребец без седока, его задорный хозяин грузно грохнулся оземь под тяжелыми ударами Халбагай.

Халбагай удовлетворенно взвесил на ладони свой черный шокпар¹⁹ и занес его для нового удара.

Тем временем торопившиеся к табуну враги, в расчеты которых нимало не входила потеря времени на рукопашную с упрямыми табунщиками, решили прорваться в самую гущу табуна и, расколов его надвое, угнать половину лошадей.

Но не тут то было...

Табунщики, руководимые отважным Халбагаем, не давали врагам рассыпаться пошире, чтобы охватить своей цепью побольше коней.

Поэтому карагандинцы кинулись, размахивая дубинами, отгонять ту часть табуна, которая оказалась впереди них; здесь было около ста голов.

Как только задержавшаяся в драке с табунщиками задняя группа налетчиков, продолжая на ходу наносить и отражать удары, подскакала поближе, — Халбагай, собрав вокруг себя всех своих товарищей, отрывисто бросил им: “Не отставать! Все за мной!”

С этими словами Халбагай резко подстегнул плетью своего белого жеребца и сильными ударами шокпара вышибая из рук врагов мелькающие в воздухе соилы, поскакал во главе табунщиков вслед за налетчиками, гнавшими перед собой отбитый ими косяк.

С быстротой молнии ринулись табунщики на этот косяк и врезались в самую гущу испуганных коней.

Громкими криками и частыми взмахами дубин им удалось разогнать сбившихся было в кучу лошадей, которые испуганно шарахнулись от табунщиков и группами по несколько голов помчались в разные стороны. Многие, все более и более пугаясь, с громким ржанием пустились обратно к главной массе табуна.

Барымташи, бывшие позади, не смогли удержать лошадей, очумело кинувшихся врассыпную. Их дубины и угрожающие крики были бессильны остановить эту бешеную лавину.

¹⁹ Шокпар — длинная дубина с набалдашником на конце.

Свыше половины лошадей, угнанных карагинцами в начале налета, разбежались кто куда, благодаря хитрому маневру находчивого Халбагая. В руках врагов осталось уже не больше 20–30 голов.

Упорный Халбагай, избегая до времени решительной схватки с барымташами, все время насакивал на них с разных сторон, каждый раз отбивая у врагов несколько захваченных ими лошадей.

Халбагай предусмотрительно оттягивал общую, решительную схватку до той минуты, когда последний из захваченных Карагандой коней будут возвращен к табуну Терис-Аккана.

В таких коротких стычках прошло немного времени и в кольце налетчиков остались только 15 коней.

Окружив этих коней со всех сторон, многочисленные барымташи ни на шаг не отставали от них и ни на секунду не отпускали их в сторону.

Нападавшие собирались, видимо, вернуться восвояси, удовлетворившись этой скромной добычей, так как они почти не могли уже рассчитывать на что-нибудь большее. Они отъехали уже слишком далеко от табуна, да и к тому же и со стороны аула уже явственно доносился частый топот и шумные крики.

Карагинцам оставалось одно — отступить...

Но прежде чем пуститься в обратный путь, барымташи решили отомстить табунщикам за упорное и умелое сопротивление.

Человек десять налетчиков погнали лошадей дальше, а остальные стали готовиться к расправе с немногочисленными терис-акканскими джигитами.

Чтобы удлинить расстояние между собой и погоней, выехавшей из аулов Терис-Аккана, отступавшие повернули на юг, через верхнюю часть Кен-Озека. Этим они на время обезопасили себя от преследований и могли теперь не бояться того, что их нагонят сзади или нападут сбоку, перерезав им путь.

Большого им и не требовалось.

Теперь у них было достаточно времени, чтобы в самой благоприятной для этого обстановке как следует рассчи-

таться с Халбагаем и его товарищами за все неудачи ночного налета.

Пропустив вперед ту группу, которая гнала терисакканских лошадей, остальные налетчики резко осадили своих коней и остановились, поджидая табунщиков. Количество боеспособных барымташей к этому времени уже изрядно уменьшилось. С начала схватки Халбагай выбил из седла четырех, а остальные его товарищи — еще двух.

Но и табунщики понесли значительный урон. Хотя Ханахай с Жоламаном дрались только на скаку, стараясь беречь время и силы — все же они сбили наземь пятерых противников. Но Халбагай, зная, что из аулов уже выехало подкрепление, собрал вокруг себя остальных табунщиков, коротко приказал держаться всем вместе, нападать разом и действовать сообща.

Халбагай зычно гикнул, подбадривая своих соратников, и во главе их поскакал к застывшим в ожидании барымташи.

Через минуту противники смешались. Пыль за клубилась под копытами коней, треск скрещиваемых дубин заглушался криками гнева и стонами боли.

Завязалась схватка, куда более упорная и яростная, чем все беглые стычки и обмены торопливыми ударами, происходившие в ту ночь.

Перед началом этой схватки, Жоламан громко закричал: “Назад! Назад!” и дважды разрядил свой револьвер.

Но это не устршило и не задержало терисакканских табунщиков, опьяневших от буйного хмеля погони и победы.

Окончательно озверевшие люди в бешенстве размахивали тяжелыми дубинами, забыв обо всем, кроме душившей их взаимной злобы.

Все учащая удары, свирепея с каждым взмахом дубины, бились они не на живот, а на смерть.

В чаду драки противники не видали и не слышали ничего, что делалось вокруг.

Между тем уже пять коней испуганно умчались, потеряв седоков, сбитых мощными руками Халбагай и Ханая с Жоламаном.

Участие этих трех опытных и сильных бойцов, каждый

из которых был достойным противником другого, — делало эту схватку особенно страстной и напряженной.

За долгие годы межродовых неурядиц ни разу еще джигиты Терис-Аккана и Караганды не бились так яростно и жестоко.

Все жарче разгоралось пламя ночной схватки...

Вот Ханахай выбил из седла еще одного табунщика. Новая удача пуще прежнего разожгла его боевой задор.

Снова налетел он на терис-акканцев, хвастливо приговаривая: “Я — Ханахай, я — Ханахай”.

До этой минуты Халбагай, как ни старался, не мог распознать среди нападавших пресловутых братьев-конокрадов.

Но как только до его слуха донеслись возгласы Ханахая, он немедленно ринулся прямо на него, громко воскликнув:

— Так ты Ханахай? А я Халбагай!

Ханахай смело принял вызов.

Впервые встретившись лицом к лицу, они кинулись друг на друга, словно давнишние враги, обуреваемые тайной злобой и жадной мести.

Противники быстро подняли свои дубины.

Начался поединок, в котором ни один из сражавшихся ни на минуту не поддался малодушному страху.

Оба стремились как следует померяться силами.

Хотя Ханахай бился решительно и ловко, но пока он успевал нанести два удара, Халбагай ударял четырежды.

В разгаре поединка Ханахай внезапно обнаружил, что все остальные бойцы ускакали куда-то. Прислушавшись, Ханахай догадался в чем дело.

Он услышал шум приближающейся погони и сразу понял, почему исчезли его товарищи, по пятам преследуемые немногими уцелевшими в схватке табунщиками.

Ханахай быстро сообразил, что и ему надо спастись бегством. Топот и крики становились все явственней. Вот-вот покажутся из-за холмов взмыленные кони джигитов Доспола.

Ханахай повернул своего серого в яблоках коня и, продолжая отбиваться от Халбагая, начал быстро отступать. Однако приближение долгожданной помощи заставило Халбагая забыть об усталости.

Черный шокпар его все еще мелькал перед глазами Ханахая и когда тому удалось, наконец, сильно подхлестнув коня, оставить табунщика несколько позади – глаза его были мутны и голова отяжелела.

Силы покидали его.

Ханахай все еще пытался отражать наскоки Халбагая, но белый конь ни на шаг не отставал от серого.

Ханахай почти потерял надежду на спасение.

Оглянувшись назад, он увидел, что передовая группа преследователей, выехавших из аулов на призывы “аттан!” уже мчится по долине.

При виде этого он окончательно смешался и начал в испуге погонять коня.

В этот миг Ханахай производил на Халбагая впечатление человека, потерявшего рассудок. Широкоплечий и рослый джигит съежился, сгорбился и словно стал ниже ростом.

От обычного внушительного и даже грозного вида его не осталось и следа.

Халбагай собрал все силы, подскакал к Ханахаю и нанес ему еще два удара.

“Слезай... Слезай или будешь убит!” – крикнул табунщик голосом торжествующего победителя.

Последние удары заставили Ханахая покачнуться и обхватить руками шею лошади.

Белый жеребец под табунщиком был весь в мыле; он дышал тяжело и неровно, но видно было, что серому в яблоках коню не уйти от него.

Судьба Ханахая была уже, казалось, решена, когда внезапно появился Жоламан, вернувшийся назад в поисках брата, отсутствие которого в рядах отступающих барымташей не на шутку встревожило его.

Увидев, что Жоламан скачет на выручку к Ханахаю, Халбагай решил одним крепким ударом сбить с седла побежденного врага. Поэтому он пришпорил своего жеребца и опять подскакал к противнику на расстояние вытянутой дубины.

Тогда Ханахай отрывисто крикнул в сторону приближавшегося Жоламана слабым и срывающимся в изнеможении голосом:

“Я обессилел... Стреляй!..”

Но едва он успел произнести последние слова, как черный шокпар Халбагая тяжело, словно обломок скалы, обрушился на его затылок.

Ханахай сильно покачнулся и начал валиться вправо.

Собрав все силы, он хотел было выпрямиться, но ослепительно яркие радужные пятна закружились перед его помутневшими глазами и, качаясь в седле, он накренился на левую сторону.

В это время Жоламан был уже совсем близко. Халбагай, свалив Ханахая, собирался теперь тут же расправиться и с Жоламаном.

Тот вытянул вперед руку, державшую револьвер, прицелился в голову Халбагаева коня и выстрелил.

В этот же самый миг качавшийся в седле Ханахай рухнул к ногам белого жеребца.

Между тем, вражеская рука, испуганно нажавшая на спуск револьвера, сделала свое дело.

Пуля попала в самое сердце Халбагая. Когда дым выстрела рассеялся, – седло белого жеребца уже опустело. Безжизненное тело Халбагая упало, распластавшись поперек неподвижно лежавшего Ханахая.

Жоламан быстро намотал на ладонь поводья лошади Ханахая и белого Халбагаева жеребца и поскакал прочь.

Он дорожил каждой минутой. Преследователи, выехавшие из аулов, были уже совсем близко.

Табунщики, дравшиеся вместо с Халбагаем, горестно восклицая: “Ой, баурым!”²⁰, собрались над его телом...

Топот вражеских коней смолк, поглощенный туманной далью.

Бледные лунные блики медленно скользили по мертвому лицу Халбагая...

²⁰ Ой, баурым – о, наш родной!

ОЛ КҮНГІ АЛМАТЫ (1936 ж.)

Балташ аласа сатыдан түсе бере, қолындағы жүгін бір-ақ ырғытып жауырынына салып алды да, адымдай жөнелді. Оны шығарып салған ешкім жоқ еді. Бұл да артына айналып қараған жоқ. Шарбақ қақпадан шығып, төмен қарай жіті басып келе жатыр. Көп жыл бойында қабырғасын қайыстырып, бидай арқалатып, ұн қаптатқан диірмені сол жағында қала берді. Бес жыл бойында осы диірменнің шексіз ұзақ тік басқышымен бір Балташтың өзі көтеріп шығарған қап-қап бидайдың өзі де сонау Боралдайдай бір төбе болар еді.

— Мінеки, бай қуды, еңбегінді ит жеді. Енді фронтқа әкететін обоз қайсы деп қаздаңдап келе жатқаның мынау... Ну, Балташка, что ж... шагай! Ізде обозыңды! — деп Балташ іштегі бір ызалы қыңырлықпен өзін мысқыл етеді.

Биылғы ноябрь өте бір суық былапыт болып тұр еді, бүгін де күн бұлыңғыр, аспан кірбең екен. Суық, дымқыл, сұр бұлт тауларды қаптай басып алған. Кесіп алғандай жоқ кылып, өз ішіне сіңіріп, қылғып жұтып тұр.

Балташ Тәшкен аллеяіне тілеген жолмен бара алмаушы еді. Диірменнен төмен түсе бере Алматы суын кесіп өтті де, Бас арыққа (головнойға) қарай көлденендей жүрді. Қаланың ішін шарлап әркімнің көзіне түсе бергенше, головнойды жағалап барып, Пантанныймен бір-ақ құламақ еді.

Сол арықты жағалап шеткі көше ...басын қырқып келе жатып ...бір мал айдағанда ...кұлап, қалаға кіргелі сол Пантан көшесін бетке алып келе жатқан шоғыр екен. Басында Балташ:

— Ә, тағы параға келе жатқан мал ғой. Әлдекімді іспесіктен жырып ап, мынаны болыс, тілмаштың көмейіне тықпақ қой! — деді.

Аздан соң мал айдаған кісі қиыстап Балташтың тұсына жақындап, малының ажарын, шоғырын енді бір байқап көргенде, Балташ алғашқы нобайының теріс екенін байқады. Мынаның ішінде қозысы, ешкі-лағы – бар жиыны жиырмадай тұяқ. Қалпы: бір шағын шаруаның сірге жияры сияқты... Бұл малды айдаушы – құлынды құла биеге мінген шал екен. Енді соның ар жағына көз салып еді, соңғы айлардың ішінде Балташтың Алматыда көрмей жүрген бір жайы таныла кетті. Бұл – келе жатқан көш екен. Шалдың арт жағында қызыл сиырға мінген қатын жүк артқан жалғыз түйені жетелеп келеді. Сиырдың қасында бұзауы бар. Түйенің артында сары қаншық пен кара ала күшік сөлектеп келеді. Түйеде кереге, уық, бір екі кебеже сандық және жаман лашықтың құрымы бар. Сол барлық жүктің үстіне кішкене кара шаңырақ салыныпты. Шаңырақтың ортасында басы сексиіп екі кішкене қыз отыр.

Балташ мұны көріп танданып келе жатыр еді. Бұл келіп Пантанныйға ілінгенде, көш те келіп осы көшеге тұмсығын сұқты.

Балташ қой айдаған шалға қатарласа беріп:

– Жаным-ау, бұл тірлігіңнен күдер үзген жан ба едің? Мынандай айдаһарша ақырын тұрған кәпірстан қалаға қазақ басыңмен, мал-жаныңмен көшіп келгенің не қылғаның? Өлесің ғой, байғұс! – дегенде, шалдың онсыз да үрейі ұшып келеді екен:

– Қарағым, мұсылманның баласы екенсің, айналайын... – дей берді.

Қатыны да қызыл сиырды қамшылай, тепендей келіп:

– Айналайын, мұсылманның баласы, пана бол! Зәре-құтымыз қалмай келеді, – деді.

Шал да:

– Азаматым, осы сұм қалаға жақындағаннан бері ақылымнан адасып келем. Қайтейін, елдің жылдағы көшіп өтетін жолы еді. Тап осы бір көшемен өтуші ек. Өзге ел әлдеқашан кетіп қап еді. Мына дүрбелеңнің артынан қорқып, олар қалаға соқпай айналып кетіпті. Мен мына қатыным сар төсек боп ауырып жатып алған соң, тырп ете алмай қалып қойып ем. Шабан шардақ ем, қарағым, айналып көшуге алыс. Қаламен көшейін десем – қорқыныш.

Сонымен осыға шейін келіп ем. Бүгін мынау қазақтың азаматы кететін күн болған соң, әлде онша кәпірстандық қыла қоймас, ел қабырғасы қайысып тұрған күн ғой, есіркер деп, әдейі бүгін көшіп ем, қарағым... Қайтайын ба, әлде? Ақылыңды айтшы, – деп жабыса берді.

Ерлі-қатынды екеуінің де, балаларының да шошыған, үріккен пішіндері, шамасы келсе, барлық жүдеу көшімен шоктай боп бүрісіп Балташтың бауырына кіргендей. Мұны паналап, ықтағандай көрінді. Қалаға кіре бере Балташтың сөзін естіген соң бұлардан зәре-құт мүлдем кетіп еді, бәрі де қайта-қайта күрсініп:

– А, құдай, әруақ, – дей береді.

Әр дуал, әр терезеден зеңбірек, мылтық кезеліп тұрғандай көріп, көшенің екі жағына жалтақ-жалтақ етіседі. Сөміе, бұға қарағандай болады. Қазіргі қаланың бұларға қаншалық құбыжық боп, ажал аузы сияктанып тұрғанын Балташ ұғып келеді.

– Енді, не де болса кірерін кіріп қалдың ғой. Ақырын жүріп отыр. Мен де сол қаланың шетіне шейін бірге барам, – деді.

Шал-кемпір бұған бар білген алғысын айтып, кішкене тиыштанайын деді. Бұлар дыбысын да шығармай, білінбей-ақ жүргісі келеді. Бірақ қақпа басы сайын толған ит екен. Көштің екі итіне солар кезек-кезек тап беріп, оларды айтақтап балалар шығып, бір квартал жер бармай-ақ көше азан-қазан бола бастады. Сол шумен шықты ма, кім білсін, екінші кварталдың орта тұсына бұлар жете бергенде, мол бақшалы бір қорадан екі стражник шыға келді. Бүтін киімдері су жаңа сияқты... Жең, жағадағы қызыл, сары жолақтары да ала мойнақтанып бақырайып тұр. Сап-сары ала қылыштары да үркек көзге оттай басылады. Екеуі мына көшті көрісімен дереу бірдеме десті де, көшенің екі жағына бөлініп қарама-қарсы тұрысып, тоса қалды. Шал мен кемпір үн қата алмай қалды. Түйенің үстіндегі балалар шошынып, қыңқылдай бастады. Дегенмен жалтарар жер жоқ, шал тартыншақтап ілби басайын деп еді, болмады, қой аналардың үстіне барды. Сол-ақ екен, екі стражник шалға қарай адымдай басып кеп, камшыларын көтеріп, мұңкір-нәңкірше ақырып қоя берді.

– Ал тымағынды, атанды... Аузы-басыңды...

– Бас көзінді, кошма! Саған көшетін керек жандарал көшесінде... – дей келіп, тымағын қолтығына жаңа алған шалдың жауырынын орай тартып-тартып жіберісті. Шалдың бар қашқаны сол Жандарал көшесі болатын. Ал мыналардың “Жандарал көшесі” дегені – сылтауы. Қазак бәрібір көшені айыра алмайды дегені еді. Екіншісі, елдің мұндайда сылтауратып ілінісетін шатақ атаулысының бәрін бір болыстың біреуден ат аударып аларда “аулымның үстінен ат ойнаттың” дейтін “әдісін” қолданып тұр еді. Шалды шошытып, ықтырып тастап, қатын-баласын боздатып жылатып қойып, екі стражник қойды дереу қақпаға қарай қуды. Қозы, лакты мырзабай қамшымен жонынан, тірсегінен сатырлата ұрады. Жүк үстінде отырған балаларға өздерін ұрғандай тиді. Көшенің көп итінен қашып, құйрығын қысып, түйенің тамағының астына тығылып жүрген сары қаншық дәл осы кезде бір жұмыс бастаған. Ол өзі тауда шалмен бірге қой бағушы еді. Енді стражниктер қойды жырып әкете бергенде, түйенің алқымынан атқып шығып, бір стражникті балтырдан ала түсті. Тісі ананың етігінен өте қойған жоқ еді, бірақ шошып қалған стражник жерден бір қос жұдырықтай тасты жұлып алып, жанында үріп тұрған сары қаншықты қақ тұмсықтан періп жіберді. Ит қыңқ етуге жарамастан жұмырлана жығылып, серейіп қалды... Стражниктер бұрынғыдан жаман жауыға түсіп, қойды қақпа алдына алып барып қалды.

– Әкетті ғой, құртты ғой!! – деп шал күдер үзді.

– Ал, сорлатты ма, қуарған сорлы бейбақ!?! – деп кемпір зарлады.

Дәл осы кезде Балташ қойдың қарсы алдынан шыға қалған екен. Екі стражникке қадала қарап:

– Бұны неге аласың? Алатын принципінді айт! – деді.

Стражниктер бұған шаншыла қалып, біреуі:

– А, сен де киргиз! Болысатын керек! Әлде тағы дүрбелең? А? Қайдан? – дей беріп еді, Балташ сұп-сұр боп, ашумен дір-дір етіп, қойды қайта үркітіп жіберіп:

– Ой, шалтай-балтайың керек емес, білдің бе? Міне, мен өзім де пронтқа кетіп барам! – деп, жүгін көтеріп ап, қойды үркітіп: – Қоя бер былай! – деді.

Үстінде шолақ қара тоны бар, өзі еңгезердей биік Балташтың сақалы қырылған, ұзын мұрты аузын түксие

басқан. Барлық қалпы қала адамы екенін білдіртіп тұр еді. Оңайлықпен көнер емес. Соны сезді ме, жаңағы стражник:

– Сенің не әкін бар? – дей берді. Бірақ қойды енді қуа алмады.

– Ақым сол, менің бар малым осы. Мынау менің кәрі әке-шешем. Әдейі көшіріп, қаладан өткізгелі келем. Бұларды жіберем де, өзім обозға барам! – деді...

Стражниктер амалсыздан тайқи берді. Бірақ сонда да құр қалу қиын. Шалдың алдына қой қайта келе бергенде, тағы кеп килігіп:

– Ендеше, жербасар! Жербасар! – деп кеп, жалғыз семіз көк қойды бас салды. Енді айрылар емес. Балташ тағы ұмтылайын деп еді, шал зар қақсап:

– Бастан құлақ садаға, қарағым, айналайын, қой-ақ қой... Қойшы тіпті соны! – деп өзі айқайлады.

Мұны естіген стражниктер Балташты енді кеудеге қағып жолатпайтын болды. Амалсыздан о да кете барып, шалға ыза боп:

– Сорың құрғыр-ау, о не деп оттағаның? – деді де, шалдың жауабын тындаған да жоқ.

Екі стражник көк қойды басып қалса да, бұл табыстарына түк ырза емес еді. Өйткені көш келерден бұрын осы қақпа алдында бұлар соңғы айлардағы табыстарын сөз қып тұрған болатын. Ұзын бойлы қара мұрт стражник семіз қызылға “шаруа қалай?” – деп сұрағанда, анау өте бір үлкен есеп көрсеткен:

– Шаруа не? Займкеде қатын мен бала бар. Егінді, пішенді солар жиып алады. Мен қазір оған қарамаймын. Өйткені соңғы үш айда ауылға бір барсам, күніне елу сом айналады, – деді.

Қара мұрт оны әбден түсінеді. Бірақ көптен көріспегендіктен мынаның қалайша оралдырып жүргенін естімек еді. Өзінікіне ұқсай ма, жоқ па? Соны байқамақ. Сондықтан:

– Шын ба, елуге жете ме? – деді.

– Жетпей қоя ма? Өзің ойлап көр. Охотыға қалай шықтым, солай кем болса бір тұскиіз, бір сырмақ, немесе алаша, кілем, не болмаса сандықта жатқан ішік алам! – деді. “Охоты” деген соңғы айларда бұлардың тілінде ауылға ба-

рып, шабуыл жасап қайту мағынасында болатын. Семіз қызылдың бұл айтқаны шын екенін осы Фонтан көшесінің өзі-ақ өн бойында көрсетіп тұр.

Әр көшенің басынан кіре бере, Тәшкен аллеясына шейін, байқап отырсаң, әлденеше бақшаларда, немесе тәуір үйлердің террастарында ылғи қызарып, аламыштанып, жарқырай жайылып тұрған қазақы қолды жасауды көресің. Бұл үйлердің бәрі де қала чиновниктері мен көпес, немесе мешан атаулының үйлері. Соның кейбірінде әдемі оюлы сырмақ, кейінде шебер кестелі тұскиіз, кейінде су жаңа; мұндай қызарғаны жоқ үйлер салам шатырлы, аласа дуалды кедей шоқпыт үйлер ғана. Одан басқаның бәріне қазақ аулынан шыққан жасалуы келіндер түскен дерсің.

Бағанағы шал-кемпірді шошытқан қала бұл күндерде сол айналасын жалмап жұтып, қызара бөртеп тұрған талан-тараж қаласы еді. Семіз қызыл осы жасауларды әлгі чиновник, тілмаш, көпестердің үйіне жеткізіп, арзан қол қып өткізушінің бірі еді.

Бұлардан өтіп кеткен соң, көшпен Балташ тағы екі жерде стражникке кездесіп еді. Бірақ алғашқыларға ерегіс үстінде айтқан жауабын Балташ енді ылғи шын етіп қолданып, анау-мынау қақпайына көнбеді. Көшті жолай қорғаштап отырса да, Балташ шал-кемпірмен сөйлескен жоқ. Жалғыз-ақ Тәшкен аллеясына жақындай бергенде, кемпір аздап есін жия бастап, көк қойдың күйігін енді сезе бастады:

— Соғымға деген жалғыз қойымыз еді. Қақпайға түсіп кете барғаны мынау, — деді.

Балташ өз ойының бір түйініне тірелгендей болып:

— Қақпай!.. Қақпайда көк қой түгіл, мен де кеттім! — деп өз жайын өзі тағы мысқыл етті.

Үш күннен бері бойын кернеген ыза қазір тамағына жиылып тастай тығылып, алқымдап келеді. Кейде ащы суық жастай боп көзіне жетпей, көмейінен іркіле қайтып, у тамшысындай жұтыла-жұтыла келе жатқан сияқты. Соңғы күндердің ызасы қат-қабат.

Ең әуелі бұл өзі іспесікте жоқ еді. Қаладағы үлкен диірменнің жұмысшысы болған соң, байы:

— Сені ешкім алмайды. Жібермеймін. Тіркесе, сұрап та ала алам, — деген.

Сонымен қаперіне еш нәрсе алмай жүргенде, бір күн кешке пәтеріне үлкен Алматы болысының атшабары салып келді. Тығыз бұйрық беріп, “пәберке” орнына бар – дейді. Басында Балташ:

– Мен сенің ауылдағы күлге аунатып жейтін үн шықпасың емеспін, галава не марош! – деп тәлкек қып еді, анау болмай, қадалып отырып алды. Байы біліп, бұрынғысынша “жібермеймінді” де айтты. Бірақ болыс тақымдап қалмады. Сұрастыра келсе, бұрынғы іспесіктерде жоқ екен. Ал соңғы күндерде қала толған пара, сұмдық, қулық емес пе? Болыс, тілмаш, пристав дегендер талайды-талай саққа мінгізіп жатқан жоқ па?

Законге жүйрік қу болыс дәл соңғы күндерде бір момынның жігітін дәл осы қалаға келген жерде, іспесік тапсырылып қойған соң, жүз қой пара алып босатыпты да, орнына бір жігітті тығу керек боп, Балташқа жабыса кетіпті. Мұны әкететінін біліп, байы Балташтай әрі мықты, әрі тәжірибелі жұмыскерден айрылғысы келмей, әрекет істеп, қайтадан алып қалуға айналған екен. Соның жауабын білейін деп, Балташ өткен дүйсенбі күні кешке байдың қақпасына бет алып келіп қалып еді. Ар жағынан баймен қоса қызара бөрітіп шығып келе жатқан болыс пен атшабарды көрді. Бай да, болыс та бұған тақай берді:

– Амал жоқ, кететін болдың! – деді.

Балташ ыза болғанан жалынбады... Жөнін де сұрамады. Үн қатпай бұрылып тарта берді. Жүз қойдың жиырмасын болыс мына байға өткізіп, дәлін айтқанда, Балташты сыртынан сатып кетіп барады екен.

Сонымен, алдыңғы күн таңертеңнен Балташтың жалғыз арманы сол болысты енді бір тауып ап, жалғыз-ақ ауыз сөз айтып, содан фронтқа әзірлене бермек еді. Түс кезінде төменгі базарда көп жиынның ортасында, көк жорғаның үстінде тұрған болыстың қасына келді де:

– Елдің жақсысы, жаманы деген әкенің аузын... сволыч, немен жақсы десем, жүз қаралық иттікпен жақсы екен ғой, – деді.

Болыс тырсыып, жарыла жаздап, танау қағып бір қарады да, Балташтың қанын ішіне тартып тұрған суық түсінен, еңгезердей бойынан, шәйнектей боп түйіліп тұрған

жұдырығынан қорқып, жотасын беріп сырттай берді. Өтірік естімеген кісі боп тайқып кетті.

Сүйткенше болмады, қаптаған көп стражник бар лапкені жаптырып, сауданы тоқтатып, базардағы бар халықты бір жаққа жүресің деп айдап, ығыстырып келеді екен.

Болыс өз тұсына келген бір таныс стражникке Балташты сыртынан нұсқап:

– Мынаны да айдап апарып көрсет, жырылып кетпесін, – деді.

Сонан соң Балташ қанша шатақтасып бармаймын десе де болмай, әлгі стражник көппен бірге айдап отырып, Боралдайға қарай бұны да әкетті. Боралдайда ол күні мұның көргені әлі көз алдынан кетер емес, жігерін қайнатқан ызаның молы сол. Балташтың көз алдында Ұзынағаш, Қастектің сегіз азаматын дарға асты. Қайран Бекболат! Аяқ-қол байлаулы күйінде дардың астында тұрып, дәл басына қап кигізер жерде сұп-сұр боп ап, дауысын саңқ еткізіп:

– Қайран ел, кош, – деді.

Қаппен ілесе мойнына ілінген бұғау аспанға қарай іліп ала жөнелді. Төрелі, көпесті, стражник, тілмашты қатал қала оны қандай тамаша етті!

– Кәпір, жалмауыз қала, жат қала, суығын-ай! Бөтенін-ай! – деп Балташ кемпір-шалға қарады. Олар қайтіп үрпимесін.

– Осы қалаға он жасымда келген екем. Он бес жыл өмір кешіппін. Бүгін, міне, өлім аузына кетіп барам. Сен болдың не, болмадың не? Елеген бар ма? Шымбайына батып, тым құрса “алда байғұс-ай!” – деп есіркеген бак, дуал, не батпақты көше бар ма! Қуғын көрген бұралқы иттей кеттің де бардың!.. – деп, батпағы орқаш-орқаш боп тонданып жатқан сұр көшеге қарады.

Тәшкен аллеясына жетіпті. Обоздар сайда көп боп тіркесіп қалған екен. Кететін азаматын шығарып салатын елді ылғи жаяулатып, көліктерін басқа көшелерге тастапты. Әрбір арбаның тұсында ауылдан келген еркек-әйел топ-топ боп ұйлығып жүр. Белдері бүгілген, көздері қызарып, добалдай боп іскен. Беттен аққан соралар айғыз-айғыз. Түстері де киімдері сияқты шетінен жүдеу, сұп-сұр.

Балташ стражникпен сөйлесіп, бір алаңдау жерді тауып, көшті содан көлденең өткізіп салды да, шал-кемпірге жалғыз-ақ ауыз сөзбен:

– Қош! – деп кейін бұрылды.

Келді де, сұрастырып жүріп, өзінің жүзбасысын тауып алып, сол нұсқаған арбаға жүгін салып, өзі де ырғып мініп, екі жеңін сұғыстырып ап, мелшиіп қарап тұрып қалды.

Енді байқады: айналасының бәрі күбірлеп, зарлап, кош айтып, күңіреніп жылап тұрған көздің жасы екен!

Қасында қатар отырған қойкөз сары жігіт еңсесін көтере алмай бүгіліп, бөрігін көзіне киіп ап, біресе “аһлап” кетет те, біресе егіліп-егіліп, кеңкілдеп кетеді. Қарсы алдында күндік киген кәрі шеше ыңыранып, бүйірін таянып тұрып, сыбырлай жылап, жоқтау айтады:

– Жалғызым, қуатым! Сұмырай болыс, қуарған қала... Обырдай оптың ба жалғызымды!.. Жұттың ба басымды... Жерің кеңісе егін ек, міне, менің тұлдыр болған орныма! – дейді.

Балташпен екі жолдасы кеп, қоштасып қалды. Бұны шығарғанның бары сол. Олар да өзіндей жұмысшылар еді. Ешқайсысы да жыласқан жоқ.

– Өзге жұрттың жылауы аз боп жатыр ма, жыламайық! – деген Балташ...

Олар мұны арқаға қағып:

– Бала емессің, жолды, жөнді білесің. Қайта көпті көріп, көзің ашылады. Жәлейт қылма! Сыбағанды жегізбессің! – дескен. Дәл обоз жүрерде олар:

– Но, тірі қайт, аман бол, паршай! – десіп қала берді...

Обоз қозғалғанда байқалды, манағы жылаулар түк емес екен, қоштасу, зарлаулар лайсаң сұм көшені де, сұп-сұр болған суық қаланы да енді күңірентті.

– Бауыре-е-м!.. Жалғызым!.. Жан жарым!.. Қосағым!.. – деген зар-шер үндері бірінен бірі өтіп, асып кетеді... Қаладан ұзап шыға бере талай кемпір-шал жылау зардан арбаға ілесе алмай талып, жығылып жатыр. Үндемей, мелшиген күйінде, сұп-сұр болып отырған Балташ енді тау жаққа қарап отырған бетінде қазақ зиратын көрді. Соның қасына кеп қалысқан екен. Бұл кезде арба қасында шұбырғандар да, арба үстіндегі жігіттер де тегіс ауыздары күбірлеп, құран оқи бастады.

Тоназыған қолдарымен бірі артынан бірі дұға қып беттерін сипасады. Барлық суық, жау Алматы қаласынан мынау елге жылы да, жақын да көрінген жалғыз орын осы тәрізді. Бұған деген көңіл де қалыпта, жарықшақ та жоқ секілді. Ажарсыз сұп-сұр молалармен қатарласа бере Балташ та бетін сипады. Барлық көпшілікпен бірге мұның да құран оқып, тие берсін айтып келе жатқан әруағы – кеше осында көмілген Бекболаттың әруағы еді...

...Ол күндегі Алматының сол зираттан басқа түсі “лағынет” айтқызған түс еді.

Сценарій пер

М. Ауэзов, Г. Мусрепов

РАЗЯЩИЙ КЛИНОК

Литературный сценарий

1945 г.

Действующие лица

1. Азимхан Бекетов – командир батальона, ст. лейтенант.
2. Салим Саржанов – политрук батальона.
3. Асия.
4. Срым – нач. штаба батальона.
5. Утешев – командир взвода.
6. Ергара Тогжаров – командир роты.
7. Краев Александр – командир роты.
8. Синченко – ординарец Бекетова.
9. Рокотов – генерал.
10. Березин – майор, командир полка.
11. Зорин “Шодр” – комиссар полка.
12. Вера, Валя, Дина.
13. Тулеген, Проценко, Борамбаев и др. бойцы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Народный праздник вокруг зеркального озера. Пестрая, нарядно одетая толпа растянулась далеко по берегу. Стоят оседланные кони, в ряд выстроились машины. Это ипподром.

Перед толпой вылетает живописная группа всадников. Кони, с кокетливо убранными челками, с раздвоенными хвостами, оседланы в нарядные серебряные сбруи с затейливыми украшениями. Всадники, джигиты и девушки, в национальных казахских костюмах.

Из толпы выделяется девушка и мчится одна, начиная конную игру “Кыз-куу”. Трепещет в вытянутой руке шелковый платок и нетерпеливо зовет, манит за собой кого-то. Пустился в погоню за девушкой Срым. За второй девушкой погнался Тогжаров.

Несутся вокруг озера всадники, несутся в отчаянном состязании джигиты и девушки.

Догонит джигит девушку – получит награду – ее поцелуй. Не догонит до условленного места, тогда девушка погонится за ним и, настигнув, будет хлестать его плеткой или заставит его исполнять на скаку трудные спортивные игры, испытания.

Перед толпой выносятся третья девушка. Она на белом коне, одета нарядней всех. Красивый камзол обтягивает ее высокую талию. За ней пустилась целая группа всадников-мужчин. Двое выделяются, обгоняя всех остальных. Это Азимхан и Салим гонятся за Асией.

Из первых пар Срым догнал девушку и, не принимая протянутого ему платка, на скаку обнял девушку, целует ее.

Не догнал Тогжаров свою девушку и, повернув коня, мчится от нее назад. Девушка уже стремительно настигает его.

Настигает Асию и Азимхан с Салимом, они скачут рядом. Но чтобы задержать их, девушка бросает на землю платок и плетку.

Джигиты с одинаковой ловкостью на скаку подхватывают их с земли. И все же Асия успела отдалиться от них.

А девушка, гнавшаяся за Тогжаровым, уже поравнялась с ним и беспощадно хлещет джигита.

– Слезай! Слезай! Хватайся за хвост коня и беги! – приказывает она. А когда Тогжаров спрыгивает сзади с коня, чтобы исполнить ее приказание, девушка хватается за повод и мчится, исчезая вдаль.

Срым победитель. Он скачет ровной рысью, взяв под руку свою девушку, и поет вместе с ней бодрую песню в такт движений.

Азимхан с Салимом снова нагоняют Асию. Она меняет состязание: на скаку поднимается на седло, становится на одну ногу и, растянув руки в стороны, несется, как ласточка на распластанных крыльях. Джигиты обязаны ответить по своему.

Азимхан, как истинный наездник, на скаку бросается из стороны в сторону, перекидываясь через коня. Салим несется стоя на голове.

А з и м х а н (*недовольным тоном Салиму*). Кто тебя пришил ко мне, почему ты не отстаешь?

С а л и м (*постепенно опережая соперника*). Отцепись сам от меня!

Джигиты поравнялись снова и схватились друг с другом, стараясь в новом состязании “аударыс” стащить друг друга с коня. Опираясь ногой о бока коней, противники крепко сцепились на скаку. Тихая гладь прозрачного озера отражает и борьбу Азимхана и Салима, и Тогжарова, который несется за скачущим конем, держась за его хвост.

Борющиеся джигиты вскачь нагоняют Асию. Быстро и ловко она садится поперек седла и продолжает скачку.

Оторвавшись от Салима, Азимхан скачет, ловко пересев в седле задом наперед.

А Салим мчится, лежа на седле вдоль крупа коня.

Но Асия первая долетает до толпы, спрыгивает на руки восторженных джигитов, которые быстро уносят ее. Прискакавшие соперники теряют ее из виду. В поисках ее они

бросаются вперед, но молодежь из толпы встречает их шутиливой песней и, став стеной, не пропускает их.

Салим кричит Азимхану: Вон она! — и указывает на шапку с перьями. Азимхан кидается туда, расталкивая толпу. Салим смеется вслед ему и сам бросается на розыски девушки. Везде перед ними насмешливые лица девушек и джигитов, которые загораживают им дорогу, и соперники то и дело сталкиваются друг с другом в бесплодных поисках. Подразнивая Азимхана, Салим несколько раз нарочно подвертывается на глаза сопернику, забавно изображая Асию и ее шутиливое кокетство.

Группа джигитов на руках подносит Асию к машине, она засыпана цветами, видно только ее торжествующее смеющееся лицо.

Когда наконец Азимхан и Салим видят ее и бросаются к ней, машина медленно отъезжает, все еще осыпаемая цветами.

На дороге машина, за ней скачущие верхом два джигита. С головы Салима слетела шапка. Он схватил шапку Азимхана, машет ею, хочет остановить машину. Ветер треплет их волосы, распахивает ворота халатов, виден галстук Салима, видны кубики лейтенанта Азимхана.

Машина умчалась. Остановился Салим, бросает Азимхану шапку:

— На те, товарищ! Извините за бесцеремонное пользование вашей шапкой для нашего общего дела!..

Азимхан поймал шапку на плетку и огрызнулся, как бы выражая проклятье.

* * *

Салим чисто одетый сидит у книжной полки. Перед ним фонограф. Рядом старый акын поет под аккомпанемент домбры старинную былинку. Две девушки-ассистентки и фонограф фиксируют его исполнение.

Акын пропел с подъемом о богатыре Кобланды, о его боевых подругах Кортка и Карлыга и, остановившись, спрашивает у Салима:

— Друг герой, душа народа, знаешь ли ты таких девушек ныне? Достойная должна быть такой, как они.

Акын замолчал.

С а л и м (*задумчиво*). Друг герой, душа народа?! (*Берется за телефонную трубку.*)

Спустившись с высокого крыльца, внутри широкой ограды воинской части проходят командир батальона Азимхан и начальник штаба Срым. Они направляются к своим оседланным коням, которых подводят ординарцы.

С р ы м. За что вы все хвалите вашего Алатау? Ведь один только мой Есиль сумел сорвать поцелуй девушки! Вот это конь! А вы, кажется, не только девушку, но и тело-то ее потеряли... Для вашего Алатау это грех и позор такой же огромный, как гора Алатау. Давайте меняться! Садитесь на Есиля, отпустите поводья и он даже квартиру ее сам отыщет.

А з и м х а н. Девушка, наверное, найдется. Зорек орел, лиса на склоне не упрячется. Вот, мне кажется, ее след. (*Он показывает блокнот, где записан телефон Асии.*)

С р ы м (*смеясь*). ...Не догнали на коне, так хоть телефоном достигните!

Асия в кабинете, на столике рядом с ее рабочим столом много телефонов. Она коротко отвечает на частые звонки то того, то другого аппарата. После одного из звонков она задерживается с трубкой у уха, улыбается. Звонит другой телефон. Она берет одновременно к другому уху и вторую трубку.

– Да, Асия! Кто говорит?

У телефона Салим.

С а л и м. Извините, что побеспокоил. Я – Салим Саржанов, это я был на вороном.

У телефона Азимхан.

А з и м х а н. Я – Азимхан Бекетов, я преследовал вас на Лысом.

Асия в две трубки задает один вопрос и отвечает обоим также одинаково. Джигиты с двух сторон шутливо упрекают ее:

С а л и м. Я не победил, но хоть бы наказанием удостоили!

А з и м х а н. Как это – состязаться и не знать с кем?

С а л и м. “Я вам звоню – чего же боле”.

А з и м х а н. Победить могли, а встречи побоялись?

С а л и м. Неужели вы такая гордая?

Асия отвечает односложно обоим:

— Это вы напрасно! Разве я? — и заканчивает: — Хорошо. Ладно. Вы же не догнали, чего мне опасаться? Приходите ко мне завтра в 12 дня.

Салим записывает адрес девушки: 22 июня, в воскресенье, в 12 ч. дня. Кавалерийская, 71. Записывает и Азимхан: “Асия. Кавалерийская, 71, 22 июня, 12-00”.

* * *

Асия в своей комнате. Стенные часы показывают без нескольких минут 12. Посматривая на них, Асия встревожено ходит по комнате. Включенный репродуктор то глухо, то резко грохочет, заметно, как станция настраивается на определенную волну.

По аллейке, усаженной стриженными деревьями и окаймленной газоном, по направлению к маленькому флигелю в саду идет Азимхан, с другой стороны туда же приближается Салим. Подойдя к одной и той же двери, они смотрят друг на друга и останавливаются.

— Салим Саржанов! — говорит Салим и протягивает руку.

— Азимхан Бекетов! — Они познакомились только теперь. — Значит, погоня продолжается?

С а л и м (*смеясь*). Я вижу, теперь идете в пешую атаку, — так будьте командиром. Инициатива — ваша, стучите!

А з и м х а н (*так же*). Если бы вы слушались команды, я прежде всего скомандовал бы вам кругом марш...

С а л и м (*так же*). Насколько я понимаю, в вашем уставе нет команды к бегству, отступлению? Да ведь такая команда не сделала бы чести командиру?

А з и м х а н. А я вижу, что из вас бойца сделать вообще безнадежно: вы же явный казуист, спорщик!

С а л и м. Не отрицаю! Когда нужно, я и поспорю, вот хотя бы сейчас!.. (*Азимхан стучит в дверь.*)

Асия открывает.

— Тише, товарищи! Заходите слушать речь Молотова!

— Речь Молотова?!

— Молотова?!

Девушка проводит джигитов в комнату с репродуктором. Уже 12 часов. Знакомый голос заговорил в репродукторе.

Это правительственное сообщение об объявлении войны с германским фашизмом.

– До свидания! – говорит Азимхан, приложив руку к козырьку.

Салим тоже прощается с Асией.

В тяжелой тревоге спешно собирается идти куда-то и Асия...

* * *

Крутым ледяным горбом возвышается ближайший пик. Суровый и высокий, обвалакиваясь клубами туч, он рождает мечты о великом. Он высится, как символ сияющей вершины славы, воздвигнутый на века подвигами героев – гигантов истории.

Медленно отводит свой задумчивый взор с этой вершины генерал Рокотов. Обрываясь крутыми водопадами, несутся пенистые волны горной реки. На ее берегу раскинулось учебное поле. Около генерала Березин, Зорин и Бекетов. Целый ряд подразделений обучается в поле. Генерал с командирами подходят к взводу Утешева из батальона Бекетова.

Утешев командует: “Смирно!”.

Часть взвода остановилась точно по команде, часть делает “шаг на месте”, а другие всполошились, – попреки и понукания в строю...

На приветствие генерала взвод ответил вразброд:

– Здравствуйте... Салам... Аман...

Перед генералом и комсоставом полка и батальона – взвод самого разнородного состава: на головах – шляпы, тумаки, шапки (киргизские и казахские), на ногах – ботинки, казахские сапоги, сандалии... Галстук и сорочки, камзолы-безрукавки, майки...

– Самый интересный народ у тебя, т. Бекетов, – говорит генерал Рокотов.

– Да, товарищ генерал... От Наркома до чабана, от ученого до ликбеза... – отвечает Бекетов.

Взвод тронулся... Правофланговый, ученый в шляпе, начинает с правой ноги и останавливается:

– Пардон, – говорит он, повернувшись к генералу.

Отдельно проходят учебу четверо, среди них Проценко.

При команде “Кругом... марш!”, они поворачиваются и расходятся в разные стороны...

Отделение автоматчиков-стрелков. Стреляют в мишень. Стрелок Тулеген выпускает несколько пуль, но не попадает в мишень... Бекетов нервничает, но молчит...

Р о к о т о в (*Бекетову*). Вы посмотрите только, как он стреляет...

Тулеген готовится выстрелить. При выстреле он закрывает глаза, вздрагивает и нажимает курок...

Утешев дает команду “Вольно!”, взвод бежит под тень карагача к своим мешкам, коржунам и книгам... Одни начинают закусывать, другие валяются на землю с книгой, иные ведут записи. Спешат к бойцам женщины, поджидавшие невдалеке. Тут же под карагачом начинается базар. Джигиты продают рис, масло, шерсть, берут деньги, обменивают на карандаш и бумагу. Выведенный из терпенья Бекетов просит разрешения у генерала подойти к ним. Генерал понимает его, но отвечает спокойно: — Горячиться не нужно. Пойдемте все.

Они видят, как из коржунов в посуду женщин торговок сыплется рис, просо.

Утешев подает команду: “Стройся!”

Генерал Рокотов, Бекетов и др. ожидают строя. Строй заполняется медленно. Джигиты спешат досыпать рис, досчитать деньги. Человек в шляпе заканчивает запись в блокноте.

— Рано начинать военные мемуары! — крикнул Бекетов.

Кто-то сдает женщине сдачу. Кто-то на бегу просыпал рис... Женщина обняла сына и не выпускает из объятия...

Некоторые идут в строй с мешками и коржунами, кладут их перед самым строем... То же самое делают остальные... Смущенный Срым старается быстрее отвести свое подразделение. Джигиты уходят, оглядываясь в сторону оставленных вещей.

— Да... Многовато у них груза — балласта... — добродушно посмеиваясь, говорит Рокотов Бекетову.

— С этим народом через три месяца мы будем биться против самого сильного, закаленного, хитрого врага. Биться, чтобы разбить, разгромить его. А до него у нас есть еще два противника: время и отсталость. Пуше немца тревожат

они. Времени мало, а отсталость велика. Я хорошо знаю о славных воинских традициях казахского народа, он создал так много героических сказаний. Но ведь с тех пор утекло много времени, и народ отвык от этих традиций. Каждый из них вот носит на себе отпечаток долгого мирного существования беспечности. Это я подчеркнул бы прежде всего. Учеба в поле продолжается. Генерал уходит. Бекетов выстроил подразделение Срыма и перед ним демонстрирует строевую учебу с хорошо обученным взводом Краева.

Бекетов со своими младшими командирами.

– Приказываю... Первое – искромсать все эти тумаки, шляпы, коржуны и мешки со всем содержимым – салем-саухатами. Второе – выбить из головы вместе с тумакими, шапками и шляпами аульную и городскую, канцелярскую и книжную, бюрократическую и профсоюзную и пр. дурь!

Два взвода поднимаются в гору в колючках и густых зарослях. Впереди взвод Краева, позади подразделение Срыма. Кусты и колючки цепляются за коржуны, мешки и тумаки, задерживают движение.

– Бегом! – командует Бекетов.

Легко и ловко пробегают люди Краева. Грузно, тяжело карабкается подразделение Срыма.

* * *

На участке учебного поля Тогжаров проводит политзанятие с бойцами. По виду здесь народ обученный.

Т о г ж а р о в. Итак, первое: страха не существует; его не существует для нас, советских воинов, преданных родине. Мы должны знать только отвагу и героизм... Во-вторых, ни шагу назад... Долг советского бойца – умереть за родину на передовой... *(Зорин и Салим Саржанов подходят к этой группе.)*

З о р и н. Прав наш генерал, до немцев нам нужно одолеть двух других противников – время и отсталость. Мы проиграем, если будем вести счет времени не часами, а днями, тов. Саржанов. Нужно, чтобы всякая политическая учеба помогала одолеть именно эти препятствия! *(Зорин знакомит Салима с Тогжаровым, представляет Салима как политрука батальона. Салим еще в штатском. Зорин уходит. Тогжаров продолжает беседу.)*

Встает робкий боец:

— Вопрос можно? А если боец умрет на передовой, то кто же будет защищать эту родину, тов. командир?

— А ты не тужи об этом, товарищ. За тобой стоит вся страна. Не бойся! И не задавай себе такого вопроса!

— Позвольте мне, — говорит Салим, с улыбкой обращаясь к Тогжарову.

— Говорите, говорите, берите все в свои руки! Какой же я политвоспитатель! *(Тогжаров уступает свое место Салиму.)*

* * *

Усталый, измученный отряд Бекетова бежит в гору по крутому склону, по колючкам. Коржуны и мешки мешают людям Срыма бежать. Навстречу части спускается старик на осле, женщины, дети... У ученого беспрестанно слетает шляпа...

Тулеген первым бросает свой коржун на шею осла и бежит дальше. За ним второй, третий... Осел нагружен до ушей...

— Ребятки, я не в ту сторону... Не могу... — протестует старик, но его никто не слушает.

В миг завалены мешками все женщины и дети, проходящие мимо части. Ученый поднимает слетевшую на землю шляпу и надевает на голову старика, поверх шапки...

— Сынок, я не туда еду, а меня мобилизовали, аль что?.. — протестующе обращается старик к Бекетову.

— Езжай, куда хочешь, но не показывайся больше в глаза. Все твое, отец! — отвечает Бекетов.

Часть уходит...

* * *

Салим окружен тесным кольцом жадно слушающих его бойцов. На лицах огромное оживление, улыбки одобрения. Изредка вырываются неудержимые возгласы восторга. Молодой ученый, историк литературы Салим декламирует знаменитые призывные стихи любимого Махамбета — поэта борца, пламенного трибуна народной борьбы против насильников и угнетателей. Песня гнева, непоколебимой воли и стойкости за правое дело, за родину, за честь джигиты звучит сейчас так кстати, что воспринимается, как самый

горячий и пламенный призыв нашего дня, призыв к мести немцам-насилъникам.

Салим понимает, как воспламенил он джигитов, как песня пробудила жажду схватки и удали в боях.

С а л и м. Для того, чтобы стать героем, нужны и крепость духа, и закаленное, ловкое тело. А разве мало ловкости в нашей борьбе? Давайте-ка, закончим нашу политучебу хорошей казахской борьбой, да так, чтобы эти холмы загудели...

Рота разбивается на два лагеря, и бойцы, полуголые, подпоясанные, начинают борьбу: сцепляются пара за парой. Со всех сторон стеклось много народу. Каждая пара применяет в схватке новые ловкие искуснейшие приемы казахской борьбы: заплетание ногой (шалу), подножки (қағу), перекидывание через голову (жата тастау), бросок через плечо (аркалап соғу), бросок через бедро (қырқадан шалу); завязывается отчаянное, захватывающее состязание в изворотливости, ловкости, в крепком, неутолимом упорстве. Горячее одобрение стариков, женщин и детей, собравшихся вокруг, еще больше подзадоривает джигитов, которые кружат, трясут, поднимают и перекидывают друг друга.

* * *

Бекетов замечает, как некоторые бойцы головной роты обходят болотную лужу. Он покачивает головой и осматривается. Налево — многоводная горная река.

— Рота! Вброд через поток! Бегом!

Рота бросилась в реку.

— Рота, стой!

Рота стала и выстроилась в середине потока. Командиры Краев и Срым в воде, четко выстраивают роту лицом к берегу...

Генерал Рокотов, Березин и Зорин видят все это и идут к роте.

— На... лево! Прямо! Шагом марш! — командует Бекетов. Рота, выше колен в воде, упорно двигается против потока.

Бекетов только тут замечает приближение генерала и дает команду:

— Рота! Стой!

Командир полка Березин не одобряет Бекетова.

— Что это такое? Напрасно все это!

Он окликает Бекетова, но генерал останавливает его:

— Пойдите! Не мешайте ему!

Улыбаясь, подходит генерал к берегу. На его приветствие бойцы ответили четким и дружным:

— Здравствуйте, товарищ генерал-майор!

Рокотов здоровается за руку с Бекетовым:

— Хорошо, — говорит он, улыбаясь.

Генерал уходит. Березин упрекает Бекетова:

— Зачем вы повели роту против потока? Вы же могли покалечить людей.

Б е к е т о в. К сожалению, в моем распоряжении нет морозов или ледяной воды. Чем же мне закалять их? Как же не использовать случая? А вы против?

Б е р е з и н. Мне не понравилось это, тов. Бекетов!

Б е к е т о в. А генералу?

Березин не отвечает.

— По-моему, генерал одобрил, — говорит Бекетов.

Это еще больше задевает Березина, он говорит уже сердито:

— Я не одобряю, понятно вам это? Командую полком я, не генерал!

Бекетов берет под козырек и отвечает подчеркнуто официально, не скрывая своего раздражения:

— Хорошо, товарищ командир полка. По поводу перехода в брод в порядке закалки бойцов через горный поток мнения командира дивизии генерал-майора Рокотова и командира полка капитана Березина противоположны, что я должен принять к сведению...

Березин чувствует неловкость такого оборота дела:

— Ну довольно! — буркнул он, отходя.

* * *

Борьба в разгаре. Загорелые, мускулистые крепкие руки и ноги джигитов сплелись в азартной, упорной схватке. Кружатся, бросают, поднимают, подбрасывают борцы друг друга.

С ротой промокших бойцов подходит к ним Бекетов. Пропустив роту мимо себя, он стоит около борцов, удивленный и сердитый.

– Отставить, шальная рота! Стройся! – командует он. Борьба прекращается, джигиты полуголые, босые, становятся в ряд.

– Вы каких богов любимец, почему не в строю? – кричит Бекетов на Салима. А тот спокойный, улыбающийся, подходит к Бекетову.

– Неудобно кричать так далеко! Волей богов я ваш политрук! – говорит он, протягивая руку.

– Да, вижу привалило счастье на мою голову, – отвечает Бекетов, взяв руку Салима, и добавляет в шутку: – Каких еще чудесов ожидать от вас дальше?

Спокойно подходит Рокотов, со стороны наблюдавший за борьбой.

– Очень хорошо, тов. политрук! – говорит он, пожимая руку Салиму.

Азимхан смущен. Он вынужден скрыть свое негодование.

* * *

В просторный клубный зал большими толпами входят бойцы. У аппарата Бекетов. Разворачивая киноленты и поднимая к свету, спрашивает:

– Это что?

– Это видовая, – отвечает механик.

– Не нужно! – говорит Бекетов, обрывает ленту. – А это что?

– Это интересно. Джигит ожидает в саду любимую... вот и она сама.

Бекетов молча обрывает и эту ленту и смотрит дальше.

– А дальше ничего интересного... маршировка немцев.

Бекетов быстро просматривает кадры: – Хорошо, как раз нужные, покажите их.

Бойцы смотрят военную хронику. На экране танки, воздушный десант. Откалывая строевой шаг, проходят немецкие колонны.

– Вот какого врага нам надо бить! – говорит Бекетов, стоя у экрана. Продолжается хроника: на экране немцы, идущие на объектив в психическую атаку с автоматами на изготовке. Идут четким строевым шагом. Кончилась эта

лента, мелькнула пара, стоящая под деревом, “отставить” командует Бекетов, “повторить хронику”. Идет ее начало...

* * *

Во дворе квартиры Асии на фоне газона, спиной к калитке сидят Асия и Срым. Они сидят в непринужденной позе близких, сердечных друзей.

Асия гладит руку Срыма:

— Срым ага, я на все решилась, это окончательно. Устрой меня в дивизию. Обещай, что поможешь мне в этом. Обещаешь? — упрашивает она.

Срым смотрит испытующе задумчиво... Улыбнулся Асии:

— Может быть, это тебя любовь тянет туда?

Асия смеется. Удивленно:

— Любовь? К кому?

— А Азимхан? А Салим?

— Что ты! Ведь я почти не знаю их!

— Ты не знаешь, так я скажу, что оба они достойнейшие люди.

Асия смеется иронически:

— Разве? А чем?

— Бекетов отважный командир. Человек крепкой воли. На Халхин Голе он отличился подлинной храбростью. А Салим ученый. Он известный литератор и будущий доктор филологических наук. У него замечательный характер. Словом, оба стоят. Но который? — Смеясь, он обнял Асию.

— Ну выкладывай: который? От кого ты не можешь отстать? За кем идешь на фронт?

Асия громко расхохоталась, как бы подтверждая (*притворной веселостью*) подозрения Срыма. Затем резко, серьезно, сразу изменившись в лице, заговорила:

— Вы заблуждаетесь, дядя Срым. Я никого не любила до сих пор. И не думаю, чтобы сейчас наступила моя пора. Я очень изменилась с тех пор, как начала узнавать о подлости немцев, о страданиях тысяч девушек и юношей, подобных мне. Я содрогнулась всем своим существом... отошла от своей юности, что ли, будто сжалась внутри, будто в узел завязана туго. Для меня нет уже личных желаний, личной

жизни. Все это кончилось. Война положила запрет. Вот с чем я уйду. Такой я пойду на фронт с вами: поняли теперь? Возьмете с собой?

Срым смотрит на нее с глубоким доверием, он тронут ее признанием:

— Милая Асиятай! Я понял все и беру тебя с собой! — Он обнял и поцеловал ее.

Вместе входят в калитку дома Азимхан и Салим. Увидев Срыма, обнимающего Асию, они остановились. Переглянувшись с Салимом, Азимхан, покачал головой: — Срым!

С а л и м. Двое влюбленных — третий (*тычет себя в грудь*) — лишний, а четвертый (*показывая на Азимхана*) — решайте сами.

— А четвертому лучше провалиться сквозь землю, — говорит Азимхан и круто поворачивается. Оба уходят грустные.

* * *

Станция. Эшелоны. Масса провожающих, машины, верховые лошади, брички, верблюды... Родина провожает первую свою дивизию на фронт. На перроне расставлены длинные ряды столов с угощениями. Перед каждым красноармейским вагоном выступают артисты. Цветы... Угощения...

Генерал Рокотов и комсостав в центре казахского правительства.

Все умолкает... Артистка поет песню прощания, ее сопровождает хор богато разодетых девушек и джигитов.

Члены правительства сами вносят в вагоны ящики яблок, цветов, вин, прощаются с бойцами.

Матери, жены и сестры, обняв своих сыновей, мужей и братьев, прощаются с бойцами по-казахски: поют прощальные песни!

Рокотов идет в тесном кругу казахского правительства, останавливается около старухи, которая с последними причитаниями провожает своего внука Тулегена. Плача, она прижимает его к груди. Она живописно нарядно одета. Рокотов остановился, остановились все. Генерал обнял старушку.

– Береги, бабушка, силенки... Ты ведь еще будешь помогать сынишке на фронте... Твоя жизнь дорога нам. Ты будешь поддерживать нас с тыла. Смотри, вон сколько сыновей ты отправляешь на фронт!

– А ты, сын мой, хорошо ли научил его (*показывает на внука*) колотить окаянного немца? Не зря пропадет он там?... Ведь он козленка жалел резать... Отец-то был еще ничего... Он хоть соилом колотил найманов, когда те набег на аул устраивали. А этот (*указывает на внука*) и соила не держал в руках, ружья-то в глаза не видывал...

– Правильно, правильно, бабушка. Да, он не видел ружья. Недаром глаза жмурил вначале, когда стрелять учился! А теперь – вон какое у него ружье!

– Он и девушкам слово вымолвить смущался, робел в глаза им смотреть, – говорит бабушка.

– А теперь, бабушка, он будет косить немцев из этого ружья и пройдет по потоку их крови. Мы тебе напишем об этом. Будешь гордиться своим сыном...

– Да будет счастлив твой путь, родимый!

Эшелон тронулся... Машут шапками, платками... цветами... Мелькнула у отходящего вагона фигура Азии. В военной форме она протягивает руку. (*И Срым быстро подтягивает ее за руку.*)

В кругу членов правительства оживление и ожидание...

– Где, где же акыны?

На красивых конях вылетают акыны. Вытянувшись в линию, почти около каждого вагона скачут они нарядно, богато разодетые, с домбрами в руках. Они поют, скача на конях, красивых, стройных скакунах с раздвоенными, перевязанными в середине хвостами, с челками, украшенными пучками развевающихся перьев. Они – акыны народные, седобородые, чернобородые, безбородые, молодые, поют, как бы в такт учащающемуся перестуку колес все учащее, горячее...

Все бойцы прижались к дверям вагонов... множество голов высовываются из окон, торчат как птенцы из гнезд. Акыны скачут... поют, поют песни прощания с родиной, песни верности, любви к родным гнездам, полям и к дням счастливого труда... Все быстрее движение эшелона... Акы-

ны постепенно отстают с песней прощания на устах... Скачут одиночки, молодые. Их еще не удержать, они неутомимы в бурном приливе песни...

Сопровождаемый песней эшелон уходит. И песня горячая, живая, легкокрылая, летит с бойцами не отставая... Теперь поют сами бойцы. Неразлучимая, она как символ неистребимой силы, вечной спутницы, летит на фронт в сердцах, в крови бойцов.

* * *

У деревянного моста сгрудились телеги, машины, тракторы, тягачи, слышен несмолкаемый шум и крик людей, старающихся обогнать друг друга. Люди бросаются в реку, плывут стада, в воде телеги. Одни тонут, другие с трудом переплывают на тот берег.

Дороги, ведущие к мосту, тоже запружены обозами и толпами народа. Над всем этим гудят вражеские самолеты. Они косят людей, сбившихся у узкой переправы. Когда налетают отдельные самолеты, телеги и машины шарахаются в стороны. Несутся к лесу два грузовика, наполненные детьми. Круто свернул на них самолет, с бреющего полета он обстреливает машины.

Лесной дорогой машины примчались к детскому санаторию.

На машине убитые, раненые, плачущие маленькие дети. Часть посыпалась из машины, бежит к широкой лестнице большого дома. Еще раз проносится самолет, стрекоча пулеметами. На лестнице — раненые, убитые дети. Кровь потекла с лестницы на асфальт.

Распугивая и тесня детей, к дому подкатывает вражеский танк. Вылезли трое офицеров, рассматривают здание. Кровь течет к их ногам.

— Полковник будет доволен. Дом подойдет для штаба дивизии, — говорит немец офицер. Заметив кровь под ногами, он вытирает свой сапог об одежду раненых, лежащих тут же детей.

Уже стали на часах солдаты. Вбегают в дом связисты. Солдаты вносят вещи штаба. На многих предметах особые отметки эсэсовской дивизии “Мертвая голова”.

– Очистить! – приказывает майор солдатам, указывая на стонущих, раненых детей. Солдаты грубо хватают раненых и кидают на машину к убитым детям.

Бесшумно скользит красивая машина, остановилась возле санатория. Вместе со свитой офицеров вылез из машины фон-Крюгер с иголки одетый, выбритый полковник средних лет.

Часть детей на балконе второго этажа. Видя своих раненых товарищей, подбрасываемых в машину, они кричат:

– Куда вы везете их?

– Это наш санаторий!..

– Не трогайте!.. – и толпой они выбегают наружу. Старшие взобрались на машину, утешают раненых:

– Крепись, Машенька! Потерпи, Катя!

Чуть сморщился Крюгер. Он поднимается по лестнице, а там снова плачущие детишки. Их много, за каждым поворотом. На лестнице второго этажа, прижавшись к стене, стали девочка и мальчик. Они тоже плачут. Проходя мимо них, Крюгер остановился:

– Зачем плакать? Не надо! – говорит фон-Крюгер, гладит девочку по голове.

– Как вам не стыдно так обижать детей? – говорит девочка.

– Я вовсе не боюсь тебя! Мой папа на фронте. Напишу ему, так увидишь, – говорит мальчик.

– Папа, фронт... корошо, корошо! – по-прежнему ласково говорит Крюгер, – пугалась... не надо. Сейчас машина, аутаомобиль кароший... Тебя, тебя... всех, всех повезет кататься... карошо кататься, – повернувшись к своим офицерам, он молча изображает рукой форму душегубки... *(Офицеры грузят детей в две душегубки.)*

Большая светлая комната. Установлены телефоны. По углам комнаты бюсты Толстого, Пушкина, Байрона, Гейне. На стенах портреты Шевченко, Тургенева, Джамбула.

– Зачем здесь эти отвратительные бороды? – презрительно говорит фон-Крюгер, – страна волосатых обезьян! *(Он указывает на портрет Джамбула)* – и бородатый азиат в почете.

Майор читает надпись под портретом:

– Казахский... какой народ казах?

– Дикие кочевники Азии... Гунны или скифы... Завтра увидите их. Впереди генерал Рокотов. Это их генерал. Достойны, чтобы вместе с генералом отправить в Берлин на показ... *(Увидел Гейне)* – это наш беглец... Ты нашел приют?!.. Нет!.. Убрать весь этот зверинец, – приказывает он майору. *(Летая из окон бюсты, портреты. В кабинете Крюгера и офицеры.)*

– Мост очищен?

– Очищен, господин полковник!

– Дальше?

– Ждем вашего приказа!

Крюгер тычет пальцем в карту:

– Приказ – завтра утром завтракать в Волоколамске, а ужинать в Москау!

– Ужинать Москау? Нам первым? – спрашивает майор.

– Нам первым. Почетная миссия возложена на дивизию особого легиона, “Мертвая голова”. В дивизии танковая бригада, авиасоединение. Снять сегодня же дивизию Рокотова!... Итак, завтракать в городе В... *(Полковник звонит в танковую бригаду. Глухо гудят бесчисленное множество стальных черепашек.)*

– Завтракать в городе В... Ужинать Москау... – повторяет в трубку полковник. *(Еще большее число танков заводят моторы.. Медленно вертятся пропеллеры мессершмидтов.)*

* * *

В блиндаже штаббатальона. Над картой – Азимхан, Салим, Краев, Срым. У телефона Асия.

– Фон-Крюгер в двадцати семи километрах, – сообщает Краев, – в санатории не задержится, наша встреча состоится завтра. Цель его – город “В”, а мы на большаке к нему.

– Ладно, господин фон-Крюгер, – говорит Азимхан, обдумывая положение, – надо вас встретить! Жаль, Салим, нет большого оркестра!

– Ну, чем богаты...

– Видно, это части специально для Москвы, для торжественного входа, готовятся к параду, – говорит Краев.

– Хорошо, наше решение готово. Мы встретим Крюгера молча.

– Молча?

– Да, молча, как встречает могила покойника.
– Пока не подойдут вплотную? – догадывается Краев.
– Конечно. Что поделаешь, если против танка ты имеешь только палку. Так подпусти, чтобы замахнуться ею. Идемте. *(Асия окликает Срым, который собирается уходить с другими.)*

– Срым ага, письмо из дому!

А з и м х а н *(Салиму)*. Срым ага?.. Почему такой почет только ему?

С а л и м. Такова, значит, разница между чужим и близким!

А с и я. Да, таким близким, как родной дядя, который всю жизнь заменяет отца...

С а л и м. Выходит, что мы опять побеждены...

А з и м х а н. Ты бы лучше не об этом говорил, а о воскрешении надежды...

С а л и м. Комбат, держите крепче ваш рубеж.

* * *

Группа снайперов в лесу. Тут же Асия и Тулеген. Асия прицеливается.

– Бывает, что перед выстрелом правый глаз закрывается, он очень подводит, а ты не закрывай, – учит Тулеген Асию и пристально следит за ее правым глазом.

– Бей прямо в схвастуку, бей по лбу! – говорит Проценко. *(Спокойно, уверенно прицеливается Асия и дает выстрел, не закрывая правого глаза. Стреляет метко. Командир отделения раз за разом отмечает попадание.)*

Т у л е г е н. Слушай, как же ты не закрываешь глаз?

А с и я. А зачем?

Т у л е г е н. Я когда начал учиться, закрывал...

А с и я. Так ведь не учили же этому?

Т у л е г е н. А все равно, было...

– Пойдите, – кричит издали Срым. С Азимханом и Салимом он подходит к мишени и устанавливает новую мишень с фигурой немца. Стреляют Азимхан и Салим. Они попадают, но не очень метко.

– Первый помер слева, стреляй в глаза! – командует Срым. Пули Асии попадают в оба глаза немца. Срым ука-

зывает рукой на лоб немца, там свастика. Третья пуля Азии поражает лоб немца прямо в центре свастики.

– Вот молодец!

– Кто это? – говорят Салим и Азимхан, подойдя к бойцам. Увидев Асию, они останавливаются в недоумении.

– А, белый конь все еще впереди, никак не догнать его! – заключает Азимхан.

– И на фронте не догнать?

– Я за то, чтобы эта скачка не прекращалась. Никогда я не встречал ничего подобного, – говорит Азимхан.

* * *

Салим рядом с Асией продолжают учебу в стрельбе. Прицеливаясь, Салим видит попадания Азии.

С а л и м. Помните ипподром? Белый конь под вами... И мы не догнали тогда... *(Он стреляет и попадает метко.)*

А с и я. Зачем вспоминать?

С а л и м. По-моему, мы бьемся за все лучшее, что мы помним в нашей жизни.

А с и я. А ненависть?

С а л и м. Да, ненависть и любовь.

А с и я. Я сейчас в плену только одного чувства – ненависти.

С а л и м. Но ведь и любовь ведет к подвигу?!

А с и я. Я на войне...

* * *

В окопе Проценко, Борамбаев и другие.

Б о р а м б а е в *(многозначительно подтолкнув Проценко)*. Вон еще пятеро... Опять идут. Видишь?

П р о ц е н к о. Где? Где?

Бойцы столпились, смотрят вдаль. Текут и текут уж третий день... Видно, все бегут...

– А немца-то кто держит? Что же он до сих пор не добрался до нас? У тебя, я вижу, есть такая схвастика. Смотри, не сорвись на этом, – говорит Проценко

– Не добрался!.. Сто километров смаху протопает он и все... А ты сиди тут. Спустит с неба тысячу танков и...

– Да молчи ты, кролик.

– Подожди!.. Вон, опять трое...

Борамбаев высовывается из окопа и зовет:

— Эй, товарищи, сюда... Сюда...

Они видят группу красноармейцев, отколовшихся от своих разбитых и отступивших частей. Это “окруженцы”. Один оторвался от своих и направляется к окопу.

— Ну, как, братец, там? Жарко? — спрашивает Борамбаев.

— Чертово пекло там! Саранчой лезут танки. Над головой самолеты. Воют бомбы. Минометы кроют тебя со всех сторон, аж свищут кругом. Свинца льют пуще ливня... Вокруг крики и вой. Никого не оставит в живых.

— А ты видел немца?

— Спросил тоже: где тебе видеть немца! Он обнимает девушку, попивает пиво, сидит себе в этом самом железобетонном Зоте и шлет тебе смерть на сто километров вокруг... Чистая погибель...

— А как же ты-то спасся?

— Как спасся? Очень просто, братцы... Видишь ли, как немцы стреляют...

Увеченный своим рассказом “окруженец” за насыпью окопа показывает, как обстреливали немцы и как он все пятился назад и наконец побежал...

— Жаль, не я был с тобой, — говорит Проценко, замахаясь прикладом. На изгибе траншеи показывается Бекетов. Бойцы попрятались в окоп, “окруженец” быстро исчезает.

— Помашите еще кому-нибудь из них, тебя же угощу прикладом, — говорит Проценко Борамбаеву.

* * *

— Подкрадывается страх и к нашим бойцам. Уж больно интересуют их эти окруженцы! — говорит Салим...

— Надо полечить! — отвечает Азимхан. Они идут к подразделению Тогжарова. В траншее среди группы бойцов Тогжаров.

Он ведет беседу все на ту же тему об отсутствии страха.

— Тут кое-кто полагает, что среди бойцов есть и паника, и страх. Это ошибка. Ведь наш боец с железной волей, не правда ли?

Азимхан с Салимом отходят.

А з и м х а н. Он сам трусит... Надо полечить. Непременно полечить...

С а л и м. Ты иди, а я останусь здесь.

Азимхан подходит к пулеметчику Блохе:

А з и м х а н. В порядке?

Б л о х а. Только нажать, товарищ комбат.

Бекетов сел за пулемет и дал несколько коротких очередей в направлении своих окопов.

— Тревога! В ружье! — командует Азимхан.

— Немцы! Немцы! — вопит Борамбаев и бежит из окопа.

Несколько бойцов побежали за ним. Глядя на них, Бекетов, пораженный, остается на месте.

В части Тогжарова Салим. В свою беседу об отваге и героизме он вставляет песню из героического эпоса. Когда начинает строчить пулемет, он спокойно, легко переводит песню в команду:

— К оружию!

Бойцы быстро и четко занимают боевое положение. Один Тогжаров совершает невообразимый переполох по телефону.

— Штаб батальона, батальона! — не дождавшись ответа, кричит, захлебываясь, — Азимхана нет на месте. Что делать? Он звонит в штаб полка: — Враг открыл огонь, бьюсь с близкого расстояния. Трудно установить численность. Но, видно, наступление... И комбат, и батарея молчат.

— Сперва придите в себя, — говорит Салим и берет у него трубку.

* * *

Перед Бекетовым и Салимом Борамбаев, раненный выстрелом в правую руку. Асия ведет протокол.

С а л и м. Что с тобой случилось?

Б о р а м б а е в. Я ранен, агай! — он протягивает ладонь, простреленную пулей.

А з и м х а н. Агай (*передразнивает Борамбаева*), где же тебя ранило?

Б о р а м б а е в. Да вот только что, при атаке немцев.

С а л и м. А куда делись эти немцы?

Б о р а м б а е в. Мы же отбили, отбросили их!

А з и м х а н. Ты низкий трус и наглый лжец! Ведь это я дал тревогу из пулемета.

Б о р а м б а е в. А в меня попало значит...

А з и м х а н. Ты разве на небе был? Я ведь стрелял в небо!

Б о р а м б а е в. Тогда я, наверное, упал... и моя же винтовка выстрелила...

А з и м х а н. Самострел, это предатель. И такому только один приговор: расстрел! За низость и ложь приговариваю Борамбаева к расстрелу.

Борамбаев грохнулся об землю, ползет к Азимхану:

— Братья, вы правы... струсил я... пощадите...

— У тебя ребенок, жена, старая мать, ты ведь и их предал в месте с родиной... Разве не проклянут они тебя?

— Лучше бы не знали они про мерзкого Алькея.

— Так их проклятем и будет твой расстрел... Уведите!
(Борамбаева уводят.)

С а л и м. Отправим в трибунал.

А з и м х а н. Зачем в трибунал? Пишите, Асия. Расстрелять перед батальоном.

С а л и м. Мы армия. А это дело трибунала.

А з и м х а н. Это дело того, кто выполнит быстро и достойно.

(Асия пишет поочередно "расстрелять" в трибунал.)

С а л и м. Для этого же и существует трибунал!

А з и м х а н. Пусть так. Но батальону нужен наглядный пример. Расстреляю.

С а л и м. Я настаиваю на своем.

А з и м х а н. Мы будем объясняться в штабе дивизии.

С а л и м. Да, выходит, что так...

* * *

Батальон в строю. Перед ним Борамбаев.

Говорит Азимхан: — Казах боец, я говорю тебе. Подумай о совести и чести. Что ты заслужишь, кроме презрения, если окажешься изменником у порога Москвы, сердца отчизны твоей? Разве нет у тебя мысли о будущем, о судьбе твоего народа? Бесчестный Борамбаев ни о чем этом не подумал. Он не смеет смотреть в глаза вам, с которыми вместе он при-

носил присягу родине. Клятвопреступнику нет места среди нас. Его проклянет наш народ, родная мать, жена, двухлетний ребенок. Расстрелять изменника!

Проценко и Тулеген берут на прицел, но Борамбаев падает на землю и ползет к Азимхану:

– Собакою я стал... Собака... братья!..

– Собаке – собачья смерть! – кричит Азимхан и сам стреляет в Борамбаева. Дрогнув в ненависти батальон.

* * *

Начинается немецкая атака. Взрываются снаряды, воют мины. Азимхан и Салим входят в блиндаж. Дробно трещат телефоны. Азимхан берет одну из трубок. Говорит Краев.

К р а е в. Немцы на виду, идут, обстреливая, строем.

А з и м х а н. Прицел 200. Ни звука до этого расстояния.

К р а е в. Есть прицел двести. *(У второго телефона Тогжаров, разгоряченный, нетерпеливый.)*

Т о г ж а р о в. Ведь уже под носом немцы. Почему молчат Краев и Срым? Или ждут, когда нагрянут танки?

А з и м х а н. Довольно. Сказано тебе принять молча!

Т о г ж а р о в. Умирать, не поднимая головы?

А з и м х а н. На каком сейчас расстоянии от тебя противник?

Т о г ж а р о в. Около километра.

А з и м х а н. Прицел двести. Ни звука до этого.

Т о г ж а р о в. Да разве удержишь бойцов?

А з и м х а н. Тогда прицел полтора.

Т о г ж а р о в. Да ведь показались уже и танки!

А з и м х а н. Не твое дело. Повторить приказ.

Т о г ж а р о в. Слышал. Полтора метра, но...

А з и м х а н. Повтори приказ!

Т о г ж а р о в. Прицел полтора метра.

– Запомни! – Азимхан положил трубку, говорит Салиму: – Иди к Тогжарову, чтоб он не смел поднимать переполох. *(Салим уходит. Азимхан звонит батарею.)*

– Большие колеса? На каждое колесо по три танка. Прицел от пятисот до трехсот. Бить по лбу. Да, требуется выдержка.

Прибегает Асия.

– Майор Березин ждет вашего звонка.

Азимхан поручает телефонисту:

– Позвони. Передай, что началось наступление. Скажи, что комбат среди бойцов. – Он уходит, но у выхода, обернувшись, приказывает Асии:

– А ты возвращайся в штаб! Возвращайся сейчас же!.. Быстро!

– Хорошо, Азимхан ага!

Азимхан уходит.

– Скорее! Передавай об атаке... Ну! – Торопит Асия телефониста в опасливом волнении. Она вздрагивает при каждом разрыве снаряда.

– Чего не стреляют наши? Боятся?..

– Не велел комбат.

Пригнувшись, Асия бежит к штабу. Но разрывы снарядов преграждают ей путь. Над головой гудят вражеские самолеты... При новом разрыве бомбы она метнулась обратно, спрыгнула в окоп, оказалась около Проценко и Тулегена.

– Почему не стреляете?! – кричит она и прицеливается из своего автомата. Проценко отдергивает ее.

– Оставь схвастуку... Нужна голова!

– Наш прицел двести, – говорит Тулеген и наводит на двести прицел автомата Асии. Она пригнулась между двух бойцов.

* * *

К окопу Тогжарова часто валяются груды земли, взорванные снарядами. Тогжаров держит руку поднятою, чтобы скорее дать команду “огонь!”.

– Еще далеко, – спокойно говорит Салим.

– Как далеко? Самое большее триста.

– Успеешь, опусти только руку. Дай покурить.

Тогжаров торопливо достает портсигар левой рукой из правого кармана. Салим не спеша раскрывает портсигар.

– Да у тебя папиросы, – возвращает портсигар обратно. Подходит к бойцу: – Есть закурить? Боец достает курево так же торопливо. Салим по-прежнему медленно закручивает газетную бумагу.

– А сколько ты жил в Алма-Ате? – спрашивает он Тогжарова.

– Сколько мне лет!

– А на какой улице ты жил?

– Да на углу Гоголя и Горького!

– Разве?

– Нет, на углу Гоголя и Маркса.

Снова совсем близко взорвался снаряд. Салим отряхивается, медленно смачивает языком кончик закрутки.

– Близко к базару... Удобно хозяйке-то...

– Это верно. Хозяйка была так довольна, – улыбается Тогжаров. Теперь он пришел в себя.

– А ты проверил прицелы? Точно ли у всех на 150?

– Верно, надо проверить! – проверив у двух бойцов, делает замечание: – Что это, поспешили или струхнули? Я же сказал 150!

– Огонь! – командует, взмахнув рукой, Краев. Заговорили дружно автоматы. Уже стреляют Проценко, Асия и Тулеген.

– Жми! Нажимай!

– Бей! Круши!

– За Родину!

– За Сталина! – приговаривают бойцы.

– Ну настал и твой черед! – говорит Салим Тогжарову. Стреляет и его рота. Беспреданно часто дрожит земля.

* * *

Фон-Крюгер выходит из санатория, идет к машине. С видимой нерешительностью в лице следует за ним майор.

– Вы хотите сказать что-то?

– Я хотел посоветовать вам подождать еще полчаса.

– Как? Пехота не одолела еще это маленькое препятствие?

– Пехота задержалась.

– А танки?

– И они еще не успели проложить путь.

– Значит, Рокотов решил положить всю свою дивизию в один день?

– От Рокотова нет сведений.

– Как нет сведений? Разве мы не с ним воюем?

– С ним, да только с одним его батальоном.

– Если мы будем так медлить, так и ужин в Москве остынет! Приготовить самолет! *(Полковник вылетает на са-*

молете. Лежат скошенные колонны немецкой пехоты. Пошли в атаку танки. Пикируя бомбят окопы самолеты.)

* * *

Страхнув с себя землю, Азимхан переживает, пока рассеется густое облако пыли от снаряда. Только теперь он разглядел церковь и орудия невдалеке. Идут вражеские танки. Бомбят этот участок и самолеты. Дрожит и трясется деревянная церковь. Со звоном летят разбитые вдребезги стекла. Пригнулись в растерянности артиллеристы. Азимхан силится подать команду. Но стоит, как прикованный, нет и голоса. Увидев под ногой жука, он растоптал решительно. Голос вернулся:

— По местам! — расчет занял места у батарей. Азимхан — на колокольне церкви. Видит, что танки приблизились, а снаряды его батарей падают уже позади них. Азимхан сам быстро дает точные координаты. Начали загораться один за другим вражеские танки.

На самолете фон-Крюгер. Он кружит вокруг церкви. Внизу орудия. Увидел Азимхана на колокольне, высунул руку далеко за борт и погрозил ему увесистым кулаком. Азимхан так же далеко вытягивает руку и в ответ показывает фигу. Асия прибежала на колокольню. Смеется на жест Азимхана. При новом повороте самолета Крюгера Азимхан выпускает по нему всю обойму пистолета. Но Асия тащит Азимхана вниз, она тянет его, что есть сил, выводит наружу. И в тот же миг снарядом сносит колокольню церкви.

Асия и Азимхан зажимают уши.

— Приехал Березин! — говорит Асия.

Азимхан не слышит. Асия пишет пальцем на дуле орудия “Березин”.

* * *

Бежит врассыпную рота Срыма. Добежав до моста, бойцы валяются, как подкошенные. Подступив к мосту, по берегу реки, по краям дороги полегли замертво. У самой дороги повалились Краев и Срым, они прикасаются спинами друг к другу. Рвется к мосту группа вражеских танков. Подошли первые три танка, остановились у моста, вылезли девять че-

ловек танкистов. Осматриваются кругом. Видят убитых советских бойцов. Пятеро немцев пошли проверить мост.

Блестят часы на руке Проценко. Немец отстегнул их. Грабят убитых еще трое немцев, оставшихся возле танков. Один из них снимает сапоги Тулегена.

Идут к мосту новые танки. Чуть не раздавил Краева огромный танк. Но он неподвижен. Мелькнуло лицо Краева, глядящего на колеса проходящего танка. Чуть заметно оттеснил спиной Срыма, они живы.

— Пора! — говорит Краев, подтолкнув локтем Срыма. По резкому свисту Срыма все мертвецы вдруг оживают и берут под обстрел пеших. Повалили грабителей “мертвецы”. Летят гранаты, бутылки к двум танкам, остановившимся позади. Повернули назад задние танки. Тулеген стаскивает свои сапоги со связанного немца. Проценко отстегивает свои часы.

— Давай я подарю тебе лучше другие, подороже.

Отбиты три танка. Джигиты торжествуют. Собрались покачать Краева. Но его команда “Смирно!” утихомиривает всех.

— Забираемся на танки!

Бойцы быстро разбиваются на группы и влезают на танки.

* * *

Наступает вражеская пехота. Обстреливая на марше, они приблизились к окопам. В траншее Салим удерживает руку Тогжарова.

— Еще, еще немножко!

— Нельзя... нельзя, довольно! — рвется Тогжаров. Оба отчетливо видят наступающих.

— Ну, начинай! — говорит Салим. Наконец Тогжаров командует, беспрестанно взмахивая рукой:

— Огонь! Стреляй! Круши!

Дружный огонь роты. Валятся враги, но большая часть продолжает еще наступать. С тыла роты подкатил немецкий танк и начал косить вражескую пехоту. Тогжаров берет гранату, рванул к танку, но из него выпрыгивает Краев.

* * *

Азимхан сидит перед командиром полка Березиным. Здесь же Зорин.

Б е р е з и н. Это дело следует передать трибуналу. Все у вас по-своему. Не ждете ни приказов, ни указаний. Сам навел панику, и сам же расстреливаешь. Разве можно считать вас дисциплинированным командиром? Не можем мы примириться с такой участью батальона, товарищ Бекетов.

А з и м х а н. Я убежден, что поступил правильно.

Б е р е з и н. Встать!

Азимхан встал.

А з и м х а н. Так же убежден, что и говорю правильно. Но жду ваших приказаний.

— Вы будете сняты!

— Слушаюсь!

— Налагаю арест на 15 суток...

Обезоруженный и лишенный командирских отличий, Азимхан стоит под караулом.

* * *

— Я не одобряю ваши действия, — говорит Зорин Березину, — вы сами повторили то же в отношении командира, что сделал он в отношении бойца. В корне это дела, связанные между собой. Кроме того, Бекетов сегодня воевал отлично. А разве не помогла ему в этом его предупредительная мера?

Входит Рокотов.

— Спасибо, товарищи, сегодня вы дрались, как мужчины, — говорит он, входя запросто. — Такой отпор немцы получили от нас впервые. Я все видел сам. Казахский батальон дрался как барсы алатауские. А был занесен над ними большой кулак! Не дрогнули ничуть. Бекетов отважен.

— А мы его сняли и поставили под караул! — докладывает Зорин.

— Что? Как! Бекетова?

— Он самовольничает, не подчиняется приказам. Нужно, чтобы трибунал занялся им, — говорит Березин.

— Пусть трибунал прежде всего высчитает сегодняшнюю добычу Бекетова... Где он? — Генерал встает, встали и остальные.

– Приведите себя в порядок, живее! – говорит Рокотов, подойдя к Бекетову. Когда Бекетов появляется перед ним опрятный, подтянутый, он говорит:

– Объявите мою благодарность казахскому батальону за проявленное мужество...

– Слушаюсь, товарищ генерал-майор... Они в штабе полка.

Рокотов заключает обсуждение:

– Ну и хорошо. Вы считаете, что батальон действует самостоятельно. И я думаю так же. Пусть тогда он будет батальоном самостоятельного действия с подчинением непосредственно командованию дивизии.

Азимхан встает:

– Считаю батальон подчиненным непосредственно командованию дивизии.

Зорин молча пожимает руку Бекетову.

* * *

В машине Рокотов, Азимхан, Салим.

Р о к о т о в. Судя по обстановке, ваш батальон может оказаться в окружении. Не сумев сломить вас, немцы, вероятно, вздумают пройти в город в обход... – Он чертит немцев на стекле перед собою. – Так пусть это окружение вас ничуть не смущает. Сколько в их тылу пространства, стало быть, столько простора для ваших маневренных ударов. Важнее всего, чтобы растрчивался он, и главное, впустую... перемалывайте его технику и людей, выигрывайте время... время... Как можно дольше затянуть его задержку в пути... В этом маневре – самая верная, самая надежная защита Москвы сейчас... Поэтому нападай... отскакивай и нападай... Нападай сбоку, с тыла... нападай оттуда, откуда он вовсе не ждет тебя... Уничтожай людей... круши, ломай его технику... Вот он тянется к городу “В”. Пусть с боем, потерями доберется до него... Для нас сейчас важен не город “В”, а важен бой, затраты, затраты врага на него в людях, в машинах.

И вот в случае, если вы окажетесь за спиной фон-Крюгера, я советую и очень советую вам устроить одно смелое, но самое неожиданное и, может быть, невиданное Крюгером нападение на него. Идите по его стопам, идите, наступая ему, что называется, на корыто. Войдите в город,

если сможете, сразу же вслед за ним. И когда он только войдет в город и начнет устраиваться по своей повадке, ловите этот момент и ударьте со всей быстротой и беспощадной яростью мстителя... Вот что я советую... и чего хочу от вас... Бекетов и Саржанов... Обдумайте, осуществляйте такие операции, как батальон особого назначения... Я верю вам обоим, вашему умению...

* * *

В блиндаже Краев. Перед ним пленный офицер. Тут же Тулеген, Асия.

– Отвечай! Какую вы себе ставили цель на сегодня?

Офицер свирепо сверкает глазами, молчит, руки скручены назад и он мечется в бессилии.

– Требую в последний раз! – говорит Краев, вставая.

– Разрешите, тов. командир... Я забыл тряпку у него во рту, – говорит Тулеген и, вытащив целую паклю, добавляет – допрашивайте теперь! А немцу он делает внушение: – Надо отвечать толком начальнику штаба.

– Цель... Обедать Волоколамск, а ужинать Москва! – говорит немец злобно.

– Разве? А умирать где?

– На улице, возле другого немца, – сказал Проценко.

– Господин рус. Кушоль! – Немец показывает себе в рот.

– Что?

– Кушать!

– А, шамать! Чего шамать хочешь? Швайн? – Проценко ловко изображает руками уши свиньи.

– Карашо... карашо!

– А может, брюхстен? Сосиски?

– Карашо, карашо.

– А русская водка? – Проценко ударяет по фляге...

– Пьем... Карашо.

– Но ты же будешь ужинать в Москве... Лучше потерпи, ждать ведь недолго...

* * *

Вытянувшись в линию, батальон Бекетова идет походным строем. На коне Бекетов, за ним ординарец Синченко,

пришпорив коней, мчатся к головному взводу лейтенанта Утешева. Бекетов возмущенно кричит на Утешева, ведущего батальон по неправильному пути:

– Куда ты ведешь батальон?

– По указанному направлению, товарищ комбат...

– Ты видишь, куда завел? Где твоя карта?

Утешев замешкался, Бекетов в нетерпении вынимает из его полевой сумки карту, никогда, по-видимому, не раскрывавшуюся ее владельцем.

– Укажи, где мы находимся?

Пальцы Утешева неуверенно бродят от Минска до Москвы и останавливаются в районе Рязани...

– Хорош! А где твой компас?

– Вот он... Я и иду по компасу, – показывает компас.

– Почему ты все тянешь вправо?

– Да вот он, как хвост собачонки... Шорт! Все право да право...

– Идиот! Ты же вывел к немцам!

– Да я сам говорю – к немцам... а он, шорт, все туда же...

– Смотри вон на дорогу. Ведь это немцы! – Бекетов смотрит в бинокль. Смотрит и Утешев.

– Ту, шорт! – разочарованно махнув рукой, переворачивает компас и прячет за голенище...

Бекетов останавливает батальон, приняв неожиданное решение, командует:

– Ложись!

Батальон упрятан в ложине, артиллерия и три танка зашли обратно в лес.

Ночь. Батальон лежит в овражке возле большака. Рядом лежат Азимхан, Краев, Салим, Асия и несколько командиров.

К р а е в. За ночь подтянутся к городу, а утром пойдут наступать на город.

А з и м х а н. Да, вышло точно, как полагал генерал.

С а л и м. И у нас пусть выйдет точно, как поручил генерал. По дороге проходят колонны немцев, танки, машины, пехота.

А з и м х а н. Мы пойдем в колонне немцев. Нет другого выхода, опоздаем.

– Как с танками?

– Пристанут к их танкам. На что же ночь!

– Понятно.

А з и м х а н. Но нужен отважный сердцем, чтобы про-
вести танки.

С а л и м. Что же, испытаем. Берусь я!

– Так приготовься! Место встречи – кирпичный завод
перед городом...

(Прощавшись со всеми, Салим уходит.)

А з и м х а н. Командиры, по местам. Краев, ты будь в
роте Тогжарова... *(Отошли командиры. Лежат рядом Азим-
хан и Асия.)*

А с и я. Удастся ли Салиму?

А з и м х а н. Не легко! Большой риск.

А с и я. А он решился так легко.

А з и м х а н. Выполнит с честью, мы будем гордиться
им...

А с и я. Но вам-то, вам-то пойти в немецкой колонне не
менее опасно!

А з и м х а н. Значит, белый конь уже скачет к опасной
цели. Продолжается испытание сердец. А сама ты что чув-
ствуешь?

А с и я. Я слита с вами обоими в одной цели...

А з и м х а н. Разве тебе не кажется, что ты на белом
коне?

А с и я. До нашего благополучного возврата к тем бере-
гам все замкнуто во мне. Я на войне!

А з и м х а н. Ты права, мы должны донести все и дожить
до тех берегов.

А с и я. Считайте, что я поцеловала вас за это... *(Прохо-
дит немецкая пехота.)*

– По четыре в ряд. За мной! – тихо командует Азимхан.
Батальон на шоссе, идет в длинной колонне немцев. В цен-
тре растянувшегося войска движутся орудия. Впереди ба-
тальона Азимхан, Краев, Асия. Часто обгоняют одиночные
мотоциклы. Порой, чуть приостановившись, спрашивают о
чем-то. Невнятно буркнув что-то отрывистое, Азимхан ма-
шет рукой вперед.

Проходят мимо них танки. В легковой машине дремлет
фон-Крюгер, с ним несколько офицеров свиты.

– Фон-Крюгер! – шепчет Краев.

Вслед за его машиной перед новой группой танков едет Салим. Он узнал свой батальон. Приподняв люк и чуть высунув знакомую шапку, помахал друзьям.

– Салим! Какой молодец, Салим! – говорит Асия Краеву и Азимхану.

– Какой бесстрашный! Хороший!

– Сочтем, что ты поцеловала его! – шутит Азимхан, поражая своим спокойствием Асию.

Нагоняет еще один мотоцикл.

– Какая часть? – спрашивает немец и наводит фонарь на лицо Азимхана. Азимхан тоже наводит фонарь на его лицо.

– I батальон 1073 полка.

Немец спрыгивает. Заподозрив что-то, надвинулся на Азимхана.

– Снять! – командует Краев идущим рядом Проценко и Тулегену. Блеснули ножи, сброшен в кювет труп немца. Батальон идет, не останавливаясь. На мотоцикле Краев.

– Азимхан, я разведую впереди!

– Встречай на развилке дороги! Гляди зорче! – Краев уезжает вперед. Он несется мимо пехоты, танков и всевозможных орудий. Едут и танки Салима. Передние группы немцев повернули к лесу. Повернула туда же машина Крюгера. Повернули в другую сторону танки Салима.

– Салим уже отъехал. Все в порядке, – докладывает Краев Азимхану.

– Пора и нам расстаться со спутниками! – говорит Азимхан... *(Батальон поворачивает с большака.)*

* * *

Уже близок большой город. Батальон расположился на кирпичном заводе. Обстреливая на ходу, танки врываются в город. Входит в город и пехота.

– В атаку! – командует Азимхан, и батальон бросается вслед за неприятелем. Идет бой на улице города. Падают раненые и убитые с обеих сторон. Стреляя на ходу, Салим с группой бойцов выходит на большую улицу. Видит группу офицеров, сошедших с машин и входящих в большой каменный дом. Салим бросается туда с бойцами. Асию он оставляет позади... Она стреляет с угла. В дом успели за-

бежать только Салим и несколько бойцов, а метнулась и взорвалась граната в гуще отставших бойцов, их скосило. Азимхан с подразделением выходит на эту же улицу. Асия подбегает к нему:

– Спасите Салима! Он в опасности... в доме! – Она указывает на большое здание и бежит первая, уже смелая, быстрая.

– Салим! – кричит Азимхан... Понесся вперед с бойцами... В широком вестибюле, в колоннаде отстреливается Салим.

На лестнице второго этажа, высоко над всеми стоит фон-Крюгер. Стреляют в Салима несколько офицеров... Другие норовят взять его живым. Салим, быстрый и ловкий, отстреливается, перебегая от колонны к колонне. Отскакивают куски мрамора от колонн. Врывается с бойцами Азимхан. Крюгер выстрелил в него, но промахнулся.

– Салим?!

– Бей! – кричит в ответ Салим.

– Раздавить до единого! – командует Азимхан и сам бросается к Крюгеру. Все в миг заполнилось дымом, только раздаются частые выстрелы автоматов и пистолетов. Наверху между колоннами идет поединок между Азимханом и Крюгером. Оба попадают метко в колонны. Стреляют с необыкновенной быстротой. Отступая, ударился о дверь Крюгер, и она открылась за спиной. Видна лестница за ней. Азимхан заряжает свой наган, Крюгер в этот момент исчезает за дверью и закрывает ее. Азимхан ударяет ногой о дверь, стреляет в нее. Но дверь уже заперта, за ней тишина. Затихли выстрелы и внизу, только доносится тяжелое, отрывистое дыхание, отчаянный возглас внизу.

Азимхан сбегает вниз. Там рукопашный бой, сверкают изредка ножи. Большинство пар схватились, сцепились в безоружной борьбе. Здесь джигиты применяют все приемы казахской борьбы – шалу (заплетание ног), кырка шалу (перекидывание через бедро), аркалап согу (перекидывание через плечо). Эффектно свалил одного немца подножкой Салим. Борются на земле. Сверкают ножи советских бойцов. Вышли из дому Азимхан, Салим и несколько бойцов, на спинах несут трех раненых.

– Вот твой Салим! – говорит Азимхан, подводя Салима к Асие, отстреливавшейся у дома. Асия целует самого Азимхана. Помахав ей рукой, Салим бежит дальше.

* * *

Взрываются мины, снаряды на улице.

Срым с бойцами ведут горячий бой против одного дома в отдалении. Выбежала на середину улицы девушка, у ней растрепаны волосы... Перебегая улицу, она остановилась, не зная куда бежать! Срым кидается на девушку, рывком валит ее вместе с собой. Перекатываясь кубарем, они оказываются на дне глубокой воронки. Крича и ругаясь, девушка царапает лицо Срымму при их падении. Но летит со свистом бомба, падает около них и разрывается со страшной силой. Полузаваленные землей, лежа рядом, они недоуменно смотрят друг на друга.

Улыбаясь, заговорила Валя:

– Какой вы хороший!

Срым протягивает ей руку: – Срым!

– Валя Вахмистрова.

– Куда же вы шли?

– Я перевязывала раненых.

– Санитарка?

– Нет. Но все девушки города делают это...

– А кто послал?

– Никто... Сами. Надо же помочь.

– Какая вы сами хорошая...

Довольные встречей, смеюшися, они освобождаются от земли, вставая со дна воронки.

* * *

Генерал Рокотов перед картой подмосковного района. Резкая линия шоссейной дороги от города “В” до Москвы проходит мимо водохранилища. Вторая линия дороги проходит по другую сторону его.

– У вас верный расчет, господин захватчик, – говорит генерал, останавливая свой карандаш на месте соприкосновения линии дороги с водохранилищем. Здесь обозначена плотина, но километры вам придется посчитать не только по прямой к Москве. Тем более, если вспомнить, что не-

давно вы продвигались по 50 километров в день. Потом по 27, а теперь за пять дней наша дивизия позволила вам продвинуться всего на 7 километров. Уже на деле доказано, что и на протяжении одного километра можно учинить вам много трудных перевалов. Повернуть, потянуть вас сюда направо, потом сюда налево, а тут позадержать, а тут можно вас и чувствительно поколотить. Так сказать, шаг вперед, два назад... — карандаш генерала чертит вокруг линии дороги спирали...

Входит Азимхан:

— По вашему приказу к указанному...

— Хорошо, хорошо, точно 5 часов, — генерал протянул руку, — садитесь, потомок батыра Амангельды, что, крепчает вьюга?

— Жестокая, товарищ генерал.

Г е н е р а л. А вы знаете, с кем у вас дуэль была?

А з и м х а н. И сам не знаю (*смеется*), полковник какой-то. Неудобно даже, командиры, а в поединок. Он угадал двумя пулями! — показывает дыры на рукаве.

Г е н е р а л. Вас он царапнул, а сам ранен. И знаете, кто это был? Командир дивизии “Мертвая голова” сам фон-Крюгер!

А з и м х а н. Фон-Крюгер?

Г е н е р а л. Точно. А хорошая встреча. На тысячу один случай. Не каждому такая удача. Надолго он запомнит вас. И во сне не забудет свирепого казаха косоглазого. Подействуйте на его психику. Пошлите ему свой снимок с наведенным револьвером, надпишите “живи до следующей встречи”...

А з и м х а н. Жаль! Командир батальона с ним больше не встретится! Ведь он командир дивизии!

Г е н е р а л. Нет, встретитесь еще много раз — против вашего батальона будет его дивизия. Против одной нашей дивизии вчера их было пять, завтра будет восемь, а через пять дней — двенадцать. И, конечно, на вашу долю достанется не меньше дивизии.

А з и м х а н. Долей вы меня не обидели, как хороший отец, товарищ генерал.

Г е н е р а л. Сколько у вас людей?

А з и м х а н. Батальон потрепан, две трети.

Г е н е р а л (*после паузы*). Да, надо уметь поберечь людей.

Через пять дней отступлением займются немцы, а мы перейдем в наступление. До этого повозитесь с фон-Крюгером. Но чтоб сохранить батальон.

А з и м х а н. Батальон сохранится, тов. генерал.

Г е н е р а л. Этого мало... Пусть будет готов к наступлению.

А з и м х а н. Будет готов.

Генерал смотрит в глаза Азимхану.

— Вот что... Немец теперь не сдвинется по бездорожью. Буран наш союзник. Отдадим дорогу — значит, отдадим Москву. Конечно, немец обрушится на нас всей тяжестью, постарается прижать, потопить в крови, захватить дорогу. А вам нужно и удержать шоссе, и сохранить батальон.

А з и м х а н. А не одно из двух?...

Г е н е р а л. Нет, из двух оба. Выполнить оба приказа.

А з и м х а н. Сколько мне дадите в подмогу?

Г е н е р а л. Численно ничего... Но с пустыми руками не уйдете. Посмотрите... *(показывает карту)* — вот вы заняли оборону... пока назовем спиралью *(он чертит по направлению дороги линии спирали)*, утром немцы возьмутся за вас, а вы перескочите сюда. Пропустите сюда и бейте в тыл... Он не сможет продвигаться, не истребив вас. Примите бой! И когда он, разъяренный, развернется во всю мощь, перескочите сюда. Схватитесь снова.

Повторяйте так без конца... и вы измотаете Крюгера. А измотав его силы, через пять суток нужно снова ударить по городу “В”, отбить его. В этом будет задача всей нашей дивизии. И взятие города “В” будет означать начало нашего всеобщего наступления — вот к чему мы готовимся. Понятно?

А з и м х а н. Понятно, товарищ генерал.

Г е н е р а л. Идите по этой спирали пять суток и дойдете до этой плотины. Запомните, через пять суток. А дальше нет места, некуда отступать, за вами Москва. Ни одного шагу за плотину и не пропустить немца. Следующего приказа ждите там.

А з и м х а н. Задача тяжелая, тов. генерал.

Г е н е р а л. Точно так же для всей дивизии. Ну как? Ведь не пропустите?

А з и м х а н. Не скажу, что не пропущу, но скажу, что пройдут только через наши трупы.

Долго смотрит генерал в глаза Азимхана.

— Так, они не пройдут!..

* * *

В штабе батальона Азимхан, Краев, Салим, Асия, командиры.

А з и м х а н. Пусть один из пяти дней немцы проведут в городе, но чтобы весь день шла безостановочная стрельба вокруг и непременно с остервенением... Карандаш Азимхана чертит линии ударов на город “В” со всех сторон. Нападая малыми силами со многих сторон, он хочет везде вызвать лавину огня.

— Неплохая стратегия для батальона... — говорит Краев.
— И расчетливо, и смело!..

— Добавь в придачу и бураны, — говорит Азимхан.

— Хорошо, что решительно! Говорят, что решительность — это лодка: греби умело и переплывешь, — говорит Салим.

Ночь... Сильная вьюга в лесу. Бойцы держат под уздцы оседланных, покрытых белой попоной коней. За конями, держась за длинные веревки, стоят бойцы на лыжах. Подходят командиры. Сели на коней и поскакали Салим, Срым, Ергара, еще несколько командиров. Потянулись за скачущими конями бойцы на лыжах, за ними вереницами тянутся минометы и пулеметы. У притаившихся на опушке леса орудий стоят Азимхан и Краев. Пронесаются мимо них конные и лыжники. В одной из верениц несется и Асия...

— Асия! Назад! — кричит Азимхан.

Асия отпустила веревку, остановилась с молчаливой обидой. Пронеслась Валя с упряжными собаками санчasti..

— В штаб! — приказывает Азимхан Асие...

— Товарищ комбат, я приехала воевать, — отвечает медленно, но сухо и сурово Асия.

— И все другие не играть приехали!

— Но все вы воюете... А я одна ни то... ни се...

— Пусть идет! — тихо говорит Краев и, воспользовавшись молчанием Азимхана, приказывает Асие: — Иди!

Асия ухватилась за веревку следующей вереницы, понеслась в снежную мглу, таща на спине противотанковое ружье. Вьюга обволакивает вереницу. Люди в белом стремительно несутся по уклону на краю ложбины. Впереди город с туманными, расплывающимися очертаниями редких, высоких строений. Спустившиеся в ложбину бойцы подходят к городу раздробленными группами. Залегли у края оврага бойцы Салима, в группе пулеметчиков Блоха. Залегла рядом лошадь, покрытая попоной. Прносятся мимо новые вереницы.

* * *

В просторном кабинете фон-Крюгер, с ним офицеры. Двое врачей перевязывают раненую руку Крюгера.

— Скорее, доктор! Надо кончать... Долечите в Москве! — говорит Крюгер и, обратившись к офицерам, добавляет: — Как нелепо! При въезде в русскую столицу ранил какой-то азиат. Он все еще у меня перед глазами, такие сверкающие черные глаза... А стиснутые челюсти такие крепкие и злой до того, что готов, кажется, загрызть, растерзать своими зубами.

Входит адъютант с газетами и пакетами. Бегло просматривая бумаги в пакетах, Крюгер вынимает из одного пакета снимок, вздрагивает.

— Не шевелитесь! — говорит ему доктор. Испуганные глаза Крюгера впиваются в портрет Азимхана, с яростным видом наставившего пистолет ему в лицо. Прочитал надпись “До следующей встречи”.

Доносится пулеметная стрельба. Офицеры кинулись к окну направо:

— Пулеметы справа!

Снова доносится пальба. Офицеры подходят к левому окну:

— Пулеметы слева!.. Минометы!

Вошел адъютант: — Началась атака с востока.

Все яростнее стрельба, усиливаются сметения и растерянность первой минуты под учащенную стрельбу пулеметов, минометов, под грохот орудий.

— Русские еще могут атаковать? — спрашивает Крюгер неторопливо.

Входит майор.

— Господин полковник, противник пошел в наступление.

— Какими силами?

— Судя по смелому окружению, не меньше дивизии.

— Дивизии? А сколько надо отваги, чтобы силой одной дивизии идти в атаку против нас? Скажите — несколько дивизий. — Крюгер говорит в телефонную трубку, докладывает штабу армии: — Части, предназначенные для вступления в Москву парадом, войдут, ломая контратаку противника. Дивизия вступает в бой.

* * *

Близкие разрывы снарядов угрожают истреблением группы Салима. Беспреданно строчат пулеметы. Разрываются в ложбине мины и шрапнели.

Салим придерживает коня и говорит Блохе:

— Остановись, Блоха.

— Я нащупал их пехоту. Еще разок... — отвечает Блоха, не сдвигаясь с места.

— Сейчас мы будем у них! — говорит Салим и, оттянув Блоху, приказывает всем: — Прекратить огонь! На лыжи!

Скачет Салим на коне, держась за веревки, несутся бойцы за ним. Скачет по ложбине Салим. Видна только голова его одного. Он соскакивает с коня, близко подъехав к немецкой пехоте. Начали пальбу на близком расстоянии Блоха и автоматчики. Видны падающие, кувыркающиеся тела подстреленных врагов.

* * *

Вьюга... Видны только головы занесенных снегом бойцов Ергары. Недалеко от них по дороге несутся немецкие машины с солдатами, стреляющими на ходу. Бойцы Ергары стреляют в ответ, плотно припав к снегу.

— Прицел сто! — командует Ергара, лежа впереди своей группы. — Прицел сто... в машины! — командует нетерпеливо Ергара.

— В атаку! Бегом! — скомандовал он.

— В атаку!

— Ур-ра! — крикнули, поднимаясь двое бойцов, но они

скошены тут же. Злой свист непрерывного ливня пуль висит над самой головой бойцов. Повернув с дороги, понеслась на них машина, а с нее продолжают отчаянную стрельбу немецкие солдаты. Глубокий снег заставил замедлить ход машины и тут на нее сзади насккивает группа бойцов в белом. Несясь на лыжах, они берут машину под обстрел. Стеляя, исчезают во мгле, бойцы, несущиеся длинной лыжной колонной. Машина остановилась, она разорвала колонну. Взорвался снаряд вблизи новой группы у дороги, скосило многих бойцов в белом. В заднем ряду этой группы Асия. Она сражена разрывом снаряда. Тащит раненого товарища уцелевший боец. Но пуля сразила и его. Лежа в снегу, Асия раскрывает глаза, шевелится. С трудом опомнившись, она взвалила на лыжи только что подбитого бойца, ползком потащила его в сторону. С трудом, но упорно тащит она раненого товарища.

* * *

Стеляют орудия на опушке леса. Здесь Азимхан, Краев. Взлетают вырванные с корнями, заваленные толстым снеговым покровом высокие березы, ветвистые сосны. Ломаются, рушатся и горит дремучий лес. Повалилась, как подкошенный стебель, высокая сосна. Свалился с ее верхушки Утешев и упал возле Азимхана:

— Враг нашупал нас! — говорит Утешев и валится на спину. Азимхан сунул руку ему за пазуху и вытащил ее окровавленную.

— Краев, собери батальон!

Ломаются и взлетают к небу деревья. Азимхан и Краев на краю леса. Со всех сторон возвращаются вереницы бойцов в белом. Последней вернулась Валя. Она привезла раненых на салазках.

* * *

Притаившись на опушке леса среди сугробов, часть Ергары наблюдает за проходящими по шоссе машинами, танками немцев. Тут же Краев. Наведены на дорогу два орудия.

— Что такое? Или комбат забыл о спирали? — говорит Ергара.

– Попробовал бы ты это сказать ему самому! – замечает Краев.

Е р г а р а. А что? И скажу! Мы оторваны... А батальон исчез, куда – неизвестно. Враг вон тянется к Москве.

К р а е в. К Москве? Кто это сказал тебе?

Е р г а р а. Кто сказал... о чем, по-твоему, говорят вон... бойцы.

Краев видит группу бойцов, лежащих недалеко в сугробе. Они беседуют между собой. Хотя их слова и не слышны, однако не трудно догадаться по их жестам, по выражению лиц об их недовольстве тем, что немцы пропущены.

К р а е в. Не заблудился бы, не побрел бы сам в сторону, не было бы сомнений у бойцов. Думаешь, легко было найти тебя? Отступил без ума и без толку, ну и у бойцов отогнал уверенность...

Е р г а р а. А ты явился спасать...

К р а е в. Конечно, спасать... Батальон знает по крайней мере, куда ты прибежал...

Бойцы увидели что-то впереди, глядят настороженно, с удивлением. Смотрят туда же Краев и Ергара. По ту сторону дороги, недалеко от немецких колонн, неожиданно выплыла новая волна людей.

– Что за лава? К оружию! – командует Ергара, приподняв голову.

* * *

Азимхан построил батальон ромбом. Вначале, с высоты и издали заметны только четыре жирные черты, четко обрисовывающиеся на белом снегу, движущийся ромб. Так идет батальон, имея на переднем углу ромба Азимхана, на заднем углу – Салима. Внутри ромба движутся орудия, упряжь, санитарные собаки. Все четыре ребра ошетинились взятыми на перевес винтовками, автоматами.

Приблизившись к дороге, Азимхан дает тихую команду: “Не стрелять в шоферов!”. Бойцы поочередно передают: “Не стрелять в шоферов!”

– Огонь! – командует Азимхан.

Двигаясь, как один, бойцы стреляют на ходу. Торопливо рванулись вперед передние машины колонны, а задние, развернувшись, поспешно помчались назад. Зато попавшие

под огонь батальона средние машины впадают в страшное замешательство, они наскакивают друг на друга... Валяются на краю дороги. Слетают на снег подстреленные немцы. Уведев легковую машину, едва успевшую свернуть с дороги, Азимхан командует Тулегену и Проценко: “Снять шофера!” При первом же их выстреле машина останавливается.

– Заберите все, что в ней есть! – приказывает Азимхан.

Ромб движется быстрее, стреляет на бегу. Перед батальоном уже нет преград. Шагая через трупы скошенных им немцев, ромб переходит дорогу.

Проценко и Тулеген стащили с легковой машины два тюка бумаги, свалили их на сани внутри ромба.

– Раненый! Стой! – командует Проценко Вале. Он прихлопнул немецкого офицера, повалил на сани. Но офицер мертв. Его безжизненная рука с часами повисла в воздухе.

– Какой раненый, он сдох! – замечает Валя.

– Так мертвый фриц не имеет права лежать на санках раненых! – говорит Проценко, вываливая тело офицера. – Но это документ! – добавляет он, снимая часы.

Каждый из бойцов на ходу быстро вынимает документы из карманов убитых немцев.

Ромб отошел от дороги... чернеют на снегу трупы врагов. Азимхан перешел в хвост батальона, он идет рядом с Салимом. Убегает ромб к лесу, стреляет на ходу.

* * *

Ергара в восторге швыряет шапкой о снег, приговаривая:

– Вот это комбат! Какой наш комбат молодец!

Краев смотрит в бинокль, видит, как немцы, отойдя вдаль, развернулись и начали обстрел уходящего батальона из пулеметов и минометов.

– Довольно баловаться! Дай команду орудиям! – кричит Краев.

Взмахнув своей шапкой, Ергара дает команду орудиям...

– Прямой наводкой, по скоплениям врага шрапнельным... шрапнельным!.. – кричит он в нетерпении...

Стреляют орудия... Заметно вдали, как прямые попадания снарядов взмывают и рушат вражеские силы. Изменив

первоначальный строй, батальон залег на снегу.

Только конная служба тащит на скаку орудия к лесу. Вышел из леса Ергара, машет своей шапкой:

— Это я! Я! Бегите сюда! — кричит он залегшим впереди бойцам, — я прижал немца к земле! Он не поднимает голову!

Отстреливаясь все реже и реже, немцы отступают по дороге.

— Это я! Я! Бегите... Ко мне! — продолжает кричать осмелевший Ергара.

Батальон врассыпную подбегает к лесу. Азимхан и Салим видят Ергару и смеются, слыша издали его хвастливые выкрики: — Это я! Это я!

— Погоди, угощу же я тебя плеткой по голове! — говорит Азимхан...

Но в этот момент около Ергары взрывается немецкий снаряд, и на глазах всего батальона с него срывает всю одежду... Оголенный в одну минуту, только в одних трусах и сапогах, с редкими лохмотьями повисших на нем обрывков одежды стоит, оглушенный, беспомощный и нелепый Ергара. Азимхан возмущен, а Салим хохочет от души... Подбежал к Ергаре Краев:

— Ничего, это полезный урок всем хвастунам! — говорит он Ергаре, накидывая на него свою шинель.

* * *

В лесу среди бойцов Ергары Салим. Он проходит от одной группы бойцов к другой, ищет кого-то и, встретив Ергару, спрашивает:

— В вашей группе Асии не было?

— Нет, с нами ее не было.

Азимхан проходит по другим группам.

— Асия!.. Где Асия? Разве она не с вами была? — спрашивает он, подойдя к Ергаре...

— Где Асия?

— Где она может быть?! — спрашивают друг друга Салим и Азимхан...

— Асии нет! — с горечью заключает Салим...

— И здесь ее нет...

— Оставалась единственная надежда, что она здесь...

– Неужели она погибла? – грустно вздыхает, отвернувшись от Салима, Азимхан.

Из группы бойцов выделяется Проценко и преподносит Азимхану золотые часы.

– Возьмите, товарищ комбат, мой подарок хорошему командиру.

Азимхан не берет часов.

– Я благодарю тебя, Проценко, как хорошего боевого друга, но часы бери себе на память.

Пр о ц е н к о. На шо воны мени здалысь?

А з и м х а н. Бери и сбереги для своей милаши.

Пр о ц е н к о. У мени их нема...

А з и м х а н. Нема, так должна быть! Разве можно без нее?

Пр о ц е н к о. На шо воны мени здалысь!

А з и м х а н. Как на шо?

И как свои мысли вслух, как нескрываемую тоску и боль о недавней тягостной утрате, говорит Азимхан:

– Да разве не пусто на душе, не горько одиночество без нее, Проценко? – и, взяв руку Проценко, надевает на них часы и добавляет: – Береги для своей любви!

Проценко еще колеблется, не желая брать часы, но Азимхан с серьезным видом командует “Кругом, марш!” Проценко послушно удаляется...

* * *

Ночью в лесу батальон с трудом передвигается по сугробам. Перед ним идут Зорин, Азимхан, Краев, Салим.

Зажглись по сторонам ракеты. Батальон остановился.

– О чем сигналы? – спрашивает Азимхан.

Долго наблюдает за ракетами Зорин:

– Повторяют одно: “Семь, семь”. По-моему, понятно, – заключает он.

– Значит, в семь начало наступления, – говорит Салим.

– Придумать бы что-нибудь, чтобы немец всю ночь провёл в тревоге и главное, чтобы растрачивал всю ночь боеприпасы, предназначенные для наступления! – говорит Зорин. – Подумай о ночном концерте, комбат...

– О ночном концерте?.. Сколько у тебя осталось ракет? – спрашивает Азимхан у Краева.

– Триста!
– Хорошо! Тогда концерт состоится, товарищ комиссар!

Нагружаются на сани минометы и пулеметы, и ракетницы.

– С тыла левой группировки противника! – показывает Азимхан Краеву, который отправляется с четырьмя бойцами, – с тыла правой группировки! – дает он наказ Срыму. Отправляется и Салим... Отъезжают в разных направлениях еще несколько групп.

* * *

Ночь... Устроив на лыжи раненого товарища, тащит его за собой по сугробу Асия. За спиной автомат, на лыжах противотанковое ружье. Обессиленная, она тащится, с упорством идет вперед. Впереди засветились ракеты. Повернула в сторону – снова ракеты. Куда бы она не повернула, везде спереди те же ракеты. Разрывая ночное небо, все чаще взлетают ракеты. Началась стрельба из пулеметов и минометов, уже палят орудия. Асия одна, растерянная, измученная, она мечется по маленькой поляне на краю леса. Взвилась еще одна ракета уже совсем близко от нее. Асия заторопилась к лесу, но навстречу ей несется встревоженная ночными выстрелами, обезумевшая стая волков. Отскочив за дерево, Асия быстро выхватывает автомат, короткой очередью валит передних, вожатых стаи, а уцелевшие волки разбегаются врассыпную.

Неожиданная встреча с волками как бы вселяет в Асию огромную силу, смелую бодрость. Неузнаваемо быстрая, ловкая и решительная, она подтаскивает раненого товарища за дерево и, спрятавшись за ним сама, зорко следит и выжидает неизвестного противника.

* * *

Следят за ракетами Зорин и Азимхан. Все возрастает ночная пальба немцев.

– Нет терпенья! Разрешите и мне потревожить их! – просится подскочивший Ергара.

– Ты повернешь их огонь на батальон! – отвечает Азимхан.

- А куда же еще?
- Так молчи и стой!

Учащающаяся пальба немецких орудий сотрясает деревья в лесу, непрерывной метелью осыпается снег с верхушек деревьев...

– Молодцы твои командиры! Ни одной немецкой пули в цель, в сторону батальона... Хорошо проходите вы свою академию! – говорит Зорин.

* * *

Среди деревьев группа Краева. Непрерывно стреляет их миномет, взлетают ракеты.

– Во имя золотого Алтая!

– За великую Караганду! – приговаривают Проценко и Тулеген при выстрелах миномета. Обращенный на них пулеметный огонь противника уже строчит по деревьям...

– Танк! – крикнул крайний из бойцов.

Схватив из саней связку гранат, Краев ползет к танку. Повернувшись назад, командует – не прекращать огня!

Спрятавшись за дерево, Краев приготовился бросить гранату, но резкий, близкий выстрел круто остановил приближающийся танк. Снова выстрел – и танк начинает пылать внутри. Выбежали из танка трое, но короткая очередь из автомата уложила их на месте. Краев удивленно оглядывается кругом и, не видя никого, ползет к своим:

– Товарищи, странная вещь! – начинает рассказывать он. Снова раздается неожиданный выстрел: их миномет опрокинут. Близкий автоматный обстрел заставляет залечь всю группу.

– Это только один фриц, надо изловить! – предлагает Проценко.

– Стойте! Это не немец! Зачем ему стрелять по своему танку? Выясните! – говорит Краев.

Ползут вперед Тулеген и Проценко.

Резкий, тонкий женский голос подает команду издали:

– Сдавайся, фриц!

– Никак баба? – говорит Проценко и кричит:

– Ты же, дура, наша! На кой тебе поганый фриц?

– Да откуда ты знаешь, что наша? – спрашивает Тулеген

– А как же? Кто подстрелил танк? Ты, чертова баба, не валяй дурака, иди сюда!

– Как же, сам иди сюда! – кричит тот же женский голос.

– Идти что ли? – спрашивает Проценко у Тулегена.

– Идем!

– Стойте, пойду я! – говорит Краев, проходя мимо них уверенными шагами. – Где ты? – кричит он на голос. Забилась в сугроб Асия. Краев стоит возле, не видя ее. Выскочила Асия из ямы, обняла Краева:

– Дядя Краев!

Подняв ее на руки, Краев тащит ее к своим.

– Есть хочу! – говорит Асия, обессиленная, еле шевеля губами. Краев усаживает Асию в сани и сует ей конфету.

– Нет надо, товарищ начальник штаба, вот чего кишки согреть, – и Проценко подносит флягу к ее рту.

Скачет параконная подвода. Сидя между Краевым и Проценко, тихо улыбается Асия.

* * *

В блиндаже, глубоко врытом землю, сидят Зорин и Азимхан. Делая записи в дневнике, Азимхан прислушивается к тихому напеву Зорина. Он поет “Москва моя”. Вздвоенный своими думами, запевает и Азимхан. Но, услышав громкие голоса снаружи, оба оглядываются наверх. В блиндаж спускаются Салим, Краев, Срым и еще несколько бойцов. Азимхан вскакивает с места, обнимает по очереди Салима, Краева, Срыма и четвертого входящего. Нечаянно он сдвигает его шапку с головы и, пораженный, отступает назад:

– Срым, опять ты привел женщину? Будет когда-нибудь конец этому? – отворачиваясь, говорит он.

– Нет, на этот раз я не при чем, товарищ комбат, – отвечает Срым, улыбаясь

– Простите, тов. комбат, виноват я! – говорит Краев и подводит Асию к свету... Еле сдерживая свою радость, Асия вскрикивает тихо:

– Азимхан!.. Товарищ комбат!

– Асия! – рванулся к ней Азимхан. Он ворчливо упрекает ее:

– Сумасшедшая! Почему ты не послушалась моего приказа? Зачем ушла?! Но в порыве радости он горячо обнимает ее...

– Ведь и я вижу с вами вблизи только сейчас! – говорит Салим, приближаясь к Асие.

– Салим, родной! – и Асия сама обнимает его шею...

– Хорошая, дружеская встреча! – говорит Зорин. – Но надо же беречь Асию лучше. Она – единственная казашка во всей нашей дивизии.

– А мне хорошо... так хорошо, товарищ комиссар, среди таких сильных, честных друзей... братьев...

– Ну это отлично... А что ваши друзья сильные, это верно... Ведь один их батальон выполнил в эту ночь труднейшее боевое задание нашего генерала. Они по-настоящему сорвали завтрашнее наступление врага... А это значит – еще одни выигранные сутки в обороне Москвы. И выполнили задание без потерь. Скажу больше – даже вас, потерянную, вернули к себе! – смеется вместе со всеми Зорин.

* * *

Батальон на берегу большого водохранилища минирует плотину.

Вокруг в разных направлениях протянулись окопы, траншеи. Идут Азимхан, Краев и Салим.

– Командиры, ко мне! – говорит Азимхан, спускаясь в траншею. За ним следуют командиры.

– Доставайте ваши карты! – Командиры достают свои карты. – Пять суток продержали мы вражеское соединение полковника фон-Крюгера в районе города “В”. Не только наш батальон, но вся дивизия наша героически удерживает свой рубеж, в течение пяти суток не пропуская полчища врага дальше трех километров. Вы знаете, город “В” всего в трех километрах отсюда. Передаю вам приказ нашего генерала Рокотова. Настал час самых трудных испытаний. Плотина, которую мы заняли и охраняем сейчас, указана нам как последняя точка, последняя линия отступления. За нею

Москва. Вырежьте все из ваших карт район Подмосковья за линией плотины и отдайте мне.

Командиры молча вырезают из своих карт район Москвы.

— Это значит, что назад не осталось ни шагу. Все, все, что в нас есть, — за нашу Москву как честные сыны, как защитники родины, отдадим тут, у плотины. Каждый командир, каждый боец стоит перед испытанием: смерть или жизнь, позор или слава. — Он разрывает оторванные куски карт.

— Запомните еще. Отбив сегодня жестокую атаку врага по всей линии обороны нашей дивизии, мы истребим его главную силу, его машины, а затем ударим по городу “В”. Отобьем его, и это будет началом нашего всеобщего наступления. С этого начинается новая страница войны. Так намечено верховным командованием, товарищем Сталиным. Такую цель защиты плотины ставит перед нами наш генерал. Все тебе понятно, боец Проценко? — Проценко выступил вперед.

— Понял, товарищ комбат.

— Что понял?

— Ни шагу к востоку от плотины, а быстрее бегом гнать на запад врага, тов. комбат.

Азимхан пожал ему руку.

* * *

Часть Срыма расположилась на краю леса, вдоль дороги. Здесь глубокие окопы, сообщающиеся траншеей. Проценко, Тулеген, Асия и другие передают друг другу свои адреса. Перед каждым бойцом его автомат, кучи гранат и бутылки с горючей смесью.

— Запомнить! Кто останется в живых, пусть обшарит карманы убитых... — говорит Проценко.

— Левый грудной карман... Кладите документы туда, — советует Тулеген.

— Пишите об умершем его родным тепло и заботливо... — говорит Асия.

Подошли по траншее Срым и Краев.

— Которые истребители танков? — спрашивает Краев.

— Вот они, — отвечает Срым, указывая на Проценко, Тулегена и Асию.

– У меня только пятнадцать, – говорит Асия.
– Приготовьте побольше гранат.
– Танки! – доносит наблюдатель с дерева... Все всматриваются вперед. Срым смотрит в бинокль, командует:
– Прицел сто пятьдесят, приготовиться! – Стрелки уточняют наводку.
– Не спешить! Спокойно! Асия, понижее! – говорит Краев.

* * *

Много кружится самолетов над плотиной, обстреливают ее из пулеметов. В глубокой траншее Салим, с ним два бойца. Видны ходы в сторону. Бойцы наладили провода к минам, заложенным под плотиной.

– Готово, товарищ политрук!

Салим подошел к бойцам, взял конец провода: – Отдыхайте, поешьте! Немцы не будут бомбить плотину, сегодня еще она нужна им. А пулеметы пусть стреляют... Идите...

Бойцы уходят в проход. Салим тихо напекает, слышен шум и грохот. Высунулись еще двое бойцов из другого прохода.

– Кончили! Готово!

– Хорошо, отдыхайте!

* * *

Над плотиной, по направлению к дороге, проносятся самолеты, обстреливая из пулеметов. По дороге текут потоками танки. С фонарем в руке по подземному ходу идет Азимхан. Дошел до деревянных подпорок. Там трое бойцов.

– Снять подпорки!

Бойцы принялись снимать бревна.

* * *

Краев и Срым видят множество танков, движущихся на них. Разрывы мин скашивают тонкие молодые деревья вокруг. Валяются на головы бойцов комья глины и снега. Проходят по дороге мимо них два маленьких танка.

– Хорошо сидят, на моем прицеле! – говорит Проценко в нетерпении.

– Погоди! – останавливает Краев.

Третий огромный танк идет по дороге и взрывается.

— Теперь путь загорожен! Стреляйте по хвостовым! — командует Краев. Начинается стрельба. Резко остановились несколько задних танков... Стреляют бойцы. Загораются новые танки. Но угадило тяжелым снарядом близ траншеи. Заваленные, засыпанные землей Тулеген, Асия, Проценко отряхиваются. У телефона Азимхан:

— Дорога нами преграждена окончательно, товарищ генерал-майор!

— Хорошо, товарищ комбат. Но следите, следите за плотинной. Помните, их танки могут пойти по льду водохранилища... Не упустите момента! — отвечает Рокотов. Но телефон оборвался.

* * *

С биноклем в одной руке и телефонной трубкой в другой Азимхан смотрит на водохранилище. Вот пошли танки, вначале их немного и они движутся на узком пространстве, но затем они все шире захватывают поверхность водохранилища, все больше становится их число.

— Салим, взрывавай плотину! — командует Азимхан.

Взлетела плотина, вырвался бурный поток, стремительной лавиной затопляя глубокое русло реки.

Идут танки. Легкие, передние уже близки от берега. Спешат к берегу Краев и Салим. У края старого русла стоит Азимхан, он видит несущиеся быстрые волны... Смотрят командиры в бинокль. Несколько танков уже вышли на берег. А в середине водохранилища идет их густая лава. В нетерпении, в небывалом яростном кипении подает Азимхан команду:

— Батарея! Прямой наводкой по скоплению танков бронбойными...

— Бронбойными...

— Бронбойными! — повторяют быстро и отчетливо громко Краев, Салим.

— За родную Москву! Огонь!..

Напор воды и разрывы снарядов ломают и рушат лед целыми полянами... Заметались вражеские танки. Но поздно! Вмиг рухнули они все, проваливаясь кучами, исчезая под

водой... повсюду на широкой поверхности водохранилища. Мечутся в растерянности отдельные уцелевшие танки... Но, поворачиваясь, проваливаются под лед и они.

* * *

Вековые деревья исполины, тяжело заваленные снеговым покровом, заиндевелившие причудливыми очертаниями, стоят, как могучие великаны древних сказаний. Вблизи замаскированные тяжелые орудия. На отлогом снежном валу генералы, полковники, майоры. Тут же Зорин, Березин, Азимхан. Изредка над их головами пролетают эскадрильи боевых советских самолетов. На лицах командиров ожидание чего-то важного.

Появилась новая группа генералов. Их сопровождает Рокотов. Офицеры встают с мест, приветствуют появившихся.

— Вы остановились на месте памятных боев отважной дивизии, — говорит знакомый голос. Все командиры увидели Сталина, окруженного генералами.

— Товарищи генералы, полковники, советские офицеры, — заговорил Сталин, — поздравляю вас всех с победой!

Первый этап Отечественной войны Красная Армия завершила крупными победами. Наступательный пыл немецкой армии сорван. Теперь наш черед. С нынешнего дня начинается второй этап войны. Мы уже успели ослабить немецкие силы и собрать свои. Не только ефрейторы, а настоящие полководцы приходили с целью покорить, поработить наш народ, но все они терпели поражение, уходили с позором. Та же участь неминуемо постигнет и ефрейтора. Москва уже в безопасности! И теперь, когда из оборонительной борьбы мы переходим к наступательной, помните о том, что передовое человечество возлагает надежды на армию советов. Народ и родина ждут вас только с победой. Пусть все командиры, младшие, старшие, знают только одну команду... Ее имя — наступление!

Пролетают непрерывные стаи самолетов, ползут неслетные полчища танков. Ожил, загрохотал и грозно загудел дремучий лес, заговорила тяжелая артиллерия.

* * *

Краев и Срым в тисках... Вокруг них горящие опрокинутые танки. Но снова кругом ползут вражеские танки. Облегчив одежду, бойцы непрерывно бросают гранаты.

— Последний выстрел за Сталина! — кричит Асия, выстрелив из винтовки. Теперь она берет в руки гранаты. Загорелся танк перед нею. Не ослабевает жестокое сражение, это поединок советских людей со стальными чудовищами.

За боем своих контратакующих танков наблюдает в бинокль полковник фон-Крюгер. Разъяренный, он говорит сквозь зубы своему адъютанту:

— Передать танковой группе — не прекращать удары! Высылать новые колонны танков на тот же участок! Пусть запомнят, — кричит он, потрясая кулаком, — если неприятель отобьет нашу контратаку, он тут же устремится к городу “В”, это будет значить, что удалось их наступление... Пусть погибнут все наши силы... пусть погибну я сам... Но положить всю силу удара на этот участок! Сломить это дикое упорство. Сломить во что бы то не стало!

Снова идут танки за танками. Но, дойдя до траншеи, загораются снова... В траншее уже ранены все, но они бьются, не ослабляя сопротивления, с невиданной решимостью, суровые, молчаливые.

* * *

Азимхан в бою дает спешное задание Салиму:

— Рота Срыма принимает на себя тяжелый, ожесточенный удар. С ним Краев. Там львы наши, там все лучшие нашего батальона: Проценко, Тулеген и Асия там. Но их силы на исходе. Надо и нам с тобой отдать все силы, положить все с двух сторон, немедленно же отвлечь от них вражеские удары. Возьми резервную группу. Немедленно в тыл... Я ударю с тыла, со стороны города. А я поведу все силы батальона в атаку с левого фланга, с наступлением на город!.. Торопись!.. Помни, нам с тобою нет и не было более тяжелого испытания.

— Понял все... Прости! — быстро поцеловавшись с Азимханом, убегает Салим.

В траншее Валя, с ней рядом ее собаки... Краев, Срым,

Валя по-прежнему бросают свои гранаты. Но танки уже проходят с боков.

– Иду! – говорит Проценко, обвязывая себя связкой гранат. – Прощайте! – он пополз по снегу.

– Я тоже пойду! – говорит Тулеген, отправляясь за ним.

– За родину! За Сталина! – кричат бойцы, бросая гранаты.

Близкие разрывы гранат затемняют все кругом. Над траншеей проходят два танка. Притаились бойцы внизу. С трудом поднимаясь из-под обвалившегося снега, груды земли, Асия, Валя, Краев и Срым бросают гранаты вслед танкам. Те загораются... Опять танки... А траншея раздавлена.

– За мной! – кричит Краев, выскакивая наружу. Валя бежит по траншее, уводя своих собак.

Остальные вместе с Краевым перебегают между танками... бьются из последних сил. Изредка мелькают фигуры Асии, Срыма, Краева в клубах дыма и часто взлетающих вверх столбов земли...

* * *

Батальон Азимхана бежит в атаку. Он наткнулся на поток... Бойцы стреляют на бегу.

– За мной! – командует Азимхан. Он рванулся в поток... За ним последовал весь батальон... По пояс в ледяной воде часть непрерывно стреляет.

Уже слышны со всех сторон крики и шум наступающих батальонов, полков. В поле горящие танки, бегут опрокинутые вражеские части. На снегу множество немецких трюпов.

Обгоняют пехоту танки, машины. Носятся над головой самолеты. Впереди город “В”. Над ним ракеты сигнализируют немецкое отступление. Со всех сторон рвутся к городу огромные силы пехоты. Падают подбитые вражеские самолеты, спрыгивают на парашютах их летчики.

Вслед за батальоном, с атакой врывающимся в город, мчится Валя на лыжах. За ней ее собаки тащат на салазках раненых.

Батальон тянется по улице, где лежат немецкие трупы. Стоят покинутые танки, машины, орудия. По лицу Азимхана течет кровь. Он видит вдали группу бойцов, окруживших трофейную машину. И вражеская мина уничтожает часть из

них. Скопились бойцы и у второй машины. Азимхан кричит издали Тогжарову:

— Разгони!.. — но Тогжаров не расслышал Азимхана, подбегает к нему с хвастливым донесением:

— Товарищ комбат, второй взвод первым вошел в город...

Снова мина взрывается в группе бойцов, есть раненные.

Азимхан схватил с земли лыжную палку и ударил ею два раза по голове Тогжарова. Бойцы сразу оставляют машины, бегут по улице дальше. Вдали эту улицу пересекают новые ворвавшиеся в город пехотные части. Увидев их, повернули назад две немецкие легковые машины. Быстро приблизившись к батальону Азимхана, они круто сворачивают в сторону. Азимхан бегом бросается за ними.

— Если бы только он! — бормочет он на бегу.

Машины повернули назад, опять пересекают улицу. Азимхан вынул наган, хочет выстрелить. Но наган падает из его рук. Схватившись за поясницу, Азимхан приседает, раненный осколком снаряда.

Впереди машины встречается группа Салима. Очередью из автомата Салим останавливает переднюю машину. Подняв руки кверху, выходят из машины фон-Крюгер и двое других офицеров.

Валя погружает Азимхана в сани, где лежат убитые Краев и Срым. Салим подводит пленного Крюгера. Азимхан снял шапку, склонил голову перед погибшими друзьями. Увидев Крюгера, он подносит руку кобуре, вскакивает с места, но падает снова.

* * *

Генерал Рокотов вместе с командирами полков объезжает верхом поле вчерашней битвы. Здесь кладбище немецких танков, машин и истребленной пехоты. Сгорел лес, изрыта земля, догорают самолеты...

Генерал подъехал к траншеям Краева и Срыма. Вокруг них еще больше танков и немецких трупов. В траншеях несколько противотанковых ружей.

— Все человечество будет удивляться этой храбрости, — говорит генерал, — всего лишь горсточка людей, а какими львами они дрались! Здесь бились русские, украинцы, казахи, киргизы. Они кровью скрепили свое братство. Ведь не только рождение, но и смерть роднит людей в священном

братстве. Это отвага, рожденная братской дружбой. Кто из нас в обычной будничной жизни подозревает, какое величие духа таится в наших сынах и дочерях! Мы обязаны чтить вас, родные...еще при жизни обязаны были чтить вас!

Он видит множество танков, застрявших на середине водохранилища:

– Это могли совершить только отважные!

Проезжают к городу.

* * *

Перевязанный Азимхан слышит из соседней комнаты голос Проценко:

– Комбат! Комбат!

Азимхан просит Валу:

– Доведи меня! – еле сползая с кровати он выходит в другую комнату: – Что, Паша?

Тяжело раненный Проценко говорит с трудом:

– Умираю, Азимхан. Я хотел, чтобы после войны мы непременно называли друг друга Паша, Азимхан. А ты называл... Прошу тебя – надень эти часы на руку сестры моей, дочери казахского народа Азии... Пусть помнит брата!...

У Азимхана потекли слезы.

* * *

Возле кровати Азии с двух ее сторон стоят, наклонившись, Азимхан и Салим. Она умирает. Но губы шепчут последние слова прощания...

– Мне было хорошо, так хорошо среди вас, родные, самые близкие мои... А белый конь так и унес меня!.. – Она чуть улыбнулась, точно обрадовавшись чему-то. И смерть запечатлела эту светлую улыбку на ее безвинном, еще совсем детском лице...

Стоя на коленях с двух сторон ее кровати, целуют ее онемевшие безжизненные пальцы Салим и Азимхан.

* * *

Генерал Рокотов и Азимхан смотрят в окно. По улице длинной вереницей проходят пленные немцы, невообразимый сброд, одеты и укутаны во все награбленное у населения.

Навстречу потоку пленных боевым строем идет батальон Азимхана. Увидев генерала и комбата, батальон переходит на строевой шаг, повернув головы в их сторону. На лицах торжество победы.

Перед глазами Рокотова и Азимхана — войска, превратившиеся в сброд, и недавнее ополчение, превратившееся в закаленную, победоносную гвардию.

— Вот она, народная мудрость, — говорит Рокотов, — “Каждая армия достойна своего полководца!”

Скажем и мы, солдаты Великой Отечественной войны...

АҚЫН АЗАМАТ

Сценарий

Алматы, 1954 жыл

БІРІНШІ БӨЛІМ

Биыл Асан жетіде, Үсен бесте. Екеуінің де беттері, аяқ-қолы күнге мейлінше күйген. Асанның көйлек-дамбалы бар. Үсен тек көйлекшен ғана.

Егін ішіне кірерде Асан інісіне қайта-қайта айтып келді:

– Піскен бидайды ғана аламыз. Сен тиме! Мен білем, мен басын ғана үзіп алам.

– Ия, мен қайтем? Әжем маған да тер деген.

– Сен танымайсың дейім, болмайды ғой өзі.

– Маған сен көрсет, піскенін алам.

– Жоқ дейім, ал ендеше мен сені ендігіде ертпейім. Саған айтайын ба, сен етегіңді ұста... мен үзіп алам, ал сен етегіңе сал, жинай бер, Үсентай, жарай ма?

– Жарайды ендеше! – деп, екеуі енді келісіп, биік бидай арасына ептеп басып кіріп кетісті.

Осылардай кішкене ұлдар мен шолақ тұлымды қыздар, қатардағы егіндерде де, бүгінге ас болатын бидайларын теріп жүрген.

Дәркембайдың Рахымтайы да қол дорбаға егін басын жиып апты. Бар бала бірге қайтқанда, дорбалары, етектері немесе шешіп алған кемзалша, шапаншалары толы азық әкелді. Жүздерінде ырзалық бар.

Осындайлық ойнымен, олжамен көп ұсақ баланың тобы Тайлақпай құдығында отырған өздерінің көп үйлі жыртық, қоңыр ауылдарына тақай беріп, бір көрініске тегіс таң қалысты. Ауылдың жанында салқар ұзақ көштей созылған, тіпті көп арбалар тұр.

Рахымтай өзге баладан бұрын аңғарып, бір жайды айтып қалды.

– Ой, балалар! Мынау қазақ емес. Ойбай, орыс! Әне орыстар. Мәтүшкелер де жүр! – деді.

Өзге балалар да енді байқады. Аттары доғарылған екен.

Бірталай арбаның үстінде дүңкиген шатырша қаптау бар. Көп арбаның сыртында қалың сақалды, ұзын шашты аталар, әкелер көрінді.

Рахымтай мен Асан, Үсен және кішкене қыз Жамал – төртеуі обоздың қасынан өте берді. Осы кезде алдыңғы арбаның астында көлеңкелеп жатқан бір егде тартқан орыс мына балалар әкеле жатқан бидайды көрді. Орысшалап:

– Бұларда бидай бар, қандай өседі екен! Балалар, тоқта, бидайды көрсет! – деп еді, балалар сөзін ұқпады. Крестьян түрегеп, балаларға тақай берді. Мол сақал-шашы будырап, бурыл тартқан басы-беті үлкен орыс балаларға аса жат, қорқынышты көрінді.

Асан “қашайык!” деп еді. Үсен мен Жамал “Бізді ұстап алады” деп жылауға айналды. Өздерінің жылдам жүгіре алмайтынын ойлап шошынды. Бірақ жаңағы үлкен орыс мына балалардың қорыққанын көріп, жылы ұшырап күліп келеді.

– Постой, ребята! Бидайыңды көрсет! – деп келеді... Рахымтай енді есі кіріп қоса күліп:

– Өзіміздің бидай! – деді.

Жүргінші орыс бұларға “тоқта” дегендей бет белгі етті де, арбасына бұрылып, бөркіне салып көп сухарь әкелді. Ақ нанның сухары екен. Балалар бұны көріп, шалға енді үлкен сеніммен қарады. Шал Үсеннің етегіндегі бидайдан бір уыс басты алды да, соның орнына сухарьды төгіп берді. Қалған үш балаға сухарьды тегіс үлестіріп жатыр. Балалар қуанып күле бастады.

– Сендерге сухарь, ал мен бұл жерде биыл бидай қалай шыққанын көрейін, – деп, бидай бастарын қос алақанымен үгіп тұр. Осы кезде балалар жүре беріп еді, енді бір-екі жалаңбас қартаң әйелдер арбаларының астынан шығып, балаларға:

– Сють, сють бар! Сють бар!?! – деп қазақшалап сұрады. Олардың да қолдарында жарым қалаш сухарь бар. Енді айырбас жайын аңғарып Рахымтай мен Асан:

– Сүт бар...

– Біздікінде, әжемде сүт бар.

– Жүр, сүт бар... әне ауыл! – деп Рахымтай мен Асан өз ауылдарына шақырып тұр. Әйелдер ере бастады. Алдыңғы әйелдердің жол тапқанын көріп тағы бірнеше шешелер мен кемпір әжелер нандарын, сухарьларын алып ере бастады.

Ақыры бір топ әйелді жас балалар бастап, өздерінің көп үйлі аулына әкеле жатыр.

Әйелдердің артынан жаңағы бидай алған шал мен тағы бір крестьян ерді.

Бұл ергендер осы обоздың басшылары. Алғашқы бурыл шаш – Афанасьич, қалған екеудің зор денелі, балуан кеуде сары мұрттысы – Федор, екіншісі, кішілеу денелі, өткір шүңірек көк көзді, түксиген қабақты ақ бас шал – Сергей.

Балалар бұл топты ертіп келе бере үйлеріне, әкешелеріне:

– Сүт сұрайды, мына кісілер... нан береді...

– Сукәр береміз! – дейді. Әже, сүт беріңдер! – десіп шешелерін шақырып, жүгірісіп жүр.

Ауылда үйлер көп. Азын-аулақ сүттерін алып шыққан әйелдер, кемпірлер жаңа келген орыс әйелдерімен араласып жатыр. Орыс әйелдерінің ішінде зор денелі, әжімді, қайратты жүзі бар, қолы, кеудесі еркектей кесек, орта жасты шеше бар. Оның өңі өзгелерден гөрі күнге көбірек күйіп, қара тартқан. Өзін барлық обоздың әйелдері “Мать Дарья” деп сөйлейді. Өзге әйелдер атынан сол Дарья қазақ әйелдеріне еркін сөйлесіп, сухарь-нан беріп, сүт-айран алдыра бастады.

Ақылды, салмақты жүзі бар Дарья бір жағынан қазақ кемпірі Иіске, тағы сондай қартаң әйелдерге орысша қалжың айтады:

– Менікі – сенікі, – деп қазақшаламақ болады. Иіспен Базаралының әйелі Өдек және Дәркембайдың әйелі Жаңылдар күлісіп, жылы ұшырап сөйлеседі. Олар: “Сүтті тегін ал – қонақсыздар!” деді.

Кейбір орыс әйелдері ақша шығарып еді, Жаңыл күліп, екі қолын сілкіп, басын шайқады.

– Керек емес, ақша керек емес!.. Біз сәудегер емес... Ал!.. Мә сүт! – деп тегін беретінін білдіріп, қолындағы шүмекті шелегінен бір топ әйелге сүтті өзі құйып берді. Ақшаны созған қолды қайта итерді, әрі басын шайқады.

– Жоқ, жоқ...

– Қарашы, өздері кедейлер... Ал ақша алмайды. Бізді қонақ деп тұр. Киргиз қонақты жақсы көреді... Солай ма? – деп, Дарья Жаңылға және соның істегенін істеп жатқан кемпір Иіске, Өдекке де өте ырзалық көрсетіп тұр.

Ере келген еркектер де Дарьяның сөзіне бас изеп, мақұлдап қалды.

Бірақ бұл еркектердің үлкен жұмыстары бар еді. Афанасьич күліп тұрған Жаңылға кеп, шала қазақшалап жөн сұрады:

– Ауыл казактікі мужик бар?

– Не дейді, мына кісі? Ұққаның бар ма? – деп Жаңыл күліп, дағдарып тұр.

– Осы, еркектерді сұрап тұр ғой деймін! – деп Өдек тапты.

Афанасьич оны мақұлдап бас шұлғыды.

Енді осы еркектердің керегін ұққан әйелдер үйде ауру Базаралы барын айтты. “Ол орысша да сөйлеседі” деп ойласты. Абылғазы, Дәркембайлар да осы ауылдың бір үйлерінде болу керек... Соны да еске алысып, әйелдер де еркектердің атын атай бастап еді.

Бірақ енді бұлардың арасынан Өдек батымдау ажар көрсетіп, Афанасьич пен өзге екі еркекке қарады да, қолын бұлғап шақырып:

– Жүр!.. Мұнда жүр! Еркек бар! – деп ерте бастады. Үш крестьян Өдекке еріп Базаралыныкіне кеткенде, жаңағы Дарья бастаған әйелдер және де өзге арбалардан ыдыстарын алып келген, жас балалары бар аналар, әжелер осы ауылдың бар үйлерін жағалап келеді.

Дарья әр есіктен қарап, көп әйелді ертіп, тәжірибелі көзімен нашар күйлерді танып жүр.

– Қандай жалаңаштар... Үйлері жыртық... іштерінде өңшең шокпыт, киім де жоқ, бұйым да жоқ, – дейді. Кейде от басында құр бидай қуырып отырған шешелерді, жас қыздарды көріп: – Тамағын қарасаңшы, жалғыз бидай, – деп, бас шайқап келеді. Қазақ әйелдері Дарьяның атын қолма-қол өзгертіп, Жария қойып алды. Дарьяның сөздерін орыстың өзге әйелдері қостап сөйлеп келеді.

– Бір тамшы май да жоқ.

– Бұлардың сүттен басқа тамағы жоқ.

– Аш болу керек. Ал өздері ақша алмайды.

– Киргиздің деревнясы ғой бұл. Сорлы жоқшылық деревнясы! – десіп, әр әйел Дарьяны қостап жүр.

– Біздің Пензадағы деревнялардың жоқшылығындай.

– Дәл біздегі аш-жалаңаштың үйі! – деп, Дарьяға бойы

тақау, бірақ одан да балғын, балуан денелі Фекла қатқыл үнмен кесіп сөйледі. Әлдекімге қарғыс айтып жіберді. Дарья да бағанадан бас изеп, ойланып келе жатыр еді.

– Ит кедейлік, бар жерде сенің сұмырай тұмсығың біреу-ақ!.. – деп, қасындағы әйелдерді ащы мысқылмен күлдіріп қойды.

Базаралының үйіне жаңағы орыстар ғана емес, сол ауылдың еркектері де жиналған: Дәркембай, Абылғазы, Қаңбақ, Токсан, Жұмыр да осында. Бәрі де бөгде қонақтарды қоршап алып, жапырласып отыр.

Базаралының ауруы бар. Сарайы, кеудесі сау, бірақ белі бастырмайды. Қазір кеудесін көтеріп, орыстармен соқалап сөйлесіп, Дәркембайларға да сөз арасында қазақшылап түсіндіріп отыр.

Афанасьичтің атын сұрап, оны “Апанас” қойған. Базаралыға Апанас өздерінің бір үлкен қиыншылығын айтқан.

– Семейден шыққанда теріс жолға түсіп кетіппіз. Бізге үлкен трактыға, бекет жолына барып түсу керек. Соған жолды біліп, бізді бастап баруға кісі тауып беріңдер. Біз оған ақы берейік, соны тауып беріңдер! – деп сұранған.

Осыны білген соң, Дәркембай:

– Я, кісі табамыз, береміз... мына отырған Қаңбақ әзір бос қой... Егінге орақ салғанша оралып келеді, барсын, – деген.

Қаңбақ та қарсы болмаған соң, үш жүргінші ырза болып, Қаңбаққа беретін ақылары туралы келісіп алды.

Енді Дәркембай бұлардың қайдан шығып, қайда бара жатқанын білгісі келді.

– Кода пойдом? Апанас, а-а!? – деп еді, Афанасьич түсіне қалды.

– Семирек... Семирек едем!..

– Бұ Семирегі қайсы?.. Акирек пе? – деп Дәркембай түсінбей, көршілес Сыбан қонысының бірін атады.

– Лепса, Лепса! – деп Сергей түсіндіре түсті.

Базаралы енді аңғарып:

– Лепсі, Лепсі, Шұбарағаш, Капалды айтады.

– Да, да, Қапал... Капальск, Лепса, Капал.

– Е-е, Жеті-су! Түү, жер түбі екен ғой, қайдан келеді екен өздері? – деп Дәркембай әлі де біле түскісі кеп отыр. База-

ралы бұл жөнді сұрағанда, Афанасьич қолын алысқа сілтеп жауап берді.

– Россия, Россейские!.. Мен Пензадан! – деп, – Федор мен Сергейді көрсетіп: – Тамбов! – деді.

Базаралы ішкі Россиядан, тіпті алыстан көшіп келе жатқандықтарын ұғындырды. Дәркембай олардың екі айдай көшіп келе жатқанын білген соң, басын шайқап, ойланып отырып тағы сұрады:

– Неге көштіңдер? Туған-өскен жерің емес пе? Атамекен қонысыңнан қандай зорлық айдады екен? – деп танданып отыр.

Апанас бұл сұрауды ұққанда алақанын жайды.

– Жаман болды онда... Аш болдық.

– Жер тар болды ма? – дегенде, Апанас бас изей түсіп, өз халдеріне сәл ызамен күле түсті.

– Кімдерге жер көп, біздерге жоқ болды.

– Сонда қанша жерлерің боп еді? – деп Базаралының өзі сұрап еді.

– Жер мына алақандай! – деп, бір алақанын жайды. – Ал жоқшылық мынау менің зипуымның үлкендігіндей! – дегенде, Базаралы Апанастың сөзіне сүйсіне күлді.

– Көрдіндер ме, не деп отырғанын!.. Жер алақанымдай, жоқшылық шапанымдай болды, – дейді...

– Алда сорлы-ай! Қалай келістіріп айтты!

– Сөз-ақ, ау! Жоқшылық деген со-дағы! – десіп Абылғазы, Токсандар тегіс қостап қалды.

Апанас тағы да мысқылды жүзімен:

– Ал беда... Сенің мынау үйіндей! – деді. Базаралы тағы қостап күліп:

– Ал бастағы сор одан да үлкен, мынау сенің басындағы үйіндей болды, көшпей қайтейік! – дейді.

Тыңдаушы қазақтар Апанастың ақылына тандай қағып тамаша етісті.

Дәркембай Апанасқа үлкен сеніммен, жылы шыраймен қарады.

– Бәсе, “Арқада жыл жақсы болса, арқар ауып несі бар?” деген екен ғой.

– Айтайын деп отырған өзі ғана емес, дәл, тіпті өзгенің де жайы ғой! – деп, Қаңбақ бас шұлғып отыр.

– Шын-ау! Бізде де сол емес пе?

Токсан да құптады.

– Бізде тек жер көп те, еккен егін алақандай, ал жоқшылығы мен соры өзімізге күнде таныс мойындағыш қой!.. – дейді.

Базаралы Апанасты қатты ұнатқан жүзбен қарап отыр еді.

– Сорлы, ердің тұқымы ғой... шыннан аумады. Көзін ашып көргені сол, енді қайтсін солай демей. “Жетіскен елдің ұл-қызымын” деп жалған көкіп қыңыратқымайды ғой!.. – деп біраз отырды да, бір байлау жасады. Онысын әуелі Өдек пен Дәркембай, Абылғазыға арнап айтты.

– Айдауда жүргенімде орыстың нан-тұзын көп татып ем. Әсіресе осындай жоқ-жітіктің үйінен жәрдем көріп, ас ішіп, елге қашып жетіп ем. Алыс сапардағы мүсәпірлер ғой. Мұны мен сөзі дәл өзімдікі тәрізді. Осында Өдектің бір жалғыз марқасы бар еді. Шанда бір қонаққа соярмын деп ем. Қазір соны сойып, осы жолаушыларды қонақ етейікші. Абылғазы, соны сен алғызып, сойшы! – деді.

Жұрт үнсіз мақұлдады. Өдек бұл кезде шай қойып жүр еді. Базаралы Апанастарға енді асықпай отырып қонақ болуды айтты. Олар бастарын шұлғып, қайран бола отырысып, ырзалық айтты.

Базаралы және екі сөз айтты. Әуелі Апанаспен ақылдасып, осы обозда отыз үй келеді екен, соның шалдарынан тағы бес кісіні шақырды. Оларды Федор барып ертіп келетін болды. Және Токсан, Қанбақтарға қарап Базаралы:

– Бұларға егіндерінді көрсетіндер. Біз жер тырналаған болмаса, егін еге білеміз бе? Қалай сеуіп, қалай жыртудың да әдісін сұрап қалыңдар! – деді.

Базаралының үйіне қонақ боп шыққан Апанастар, барлық тобымен егін басына барды. Оларға егіндерін көрсеткен Дәркембай мен Абылғазы болатын.

Крестьяндар арасында жер сырын, егін мәнін аса жақсы білетін Сергей, бітік егінді аралай жүріп, бас шайқай береді. Апанас та шала жыртылған, әсіресе кесек қалған, малаланбаған егін тұсында қолына үлкен томар балшықты алып, Дәркембай мен Абылғазыға көрсетеді.

– Джаман!.. Джалқау! Сендер джалқау! – дейді. Күліп тұрып бас шайқайды. Турашыл кесек мінезді, алып денелі Шодыр қоса күліп, Абылғазыны бүйірден түртіп қойып,

жерге түкіреді. О да Апанастың бір сөзін ұқпаса да, қайталай берді.

— Джаман... джаман!.. — деп келіп: — Чего там джаман!.. Плохо! Ай, как плохо сеете! Бить тебя надо, Абылғазы! — деп, Абылғазыны иықтан сілкіп қояды.

Орыстарға егінді көрсетіп жүріп кеш бата бергенде, атына мінерде Дәркембайдың өзі Ойқұдық жақтағы жақын жотаға түсіп еді. Сонда Кіші Қасқабұлақ жақтан осы жақын адырға қарай жайылып шыққан жылқы көрінген. Дәркембай сол жылқыға барды. Мал ішінде жүрген көп бақташы көрінбеді. Тек бір ғана балалау жігіт — күндізгі жылқышы бар екен. Соған:

— Шырағым!.. — деп Дәркембайдың көп айтқаны: — Мына жақын жерде көп кедейдің болымсыз егіні бар. Аз күнде орақ салғалы отырмыз. Түнде жылқышы ұйықтап қап, қалың жылқы егінге түсіп кетіп жүрмесін. Осыны бар жылқышыға айта гөр, жарықтығым! — деген.

Ал жас жігіт кешкі суға жылқыны жапқанда, бұлақ басында отырған бар жылқышыға және Әзімбайға да Дәркембай тілегін айтып берді. Әзімбай сазара түсіп, қайта сұрап, әр жайды түйіп отырғандай. Біраздан соң түнгі жылқыны өзі өргізіп, өзі билеп, бар бойдақты қайтадан егіндік жақтағы қыркаға қарай бұрғызды.

Ымырт жабыла бере он шақты шоғыр қалың-қалың жылқылардың соңынан Әзімбайдай боп, қастарына бірді-екілі жылқышыны ертіп, бай ұлдары да шығысты. Бұнда Ақбердінің Мұсатайы, Майбасардың өзіндей дәукес Ақметжаны, Өсердің бақырауық Мақасы, жас, қызбабас Ақылпейісі, Таңшолпаннан Елеусіз дейтін барымташы, ұры бар. Осындай оннан аса жас жуан Ырғызбайлар өздеріне тілсіз шоқпар, сойылетіп жүретін атқосшы-жылқышыларын ертіп шығыпты.

Әзімбай кешелер өзі де жалғыз шолып, егінді көріп қайтқан. Енді түн жарымы тақағанда бар жылқыны өзі әдейі ысыра түсіп, сол қалың егіннің тап орта тұсына тақап әкелді. Тәкежан үйінің мыңын бастайтын күрең қасқа айғыр пысқыра түсіп, өзінің қалың үйірін шұбыртып, жүре шалып барады. Өзге жылқы топтары да, бар айғыр үйірлері де дағдысы бойынша күрең төбелге ере бастапты. Күрентөбел

болса алдынан леп тартқандай, жақсы жайылым барын сезіп, жерге бас салмай ентелейді.

Осыны жылқы алдына шығып аңғарған Әзімбай, барлық мырзалары мен құрбыларын, жылқышыларын шақырып алды да:

– Ал, жігіттер, енді аттан қонып, сабыр табындар. Осы арада әңгімелесіп жатайық! – деп арам күлкімен жаман ниет сездірді.

Бір ғана жас жылқышы:

– Е, мына жерде егін бар ғой, обал ғой! – дей берген еді, Әзімбай оны боктап салды.

– Жат оттамай! Біреу егін егеді деп біреудің малы өрістен айрыла ма? – деген.

Данғой Ақметжан мен бақырауық Мақа да әлдекімді боктап жатыр.

– Жер тырмалаған боп, ата-бабамыз істемеген кәсіпті тауыпты! – деп Мақа кірісті.

– Елдің сұрын кетірді осы бір жатақ деген сұмдар! Өздерін түртіп көшіріп жіберу керек екен, – деді Ақметжан.

– Е, е, бір-екі рет еңбегін еш қылса, “итше жер тырмалап жаман ырым бастама” десе, өзі де көшеді, – деп Әзімбай, атынан түсіп жайланып бел шешіп жатыр. Өзгелері де осының ісін істей бастады. Аттарын тізгінінен қаңтарып қойып, шылбырларын жастанып, тегіс жатыса бастады.

– Көшу емес, босуға да түсер, ұясын ойрандаған арадай құжынар өншең мұжық! – деп Ақылпейіс әрі боктап, әрі ыржаңдап қояды.

Әзімбай бұны сүйсіне қостап, оның соңғы сөзін қайта-қайта еске алды. Бұлар осымен дәл осы жатыста ең үлкен сұмдық істеп жатты.

Ал жылқы ше? Жылқы болса жайшылықтағы момын жазықсыз жануар, сондай асыл қасиет малы!.. Қазір өздерінің ендігі сипаты даланың өрті... меңіреу апаты, тілсіз жауы есепті болғанын білер ме еді олар! Міне, енді мың тұяқты, сан мың тісті жалмауыз обыр айдаһар болып созылыпты, қара шұбар қыбырымен бүкіл өңірді басып, егіндікке қарай тақады. Сол жеміт айдаһардың жарқыраған жалғыз көзіндей боп, күрең айғырдың мол қасқасы, айқындап жарқырап келеді. Әлі де ең алды сол. Барлық мың жылқылы қалың көпірді жиырма жер егіндікке жалпағынан әкеп, бастап кеп

араластырған да сол күренқасқа айғыр болды. Өзге шөптен сызаты көп, түн шағында әрі салқын, әрі қалың көкшіл бидай мол жылқының ту биелерін де, тай-құлыны, байталын да түгел қызықтыра тартты.

Қаскөй иелері қапталған қара шұбар қалың пәлесі қазір тіпті әдейі ұрланып, өшігіп кіргендей. Бірде-бір айғырлар да, тайлар да кісінемейді. Оқыранып оскырмайды да. Тек жиі-жиі пысқырысып, мынау жайылысқа жеткендерін жылқылық сыбырларымен құптасқандай.

ЕКІНШІ БӨЛІМ

Ерте оянған обоздар енді аттарын жегіп алған, жүріске даяр боп қапты. Қанбақты күтісіп тұр. Ал Қанбақ болса, таң атысымен өредегі атын іздеп ауылдан жаяу шығып еді. Егін жақтағы белге шыға бере, бар сұмдықты көріп жібергенде, жалғыз өзі ойбайды сап зар қақты.

Осы кезде ерте оянып, бидайды көздеуге шыққан Дәркембай қарсы келеді екен. Иіс сияқты төрт-бес кемпір-шалдар да егіннен таңертеңгі шайға бидай басын тергелі қозғалған-ды. Солардың тобы ауылдан сытыла бергенде, алдарынан бақырып айғайлап, құстай ұшып келе жатқан Қанбақты көрді. Болған сұмдықты бар сорлы бір сәтте түсінді.

Енді аз уақытта бұның бәрі боп шулап, ауылға жүгірді. Барлық мол үйлі үш ауыл бір кісідей тысқа жүгірісті. Балалар да ояна жылап, шешелерінің етегінен ұстап, қайғыны сезіп қарбаласа, қақтыға зарлап жүр. Тынымсыз қарғыстар, қатты айғайлар, дауыс салып жылаған, ызалы үндер ауылдың үстін анық шабынды сағатындай дүрліктірді.

- Қырылғырдың малы!
- Төбеңнен ұрғыр қаскөйлер!
- Өртеніп өл, Ырғызбай!..
- Тұқым жұрағатың жылап өтсін, өңшен бай!
- Көз жасым жібермесін, қас-дұспан!
- Жетімдердің зары соқсын!
- Жау! Жау ғой мынау!..
- Қастың ісі ғой бұл сұмдық! – дескен зар мен ыза ауыл үшін тегіс кернеді.

Базаралыға Дәркембай мен Қаңбақ, Абылғазылар да осындай ашу наламен жеткен еді.

Қазір Базаралы жол жүретіндей киініп алыпты. Бірақ тұра алмайды. Өзі аппақ боп сұрланған. Әлі аузынан шыққан бір ауыз үн жоқ еді. Тек қана тыстағы аналар мен балалардың, камырыққан әкелердің зарын ғана тындап, жер төсегінде жүз төңкерілген.

Енді бірнеше басты еркектер кірісімен, ашулы ақылына мініп:

– Уай, қарғысыңнан қан құссын қас-дұспаның! Сорлы елім! Соры қайнаған бейнетқорым, өңшең!.. Жетті, жетті зарың! Жә, ес жи түге! Есіңді жи, Абылғазы! – деп, бірнеше Абылғазыдай соқталы жігіттерді аңдап, соның бәріне енді әмірлі сөздерін шапшаң айтып кетті.

– Жылқысы егіннен шықпай тұрып, қазір ғана жүген-ноқта, арқан-баумен барыңдар да, таңдап-таңдап жүріп, тура отыз құр атын ұстап әкеліндер. Өлген де бір, тірілген де бір бүгінгі күн... Не аянар жан қалды? Жиырма жер егін алпыс үйдікі еді. Әр жерім бір жарым аттың құны. Отыз ат дегенім сол. Алпыс үйдің екеуіне бір аттан. Осыны ұстап отырып айтысамын. Және қазір осы істің арты жанжал ма, төбелес пе, келеді ғой бар пәлесі. Сонда мінетін көлігің. Бар жөнел, осыны істеп келмесең, ел емессің, – деді.

Дәркембай да бұл сөздерді түгел қостады. Сонымен, енді бір шай қайнатым ішінде, айтқанындай, отыз құр ат кедей үйлерінің босаға-босағасына кеп байланып қалды. Дәркембай тынымсыз жүріп, сол аттың бәрін ерттеп те қойғызды.

Әлі ауыл үсті шу-айғай. Кемпір-шал, бала атаулының дауыстап жылауына, қарғауына толы болатын.

Бағанадан бұл ауыл үстіне орнаған шу мен әлекті түсінбеген және Қаңбақты ұзақ күткен Апанастар енді Базаралыныкіне келіп, барлық жайды біліп алды. Біразда бүкіл обоз еркек-әйелі түгелімен мынау кедей, дос-жар қонағуар ауылға орнаған сорды білді. Оларда да қатты жана-шырмен аралас өте жігерленген ыза оянды.

Базаралы “потраба” дегеннен-ақ, оның берген бұйрығын Федор қатты қостаған.

– Потрабаның жазасы бұдан да қатты! “Мал иесі бай-

ларды соттау керек!” – деп, Апанастар көргендерін айтып, тегіс обоз боп қол қойып, куәлік те жазуға байласты.

Осымен, аз уақыт өткенде ауыл үстіне қалың салт атты қаптады. Олар: Әзімбай, Ақметжандар бастаған баймырзалар мен атқосшы-жылқышылар.

Білектерінде сүйреткен сойылдары бар. Түнде, қызыл інірде... ұйқыға әдейі кеткен бұл топ, күн шыққанша тұрмай жатқан. Тек алғашқы оянған Мақа, егін үстіндегі жылқыдан қалың шоғырды ұстап әкетіп бара жатқан жатақтарды көргенде ғана бақырып, “Аттан!” салған-ды.

Әзімбай соларада барлық қолынатқа қондырып жіберген. Жақын маңда жатқан басқа Ырғызбай ауылдарының жылқышыларын да тез шақыртып алды. Сөйтіп, жиыны қырық шамалы қол болды. Енді шокпар-сойылды кезеніп алып, кедей ауылға кесір салмақ боп, анық мол пәлені іздеп келеді.

Ауылға жеткенше қатты жүрістерін де бәсеңдетпеген. Әдейі бұл елді басынып, айбын көрсетіп, жасқанта жетпек. Шеткі ауылға жете бере Әзімбай ат үстінен ақырып әмір етті:

– Әй, жатақ! Кімің бар? Шық алдыма! – деді.

Бұлауылда Абылғазы, Дәркембай мен Қаңбақ, Токсандар бар еді. Солардың басы көріне бере Әзімбай тілге, сәлемге келмей жатып айғайлап бұйрық етті.

– Босат! Тегіс босат жылқымды! – деп зіркілдеп тұр.

Үйде ауру Базарлы бұл үндерді естіп жатыр, бірақ тысқа шығар дәрмен жоқ. Тістеніп, қиналып орнынан қозғалғысы келсе де, белі жылжытпайды. Зыңыры қайнап отыр. Мырзалар тобы ауылға келе бергенде:

– Потрава жасағандар келді.

– Бұлардың господалары әні!

– Жүр көрейік, естиік! – десіп, Апанас, Федор мен шал Сергей үшеуі осы ауылға қарай аяндаған.

Дәркембай Әзімбайға жауап айта бастады:

– Жау істемейтін істі істеп, қыруар аштарды ұлардай шулатып не болды? Тіпті, құба қалмақ заманы, шабынды болса, бұдан бетер қастық етер ме еді? – дей беріп еді, Әзімбай мен Ақметжан, Мақа, Елеусіздер жан-жақтан зекіре ақырып кетті:

– Сен жаулық етпей не істеп тұрсың?

- Ұйықтап қаппыз, айыпты ма екенбіз.
- Жылқыны не деп қолмен аласың?
- Кімді басынасың?
- Малда тіл жоқ, айуанмен бірге айуан болдың ба, түге.

Босат!

– Сөзді доғар, босат жылқыны! – деп, шетінен сызданып, сұрланып ап тепсініп тұр.

Абылғазы бір сөзді бастап:

– Есе бересіңдер ме, арыз айтқызасыңдар ма, жоқ па? – дей беріп еді:

– Мә, саған есе! – деп тұрып Әзімбай қамшымен бастан тартып жіберді.

Абылғазы оның қамшысынан ұстай алып, бір-ақ сермеп жұлып алды. Өзіне сілтей беріп еді, осы кезде қызбабас Ақылпейіс бұны сойылмен салып кетті. Сол-ақ екен, төбелес бастала берді.

Дәркембайға да қамшы жауып жатыр. Әр үйдің есігінен қарап тұрған қатын-бала озан салды. Абылғазы мен Дәркембайдың қасында болмаса да, әр үйдің тасасында аттарын әзірлеп, құрық-сойылдарын белдеуге қыстырып тұрған көп кедей бар еді, солар бір сәтте Абылғазының “аттан!” деген жалғыз айғайын ести бере сарт-сарт атқа қонып, жау топқа қарай:

– Ұрып таста!

– Ұрып таста! – деп қаптап қоя берді.

Абылғазы өзіне қаптаған сойыл мен қамшыдан әуелі басын қорғап, жалт берді. Аттыларға ұрғызбай, үйлер арасымен бұлтақтай қашты. Осы кезде жаңағы жігіттер айғайлай шапқылай шығып, Әзімбайларға тап берген-ді. Абылғазы ұшып отырып, ауыл ортасындағы өз үйіне жете бере, тасада тұрған Тәкежанның қара төбел атына қарғып мініп, белдеудегі қара шокпарын қағып іліп, айғайды салып, Тәкежан аулына қарсы шауып шықты. Ағызып барып, жау тобына араласып кетті. Шокпарды оңды-солды соққылады. Жігіттері атқа мінгенімен, жау тобынан аз екен. Жау қырық шамалы болғанда, бұлардың бары – жиырмадан артық емес...

Дәркембай соққыға жығылып қалып, оны басынан аққан қанымен Өдек зорға көтеріп, үйге кіргізді. Жаралы Дәркембайды көргенде, Базаралы:

– Ә, құдай, бұны көрсеткенше, қор еткенше, жанымды алшы менің! – деп енбектеп ұмтылып, есікке талпынып барады. Өдек сүйеп тоқтата беріп еді:

– Тарт, жұлқысып өлем жауыммен. Әпер шокпарды! – деп, керегеге көлденең тұрған шокпарды жұлқып, сүйреп ап, есіктен айғайлап:

– Қыр! Жой! Өл қолында, өшінді ал! – деп ақыра шықты.

Соккы жеп, басы жарылып, енді үйде, төрдегі керегеге сүйене жантайып, қарт жүзі қуаң тартқан Дәркембайдың қасына Рахым жүгіріп келеді. Жылап жіберіп, әкесін құшақтай алып, аймалап, сүйемелеп жатыр.

Дәркембай өз қасына баласы шырылдап келгенде, есін тез жиды. Жарасына бойын билетпей, қайраттанып алды.

– Қарашығым, жылама, шошыма! Түк те етпейді, – деп, Рахымтайды басынан сипап, бауырына басты.

Төбелес ауылдың үстінде. Есік алды, қораның ортасы – бәрінде де шарт-шұрт майдан жүріп жатыр. Аттан домалап жығылып жатқан жаулар да, жатақтар да бар. Айғай мен егес!

– Қайтпа! Қайтпа!

– Айрылмас! Айрылмас!

– Өлтір, жой! – деген үндер жаулар жағынан үдеп-үдеп шығады.

Базаралы ұмтылғанда, есін жаңа жия берген Дәркембай Өдекке ақырып:

– Ұмтыл, анаған ер! Сүйей бер! Мені таста! – деген. Тыста жауға жете алмаса да, шокпарын үйіріп, жатақтарға ақырып, бұйрық беріп тұрған Базаралыны енді Өдек құшақтап сүйей берді.

Дәл осы кезде ел де, жау да күтпеген бір соккын араласты.

Апанас пен Шодыр айғай салып, бар обозға:

– Доғар атты!

– Айда көмекке! – деп бір-ақ бұйырған... Сол-ақ екен, барлық крестьяндар аттарын шапшаң доғарып жіберіп, көпшілігі жалма-жан жетектерін суырып-суырып алысып, жайдақ аттарына міне-міне шабысып шыққан.

Обоздағы Дарья, Фекла сияқты қатындар кешегі кедей үйлердің әйелдері мен балалары шулап жатқанын

көріп, қолдарына балта, күректерді, айырларды алып жаяу ұмтылысқан. Апанас өзі де атына мініп, жетегін көлденең ұстап шапты. Федор бұдан бұрын жалғыз құйықтырып кеп, Абылғазыға қатарласа бере, жауға ұмтылды.

Бұны Ақылпейіс иықтан салып өте бергенде, Федор оны білегінен бір салып қалды. Асыға ұрды. Сойылмен төбелесудің жөнін де білмейді. Қазақтың жырынды сойылшылары бас пен білек, тізені көздесе, бұның ондай тақыспен жұмысы жоқ. Тек кез-келгенді белуардан көстите береді. Бір Ақылпейіс болмаса, өзге ұрғандары ат үстінен тымақша ұшып, домалай түсіп жатыр.

Қазір енді Апанас пен басқа көп крестьян да соғысқа араласты. Ауыл үсті қыран-топан.

Орыстар аздан соң, “Ура, ура!”, “Ур-ра” деп, үлкен соғыстағы сүрендерін салып, білек құрыштарын енді жазып келеді.

– Уә, тілеуің берсін!

– Айналайын орысым!

– О, жолың болсын!

– Бала-шағаң игілігін көр! – десіп, байлары соққы көрісіп жатқан қатындар, шешелер бақандарын сермеп жүгіріп тыста жүр.

Дарья мен Фекла және тағы бірнеше батыл крестьян-калар бұл кезде ауыл ортасына жетіп, қазақ қатындарының ішіне араласып кетіп, бақандарды алып, ұмтылысып жүр. Тұстарына келген жақсы киімді жауларды жонынан ұрып қалысады.

“Анчихрист!” – деп Фекла, “Окайные звери” – деп Дарья, соғысқа әбден қызып алған, қорқу жоқ.

Бір кезекте, осылардың екеуінің арасынан шапқылып өте берген бақырауық Мақа Фекланы сойылмен салып жіберді.

– Ах, сукин сын! Анчихрист! – деп, Фекла шап беріп, Мақаның атын ауыздықтан ала түсті.

– Айрылма... а-с!.. – деп бажылдай берген Мақаны Фекла жалғыз қолымен аттан жұлып түсірді. Мақа құлағанда да “айрылмастап” жүр. Бірақ Фекланың қатты сілкуімен шалқасынан сұлап түсті.

– Эх, сукин сын, барантач! – деп тұрып, бұның бажыл-

дап жатқан шағында, Фекла өзінің жалаңаяқ табанымен как басқа теуіп-теуіп жіберді.

Осыны көрген қазақ қатындары сүйсініп:

– Шоқланы қара!

– Ойбай, Шоқланы қара!

– Ауызға тепкілеп жатыр... – десіп шулап жүріп, сүйсінгенінен күліп те жіберісті.

Өзінің әжесіне тығылып, табалдырықтан соғысқа қарап, жылап тұрған кішкентай Үсен де Мақаның масқарасын көріп еді.

– Шок! Ал, бәлем, шок! Шок! – деді.

Иіс кемпір Шоқлаға да ырза боп, кішкентай жетімегінің тіліне де сүйсініп, үні өшіп қатты күліп тұр.

– Айналайын Шоқла! Ұл-қызыңның игілігін көр!.. Өлде маған! – дейді.

Осы кезде қораның ортасына құлаған жаулардың бірнешеуін орыс әйелдері мен қазақ әйелдері камшымен сабап, төбелеп жүрген. Крестьяндар араласқалы Әзімбай тобы соққы жеп, тайки бастады.

Ендігі төбелес дәл Базаралы үйінің тұсына жеткен. Абылғазы мен Шодыр, Апанас тізе қосып ап, оншақты мырзалармен қарш-қарш ұрысып такай берді. Сонда Базаралы бар пәрменімен айғайлап:

– Жой, жаныңды сал! Қапта, кедей! Бей! Бей собак! – деп, жұлқынып ақырды. Дегеніндей, осы тұсқа өзге жатақ жігіттері де қаптай ұмтылды. Дәл Базаралының бұйырғанындай, жатақтың шокпарлары мен обоздың жетектері Ырғызбай мырзаларына мейлінше майдан берді.

Осы ғана бір сәттің өзінде ауру Базаралының қан қоздырар айғайын ұққан намыскер егіншілер мен шодырлар анық бес мырзаны ұшыра-ұшыра домалатты.

Осылардың құлағанын көрген соң, Әзімбайлар енді анық сырт берді. Соны сезіп, тағы өршелене ұмтылған Абылғазылар, енді бір қаптағанда, жаны аянкес мырзалар ауылдан сытыла берді.

Шодырдың білегі жаңа қызып алған еді. Ол тура Әзімбайды көздеп ұмтылып жүр. Бірақ ананың аты жеткізбей, бұдан сытыла береді. Қазір Шодыр тағы соны бетке алып тебініп, ұмтылғанда, Әзімбай анық кашуға

беттеді. Өзге тобы да азайып қалған қалпында, жөңкіліп жөнеліп барады.

Шодыр мен Абылғазы көп қуды. Бірақ жаулар жеткізбеді.

Осы күн ішінде Апанас пен Базаралы ақылдасып, барлық обоз адамдарының кедей елге болысқан бір мол куәлік қағазын жасады. Ол “потрава” турасындағы куәлік-акт.

Осындай заңды көмегін тағы көрсеткен переселендер көп қолдар қойылған мол қағазды Базаралыға әкеп табыс етті.

Енді барлық үш ауылдың еркек-әйелдері, бар баласы шұбырып келіп, жүргеншілермен ұзақ-ұзақ қоштасты. Екі жағы да бір-біріне көп-көп алғыстар айтысып, қимастан айрылысты.

Осымен кеш бата обоз жол тартты.

Енді бай ауылдардың тыныш қоймайтынын ойласқан егіншілер шұғыл кеңес құрып, екі түрлі байлау жасады: алдымен қаладағы ұлыққа крестьяндардың куәлігін қосып арыз жолдайтын болды. Бұл арызбен осы түнде, қалаға араласы бар, пысықша жігіт Серкеш жөнеледі.

Екіншіден – Дәркембай мен Абылғазы қазір барлық жайды өз ауыздарынан білдіру үшін, Абайға баратын болады.

Осы байлау бойынша екі тарапқа кісілерін аттандырып, кедей ауыл келесі күнді күтіп қалды. Дәркембайлар келгенде, Абай аулы кешкі асын ішкен жоқ еді. Әйгерімнің үйінде Абай, Мағаш, Дәрмен – үшеуі ғана отыр екен. Қонақтармен амандық айтысып болған соң, Әйгерім асжаулық жайғызып, қымыз сапыртты.

Абай қатты қиналып, тыныштық ала алмады. Бір ауық көптен бойын меңдеген ел қайғысына кетеді.

– Өмірді неден бастасам, әлі сол орында тұрғандаймын. Залым жауызбен алысқан сайын, жеті басты жыландай. Бір басын шапсам, тағы біреуі туады. Өткені ме осымен ку өмір? Жұртым деуге ұялудан арылам ба, жоқ па?

Әкесінің өзгеше қапаланған күйін естіген Әбіш, Абай отырған онаша үйге әдейі жалғыз келіп еді.

– Аға, бұл жолғы жауыздық та, жауыздық жасаушы да қақ қасыңыздан шығып отыр. Ол бірге туған ағаңыз істеген қиянат, жыртықшытық болғандықтан, сіз ұялып та

киналасыз! – Абай Әбдірахманнан сүйеніш ақыл, көмек то-
сып қадала қарады.

– Жатаққа тиіп отырғандар әдейі сізге де тиемін деп,
осыны істеп отыр. Солай емес пе?

– Рас айтасың.

– Ал, сіз ғой “көп халыққа қосылдым” деген жолыңыздан
аумайсыз? – деп, Әбіш жауап тосқандай іркіле беріп еді...

– Аумаймын, қайтпай өлемін! Осы менің арманым мен
сертім...

– Ендеше, сол жолда батыл іске бекініңіз!

– Қалай ет дейсің сонда, мен де сойыл алып атқа мінейін
бе?

– Керек болса соны да істеніз, тіпті! – деп Әбіш аса нық
байлам айтты. – Мұндай жауыздық, зорлық өзіне қарсы
шыққан батыл қайратты көргенде ғана жасқанады. Базара-
лы, Дәркембайлар соны бастап қойды.

Абай осы ақылды шын мақұлдады.

Сондай күйде отырған Абайдың үстіне Дәркембайлар
келген еді. Абай бұлармен өте қысқа сөйлесті. Ендігі бар сөз
қатты берік қайратқа мінген жігерлі, тартыс сөзі.

– Қазір ас ішіп, үйлеріне қайтындар. Ертеңгі күн
бастарына не пәле келсе де, бар қайратым мен білгенім
сендердің жолында. Мен сендердің қасыңнан табылам.
Сөзім осы-ақ! – деді.

Дәрменді жатаққа бірге аттандырып, қасына екі-үш жол-
дас жас жігітті қосып берді. “Ертең сәскеден әрі қандай тың
сөз бен іс болса, бәрін маған кісі шаптырып жеткізіп отыр”
деп бұйырды.

Кедей ауылға Ырғызбайдан Ақберді келді. Қасында бес
жігіт бар. Оның да сөзі қысқа, катал бұйрық болатын.

Ырғызбай жиыны әмір етіп отыр.

– Не бүгін кешке шейін, ұстап алған жылқыны түгелімен
әкеліп, аяғымызға жығылсын! Болмаса ертең сәскеде
тұрысатын жерін айтсын. Бар Ырғызбай атқа мінеді. Тек
аулының үстіне барып тұрып, шаңырағын ортасына түсіріп
ойран саламыз! – депті.

Ақберді Базаралының үйіне кеп түскен еді. Дәркембай
мен Базаралы, Абылғазы – үшеуі оңашалап ақылдасқан да
жоқ. Сөзді Базаралы билеп сөйледі.

– Пәлені бастаған мен емес. Ал сол пәле келіп жалмай

бастаған соң алысқаным рас. Жылап өлмеймін, өлтірсен де, қырсаң да жағаңа жармасып өлем! Өзім іздеп бармаймын. Ал ізденіп келсің, келіп көр!

Бұл сөзді естісімен Ырғызбайлар тағы шапқылап түні бойы қол жинады.

Енді Ырғызбайлардың түнгі әрекетін естігелі, Абай қатты қимылға басты. Өз қасындағы Ербол, Ақылбай, Мағаштан бастап, бар көршілерін жиғызып алды.

– Тұр, барындар. Осы мандағы бар кедей ауыл, есесіз көптің бәр-бәріне менің атымнан сәлем жеткізіндер. Қазір түн бойы, ертең ұлы сәскеге шейін тайлы-таяғы қалмай, жатаққа жетсін. Онда жете алмағаны менің аулыма, менің қасыма жиылсын. Ырғызбай көп пе, ел көп пе? Танытайын мен оларға! – деді.

Айтқанындай, осы түнде бар жігіт жан-жаққа шапқылып тарасты. Сол түннің таңы қылаңдағаннан бастап Ойқұдық, Кіндікті, Қорық, Шолпан, Ералыдан – жан-жақтағы бар қоныстардан кедей атаулы жатақтарға қарай созылды. Мұнда ат мінгендер де бар. Әсіресе түйеге, өгізге мінгескендер көп. Бірақ барлық жұпыны киім, сұрқылт жүдеу жүзді азаматтың қолында шокпар, сойылы.

Жатақтардың жасағы ойда жоқтан осылай молая берді. Бұны істеп отырған Абай екенін білгенде, Базаралы ауруын да сылып тастағандай болды. Көздері де жайнап кетті.

– Келе бер!.. Кедей елім... келе бер! Бетің дұрыс!.. Атаның ұраны қоспай, аталының қорлығы қосқан қосарым, қасымнан табыл осылай! – деді.

Ал Ырғызбайлар түс бола бере атқа қонды. Үлкені де, жас мырзалары да тегіс сойыл-құрал қамдап апты. Жиыны жүз елудей ірікті сойылсоғар қастарында...

Кешегі: “Тұрысатын жерін айтсын, болмаса, аулының үстіне барып, шаңырағын ортасына түсіреміз” деген уәде бойынша Ырғызбай қолы сіресіп қаптап, жай бастырып келіп қалды. Сойылдарын қолтыққа алған, тымақтарының құлақтарын жымыра байласқан, қанын іштеріне тартқан рақымсыз жендеттер келеді.

Жатақтар, бар азамат мінерлік ат болмағанмен, қолда барын қамдап, ерттеп, сойылдарын ерлеріне сүйеп, әзірлене берді. Әсіресе өгіз, түйе мінген және жаяу қаруланған топ

молайып, жыпырлап алыпты. Бәрі де Базаралы, Дәркембай үйлерінің сыртын ала топтанып, жауын тосып тұр.

Көліктің жоқтығы, ит жаяулық анау кара нөпір боп, айбар шегіп жай бастырып келе жатқан, ат, көлікті, аспапты дұспан алдында бұлардың ажарын жауынгер ажар ете алмай тұр.

Бірақ осы кезде екі жақтың да ойында жоқ оқыс бір көрініс туды. Ауылдардың егіні жақта аласа бел бар еді. Содан асып, кедей тобына қосылғалы дәл жүз қаралы қарулы аттылар шыға-шыға келісті. Бұлар желе-жортып кеп тақай бергенде, ең алда келе жатқан Абай таныла кетті. Бар кедей тобы жамырап қуанысты.

– Абай!

– Абайдың өзі де бар!

– О, жолың болсын, арысым! – деп, Дәркембай Абайдың алдынан өзі ұмтылды.

– Міне, Дәке, қасыңдамын... Келіп көрсін, алып көрсін сені жау! – дегенде, жұрт шулап алғыстарын ақтарып жатты.

Ырғызбайлар тақай беріп, бұл күйді көріп, іркіле бастап еді, алда келе жатқан Ақберді, Тәкежан, Ысқақ үшеуі ызалы болса да, естерінен адасқандай:

– Мынау кім?

– Абай ғой!?

– Кешеден жым-жырт жатқаны со ғой!

– Ал бұ не болды? Құнанбайдың екі баласы жағаласты ма! – деп, Тәкежан айғайлап, Абайға сөз тастап тұр.

Абай енді саспастан атын тебініп ілгері баса түсті. Қасындағы қалың жігіт тобын Абылғазы бастап, Абайға ере берді. Абай айғайлап тұрып, әмірлі сөз тастады.

– Сен Ырғызбай болсаң, мұнда қалың ел!.. Менің елім, менің туысым да досым! Шапқызбаймын, жөніне көш! Болмаса, Құнанбай баласы, алдымен менімен соғысасың! – деді.

Тәкежандардың артындағы көп Ырғызбай жасқанып, еріксіз қобалжи түсті.

– Қой, мынау маскара ғой!

– Жатақ үшін жанын береді бұл Абай!

– Қарап тұрып өзіміз арандасамыз ба? – деп, енді соғысар түрлері жоқ.

Абай соны аңғарып, енді тағы тақап, жерлей бастады. Жүзінде қазір төбелестің ашуы жоқ. Бірақ әділ қазының, өкімшінің табалаған қаһары бар. Сонша ызғарлы да батыл жүз.

– Әй, Ырғызбай, мынау елді көрдің ғой!.. Өліспей беріспейді. Тек соқтығып көр, арындаған Ырғызбай, артың ашылады. Осылай етуді мен бұйырамын, мынау айыпсыз жылаулар болған жұртыма!.. Тек қазір кейін қайт та, үш кісі жіберіп сөзге кел! – деді.

Ырғызбайдан айғайлап жауап берген кісі жоқ. Олар тағы жалтара берді. Кейін алыстау серпіліп барып біраз ақылдасқан соң үш кісі бөлініп келді. Ол: Ысқақ, Ақберді, Шұбар болатын. Үшеуі де жүзбе-жүз келгенде, Абайдан ығып жүретін туыстар.

Бұларды көрген соң Абай өзі де аттан түсті. Барлық өзге аттылар да кейін серпіліп, аттарын байласып жатты. Абайдың қасында тек Дәркембай, Дәрмен ғана қалды.

Ысқақтар жастары кіші болғандықтан, Абайға сәлем беріп келіп, аттарынан түсті. Абай енді бұларды мысқылдап, ызамен күліп қарсы алды.

– Атка мініп, сойыл ұстап Абай шықпайды. Еркек туған біз ғана дедіндер ғой. Жоқ, сендердің ызаң дәл бүгін мені көрден де тұрғызар еді. Есесін әпермей, басыларым жоқ!.. Бітім мен билікті өздерін айт! Бұқпалама, көзіме айт!.. Қазір осы арада айтасың! – деп бұйырды.

Сөйтіп басталған сөз кешке шейін созылған ырғасуға түсті. Бірақ бұл күні Абай қайсар қаттылыққа тас бекініп, өз айтқанынан мызғымай отырып алды.

Сонымен, кеш батарда келіскен байлау бойынша, отыз ат кедей аулында қала берді. Құнанбай ауылдарын осындай бір үлкен қактығыс ұйқы-тұйқы еткен еді.

ҮШІНШІ БӨЛІМ

Бүгін таңертен Абайға болыстың атшабары келіп, бір топ хат, қағаз әкелді.

Әбіш конверттерді жыртып, бар қағазды оқып шықты. Әкесінің сұрауы бойынша баян етті.

– Мынау бір қағаз Семейдің уездный начальнигінен.

Өзгелері хаттар. Біреуін Федор Иванович өзіңізге жазыпты. Оның маған да жазған хаты бар екен...

Павлов хатын естігенде, Абайдың қабағы ашылып, сүйсінген жүзінен біраз жымыған ажар білінді. Ояз қағазының жайын қайтадан анықтай сұрай бастады да, сол қағазды өзі де оқымақ боп қол созды.

Сентябрьдің бесінде Қарамола деген жәрмеңкенің орнында Семипалатинск, Устькаменогорск, Зайсан уездерінің бас қосатын чрезвычайный съезі болады. Сонда Құнанбаев келу шарт. Келмей қалуға жол жоқ дегенді сездірген.

Федор Иванович хаты да Абайдың үстінен көп арыздар барлығын айтыпты. Павлов осыларды айта келіп, Абайға: “Менің мәслихатым, шақыру болса, қандай шенді чиновникпен болса да, өзіңіз жүз көрісіп, ашық, батыл сөйлесіңіз. Сіздің сахара халқы алдындағы беделіңіз бұл күнде молайған. Оны мен Зайсан, Устькаменогорск уездерінің қазақтарымен сөйлескенде, көп аңғардым. Халқыңыз сіздің қасыңызда. Одан үлкен тірі күнде ескерткіш жоқ. Ал тірлік деген – тайталас, күрес екенін сіз екеуіміз түсінген едік қой” депті.

Абай осы хатты Әбішке оқып отырғанда, құлшынып оянғандай болды.

Павлов достығымен оның әркезде болған батыл ойы тағы да бір келіп, қолтығынан демегендей.

Мағаш ояздан келген қағаздың жайсыздығын ескеріп, сол туралы сөйлеп ақылдасуды қажетірек көрген еді. Оған әлденеден Абайдың өзі қарсылық байқатты.

Павловты тағы есіне алды.

– Павлов ұзақ өмір жасаса, ұзап өсетін адам боп көрінеді. Россияны біздің қазақ біле ме? Өзгені қойып, менің үстімнен арыз жаздырып жүрген Оразбайлар не біледі? “Ақ патша”, “Жандарал”, “корпыс”, “Ояз” – осылар ғой білгені. “Орыс десе” – урядник, стражниктерді есіне алады. Ал Павловты кім деп білгенін ойландаршы! Ұры-қары, қазына талағандар деп біледі. Тәкежан мен өзі аттандырып жүретін тынымсыз ұры, барымташы Саптаяк, Күсен, Мынжасар, Серікпай деп біледі... – дегенде, жастар еріксіз күліп жіберді.

Қазір мысқылшыл, алғыр ойы оянған Абай шабытты күйде шешен де көреген.

– Шүкірлік, мың шүкірлік! Анық қалың қазыналы, өнер мен ой қазыналы ел – орыс еді. Соның құда, тамыры емеспін,

паралап достық тапқам жоқ. Бірақ шын жақсы орыстың шынайы жақсылығына қол арттым. Өзім ғана артқам жоқ. Міне, құдайға шүкір, азды-көпті алғандарыңмен сендер де қол артып отырсың. Бірақ бізден, сізден кейінгі нәсілдің ырысын айтсаңшы! Олар барғанда молынан барып, халық пен халық болып қабысып табысады. Тарих көші солай беттейді. Осыным рас емес пе, Әбіш? – деді...

Әбіш үнсіз мақұлдап, барынша ден қойып, басын қайта-қайта шұлғыды.

Жастар Абайдың бұрын көп айтылмаған үлкен түйінді сөзін аңғарып, тегіс қыбырсыз, қатты ойланып қалған екен.

– “Сол болашақ үшін бір шәмшектей, бір ғана кірпіштей болса да кесек қалап кетсем, армансызбын” дегендеймін. Сөйтіп, біздің мұсылман ғұламалары талай жүз жылдар “ақырзаман”, “ақырет күн” дегенді құлаққа көп құйып келсе, мен өзіме ең “ақыл заман”, “жақын заман” алдымда қол созып тұрғандай көремін... Халқынды, қауымынды соған әзірлей беруді ғана біл дегем келеді! – деді.

Үлкен дәріс тындағандай болған жас достар біраз уақытқа бірге тынып қалды. Дәрмен, Мағаш, Кәкітай – үшеуі бір-біріне үнсіз қарасқанда, бәрінің көзінде де бұл сәтке үлкен ырзалық бардай.

– Тілеуің бергір, Федор Иванович, хаттарының өзімен де жақсы қозғау салды-ау! Көптен бері айтылмаған сөз туды ғой! – деді Кәкітай.

Абай Қармолаға көп жолдас ерткен жоқ. Қасына алғаны Ербол мен Көкбай, Баймағамбет. Жастардан Мағаш, Дәрмен еді. Өзге жастан Кәкітай, Әбіш те бірге ермек болып еді, бірақ Абай оның екеуіне де ауылда болуды ұйғарды.

Ал Әбіш болса, анығында, әкесінің бұл жолғы сапарына соңғы бір жұманың ішінде көп көмек, әрекет еткен-ді. Бірақ ол жайын Абайға айтпай, тек өзге жас достармен, Павловпен ақылдасып, соларды тегіс қатарына ала жүріп істеген.

Ең әуелі осы жолы Қармолада, жандарал алдында болатын жауап аз қатер емес. Сол күдікті кезеңде зәкүншік, қағазкой, арызжанды кеңселер мен әкімдерге тосқауыл болатын деректі қағаздар керек.

Соны Павловпен ақылдасып, анық түйген Әбіш, көп қағаздар жазуға кіріскен. Мұнда недоимшиктер ісі неден

туғанын, қандай қиянат қасқырлық мінездер ел бейнет-корын зарлатқанын жазды. Ел атынан жазды. Сол істе Абай “қарашығын” жинаушылармен ғана алысқан боп көрсетілді. “Егер Абай көмегі болмаса, сол күндерде сахарада үлкен лан туып, кедей, малшы-қосшының атшабар, старшындармен қатты қақтығысып қалуы даусыз болғанын” айтты. “Осындай елге, даланың кедей жұртына жәрдемі көп жанашыры, әділеті зор болғаны үшін бүкіл қазақ даласындағы қалың ел оны біледі, сүйеді және ұлықтар алдына ақтайды” – осының растығына Шыңғыс болысының бар ауылнайдағы көпшілік халқы қолдарын қояды.

Әбіш бұдан бөлек екінші арыз қағазды тағы жазды. Онысы: жатақ егінін ойрандаған потрава турасында. Жаңағы арызға жалғас, мұнда Абайдың отырықшы момын шаруаларды жабайы көшпелі және зорлықшылдардан қорғағаны айтылды. Бұл істің неден туғанын, растығы қандай болғанын қазақ емес, тіпті көлденең куә, орыс крестьяндарының да арнаулы акт жасап, айтып кеткенін келтірді. Крестьяндар жасаған актінің копиясын да Әбіш әлденеше рет көшіріп әзірледі.

Сонымен, соңғы бірнеше күн ішінде Әбіш, Дәрмен, Мағаш барлығы боп, ел арызына Абайды қорғайтын жұрттың қолын қойғызып шықты. Бұл күндерде күзектерде жиі отырған Ералы, Ойқұдық, Кіндікті сияқты қоныстардың бәрінде де Шыңғыс болысының он бес ауылнайының сабағы бар еді. Солардың бәрін жаңағы жігіттер аралап жүріп, анық халықтың тобын көрсетіп, қолдарын қойғызды. Бұл жолғы “приговор” – Абайға ел тілегін білдірген адал куәлік болды.

Жатаққа осы қағаздармен келген Дәрмен болатын. Ол үйден-үйге кіріп жүріп, Иістің, Жұмырдың, Қаңбақтың, Токсан, Серкештердің – өздерінің де, әйелдерінің де қолдарын қойғызған. Бұл істе Дәркембай, Базаралы, Абылғазылар анық игіліктің талабы барын ұқты. Өздері жеке бастарының қарызындай санап, “Абай үшін қолым емес, қаным қажет болса, іркілем бе!” – десті.

Жатақтың кішкентай балалары Рахымтай, Асан, Үсендерге шейін Абайға керек қағаз дегенді ұғып, шешелеріне қолдарын жақсылап қоюды тілек етісті. “Абай ағама керек”, “Абай үшін көмек”, “Абай ағаның ұлыққа

беретін жауабына керек”, “Біздің жатақ үшін жауапқа барарды, жолы болсын!” – деседі.

Дәркембай Әбішке өзі кеп ақылдасып, Абайдың қасына жатақтан Серкешті қосуға байланған және өзінің кәрі досы, Абайға қадірлі кедей ақын Байкөкшені де әдейілеп Қарамолаға жүргізетін болған. Барлық қолдар қойылып, қалың арыздар, актілер әзірленіп болған соң, Әбіш бір топ қағазды Семей губернаторының өз кеңсесіне Әлмағамбетпен жөнелтті. Және бір топ копияларды Қарамолаға, сол жандарал алдына ел-жұрт атынан Байкөкше мен Серкеш алып барады.

Міне, Әбіштің алаңсыз болуын Абай өзінше ойлағанда, Әбіш әкесінің сапарына осындай оқымысты баласының жәрдемін қосқан еді.

Дәл аттанар кезде, Абайдың оңаша шығарып алып, ақылдасқан жалғыз адамы – Павлов болды. Ол Абай сөзін тыңдамас бұрын, сырлас достық ажарымен, бір жайдан өтіліп алды:

– Ибрагим Құнанбаевич, көңілсіз жолға барасыз. Ал осы жолыңызға, тіпті болмаса, кейбір өз көмегім, мәслихатым керек болар. Менен не туралы болса да сұраның! – деді.

Абай Павловтың бұндайлық әзірлігіне, шын достық бейіліне алғыс айтты. Осыдан соң:

– Семейдің губернаторы осы жолы Қарамолаға келуі керек. Ол менің бұрын кездеспеген адамым. Қандай мінезді чиновник? Өзім жүзбе-жүз сөйлесем бе? Жоқ, әлде, менің үстімнен жауларым беріп жатқан көп жала, жалған шағымдар болу керек. Сол ретте, адвокат жалдап алам ба? – деді.

Павлов бұл жайлардың жауабын тез ойлады.

– Қазіргі Семипалатинск губернаторы жаңа келген адам ғой. Бұның бір мінезі “өзінен қорқып, жасқанған адамға рақымы жоқ” дейді. Ал “тура, батыл жауап айтатын адамдарға кейде ойламаған, күтпеген кешірім жасайтыны да болады” деседі... Осыны бір ескеріңіз! – деді.

Абай бас изеді.

– Бұны білдіргеніңіз жақсы болды.

– Екінші – әдейі сізге бір айтайын деген сөзім – патшаның қай чиновнигі болса да, қазақ даласын “жабайы, қараңғы, налдар даласы” деп біледі. Ал сіз олардың қайсысына кездессеңіз де, сол далада Ибрагим Құнанбаевич

бар екенін аңғартыңыз! Білсін олар! Намыспен танытыңыз. Ызамен білдіріңіз! Ең ақыры, бұл сіздің халқыңыздың намысы! – деді.

Павловтың қазір жүзі қызарып, қабағы түйіліп алыпты. Үлкен көкшіл көздерінде қайнаған ыза, әділ ашудың оты білінген.

Дәл осы кезде, бұлардың қасына, үсті-басы шылдырлап, аяғын сарт-сұрт басқан біреу келіп қалды. Екеуі де жалт бұрылып қарап еді, қастарында жер астынан шыққандай, сарала қылыш асынған, қызыл жиекті киім киген, орта жасты жандарм тұр. Ауылда, сахарада – анық сарала жандарм!

– Господин Павлов, его превосходительство Семипалатинск полицмейстрінің арнап тапсыруы бойынша сізді, рұқсатсыз киргиз даласына кеткеніңіз үшін, лезде тауып, тұтқынға алып, қалаға жеткізу бұйрығымен келіп тұрмын. Тез менің соңымнан еріңіз! – деді.

Абай таңданумен қатар ызаланғандай болатын. Ал Павлов түгі кетпеген кісідей, жанағы сіресіп, шытырлап тұрған жандарм төресіне тіпті бір елеусіз, болымсыз жандай қарады. Оқыстан келгеніне, бір сәтте, шіміріккен де жоқ. Көзін сәл сығырайтып, қатандау үнмен, жай ғана жауап тастады:

– Сіздің артыңыздан қазір ғана еріп кетпеймін! Оны сіз білуіңіз керек! – деді.

Полиция адамы түс шайған болып:

– Жоқ, бөгелуге кішкентай да аялым жоқ! Қазір маған еріңіз... – дей беріп еді, Павлов үлкен кекесінмен, салмақпен күліп жіберді:

– Артыңыздан қазір еріп, Семипалатинскіге, жүз шақырым жерге, менің жаяу бармайтынымды жақсы білесіз! Әуелі ат тапқызып ерттетіңіз! Өзіңізде ат болмаса, осы ауыл иелерінен әдеппенен, – деп, соңғы сөзді нығыздай түсіп, – маған арнап, ат сұрап алыңыз. Ал мен биыл соңғы рет жақсылап тұрып, тойғанымша, қымыз ішіп аламын! – деді.

Енді ғана Абай екеуі саспастан, орындарынан тұрысты. Осы күні Абай мен Павлов жандармның көзінше құшақтасып сүйісіп қоштасты. Барлық жастар тобы қымбат қонақты амалсыз аттандырып салды. Олар ұзап кеткен соң ғана, Абай да атқа қонған.

Дәл осы күндерде Базаралы да көбінше ат үстінде болды.

Қазір Базаралының жақын елдің қалың ауылдарын тынбай аралап жүруінде өзгеше мән болды.

Ол енді Абай үшін бір еңбек етуге кіріскен-ді. Бұл ісі Дәрмен жатаққа келіп, Абайды қорғайтын “приговор” жинаудан басталған. Сонда Дәрменмен оңаша сөйлесіп, Абайдың басына осы жолы қастық көп, қатер барын білген соң, Базаралы жатақтың “приговорын” бергізуден бөлек, өзі үшін де бір байлау жасаған.

Дәрменнің бұған айтқан оңаша сөзінде, әнеугі жанжалдан соң, Тәкежандар Абайды Құнанбайлықтан, Ырғызбайлықтан шықты, атадан кетті, ата жолынан безді... әруакқа қас, туысқа қас, атаның ұлына қас болды деп үн қосыпты.

Ал Абай тергелетін үлкен істің бірі – былтырғы “қарашығын” недоимке, сонда “кедей көпшілікті қарсылық жолға бастады” деп те кінәлаушылар бар... Алыста отырса да, Абайға жыланша сұғын қадап, бағып отырған Оразбай бар. Оған жаңағы сөздің бәрі жанындай... – деп, осы күйлерді Дәрмен соңғы сырлар есебінде жеткізгенде, Базаралы ойлана түскен.

– Құнанбайдың ұлы емес, одан кетті десе, ата жолынан безді десе – дұрыс айтады. Кеткені рас, бірақ халыққа кетті... Халық үшін қасқырдай аталастарымен ұстасты ғой. Сол үшін енді жауапқа, сотқа ілінеді ғой?! Үндеме ендеше, бұл да халықтың жанын салатын, барын беретін жолы екен. Ал мен енді атқа міндім. Талай елден, таудай қағаз жиямын да, өз жолыммен Абайды қуамын! – деген.

Содан кейін жақындағы қалың күзеулерді бір жұмадай тынбай аралады.

Базаралы науқасынан оңалып, қайтадан қайратты азамат қалпына келгенге қараша үйлердің үлкен-кішісі түгел қуанды.

Жақында болған, Әзімбаймен шайқасқан жанжалды түгел естіген жұрт, тағы да Базаралының мінезі мен ісіне сүйсіне, сан аңыздар айтысып жүреді екен... Күзекте жиі отырған Мамай Көкшеден бастап, Жуантаяққа дейін бәрін қона-түстене жүріп аралаған Базаралы, қай ауылда болса да, Абай жөнінде өзінше бір достық ойлы сөздер сөйлеп жүрді.

“Сан жерде талайымызға болысып, Абай еткен жақсылықты айтамыз. Ал біздің Абайға еткен бір жақсылық,

достығымыз бар ма? Мынау соның қарызы!” – деп, кей ауылдың приговорын осымен жияды. Тағы бірауылда: “Ұлық пен елдегі жуандар болып Абайға қарсы ұрандасыпты... Бұдан иянаттап нұсқайды, онда ұлық ұстайды, халыққа болыстың деп кәр тигеді. Олар солай ұрандасқанда, енді тым құрса халық Абай үшін бүлік етпеске бола ма?!” – дейді.

Тағы бір ауылдардың момын шаруа кедей-кепшігін жиып алып сөйлегенде:

– Абай халық үшін, халық Абай үшін алысады. Анық ақ жолмен алысқан қайрат сапары осы болады. Бұдан артық игі жолда алысқан бұл сахараның қазағын білген емес! – дейді.

Осындай өздігімен бастап өзі жиған қалың қоржындар толы приговорларын алып, Базаралы да бір бөлек сапар шеккен.

Сонымен, аз жолдаспен кеткен Абай Қарамоланың шербешнайына онша асығып жүрген жоқ. Бұл жолаушылар тобы Қарамола тұсына жетіп, Шар өзенінің бойын құлап келе жатты.

Шардың жіңішке өзені көп бұралып, мөлдір суы үзілмей, баяу ағады. Кей жері жарлауыт болса, көп ағысының бойында әдемі, майда, көк майса шалғын бар. Өзен түбі таза құмайт, қатқыл керіш болғандықтан, су айнадай мөлдір боп сырғиды. Күзгі шөптің сәл сарғыш, буалдыр бойын жағалап, кейде майда жасыл шалғынды ақырын сілкіте тербетіп, бауырлай сылдырайды. Бұл өлкенің далалары қоңырқай. Ұзақ жота белдері қазір бозғыл тартқан.

Шардың суын құлдап келе жатқаннан бері қарай, жолаушылар өзенді екі рет кесіп өткен еді. Енді үшінші рет тағы көлденең өтетін болды.

Байкөкше қазір барлық топқа үлкендік әмір етті:

– Аттарыңның ауыздығын алындар! Аттарды біраз суытып, анау арғы жағада сәл шалдырып та алайық! – деген.

Жұрттың бәрі атының ауыздығын аттан түспей тұрып алды. Абайға қатар келе жатқан Ербол, Абай еңкейе бергенде, оның денесінің толықтық, ауырлығын еске алып, өзі бұрын еңкейді. Әуелі Абайдың атының ауыздығын алды. Абай бұның қимылына сүйсінсе де, жеңіл әзіл айтты:

– Япыр-ай, тым құрмаса, “өз атын өзі суаруға жарамайды”, – деп мазақ та қылмайсың. Үп-үлкен басыңмен өзіңнен бұрын мені ойлауды бір қоймайсың-ау, Ербол!

Ербол күліп қойды.

– Е, баяғыдан бойға сіңіп кеткен жаман әдет қой. Сені “осындай шаруа қолынан келмейтін епсіз бакыр”, – деп мүсіркеп үйренген әдетім ғой!

Мол дене, кесек келбет, қабілеті бар Абай туралы Ерболдың “бакыр”, “мүсіркеу” деген сөздері жақсы әзіл еді. Жолдастары да күліп тыңдасты.

Байкөкшенің аты өзгелерден озынқырап, кең суға бата жалдап, тұнықты ішіп тұрған. Ол Абай мен Ербол екеуіне сықсия қарап, жымия бұрылды.

Артқы топтан озып барған Байкөкше, өзеннің жағасына тақау біткен дөңгелек көденің шетіне түсіпті. Атының ауыздығын алып, шылбырымен оттатып тұр екен.

Абайлар қасына келгенде, әмірлі бұйрық етті. Дауысы бағанағыдан да сергек, ажарлы.

– Жә, бәрің де ат шалдыр! Түс тегіс!

Жұрт үнсіз бағынды да, сарт-сұрт аттан түсіп, шылбырмен оттатып, ортаға Байкөкшені алып, қоршалай тұра қалысты. Әлі де өңі толқып тұрған Байкөкше, басынан тымағын ала берді де, “ахау!” деп, өзінің жарықшақ, бірақ әлі де зор үнімен шабытты бір сазға басты.

Сығырая қараған ұзынша, қысық көздерінің көз жанары шамдай. Көз шарасынан төгіле саулаған шұғыла бар. Салған жерден сөзі саңғырлап, тыңдаушының сезім-санасына дөп тиіп, қозғай соғып тұр. Төгіліп тұр. Төгіліп тұрған шешен, әсем, алғыр өлеңде мазмұн да бөлек. Ол Абайға бұрылса да, анық қасиетке толы, шын шабытпен ширыққан тәкаппар жүзін аспанды мезгей, көтере түседі. Абайға жоғарыдан көз тастап сөйлейді. Өзінің үлкен мерзіміне сенген, көрегенше сөйлейді. Алдағыны болжап, бұлдыр сөзден бастады. Өткен түнде түс көріпті.

Түсінде жалғыз Абайды қоршаған маңайды көріпті. Мұнар басқан бұлыңғыр күн екен. Ерте ме, кеш пе, аңғармапты. Қай мекен екенін де білмепті. Бірақ бұлдыр сағым ішінен жапа-жалғыз Абайды көреді. Ол сақтанып, бірденені күтіп тұрғандай. Сол шақта бір үлкен қарбалас, ұйқы-тұйқы күй болады.

Енді аңғарса, Абайға жан-жағынан көп жаракты жыртқыштар ұмтылған екен. Бірі – қабаған қара төбеттей. Біреуі – бүйірі солған, аш көкжал бөрідей. Тағы бірі –

қан иісін сезіп жаланып жүрген түлкідей. Қара жалды қабыландай, әлденелер қамап қысып алған.

Тағы бір ұйқы-тұйқы қарбалас болып кетеді. Мұнар ішінде, ұмар-жұмар күй, Байкөкшенің көзінен жыртқыштарды да, Абайды да жасыра береді. Жүрек суылдап, көзге жас келеді. “Абай!” деп айғайлап, ұран тастайды. Жасқанған көзін енді бір кезде жаңағы қатер майданға қайта тастаса, дүние өзгеріп кетіпті. Күн шайдай ашылған екен. Жаңағы жыртқыштардың ортасында енді Абай емес, бір арыстан ортқып тұр. Аспанға атылып, жан-жаққа құлаштап от лақтырғандай, қайрат төгеді. Қара төбет, көк бөрі, зымиян түлкі, теріс азу қабыландардың жүні менен қанын жаңағы арыстан айналаға шашып, боратып төгіп жатыр. Белі сынған, жілігі үзілген, көз-басын қан жапқан өңшен канқор, жаман жау енді сімтік-жәутік бопты. Әр жерде қыңсылап, ыңырсып өлімші боп, өзді-өз жарасын жалап, жатып қапты.

Майдан басылған. Енді биік орында, жапа-жалғыз тұрған арыстан: “Тағы да жауың бар ма?” дейді. Тақыр тасты тарпынып, сойылдай құйрығын шабынып, өз жонын өзі сабалап, айбат атып тұр екен.

– Көргенім осы, ал, жігіттер, атыңа қон! – деп Байкөкше сөзін бітірді де, атына қарай қозғала берді.

Дәрмен, Мағаштар таң-тамаша, қайран боп тұр.

Олар енді: “Әттең, есіл сабаз”, “Айтқаның келсін, дуалы ауыз!”, “Асылым, дегенің болсын!” – деседі. Сүйсінген сөздерін бітіре алмай жатты.

Абай мен Ербол үндеместен Байкөкшенің соңына ерді. Кеш тақау, қоналқалық жерге әлі де жүре түсіп жету керек. Байкөкше енді арттағыларды қатарына ілестірмей, алға өзі түскен бойында, күдері бел күреңін ұзын қамшысымен қатты соғып қалып, бұлаңқұйрыққа салды. Борт-борт желіп жөнелді.

Арттағыларының бәрі де созыла шұбатылып, еріксіз қатты желіске түсті. Байкөкше алда жалғыз келе жатып, енді ғана езу тартты.

Бұны өз үйінде қонақ қып отырып, Дәркембай барлық жайға қандырған болатын. Сонда Абайдың Қарамолаға шақыртумен бара жатқанын айтқан.

– Қырда – қаракөңіл қазақ жуаны боп, қалада – парашыл

төре, ұлық жуаны болып, бәрі қосылып Абайды қамағалы тұр! Сен осы жолы қасына ер. Есебін тауып Абайға қанат бітір, қайрат бер! Дәл осы күні өзгенің сөзі емес, сен екеуіміз дем беруіміз керек. Жалғыз Абайды сүйейтін күніміз жетіп тұр! – деген. Байкөкше бұл сырын әлі бірде-бір жолдас, жолаушыға ашқан жоқ-ты. Күрең аттың екі жағында кампиған қоржын бар. Ондағы күтіп, сақтап келе жатқаны – Абайды ақтаған қалың елдің арызы, приговоры, актілері.

Байкөкшенің өз ниеті – осы қағаздармен жандарал алдына өзі кірмекші.

Сондайлық бар жолаушы осы күні кешке Қарамолаға жетті. Абайлар тобымен келіп, қонақ үйге түсті.

ТӨРТІНШІ БӨЛІМ

Қарамоланың басына Оразбай да кеп түскен-ді. Ол көп кісі ертіп, сауын, сойыс малдарын айдап, үйлер көшіріп келіп орнаған.

Қарамола шербашнайынан Оразбайдың ентелеп күткен есептері көп. Ең үлкен мүддесі – осы жолы қырда қазақ, ойда ұлық жаулығын жиып келіп, неғылса Абайды мерт қылу жолында.

Түсте Оразбай ту бие сойғызып, өз үйлерінің қасынан тағы да екі үлкен аппақ үйлер тіккізді. Сабалап қымыз әкелдіріп, сабылтып жігіт-желең жүргізді. Түс кезінде түрілген семіз боз биені ұзын бұғалық, тар ноктамен қылғындырып әкелді. Бүгін жиылған көп достардың алдында бата тілетіп, көлденең тартқызды.

Қасындағы Тобықтыжуандарының жасы үлкені Байғұлақ еді. Содан бата тілетті, бозқасқа сойғызды. Бүгін кешегі қонақтарының үстіне, Семей оязының қала маңындағы болыстарын, Ертіс бойының болыстарын шақыртыпты. Оның үстіне Өскемен, Зайсан ояздарының осы жәрмеңкеге келген көп жуандарын, бай-бағландарын да қоса шақыртқан. Өрдегі Семіз Найманнан Құрбан дейтін бай жуан бар. Ертіс, Алтай төрінен, Қаратай елінен келген Ережеп шақыртылыпты. Керей, Матайдың, Мұрын, Сыбанның да толып жатқан мырза, төрелері осында. Барлығын қонақ еткен бір Оразбай.

Ол бүгін де киімді жұпыны киініпті. Үстіндегі ақ шапан,

басындағы акқоян бөркі ауыспаған. Бірақ төр алдында өзі отырып, бурыл басқан, сояу талды, ұзын кара сақалын сипай отырып, әрбір сөзді батыл, қатал үнмен өзі бастап сөйлейді.

Бұлардың аузы бірігіп алса, ұлық кәрі кадалса да, қағазына іліндіре алмайды. Осымен алыстан, қабакпен сыр танысқан көп алаяқтар, Оразбайдың бозқасқасына, әрқайсысы өз ішінен сақ есебін ойлап келген.

Қымыз, ас үстіндегі қысқа кеңестерінде түпте жатқан түйіндерін бұлар ашқан жоқ. Бір үйге бас қосып, бір бақырдан сорпа татысқаны “жетті, болды!” деп біліседі. Бұл шербашнайда бұлар бірін-бірі жамандамайды, жараламайды. Қайта бірі кетіп бара жатса, өзге бәрі бірігіп соның жолында алысып, сіресіп көреді.

Енді бір кезекте Оразбай, өзінің қыңыр, қияс, қаскөй мінезі бойынша, орайын тауып отырып, әңгіменің бетін Абайға бұрып алды.

Құнанбай баласы Ыбырайдың жайын бүкіл Семей облысы түгел біледі екен. Оның сөзі, өсиеті жетіп жатқан елдер де көп. Абайдың атын алғаш Оразбай ауызға алғанда, қонақта отырған ел жуандары емес, жай момындау ақсақал, бірен-саран бөгде жандар сүйсініп, еске алғандай болды. Бірақ Оразбай әңгімені тезінен теріске бұрып жібереді. Әуелі: “Абай ұлықтың теріс хатына ілініп тұр” деп, өздері ұлықшыл, жағымпаз, дәреже құмар болыс-төрелерді бір түршіктіріп алды.

– Семейдің оязы кәрін тігіп, шақыру жіберіп, Абайды осында алдырып отыр. Облыс соты көп іспен тергейтін тәрізді. Және, әсіресе жандарал кеңсесі қатты ашулы, кәрлі дейді, Абай басына. Осы жолы Абай мерт болмаса неғылсын! Ертең осы бәріміздің шарай тобымыздың алдында жауап алатын түрі бар деп, жандарал мен ояз кеңсесінің тілмаштары бізге сәлем жолдапты! – деді.

Бұл айтылған сөздеріне қарағанда, Оразбайдың өз басы жау ма, қалыс ағайын ба? Қандайлық көңілмен айттып отырғанын білдірмек емес. Бірақ, кейіннен бір-екі айналыс сөзде жуандар ішінде Абай үшін қынжылатын ажар көрсеткені болмады. Қайта, бәрінде де Абай басына, оның абырой-атағына қызғаныш ойлаған қыжыл бардай. Осыны аңғарып, кейбіреулерінің ұшқындаған сөздерін тыңдап алған соң, Оразбай енді сөзінің бетін ашты.

Сонан соң Абайды ақ патшаға қарсы деп те жамандады. Елді мұсылманшылық жолынан, ата заңынан аздырушы деп те кінәлады. Қазақ жолымен келіп, өзге жуандар бұл күнге шейін естімеген тың жаланы тағы тапты. Онысы Құнанбай балаларына ортақ болып қалған мұраны Абай өзге туыстарына бермей, тартып алыпты. Қазір сондай зорлық етіп отыр! – деген сөзге сайды.

Осыған жалғастыра, Абайды сараң, қарау, дүниеқоңыз етіп те көрсетті. Соның айғағы деп: “Әкесі Құнанбайға ас бермегенін қайтесің” – деп те салған. Бұл жөнге келгенде, барлық жуандар жамырасып сөйлеп, Абайды бірауыздан кінәлады.

Қымызға қызып алған Сыбанның тәкаппар бір төресі, қолына домбыра алып тыңқылдатып отырып, бірауыз өлең де айтып салды:

Сәлем де Ыбырайға, бөлем еді,
Ас беріп Құнекемді елемеді.
Ел жиып ағайыннан алғыс алса,
Аз ғана шығасыдан өле ме еді? –

деп тоқтағанда, барлық топ қарқылдасып, мәзденіп күлісіп алды.

Өлеңнің аяғын ұйқастыра алмай, “өлер ме еді” деген сөзді әдейі “өле ме еді” деп айтқанын өзінің ерен тапқырлығындай танытты.

Сол бір олақ сөзін әсіресе қатты даурығып айтып, елден бұрын өзі тарқылдап күлген-ді.

Абайды жамандасу жолында демдері қосылған жуандардың ішінен бір кезде Керей Рақыш одағайлап шықты.

– Осы әкеден бала артық туа ма? – деп, жұртқа айнала қарап, жауап күткендей.

Көпшілік “әкеден бала артып тумайды” дегенге бейім сияқты.

Рақыш сол аңғарды түйіп келіп, Оразбайдың ыңғайына қарай ықтап отырып, Абайды жамандап кетті:

– Ал, ендеше осы Абай, кешегі мұнарадай болған, қалың қазаққа бірдей абыройы бар Құнанбайдан өзін “артық тудым” деп отыр ғой. Көзі тірісінде әкемен жағаласып, жарғыласып өтіп еді. Өлген соң да сол әкенің атақ-даңқы

аспасын деп, өзі басып отыр. Ас бермегені сол емес пе еді!? Көр топырағы жасырынбай жатып, әкесіне азғындық қиянат жасап отыр! Және осы асқақтықпен істеп отыр! – деді.

Оразбай бұл сөзді іліп әкетті:

– Бәрекелді, дұрыс айтады Рақыш. Жаман, жаманшылық етсе, оны тыятын талқы бар ғой. Ал, осындай өзі “жақсымын” деп шығып, өзі жаман жора бастап отырған, кешегі шын жақсының бауырынан шыққан, ел бұзар азғынға не істеу керек? Тым құрса, осы отырған өздеріндей ел жақсысы осындайларды арадан аластамас болса, жақсы болғаны қайсы, қасиеті кәне? – деп, талай бәлені төндіріп кеп тоқтады.

Сонымен, бозқасқаға шақырылған барлық жуан, ұлық пен атқамінер атаулының бәрінің алдынан Оразбай өз ниетін танытып, өтіліп алды. Бүгінгі жиынның табысы мол. Үш-төрт дуанның жуан атаулысы Абайды қорғап, оған ара түсіп, бірауыз үн қататын тәрізі жоқ.

Екінші – ертең ұлыққа Оразбай бастап арыз-шағымды молайтып берсе, осы отырған топтың талай адамы оңаша тергеуде Оразбайды қостап шығатыны даусыз.

Үшінші – осы көп өлкеден жиылған барлық бай-бағланның арасында Оразбай найза басы боп көрінуге жаранды. “Оразбай – бай” деген, “Оразбай – ендігі Тобықтының үлкен сөзін ұстаған, әлді-белді жуаны” деген атақ пайда болды. Оның үстіне осы Оразбай қаланың тілмаштарын да паралап алып қойған.

Қонақтарын таратып, кешкі салқында тысқа қымыз сапыртып, ішіп отырған Оразбайдың көңілінде өзі құрып қойған тордың барлығына дәл риза болған, токмейілдік бар.

Қармола басына Абай дәл осы кеште, аз ғана топпен келіп, елеусіз ғана түсті. Оның келгенін сол іңірдің өзінде-ақ Оразбай біліп қалды.

Абай барған жиындарда оған “сәлем береміз, амандасамыз” деп келетін топтар көп болушы еді. Бүгін Абайдың қасына кара халық адамдарынан арыз-мұңдары көп кісілер ғана келді. Атқамінер жуандардан бірде-бір кісі келген жоқ.

Селдір топпен келген Абай, өзінің азғантай дос-жарандарының арасында, бүгінгі күнді оңаша, тыныштықпен өткізді.

Келесі күн, түс кезінде үш-төрт дуанның болыстары, жуандары, ұлықтар түсетін ақ үйлер жаққа жалтақ-жалтақ қарасып тұрды.

Болыс атаулының мойындарында жез шынжырға орнатылған үлкен жез знактар бар. Бұрын аталары сыйға алған шенді шапан, оқалы тон жамылғандар да бар. Аталарының өз кезінде алған сый шапандарын бүгін өз беделі таусылған ұрпақ, нәсілдің кейбіреуі әдейі киіп алыпты.

Кең аланды қоралап, дөңгеленген алқа-қотан тұрыс бар. Әншейінде қазақ жиыны үнемі отырып сөйлесетін болса, қазір ұлықтың алдынан шыққанда, аяғынан тік басады. Намазда сапқа тұрғандай, амалсыздыққа көнеді. Наразылық, қажығандық білдірмей, шеттерінен шыдауға тырысады.

Дағдылы әдеті бойынша, ұлықтар бұл жиынның алдына келуге асықпайды. Болыстардың аяққа басып, күткеніне бір сағат өтсе де, ақ үйлерге тақау жүрген атшабарлар, қызыл бөрік стражниктер, одан ары тұрған ұсақ төрешіктер, жасауылдар қатарларында әлі қарбалас қимыл жоқ.

Ұлы сәске кезінде, Қарамола жәрмеңкесінің басын-шын, у-шу, әбігер қарбаласқа ауысқан. Шандатып шапқылаған, жүздеген аттылар жосыды. Қоңыраулары шылдырап, үлкен күймелер тройкалары лек-легімен келді.

Бұл жолы ұлықтар үлкен айбатпен келеді. Бас түйістіріп келе жатқандардың өзі де әншейін емес.

Үш ояздың үлкенді-кішілі ұлығы болып, бүкіл облыстың үстінен қарайтын әскери жандаралды ортасына қоршап алған. Жандарал болса, өз жүрісін айдын салтанатпен, мықтап келістіре білетін аса мәнді, бапшыл адам. Бұл жолы оның осы қазақ ортасына шығуына ерекше мән беріп, облыстық полицмейстер кеңсесі жай пристав, урядник, стражниктерден басқа, әлденеше жандарм офицерлерін, арнаулы полицейлерін қосқан-ды.

Тілмаштар мен әр кеңсенің хатшылары және әр дәрежелі советник, тайный советниктер, тағы да мол топ болатын. Патшалықтың осындай бюрократтық, шеншіл шұбар тобы Қарамоладай кішкене жәрмеңкенің атырабын селдей басты. Күймелердің өзі құнан шаптырым жерге үздік-создық созылған.

Ұлықтардың осындай айдын, айбатпен келіп түсіп жатқанын естігенде, өз басының кіріптарлығы жоқ, қайта ұлықпен астыртын жең ұшынан жалғасы бар болыс пен жуандар алыстан сүйсінеді.

Абай қоралай тұрған топтың орта тұсына кеп, алға таман шықты да, тыныш қана жүзбен, болашақ күйді тосып қалды.

Осының сәл алдында, өз ісінің аңғарын байқамақ боп, бір таныс тілмаш арқылы жаңа келген Лосовскийге сәлем айтқан-ды. “Маған сәл уақытқа жолығып кетсе екен!” деп өтініш білдірген. Сонда Лосовский, өзі түскен үйден жылмаң етіп шығып, салқын қабақ түйген бетте Абайдың алдына келіп, аса тұрпайы, жат мінез көрсетті. Корпус кеңсесінің бұл күндегі тайный советнигі – бұрынғы Лосовский емес. Абайдың үстінен түскен көп арызды, оязға қосылып, Абайға қарсы қатал түрде жұмсамақ ниеті бардай. Тек жандаралдардың қандай байлау жасайтыны мәлім емес болғандықтан, Лосовский өз сырын тұпа-тура аша алмады. Бірақ сонда да Абайдың сұраған сөзіне жауап бермей, айттайын дегенін тыңдамай, бір-ақ қана қатал сөз тастаған:

– Ибрагим Құнанбаев, бүгінге сіздің ісіңіз жаман. Өте жаман. Неге жаман болғанын мен айтпаймын. Өйткені сіз бар нәрсені білетін білімді, тәжірибелі адамсыз. Аса білімді адамсыз! Сол өте көп білгеннен, әсіресе, айыбыңыз үлкен болуға мүмкін. Осыдан басқа менің сізбен сөйлесетін сөзім жоқ. Көріскенше! – деген де, түксиген қабағын жадыратпастан, қайта айналып жүріп кеткен-ді.

Абай осы кездесудің соңында, қасына ере барған Көкбай мен Дәрменге өзінің ісі осы жолы жайсыз бола ма деген қауіп айтқан.

– Лосовский құйрығын сыртқа салып қалыпты. Менің аман-сау күнімде тәуір шырайы бар сияқты еді. Қазір ұлық кеңселері теріс қарай бастауымен бірге, бұ да бұзыла қапты ғой, – деп, Лосовскийден қатты түңіліп қалған.

Ынта, бейілдері тек жоғарғы ұлық жаққа ауып алған, өзге адамға көз де, көңіл де тоқтата алмай алақтаған болыстар Абайды байқаған жоқ. Бірен-саран жақын жерден танығаны болса, онымен ерін ұшымен ғана амандасады. “Ұлық”, “ұлық”, “жандарал”, “ояз”, “біздің ояз”, “әлгі біздің нашәндік” десіп, тыным алмай іштерінен пысып тұр.

Абай енді сәл тұрып жанағыдай болыстар ажарын аңғарған кезде, ұлықтар үй жағында жиі қозғалған қарбалас басталды. Жез қылыштар, жарқырауық түймелер, оқалы погондар болыстардың көздеріне жарқ-жұрқ етіп, оттай ыстық боп басылды.

Бұндағы сапқа тұрған барлық қазақ болыстары шапшан сыбырласып, шолақ-шолақ үндермен дабырласып, қожырап қалды.

– Ал, келе жатыр!

– Ұлық келеді!

– Ояздар!

– Ал, жандарал шығады!

– Пай-пай! Осы ұлықтың осындай бір айбаты-ай!

– Кошеметші нөкерінің өзін қарашы!

– Көздің алмасын сорады ғой!?

– Қайтіп ықтатып сілкіндірмесін!

– “Ұлықтың пысы басады” деген осы ғой! Тіпті арқама шейін тоназып кетті! – деп, өздері болыс болмаса да, бір жуанның шылауында, қошеметші боп жүретін билер, атқамінерлер тыным ала алмай тұр.

Енді біразда жасауыл, жандарм, урядниктердің бері қаптап шыққан тобы, болыстар қоршауының екі шетінен кеп, қақ жарылып тұра қалды. Сонан ары осы жарылған топтың тап ортасында көптен күткен ұлық қонақтар көрінеді. Үлкен шендер, крест, медальдар таққан жарқыраған, сәнді тобы шыға келді.

Ең алдында келе жатқан шалқақ төсті, биік бойлы қасқа бас төре. Ол келбетті адам. Дөңгелек жирен сақалы бар. Екі иығын жаңа эполет басқан, төсінде оқалы аксельбант. Толықтау қарнын көлденең бұған оқа белбеу бар. Төсінен қиғаш түскен, әсем бауға ілінген, қарала күміс сапты, сәнді сұлу қылыш бар. Бұл ұлықты өзге қошеметші қоршаудың бәрі жалғыз оқшау болып алдына салыпты. Арт жағын ала полковник шеніндегі үш-төрт ояз келеді. Солар тобына ілесе, штатский кара фрак сюртуктер киген советниктер, хат жүргізушілер қозғалды. “Жандарал! Жандарал!” десіп, болыстар қатары сусылдаған сыбырмен үн берісіп қалды. Қамыс-құрақ басын ақырын жел желпіп, судырлатып өткендей, қысқа сыбыр қазақ тобын түгел айналып шықты.

– Жандарал!
– Ақ жандарал!
– “Ақ жандарал” десе дегендей!
– Өзі де аппақ марқасқа ғой! Айдыны да, келбеті де келіскен екен! – десіп, бағанағы қошаметшілер әлі де тыным ала алмайды.

Жандарал, жандармдар қатарынан шыға бере, оң жақтан бастап, қазақ болыстарының знақты адамдарының бәріне жағалай қол беріп амандаса бастады. Дәл жандаралдың сол жағында “керегім бола ма?” деп, ентелеп келе жатқан, аласа бойлы, семізше, шардақы денелі, таңқы мұрын, бітік көз қазақ тілмашы бар.

Ұлыққа ең алғаш қол созған болыс Керей Рақыш еді. Ол шошақ төбе, кара елтірі тымағын кеудесіне басқан. Өзі жотасынан оқ тигендей, шұғыл бүгіліп, иіле қалыпты. Екі аяғы тыным таппай қозғалақтап, өбектеп кетті. Орта жасты адам болса да, әлі біткен кісідей. Буынын бекіте алмай қалбақтап, құрақ ұшты. Тілі де күрмеле береді. Бар аузына түскені “здрәсти, тақсыр!” деген сөз болды.

Одан кейінгі болыстың да ақыл токтатып, ес жиғаны болған жоқ. Бұлар да тыпырлап, тымақтарымен, немесе бөріктерімен кеуделерін, қарындарын басады. Олардың жағалай айтқаны сол Рақыштың бір сөзі “здрәсти, тақсыр! Здрәсти, тақсыр!” болды.

Жандаралдың артында келе жатқан суық түсті ояздар мұрт астынан жымияды. Жандарал қазақ тобын жағалап, орта тұсқа шейін келді. Әлі күнге “здәрәсти, тақсыр”-дан басқа, жөні түзу сөз тапқан бір қазақ жоқ. Бірде-біреуі жандаралға өздерінің аты-жөнін айтуға да жарамады.

Енді бір кезекте жандарал Абайға тақап келіп еді. Оның мойнында знагі, үстінде оқалы шапаны жоқ. Бірақ қалаша, сыпайы сұлу тігілген ұзын бешпет, жұқа сұр шапаны бар. Келбетті жүз, ойлы пішінді Абай, бұның қасына жандарал келгенде, еркін маңызды тұрған қалыппен, титтей де өзгерген жоқ. Жандарал бар қазақтың тобынан басқарақ ажары, келбеті бар бұл қазаққа бір секундке таңырқағандай көз тастады. Абайға да бас иіп, қол созып амандаса берді. Сол кезде Абай да салмақты сыпайылықпен, тәрбиелі адамның қозғалысын жасап бас иіді:

– Здравствуйте, Ваше превосходительство! – деді. Және ілесе жандаралдың қолын қысып, амандасып жатып: – Ибрагим Құнанбаев! – деп, өзін атап таныстырды.

Бұрын бөгелмей жүріп келе жатқан жандарал, енді Абайдан жарым адымдай кейін басты да, жалт қарады.

– Құнанбаев! А-а, әлгі ел бүлдіргіш Құнанбаев сіз бе?

Абай мен екеуі осыдан соң, қарсы көз қадасып, тұрып қалып, орысша жауаптасып кетті.

Абай тез жауап берді:

– Я, сол менмін, Ваше превосходительство.

– А, сіз неге ондай болдыңыз?

– Мен алысамын! Себеп солай...

– Неге алысасыз?

– Алысу – тіршілік заңы. Дүниеде жанды, жансыз заттың бәрі де алысумен тіршілік етпей ме? Мен ғана емес, тіпті сіздің өзіңіз де алысасыз, Ваше превосходительство.

Жандарал сәл ойланып, тоқырап қалды. Тағы бір адым шегіне түсіп, Абайдың бас-аяғын барлап, сүзе қарап өтті. Ол бір сәт қатты ызаланғандай. Басының қасқасына дейін қыпқызыл боп кетті... Мына салтанатты шығысында, осынша жұрт алдында әлдеқандай сахаралық киргиз мұнымен қорғанбай, қысылмастан жауаптасады. Жауабы қандай!? Сондықтан енді қатты зекіп сөйледі.

Тағы да қадалды:

– Сіз немен, кімге қарсы алысасыз?

– Мен жауыздықпен алысамын.

– Сізді неге көп жұрт жамандайды?

– Одағажап емес... Тірлікте жауыздық көп пе? Жақсылық көп пе? Менің білуімше, жауыздық пен жауыздар көбірек... Ендеше, олардың үні молырақ болуы да заңды...

Айнала жұрт жым-жырт тынып қалыпты. Оразбай тұрған жақ шетте, қазақша сыбыс, сыпсың сөз суылдап естіліп тұр. “Жауаптасып қалды ғой!”, “Ұлықтың түрі кәрлі емес қой!”, “Тілге келсе, тәсіл тауып кетер ме?” деген, қожыраған күдік сөзбен сұрақтарды Молдабай, Абралы, Жиреншелер айтып тұр.

“Ұрсып тұр ма?”, “Тергеп тұр ма?” деп, саңыраудай алақтап, жаманшылық тілесе де, дымы құрып тұрған Оразбай өзіндей орысшаға меңіреу Жиреншеден ентелеп жауап күтеді.

Жандарал Абай қасында әлі карап, әлі кетпей тұрып алды.

– Сіз солай дейсіз бе?

– Солай деймін, Ваше превосходительство!

– Осы айтқандарыңыздың дұрыстығын сөзбен, іспен бекіте аласыз ба?

– Бекіте аламын деп бек сенемін.

– Ну... көрейік! Менің соңыма еріңіз! – деп, жандарал бұйыра сөйлегендей болды да, ілгері жағалап жүре берді. Абай бар қазақтың қатарынан шығып, салмақпен басып, жандаралдың қасына ерді.

Жай қара қазақ түгіл, тілмаштарға да жандаралдың жаңағы ең соңғы сөзі мен мінезі аңғарылмай қалды.

Абай “алыс” дегеннің жалпы жайын айтып қана қойған жоқ-ты. Дәл осы сәтте сол “алысты” өзі ізденіп те тұрған. Ызалы қайсарлыққа нық бекіген байлауы бар, сонымен келеді.

Бойы биіктеп, шоқтығы шығыңқырап, қазіргі Абай тіпті ажарланып алғандай. Қатар тұрған ұлыққа қол қусырған жағымсыз болыстардың қасынан Абай өзі де ұлықша, асқақ басып өтті. Бұл кезде ойда жоқтан Абайға пайдалы өзгеше бір құбылыстар байқалды. Жандаралдың Абайды қандай мінезбен еріткенін әлі аңғарған кісі жоқ болса да, кейінгі болыстар мен билер қастарынан Абай өте бергенде, шетінен оған да құрмет көрсете бастады. Әуелі жандаралға иіледі де, соның артынан лезде Абайға да қолдарын созып, қошемет қып, ұлық тұтып өткізіп жатыр. Жағына сөйлеп: “Мырза, жолыңыз болсын”, “Абырой берсін, мырза” десіп, жалпандайды. Абайда үн жоқ еді. Бірақ жандарал бұл күйді еріксіз байқады. Өзі ашумен ерткен қазаққа барлық болыстар анық үлкен беделді адамдай қошемет, құрмет көрсетіп жатыр. Абайдың ішінде бұл күйдің бәріне мысқыл бар. Жандарал мұны айдындырамын деп ертіп, енді бұдан бар пәлекор жуандарды айдындырып тұрғанын өзі де аңдамай қалды. Ұлықтардың бұл былыққаны, шатысқаны шын күлкідей.

Жандаралдың қазақ басшысына бар кездескені осы екі-үш минут бойында жағалай амандасып өтумен тамам болды.

Ол топты айналған бетінде, алғаш келген ізіне қайта түсті де, бөгелместен кете барды. Топтан шыққанда, артына

таман бұрылып, Абайдың келе жатқанын андап, соған бірер сөз үн қатып бара жатқандай.

Оразбай, Жиреншелер ұлық кете салысымен қатардан ұмтылып, Абайлардың сыртынан ентелеп, қарап тұр. Бұлардың сорына жандарал өзге, артындағы жолдастарына, ұлық нөкерлеріне қарамай, әлі де жалғыз Абаймен жауаптасып барады. Ең соңғы кезі бұл жөнелістің сырын ашса керек. “Абай жандарал үйіне кіре ме, жоқ, есік алдынан ұлық оны басқа біреулеріне тапсырып бере ме!” деген ең соңғы үміт бар еді.

Жиренше жандаралдың қозғалысына қарап тұрып, екі бүктеп алған қамшысымен санын бір салды. Жандарал өзіне тіккен сегіз қанат ақ үйге Абайды бірге ертіп кіріп кетті. Және басқа ұлықтан бірде-бір кісі бұл үйге кірмей, тыста іркіліп тұрып қалды. Кейін көрші үйлерге тарасып кеткен ояздар мен советниктердің жоталары ғана көрініп қалды.

Жиренше мен Оразбай жанағы көз алдынан өткен сырт ажарға қарап, іштерінен тынғандай болса да, әлі де қазіргі тұрған жерлерінен кете алмайды. Үнсіз қалпында екеуі де “Әлдене болар екен!” дегендей. Бір үміт, бір күдікпен аңырып, жандарал үйінің есігіне қадала қарайды.

Екеуінің жанына тағы бір қазақтар кепті. Олар әлденеге көңілденіп, көтеріле сөйлеген адамдар тәрізді. Жиренше мен Оразбай қатар бұрылып, оң жағына қараса, бұларды табалағандай боп, күлісіп тұрған Абайдың кісілері екен.

Ол – Дәрмен, Баймағамбет және жатақтың жас жігіті Серкеш.

– Мысы біржолата құрысын жаулардың, ананы қара! – деп, Серкеш Баймағамбетке жандарал үй жағын нұсқап, тағы бір жақсы белгі көрсетті.

Бітіктеу кішкене көзін сығырайтып, аузын мол ашып, мәз болып күліп тұр. Баймағамбет те қазір бұлардың көзіне түскен бір болымсыз көрініске анық көңіл бөліп, қуана сөйледі. Ол Дәрменді түртіп, ақ үйлер жақты нұсқап тұр.

– Анау урядникті көрдің бе, Дәрмен? Потноска қойып екі стакан шай апара жатқан жоқ па? – дегенде, Дәрмен де сүйсініп күліп жіберді.

Жиренше мен Оразбайдың бұл болымсыз көріністен түйген жайы анық соққыдай болды. Екеуі қолдарын бір-ақ сілтеп, қабақ түйді де, сырт айнала жөнелді.

Абайдың үш жолдасы мына жаулардың титығы мүлде құрып бара жатқанын тез аңғарып, әдейі даурыға сөйледі. Дәрмен бұрылып бара жатқан екі жуанның жотасынан оқ атқандай боп, олар үшін қазадай болған хабарды әдейі күліп айтып тұр.

– Жандарал Абайды айдатпақ түгіл, ардақтап жатыр. Үстіне оязды кіргізбей, жалғыз Абайды ғана кіргізді. Дәйім осылай Абай ағамның абыройы асын! Қызғаншақ жауыздың қарасы батсын! – деді.

Өлеңдете сөйлегендей, көп жау, жауыздарға лағынет үкімін айтқандай сөйледі.

Оразбай мен Жиренше бұның бірталай сөзін естіп тұрса да, елемеген, андамаған кісі болғансыды.

Дәл осы кезде Оразбай Жиреншелердің ұлықтар үйлеріне қарап тұрған аңысын байқап, жаңа жандаралды шұлғып қарсы алған бір-екі болыс та тақап келді. Оның біреуі сөзуар, бөлекор, пысықша болыс – Рақыш болатын. Олар Оразбай мен Дәрмендердің аралығынан келіп:

– Е, немене, не аңғардыңдар? Әлгі Абайды қайда әкетті – десіп, сұрау сала келіп тұр.

Дәрмен мен Баймағамбет осы арада бір-біріне қарап, ақырын иек қағып, көздерін қысысты. Сол сәтте “әу” десіп алғандай, екеуі алма-кезектеп, жандарынан жаңа шығарған лақапты даурығып айта бастады.

Әдейі Рақыштар мен олардың ар жағындағы Жиреншелерге естірте сөйлеп тұр. Барды біліп, соған көпіріп, қуана дабырлап тұрған кісілердің қалпына ауысқан. Әуелі Дәрмен бастады:

– “Е, жандарал Абаймен осы жолы келіседі!” – деген сөзді текке айтты дейсің бе?

– Е, сол сәлем анық болды!

– “Өзге қазақты кісі көрмейді. Болыстар бар екен дейтін жандарал жоқ. Олардың знагін тазы иттің мойнына таққан қарғысы құрлы көрмейді!” деген сөз де дұрыс болды! – дей түсіп, Дәрмен бұрыла берді. Төстеріндегі знагын жалтыратып тұрған Рақыштарды жаңа байқаған боп, сәл қысылғансыды да:

– “Болыс-болыс емес, бар болыстың ұлығы осы жолы Абай болды” деп, советниктің өзі де айтыпты ғой! – деп қойды.

Баймағамбет іле жөнеліп:

– “Жандаралмен ұзақ сөйлессе болды, Абай тіпті төбе би де болады” депті советник!

– Оның рас. Дәл осы бүгін сонау үйден Абай төбе би болып шығады, көресің!

– Рас-ақ болды. Қара қазақтың айтқан сөзі емес. Үлкен ұлықтың өз кеңсесінен шыққан сөз бекер болушы ма еді? Көресің бе, әне! Жандарал үйінде тек жандаралдың бір өзімен Абай ғана!

– Үндеме, сөздің бәрі пісіп жатыр! – деп, бұлар тоқтасқанда, енді аңғарса, Рақыштар ымдап шақырған тағы бір үш-төрт болыстың бәрі Дәрмен мен Баймағамбетті сыртынан қоршап алыпты. Жаңағы сөздерді түгел естіп тұр екен.

Мысы құрыған Жиренше де жақындап кепті. Ит көрген текедей боп, иегі мен сакалын омырауына тыға түседі. Екі көзін ежірейте қарап тындап қапты.

Дәрмендер болыстарды жаңа байқаған боп, енді сыр білдірмегенсіп, сөздерін тыя қойды.

Рақыш пен жастау, көселеу бір болыс екеуі мына екі жігітті жағалап кеп, жаңағы естігендерін қайта сұрастыра бастады.

– Ой, не дедіндер, шырақтарым-ау! Абайға ұлық солай сәлем айтып па?

– Әлі, солай деп советниктен сәлем келіп еді де! Туу, біздің қазақ та надан-ау! Сол Абайдың абыройын қызғанып, қастық ойлап, ит боп жүргендері де бар-ау! Оны білдіңдер ме сендер?! – деп, осы соңғы сөзді Рақыш, Дәрмен мен Баймағамбетке шынымен жағынып айтты.

Дәрмен күліп жіберді. Рақыш кеше ғана, Оразбайдың үйінде Абай мұқатушының бірі болған.

Жиренше, Оразбайлар да қол сілкіп, түстері қарауытып бұзылған қалпында амалсыздан сырт айналып кетті.

БЕСІНШІ БӨЛІМ

Абай мен жандарал арасында бірталай арбасып, андысқан әңгімелер өтіп жатқан-ды. Жандарал топ алдында кейбір сұрауларын қайталаумен қатар, өзінің жаңағы ызаланған

күйін есіне түсіріп еді. Енді оңашада Абайға ашулы жүзбен катал мінез көрсетіп, ақыра сөйледі.

– Алысамын, алысамын!... – деп, Абайды мазақтап, оның соңғы сөзін қайталап өтіп: – Сахарадағы бірінші сорт бүліксіз. Сізге қарсы барлық болыстардың инабатты, ұлықтарға сенімді адамдары өтініштер, арыздар жазған. Текке жазбаған.

Қазір осы арада, он екі сағат ішінде, сізді Семейдің түрмесіне жіберіп, содан әрі Сібірдің ең алыс каторгасына, қазақ даласы қайтып сіздің атыңызды естіместей жерге жіберуге дәлелім бар. Шыныңызды айтыңыз, сізге сахарадан не керек? Неге сіз, біз қойған барлық әкімдермен араздасып, жауласумен келесіз? – деді.

– Ваше превосходительство! Мен ол адамдармен сіздер әкім қойғандықтан алыспаймын ғой. Айттым ғой, олар жауыз болғандықтан алысамын!

Жандарал қатты тепсініп, столды саусағымен қатты ұрып тұрып:

– Ең әуелі сіз осы үшін жауап беріңіз! Әкім сайланған адамдарды “жауыз” деуге қандай қақыңыз бар?

– Олардың, шынын білсеңіз, мен ғана емес, өзіңіз де, жауыз демек түгіл, көбін жазалар едіңіз.

– Осы айтқан сөзіңізге дәлел келтіріңіз! Не сіз, көп волостной управительдердің қылмыстарын дәлелдеп атап бересіз. Менің көзімді жеткізесіз соған. Немесе, мен сізді осы үйден шығарғанда, қасыңызға жандармдарды қосып, түрмеге жөнелтетін боп шығарамын.

Абай әлі де сасқан жоқ. Жандаралға ойлы, салқын көзбен тік қарап тұрды да:

– Мақұл, Ваше превосходительство! Тек, бірақ маған барымды айтқызып, тыңдап шығуыңызды өтінемін, – деді.

Абайдың мынау жауап, мынау жүзінен соң, жандарал оған бір сәт жалт бұрылып, ұзақ ойлана үнсіз тоқтап, қадалып тұрды. Сөйтті де, бірталай уақыт үнсіз жүріп қалды.

Абай өз ойын айтып жатыр:

– Қылмыстың бәрі қағаз жүзінде сансыз көп ауыр жұмыстар болғандықтан, ояздар тыя алмай, мировой судьялар анық бұзық, жауыз адамдарды жазалай алмай қойды.

Қылмыстылардың атын санасак: ұрлық, өтірік куәлік, талан-тараж, кісі өлтіру, үлкен шайкалар жасап, бір ел-

ден шығып, екінші елге барып мал талап қайту. Соның ар жағында әрбір мықты адамдардың сүйеуі, жауызды жаманшылықтан ақтап алатыны, жалғанға приговор жасау, біреуді өтірікпен жалалау, – осы істердің бәрінің үстінде пара, заңсыз, теріс билік, көп елді, момын елді жем ету, шығынға батыру. Мінекей, осындай істің бәрін жиып келгенде – жауыздық атанады. Жаманшылық атанады. “Соны істейтін кім?” десеніз, көбінше елде отырған малы көп, жігіті көп, және керек десе, қазыналық печаті, кеңсесі де бар, әр болыста отырған атақты әкім адамдар. Ал барлық тынымсыз, шексіз көп жауыздықтар нәтижесінде, малынан айрылатын, есесіз қалатын, әділет таппайтын көп момын халық болады!

Жандарал тағы да Абайды сөйлете түсіп, сырын ашқыза бермекке бекіді.

– Құнанбаев, біз киргиз даласына тандап отырып, әкімдер сайлаймыз. Сіз оның бәрін жаман дейсіз, жауыз адамдар дейсіз. Оныңыз, менің аңғаруым рас болса, сіздің өзгеден бөлек убеждениеніз емес пе? – деді.

Абайға салқын қарап, сынап, торып сөйлеп отыр. Бұл сөздің артында “елдегі әкімдер жаман болса, оларды сайлап қойып отырған біз де жаман боламыз ғой! Айтпағың сол ма?” дегендей, Абайды айыптауға бейім ажар көрсетті.

Бұл ара арбасудың анық шетін, қатер жері еді. Абай айтарын айтты, өзімшіл, зорлықшыл ұлықпен бұдан ары шыншылдыққа басып, сыр ашысып сөйлескісі келмеді. Салмақпен қарады да, күліп жіберді:

– Ваше превосходительство! Мен ғұмырда бірінші рет сіз сияқты үлкен әкімге кездескендіктен, сіз билеп жүрген сахарадағы шын ауыр халдерді айту қажет қой деп білдім. Сіз болсаңыз, зор әкімсіз. Қолыңызда көп құдірет күші бар. Ал сізге біздің сахарамыз турасындағы шындық халдің көбі мәлім емес деп білемін. Соның біразын болса да сіз біліп кетсе екен деп әдейі айттым! – деді.

Жандарал бұл сөзді ұнатпады. Абайдың айтып өткен сөзін ұнатпау үстіне, жандарал қазір Абайдың өзін де ұнатпай отыр.

Абайға суық қараған көзін жандарал есік жаққа аударып, қабағын түйді. Төрге қарсы отырған Абай да бұрылған еді.

Үйге кіріп, есік жағында тік тұрып, тымағын қолтығына

қысқан Базаралы мен орта жаста, сұлу сақалды, сыпайы ғана киінген орыс адамы тұр екен... Абай Базаралының бұл жерден шыққанына орасан таңданды... Оның жанындағы орыс адамын да жаңа таныды. Бұл қазақшаға жүйрік Семейдің сағатшысы Сабелей екен.

Жандарал өз үстіне кірген көрнеу арызшыларға ызаланумен қатар, таңдана қарады. Бірі орыс, бірі қазақ – екеуінің де қолтықтары толы будаланған қалың қағаздар. Қазағы ұзын, сымбатты бойы бар... сұлу бурыл сақалды, аппак кең мандайлы, нұр жүзді, келбетті адам...

Бұлардың артында, есік алдында оннан аса жұпыны киімді момын жүзді арызшы жандар, үйге кірмей, ашық есіктен бас иіп қана жандарал жүзіне қарасып тұр. Бәрі де үйге кірген Базаралы алуандас орта жасты, ұнамды түсті қазақ арызшылары:

– Бұ не?.. Кімдер? – дей берген жандаралға Сабелей шапшаң ғана жай білдірді.

– Ваше превосходительство, бұл келгендер Семипалатинск уезінің әр болысының арызшы қазақтары. Қазір бәрі де сізге бір ғана өтінішпен келді. Бәрі де приговор әкеп тұр. Мына қағаздар солар. Мені “сізге арызымызды айтып бер!” деп сұрады. Өздері орысша білмеген соң!..

– Арызы не туралы? Не сұрайды?

– Олар, Ваше превосходительство, өздеріне ешнәрсе сұрамайды. Сізден қазақтың ақыны, халық жақсы көретін адамы Ибрагим Құнанбаев туралы өтініш етеді, – дей беріп еді, жандарал қағаздарға үнсіз ғана қол созды.

Сабелей мен Базаралы барынша шапшаң басып кеп, қағаздарды жандаралдың столына әкеп салды.

Жандарал Абайға көз қиығын тастап еді, бірақ Абайдың жүзінде қатты таңданған халден басқа ешбір елес те жоқ екен. Базаралы болса, осы кезде Абайды мүлде көрмегендей, беті-жүзін танымайтын кісідей қарап, жандаралға енді өздігімен соқалап, орысша арыз айтып кетті. Тілі, қозғалысы аса қызық көрінген, келбетті қазақты жандарал амалсыз тындап қапты. Базаралы Абайды өзінің тың өнерімен тағы таңырқатып орысшалап тұр.

– Қырғыз степ слапой, таксыр, – деп, ұзын сұлу аппак саусақтарымен бір көзін басты. – Токмо один клаз ес, он Құнанбаев! Қырғыз степ глухой, таксыр, – деп, бір құлағын

да жаңағы саусағымен басқанда, жандарал еріксіз езу тартты. Қазақ арызшы сондай тапқыр тәрізді. Базаралы даусын сенімдірек шығарды. Саусағын екінші құлағына апарды да: – Токмо оден ух ес, он Құнанбаев! Он не бойдидит, – дейді өзі, бұл сөздерін Абайды көрмей тұрған кісіше айтып тұр. – Не можно! – деп, жүзін тез салқындатып бас шайқайды. – Степ томнай, глухой бойдет! – деп басын тағы шайқап: – Не можно! – деді.

Сабелей енді өзі де жымыып, жандаралға Базаралы сөзін орысша жеткізейін деп еді, жандарал оған қолын көлденең сермеп, кіріспеуге белгі жасады да, Базаралыға қарап отыр.

Базаралы әлі сөйлеп тұр:

– Қаспадан күбрнатр нобай шалабек! Наш пригоуар много... много... степ послал... Много-много степ просит. Наш пригоуар поскай пойдот санату, министр, белый сарь. Степ просит пустит нас министр, Петербор... сарь... псе пойдом! Тода пойдом! – деді.

Жандарал бұл тұста қабағын қайта түйді де, Базаралы мен Сабелейге “түсіндім, барындар!” деген белгі етті. Жауап айтып жылы ұшыраған жоқ.

Арызшылар арттарымен шегініп шығып кетті.

Жандаралға Базаралының жаңағы, соңғы сөздері анық үлкен әсер етті. Осы мәжіліс үстінде жандаралдың Абай турасындағы ойы әлденеше рет өзгерді.

Аздан соң жандарал тек салқын ғана бас иіді де, Абайды қоя берді.

Жандарал Лосовскийдің келгенін енді аңғарды да, езу тартып, күлімсіреп қалды.

Жандарал сол күні кешке жүріп кетті.

Осы кеште Лосовский үш оязбен бас қосып, байласқан сөзінде “ертең ашылатын шербашнайға ел жұмысын тексеруде, халыққа беделді адамдардан, билер сайлап алу керек” дегенді айтқан. Сол кеңестерінде халық ортасынан сайланатын бидің біреуі етіп Ибрагим Құнанбаевты белгілеу керек деген ойды анық байласқан болатын.

Бұларға бүгін күндіз жандаралдың Абайға жасаған ілтипаты түгел жетіп, анық мәлім болған-ды. Екінші жағынан, Казанцев оязға бүгін таңертеңнен бері, Қарамолаға жиналған қара халық көп тілек, армандар әкелген.

Осының барлығында ақы-пұлын, адал малдарын

жоқтаған, еселерін қуып келген арызшылар: “Жұрттың дауын шешуге, әділетпен тындыруға, халық алдында беделі, сенімі бар Абай сияқты кісілер би болып сайланса екен” деген.

Осы кеште ел арыздарын тексеретін бидің бірі Абай болатыны мәлім боп қалып еді. Тілмаштарға берген паралары арқылы қыбыр-сыбырды алдын ала біліп жүрген сақ, пысық болыстар мына жаңалықты елден бұрын аңғарыпты.

Абай әлі бұл жайдан мүлде хабарсыз. Тек оның жолдас-тары бүгін жәрмеңке басында, көп арызшылар арасында өз бетімен әр алуан әңгіме жүргізген. Кейін Ербол мен Баймағамбет қана осы жайды жеткізген еді.

Оның орайына аз уақытта Дәрмен келіп, ең соңғы хабарын айтқанда, Абай шын сүйсінді.

Қазір жәрмеңке басындағы барлық Абайға тілеулес халық өз бетімен қуаныш, мәз-мереке жасап жатыр екен. Абайдың аман қалғанына қуанған нағыз момын жалпы жұрт.

Әдейі арнап “солай етейік, бастық” деген ешкім болмаса да, сол жұрт өзі жиылыпты да, мерекеге кірісіпті. Бар жиын арасында Базаралы, Байкөкше бар екен. Солар енді Дәрменді Абайға жіберіп, “ертіп кел, елдің ортасында болсын!” депті.

АЛТЫНШЫ БӨЛІМ

Абай Дәрменді, Баймағамбетті, Ерболды ертіп Карамоланың сыртындағы, күнбатыс жақтағы сары жотаға шықты. Ойда жоқтан жиылған халық үлкен бір тойдағыдай молайып апты. Осы жәрмеңкеде болатын шербашнайға сан арызбен, көп мұңмен жоғын жоқтап келген тамам елдер мен болыстың бұқара момын көпшілігі.

Бұлардың анық қалың ел атанған өңшең момын еңбек иесі жандар екені бар ажарларынан танылады. Ең әуелі мінген аттарының көпшілігі арық, күнқақты. Кейбір шолақ, жалғыз-жалғыз тұғырлар. Олардың үстіндегі ер-тоқымы да ескі, жыртық көпшігімен немесе ортасынан жыртылып жарылған үзеңгілігімен, ескі қайыс жүгенімен және де жез, кара темір, әлде тіпті ағаш үзеңгілерімен де – бар жайларды мәлім етеді. Мұнда барқыт аткөрпе, күміс жүген, карала

күміс жаптырған құйысқан, тартпа дегендер жоқ. Ескірген тоқымдардың арасында бірде-бір былғары қаптаған, сукномен ойылған тоқым-тұрман да жоқ.

Бұл елдің үстеріне киген киімдері де шетінен сұр түсті шекпен, не көнетоз шапан. Бастарындағы әр рудың үлгісін көрсететін тымақтары да тегіс ескі елтірі, ұзын сенсеңнен істелген. Ол тымақтардың тыстары арзан шыт, немесе жыртылған, жүні шыққан ренсіз қуқыл шүберек.

Осындай анық кедей-кепшіктен, қалың бұқарадан шыққан халық бүгін Абайды өз ұлындай масайрап тосқандай. Бұл жұрттың бәрі де Абайды ортаға алып, қуана қоршап, даурыға амандасып, шын бейілмен құтты болсын айтысты. Төбе басында Базаралы мен Байкөкше аттарынан түсіп, тосып отыр екен. Абай да аттан түскенде, жаңағы достары құшақтасып амандасты.

Абай Базаралыға қалжындап:

– Базеке, шыңыраудан алып шықтың ғой. Бұл жолы мен өз өнеріммен шырмала түспесем, құтыларым жоқ еді. Ал сенің бүгінгі сөзің бар ділмардан, бар жүйріктен, адвокаттан анағұрлым асып түсті-ау. Қалай айттың? Төбемді көкке жеткіздің ғой! – деді.

Базаралы жиын жұртқа “ойын-асыр салындар, осының өзі Абайдың амандықпен ортамызға жеткеніне арналған бір сауық-сайран болсын” деп еді. Сол арада жұрт екі топқа бөлініп, кесек денелі балуандарын шығарып, дағдылы тойдағыдай күрес салды. Аттар сыналсын деп көкпарға әзірленіп, бір топтар екшеліп жатты. Теңге алатын, аударысатын өнерпаз жігіттер де үлкен реттілікпен сайлана бастады.

Осындай ойын-сауық басталғалы жатқанда Абай Базаралыдан:

– Қалай ғана жол таптың? Жандаралдың үстіне кім жіберді? Неғып кіргізді? – деп сұрап еді.

Базаралы:

– Ойбай, Сабелей екеуміз ашпаған есік бар ма, Семей ұлығында! – Содан ары Абай анықтап сұрағанда, Базаралы нақтылы шынын айтты.

Расында, жандаралдың үйіне мұны жіберу кімге де болса оңай емес-ті. Үстіне қырдың қазағы түгіл, ояз бен чиновниктердің көбін кіргізбей отырған жандаралға арыз

иесі Базаралының жол тауып кіруі ойда жоқ нәрсе, мүмкін емес еді. Бірақ Базаралының ендігі айтқан шыны бойынша, бұған жол ашып берген ақша – пара бопты.

Жандарал үйін күзеткен үлкен жандарм төресінің біріне Савельев дәл бір сағат сөйлесіп, екі аттың құнындай ақшаны алақанына бастырып, содан соң жол алғанын Базаралы енді білдірді.

Күндіз тамам арызшы көпшілік атынан қағаздар жазып, топ-топ кісіні Казанцев сияқты ояздарға беттеткен де Сабелей екен. Ертеңгі тергеу ісіне Абайды араластырсақ екен деген тілектерді айтқан да осы төбе басындағы өжет азаматтар болатын.

Осы жайды біле отырып, Абайлар әуелі күресті қарады. Қазір бар жұртты әдісімен, күшімен мәз қып тұрған кесек балғын денелі қара жігіт – Әбді. Ол қатарынан үш балуанды келістіре соқты да, қолына алған түйіншек ішіндегі бәйге ақшасымен ақсия күліп Абайға келді.

– Абай аға, жаулармен алысқанда әмсе осылай соқсын деп, қазіргі бар күшімді өзіме арнап едім. Сіз үшін қуанғаннан жығып тұрмын, мынау олжамды да сізге тарттым! – деді.

Абай Әбдіге алғыс айтып, сыйын алды да:

– Бәсе, жігер шығар жұртымнан осындай ақыл да шығушы еді ғой! Алысқанды, жығуды сенен үйренейін, Әбді! – деді.

Айнала жұрт күле бастады.

Осыдан кейін ат үстінен шапқылап кеп теңге алған жігіттер, аударыста жеңген азаматтар, көкпарда озып шыққан, жыртас алған сан елдің Әбді тәрізді жігіттері тартыс табыстарын “Абайға арнадық!” деп шапқылап кеп, бәрі де Абайға ұсынып жатты.

Барлық мереке халық пен Абайдың бөлекше бір шат, ашық, шын көңілмен құшақ жайысып табысқанындай болды.

Осындай жайды сол даладағы жиында Байкөкше өзінше баян етіп берді.

Абай мен Базаралы сияқты егде адамдар тобында тұрып Байкөкше өзінің зор үнімен аса бір мағыналы сөз бастады.

– Ия, халайық, бұл бір асыл мереке болды, шын қуаныш, қалтқысы жоқ халық қуанышы. Солай болғанда, бір жағынан, Абай үшін қуанамыз! Өзіміздің Абайымыз-

ды катерден құтқардық деп қуанамыз. Ал осы қуаныштың екінші бір тарауы тағы бар. Ол өзіміздің елдігіміз үшін қуаныш, жақсылық үшін бірігіп, ынтымақ тілек қосып өз дегеніне жеткен адал, момын ел үшін қуанбасқа бола ма? Бұл анық елдік жол еді, әмісе осындай елдіктің жолы болсын! Әмин! – деді.

Айнала жұрт бұл сөзге қатты сүйсінді. Қарт ақынды қостап дауыстап “Әмин, әмин!” десіп бет сипап, мәз боп күлісіп, қатты қожырасып қалған көңілді дабырлар естілді.

Кешке шай жиналмастан, Абай үйіне ойда жоқ, тың адамдар келе бастады. Абайдың да, жолдастарының да бұл үйде мүлде көреміз деген адамдары емес. Келгендер: бағана күндіз жандаралды қалбақтап тосқан, мойындарына знак, қарғыларын таққан болыстар.

Бұнда Семей оязының бес-алты болысы бар. Оларды бастап келген Рақыш. Алдыңғы күн Оразбайдың үйінде отырып, Абайды сыртынан мұқатып, кекеткен, оған анық жауыққан болыстың бірі. Өскемен, Зайсанның да үш-төрт болысы мен төрелері келіпті. Енді шеттерінен Абайды жаңа ғана танып, бұның алдында құрақ ұшып тұрған кісі болысады. Советник – советник емес, ояз – ояз емес. Бейне бір “жарылқаса зор қылып, қарғаса жер қылатын” жарым патша Абай бола қалғандай. Бәрінің сөзі: “Сізге сәлем бере келіп едік”, “сапарыңыз оң болсын дегелі келіп едік”, “кешеден ұлықты тосып алаң көп болған соң, кішкене арқа-бастың кеңігенін тосып едік”, “Сізбен сәлемдесіп, дидактарласуды Қарамолаға жүрместен бұрын ойлап едік”, “Сіздей көпке бірдей ел ағасымен жүз көрісу, сарқытыңызды ішу бізге қандай қанібет” деседі.

Бәрінің сөзі, әр тілмен айтылғанымен, бір ғана бояма, екіжүзді жағымпаздықты, жаман жорғалықты танытады.

Абай бұлардың ешқайсымен де жылы ұшырап сөйлескен жоқ. Қонақтарға қымыз ұсынылған кезде, өз ойымен тебіренгендей болып, бір толғаулы терең сөздер сөйлеп кетті.

Ешкімнің бетіне қарамай, келбетті, ойшыл жүзін жоғары көтеріңкіреп, бір толғау тастап отыр:

– Қазақ деген халықтың соры қалың ғой. Санап бітіргісіз жоқшылығы, мұңы көп. Сол сорының бірі – өзін билеп отырған өңшең зоры емес пе? Атқамінері, болысы, бек пен биі, хан мен төресі емес пе? Ойда ұлық қорласа, аяздай

боп әкім қысса, үйден үрген итке ұқсап ел ішінен бәлекор, паракор, неше алуан мансапқоры шығады. Бір ғана өз басының, жалғыз өзінің, ататегінің барлығы, байлығы, әмір күдіретінен басқа, халық камын ойлайтын бірде-бір мансап иесі бармысың? – деді.

Қатты ызамен, үлкен намыспен ширықты. Жағалай отырған болыстардың барлығына ұрыскандай боп, жирене қарап өтті. Жүрегінде шабыт бар. Ашулы шабыт болатын. Соның ұшқындаған отынан тамаша терең, ойшыл бір толғау туардай. Ақын атаулының ақындық, ыстық шабыт үстінде күйдіріп айтатын қанатты сөзі. Ол мансап жайына арналған-ды.

– Мансаптың бәрі қорлық емес, игілік үшін өзін құрбан ететін мансап адамға қасиет бітірсе керек. Ондай мансапты, сен адам болсаң, ит қорлықпен ұлықтың табанын жалап жүріп таппас боларсың. Халқына қадірің асқан жақсы болсаң, сондай мансап өзінді өзі іздеп кеп тапса болар! – дей келіп, өлендей, үлкен даналық бар сөз айтты. – Биік мансап – биік жартас. Оның басына екпіндеп ұшып қыран да шығады, ерінбей еңбектеп жылан да шығады! Міне, осының қайсысы болдың, осы отырғандар. Қыран болмасаң, халқын үшін жылан болдың емес пе?! – деді де, қабағын суық түйіп, өзге сөзден тыйылып отырып қалды.

Абайдың сөзі болыстардың барлығына, қамшымен қақ бастан қасқайта тартқандай, ауыр соққы болды. Бұны түсінбей қалған болыс жоқ. Астыртын жамандасуға айла-кес, сырқынды болғанмен, мынадай үлкен әділ қазының алдында, ашық шындыққа бара алмайтын, арамза әкімдер, Абаймен жауаптаспай, тегіс томсарып үндемей қалды. Көбі сызданып, қабақпен өкпе көрсетіп, тым-тырыс отыр.

Абай да бұларды қонақ етіп, қошемет қылмақ ниеттен аулақ еді. Аздан соң шапанын жамылып, Баймағамбетті ертіп, тысқа шығып кете барды. Басқалар да тарап кетті.

“Абай өзіне амандасып, сәлем бере барған болыстарды масқара қыпты. Бетке қарғып айыптай сөйлепті!” деген сөз шықты. Бірақ бұны көпшілік естіген жоқ. Рақыш сияқты кей болыстар, Абайға кінә тағып кеткендіктен, Оразбайға шағым еткен.

Оразбай кекете күліп отырып, өзінің байлауын айтты:

– Шоқ-шоқ, бәлем. Абайшыл болыстар, сендерге со ке-

рек. Онда да зоры керек еді, Абайға табынудан тыйыламысын шетіннен. Алдыңнан әлі де талай оралар. Одан әлі талайың талайды тартарсың. Қашан айттың деме! – деп, енді өзінің де мысы құрыған күйде, сөзін тыйған.

Бұл күнге шейінгі жасаған айталы, арам қоршауы мен құрсауларын Абай бір-ақ қимылмен талқан етіп кеткендей. Оразбай соған ызалы да күйікті болатын. Бірақ ол Абайды жығатын жардың мүлде жоғалмайтынын осы жолы әсіресе анық танып біліп алды. Абайға жауыққан болыс пен жуаншонжар атаулының бәрімен де тұмсық түйістіріп, ауыз жаласып алғандай.

Бүгін осы Қарамолада жықпаса да, “түбінде Абайды апарып бір құлататын ордың ортасын таптық” деп, ішінен соны медеу етті де, шербешный сияздың артын тосып отырып қалды.

* * *

Бүгін келіп жатқан қонақтармен бірге қызық сауық, көңілді өнер қоса келетінін Әйгерім жақсы біледі.

Шын бүгін Ақшоқыға өздерінің соңғы өнер, табыстарын асығып әкелген өнерпаздар аз емес.

Осы күні кешке ел орынға отыра бергенде, тағы да тың қонақтар келді. Бұлар – Базаралы мен Көкбай. Екеуі бүгін кешке осы ауылдың желкесінде кездесіп, бірге келіскен-ді. Абай Базаралының келгеніне әсіресе қуанып, күле амандасып жадырап қалды.

Базаралы келісімен-ақ үй ішін жарқын жүз, әзіл күлкі аралас сөздермен көңілдендіріп жіберді. Абай оны өзінің оң жағынан жоғары отырғызған. Биік сүйек төсектен екі жастықты өзі әперіп, қалыңдатып көрпе де салғызды. Осы топтың әрі үлкені, әрі Абайға ең қадірлісі болғандықтан, жиын әзір тек қана Базаралының аузына қарайды.

– Жол ұзақ, шаршап келдің ғой, Базеке, жантайып отыр! – деп, Абай Базаралының шынтағының астынан ақ жастықты тақап қойды. Базаралы бір нәрсені есіне алып жымыды да:

– Шаршайтын орайым бар еді, бірақ бүгін көрген бір қызығым күн бойғы жол азығым боп, шаршағанды білдірмеді, – деп қойды. Үйдегі жас атаулы да, Әйгерім де Базаралыдан енді қызық әңгіме күтті. Абай өзінің алдында

тұрған үлкен дөңгелек столға шынтақтап, бар денесімен осы қонағына бұрылды да:

– Ал, ендеше айтпайсың ба, Базым, – деп, жан-жағына көз салды да, – сені көрсе қызық күтіп отыратын жастарын анау, – деді.

Базаралы да бәлсініп созған жоқ. Қазір ол басын көтеріп алды. Үлкен бөлме жылы жағылған, дөңгелек стол үстінде жарығы мол лампа үй ішін және де көңілдендіріп тұр.

Суықтан кеп жылы үйде жадыраған соң, Базаралының ақ жүзіне жұқалан қызыл рең кіріпті. Жаңа өзі мезіреті жасаған әңгімесін айтар алдында Базаралы жастарға қарап сәл ғана өтінгендей боп сөйледі.

– Бүгінгі мәжіліс ақындар кезегі екенін сезіп отырмын. Абайдың қасында мен де бірге тындайын деп келген жайым да бар. Соның алдында жаңағы өзімнің шыдамсызданып бастап қойған әңгімемді айтып берейін ендеше.

Мағаш ентелей түсті.

– Базеке-ау, сіз сөйлесеніз, ақындар кезегімді алып қойды демейді.

– Мен бүгін Шыңғыстың бөктерінен шықтым, – деп Базаралы сөзіне кірісті. – Жол ұзақ болған соң, таң біліне аттанып ем. Сәскеде Көлқайнарға кеп, Жұман аулының жанындағы адырға кіре берсем, бір төбенің басында, үш ұйықтасаң түсіне кірмес бір қызық топ тұр. Қандай топ десенші? Топ дегенім – төрт теке мен Жұман. Жалғыз түп бозқарағанға төрт текені тұқыртып байлап қойыпты да, солардың қарсы алдында, молдасындай боп, ақ таяқты сілтей түсіп, Жұман өзі текше тасқа отырып апты...

Үйдегі жұрт енді әңгіменің беті бір оқысқа соғатынын аңғарып күле бастады. Базаралы бар сөзін ашық үнмен ажарлы етіп, жандыра сөйлеп келеді.

– Күн жел еді, мен ық жақтан келгем. Қастарына жеткенімше сырт қарап отырған Жұман тықырымды да естіген жоқ. “Е-е, бұнда Ырғызбайдың бір келелі кенесі бар ғой, тегі...” – дей беріп, Базаралы жағалай қарағанда, үйдің іші ду күлді. Абай бар денесі селкілдеп сықылықтай күліп қапты. Әйгерім де әсем күлкісі сылдырап, қызара қысылып, қатты күлді. “Базаралы басыма ұят та, кінә да болар... Аз да болса ақыл үйренейін тым құрса... Ендігі қалған Ырғызбайдың бұ да бір үлкені ғой” деп, атымды тұсап

койдым да, ақырын басып, сыртынан кеп тындап отырып қалдым.

Күлкісі тыйылмай мәз болысқан жұртқа Базаралы ендігі көргені мен естігенін баяндап жатыр.

Болған хал былай екен. Жұман қойда жүрген баласы Месқараға келсе, ол осы текелер қойға маза бермей қойды депті. Күйек байлауға кешіккенін енді сезген Жұман төрт текені ұстатып алып, қарағанға байлатып қойғаны сол екен. Текелер бастарын тұқыртып, мүйіздерін төсеп тұр. Көздерінде айыбын білген белгі жоқ, қайта Жұманның сақалына ежірейе қарап, “сүзер ме еді өзі!” деп тұрғандай. Соны көріп, онсыз да ызасы келген Жұман төрт текені жеке-жеке де, тобымен де кінәлап жазғырып, ұялтып отыр екен. Базаралы кеп отырғанда, Жұманның ұзын таяғы әуелі төрт текенің төбесінен түгел бір жайқап өтті.

– Уа, төрт теке, қоралы қойға бүлік боп араласпадым деші кәне, бүлдірмедім деп көрші! Қой десе, сірә, қойдың ба? Құдай, әруақтан ұялдың ба?.. – дей түсіп, енді үлкен керіс үстіндегі қызылкенірдекке басты. Бір кезек таяғымен тақ еткізіп жастау қара текені мүйізінен салып қалып: – Қара теке, жастан шыққан тынымсыз бүлік сен болдың! – дегенде, қара теке сақалын салпылдатып, ырғып ортқып Жұманға ұмтылғысы келгендей болды. Жұман да енді екілене түсті:

– Қарашы бұны, сотқар да өзі, қыңыр да өзі, көрдің бе? Сақалы да сапсып апты жас басынан Әзімбайдың сақалындай, – деді де, Жұман өзінің ендігі ойына мәз болып, кеңкілдеп күліп алды. Қазір шынында оның ойына қайдағы бір тапқыр қызық қиял кепті. Әзімбайды айтуы мұң екен, содан әрі текелері теке болмай, шетінен кісі болып сала берді. Қара теке – Әзімбай болғанда, осы текенің әкесі – сары теке қатар тұр еді. Оны Жұман сол сәтте Тәкежан етіп алды. Одан арғы бөрте текені – Жиренше деп, ең соңғы қарағай мүйіз, жуан мойын ор текені – Оразбай қып қойды.

Жұман мен текелердің содан соңғы кеңесі Базаралыға анық тапқыр, тамаша боп көрінген-ді. Әзімбайдан бастап Тәкежан, Жиренше, Оразбай болған текелердің күйексіз күйдегі тынымсыз, ынсапсыз пәлеқорлығы теріліп саналды. Бәрі де момын жүрген ешкі мен қой атаулыны ертеден қара кешке дейін қырық бөлек қып, быкпырт тигендей мазалайды екен. Соларын беттеріне баса келе, Жұман тағы бір рет

топшысын көтеріп желіге сөйлеп кетіп, Оразбай, Жиренше, Тәкежан, Әзімбай – бәрі бірігіп елді ылайлағанда бір Абайға қарсы қастық етіп жүргендеріне кеткен-ді. Жұман бір сәт өзін Абай етіп қойып та төрт текені кіналайды: “Халықтың қарғысы мойындарында... Мен момынды жылатпа, елді бүлдірме деген үшін сендерге жазықтымын ғой. Бірақ табарсың, елдің көз жасынан табарсың!” деп те қояды... Осы жайдың бәрін Базаралы неше алуан үнде салып, аса шебер ойнақы артисше баяндай келгенде, тындаушы жұрттың көбі ішек-сілесі қатып, тынымсыз қарқылдап күледі.

Кейбіреулері жығыла қисайып үн шығара алмай, көгере қатып күледі. Абайдың да екі көзінен жас парлап, күлкіден діңкесі құрып, Әйгерім екеуі біріне-бірі сүйенісе күледі. Базаралы барды баяндап болды да, ең соңында:

– Жетпіс бес жасқа жеткенше мылжындап, мылжындап кеп, ең аяғында осындай ақыл тапқан Жұманды көргем жоқ па? Құдай қаны, мынасы қай Ырғызбай тапқан сөз еді?.. – деп әңгімесін бітіре берді.

Көкбай шайды ерте ішіп болған еді. Сол аңғарды таныған жұрт дастарқан жиылмай-ақ әр жерден күнкілдеп “жыр басталса” деген еді, Базаралы домбыраны өз қолымен алып, осындайдағы әдеті бойынша Көкбайға ұсынды.

Содан ары тындаушыларды көп өтіндірмей Көкбай өз өлеңін жырлап кетті. Ұзақ ішілетін шайды аяқтаған жоқты. Бірақ үлкен самауырды қайта демдеп әкелгелі алып кетіскенде, өлеңнің айтылып жатуы мезгілді сияқты еді.

Көкбай бірталай уақыт жырлағанда, Абылайды мадақтап сөйлеген-ді. Енді самауыр қайта кіргенде, Абылайдың нәсілдеріне ауысып, соларды қошеметтей бастап еді. Дәл осы уақытта Базаралы Көкбайды санынан қакты да, “тоқташы” дегендей белгі етті. Көкбай Абайға қарап еді, көптен салқын қабақпен тыңдап отырған Абай да тоқтағанын мақұл көргендей екен.

Көкбай еріксіз шұғыл тыйылып қалды. Енді Базаралы іле сөйлей жөнелді.

– Бұрын сөйледі деп айып етпендер, жігіттер, осында менен басқаңның бәрің, бастығың Абай боп, өңшең акын екенсің. Ендеше, Қожанасыр айтқандай: “Осынша тауыққа бір қораз керек емес пе!” Көп айтушыға бір тындаушы болсам, ойымды айтайын, – деп, Көкбайға салқын қарап алды.

Абай Базаралының бұл мінезін де құп көріп, айтуын өтінді.

– Айтсам, Көкбай, “алдияр” дедің, “асыл ханым” дедің, “әруағыңнан айналайын” деп те жалбарынып жатырсын. Аяғы Абылайдан өтіп, нәсіліне де тауап қылар тәрізін бар. Шынымды айтайын, жақпайды маған, Көкбай, мұның. Осы хан-сұлтанды көксеп, маңырап талай надан ақын баяғының өзін де тоздырып болмады ма, Абай?! Біз Абай сөзін естігелі осыны ұмытсақ мақұл емес пе еді? Көкейіме қонбайды, өйткені көңіліме жақпайды. Ал, адалын өздерің айт! – деп, Базаралы Абайға қарады.

Жұрт мына сын шыға бастаған шайды ішпей, сілейе тындап қалған екен. Абай Базаралыны қостап, ойлана отырып, бас изеді де:

– Осы сөз анық әділ сөз ғой. Айтып қойғанымыз болсын, айтпағанымыз болсын, бәрімізге де жетерлік сын екен, – деп ойлана отырды да, Көкбайға салқын қарап: – Ал Наурызбайлар көпті сорлатқан-ды. Сол қатты, қатал сойқандары үшін өз бастарына әділ жаза тапқан. Көпке қаза шақырғаны үшін тапқан қатты бүлік содырлар еді. Оны қазақтың қалың елінің қамқоры етпексің. Жалған! Бәрі де жалған! Алдамшы бояулар! Бұл күнде, бүгінгі нәсілде қазақты орысқа өшіктіруші қазақ халқына достық етпейді. Неғұрлым сол орыстың шын қасиетін танып, тың өнерін тез үйренуге жетпей, қазақтың көзі ашылмайды. Бұдан өзге өріс те, бұдан өзге шындық та жоқ. Мынау өлең жалған да теріс. Менің өмір бойғы тұтынған жолыма анық қарсы, қияс жолдағы өлең екен. Осылай айтпасқа әддім жоқ, – деп Абай ызалы қатал үнмен, Көкбайға аса наразы болып, сөзін аяқтады.

Шай енді мүлде ішілмей қалған. Үй іші жым-жырт боп, Абайдың енді тағы да айтар ой өрісін тосқандай.

Қабактары ашыла алмаған ақындар арасында енді сабыры таусыларман боп тіленіп отырған Дәрмен ғана бар еді. Қазіргі қатты сыншыл қабақтардан күдіктене түссе де, өжет өршіл көңілі қорғанған жоқ-ты. Сонысы сүйеу болды да, Дәрмен Абайға өтініш айтты.

– Абай аға, сынға толы боп, деген жерден шығады демеймін, бірақ менде бір тын жыр бар еді. Өзін бенде бала-сына оқыған жоқ ем, соны тындап, мінеп берсеңіздер қалай болар екен! – деді.

Абай Дәрменге жалт етіп үмітпен қарап қалып:

– Айтшы, сен айтып көрші! – деді.

Содан ары ақсұр жүзді, тықыр тығыз сұлу мұртты, отты көзді, қаршығадай алғыр кескінді ақын жігіт жедел созып өз жырын оқып кетті. Үй іші тегіс Абайдай бейіл қойып тыңдап қалды.

Бұл дастан салған жерден осы үйдің ішіне түгел таныс қоныстар, қыстауларды атап, Шүйгінсу, Әзбергенге бет қойды.

Қара дауылы қақап тұрған қатал күн, суық күз бүгін кешке соққын әкеле жатыр... аспанды қаптаған әлек бұлттары әлдекімге сор айдап келеді. Зорлығы мен сұмдығы күшті бай ауыл, киіз үйде ықтырмасына сиынған. Сол ауылдың шеткі жыртқық лашығында жүдеген ауру ана бауырында қос бөбек лыпасыз бүрсең қағады. Олар Асан, Үсен... Зарланған кәрі сорлы әже – Иіс. Күнұзын бай малының соңында жаурап ұшып қайтқан азамат Иса!.. Осы түндегі асқындаған дауыл, азынаған суық лашық, бүріскен аш-арық, панасыз момын да жазықсыз үй іші... Қатал қаскөй бай менен қабандай қырыс жыртқыш бай баласы, Исаның сабалұы. Ыққан қой... оны қуған Иса... Бұған өшіккендей дүлей дауыл, қар аралас суық жауын... Содан ары қасқыр... Қасқырлар! Исаның ер қажыры, батыр қайраты... Жанталас!.. Соңғы арлан бөрімен жекпе-жегі.

Осы жайларға ақын жыры ауысқанда, үй іші тегіс демін ішіне тартқандай тынып қапты. Қыбыр еткен бір жан жоқ. Тек оқта-текте күрсініп, шошына сыбырлаған Әйгерім үні білінеді.

Ойда жоқта, қақ қастарынан шыққан тың дастанның бар адамы, бар құбылысы кеше ғана өздерін қайғыртқан шер, сорымен, енді тіпті жақын кеп бар жүректі бүріп қысып әкеткендей.

Шебер ақын алмастай өткір сөзден, оттай сезімнен құдіретті жыр құрап үдеп барады. Азамат Иса, ардақты ұлан, ердің еріне бітпес қайрат атты. Неге атты! Кім үшін атты! Қатыбас, аямас, ер қадірін танымас дұспаны үшін, адамның қасқыры үшін атты-ау, есіл ер!.. Иса ауру... Үй іші аш... Исаның көкірегінде арман, арылмас, айықпас арман. Зарлаған анам, жетім боп балам, төсек тартып жарым қалып

барады-ау! Адам да емес, қорқау қасқырдың інінің аузында қалып барады-ау!..

Бұл тұста Әйгерім жылап жіберді. Бір Әйгерім ғана емес, Абайдың да көзі жасаураған, Дәрменнің өз көзінен де жас парлайды. Сандырақ... Қасқыр емес, алысқаным Әзімбай. Сонымен өшті зор кеудеде үлкен от!.. Кетті асыл ұлан!.. Зарлап қалды қос жетімек – Асан, Үсен. Арлыға, айуан емес, адам ұлына, ағаға жаутандаған өтініш көзбен, әлсіз үмітпен қалды сорлылар!..

Осыдан ары жырының аяғын бітірмей Дәрмен орамалымен көзін басып, жылап отырып қалды. Жиын жым-жырт. Исаның анық қазір ғана дүниеден көшкен өлімнің үстінде отырғандай, қаралы... Барлық жүрек қапада. Абай да екі көзі жасқа толып, басын төмен салыпты. Демі дірілдеп, ауыр-ауыр күрсіне берді. Барлық өне бойы, кең кеудесі түгел сілкініп тітіркегендей. Ұзақ уақыт осылай отырып барып бойын тежеп, ойын жия бере, қысқа ғана тіл қатты:

– Некрасов, мынау Некрасов үні ғой. Орыс халқының шын зарымен арманды жанын танытқан Некрасов көкейімнен кетпей отыр. Бұны мен тапқан жоқ ем... Өзім таппасам, жетпесем, соған жетуші, табушы болса деуші ем... Жолың болсын, бауырым Дәрмен! – деді.

С О Ң Ы

Алматы, 1953 жыл

ПОЭТ ГРАЖДАНИН

Сценарий

1954 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Семилетний Асан — в рубашке и коротких штанах, а Усен, которому еще только пять лет, щеголяет в одной рубашонке. Но загорели они одинаково — их личики, руки и ноги совсем черны. Едва войдя в высокую пшеницу, Асан, как старший, начинает поучать брата:

— Выбирать надо только пшеницу спелую. Ты не вздумай сам рвать колосья! Я умею, я и буду выбирать!

— И я! Бабушка и мне велела брать.

— Ты напугаешь. Сорвешь неспелый колос — и есть нельзя, и поле испортишь.

— А ты меня научи, Асан! Покажи. И я буду брать только спелые.

— Говорю, нельзя. Будешь приставать, никогда больше с собой не возьму. Знаешь, что? Ты лучше держи подол, а я буду срывать колосья и класть к тебе. Ладно, Усентай?

— Ладно!

Договорившись, дети стали осторожно и медленно пробираться в густой пшенице.

Неподалеку от них, на соседних участках, собирали колосья такие же, как они, мальчики и девочки.

Вскоре все ребята, неся колосья в мешочках, в подоле или в снятом с плеч халатике, пошли к аулу. Личики их сияли. Оборачиваясь к своим клочкам посевов, каждый окидывал их ласковым взглядом.

Дети уже подошли к своим аулам на урочище Тайлакпай. И тут их поразило невиденное зрелище: между аулами растянулось множество телег.

Первым высказал свою догадку Рахимтай:

— Ой-бай, это русские! Смотрите, вон и матушке¹ ходят!

¹ Так казахи называли русских женщин, выговаривая по-своему слово “матушка”.

Ребята взгляделись. Телеги все были распряжены. На некоторых из них виднелись парусиновые навесы вроде палаток. Возле обоза ходили бородатые мужчины. Пройти мимо остановившегося обоза пришлось Рахимтаю, Усену, Асану и шаловливой девочке Жамал. И тут их сейчас же окрикнул русский дед, отдохавший в тени передней телеги:

– Эге, да у них пшеница! Какая она тут растет? Ребятки, постойте-ка, покажите-ка вашу пшеницу!

Дети не поняли его, но остановились. Старик поднялся и пошел к ним. Его окладистая борода, седые волосы, огромный рост перепугали их. Асан даже шепнул:

– Бежим!

По Усен и Жамал захныкали:

– Поймает нас! Ой, сейчас поймает!

Они понимали, что раз они самые маленькие, они первыми попадутся а его руки.

Но дед, догадавшись, видимо, как перепугал он ребят, шел к ним, улыбаясь во весь рот, и, показывая на колосья, успокоительно повторял:

– Постойте-ка, ребятки, обождите... А ну, покажите вашу пшеницу.

Рахимтай оказался храбрее других. Видя, что дед тычет пальцем в колосья, он улыбнулся ему в ответ и сказал по-казахски:

– Это наша пшеница. Своя!

Тогда дед поманил их за собой к телеге и отсыпал с воза в шапку целую кучу сухарей. Ребята заметили, что сухари были из белого хлеба. Это обстоятельство успокоило и заинтересовало даже Усена, перепуганного больше других. И как раз из подола его рубашонки старик осторожно взял несколько колосьев, а взамен их насыпал сухарей. Потом он повернулся к другим ребятам, раздав им остаток.

– Ну, грызите сухари! А я посмотрю, какая тут растет пшеница, – загудел он себе в бороду, растирая на ладони колосья.

Дети, переглянувшись, собрались уходить. Но тут из-за телег вышли несколько пожилых женщин. Улыбаясь, они обратились к детям:

– Сють... Сють бар? – повторяли они, показывая детям сухари и куски калачей.

Рахимтай и Асан поняли их.

– Есть молоко! И у моей бабушки есть! Сут бар, сут бар...
Вон аул! – отвечали оба наперебой, показывая на юрты.

Женщины пошли за ними. К ним по дороге присоединились и другие. В руках у всех была посуда для молока и узелки с хлебом. За женщинами пошел к аулу и седой дед, а с ним еще двое крестьян.

Эти трое были вожаками своего обоза. Деда, остановившего ребят, звали Афанасьичем. Второго – широкогрудого великана со светлыми усами – Федором, а третьего – низенького, шуплого старика с острыми, глубоко сидящими под густыми бровями синими глазами, – дедом Сергеем.

Подходя к аулу, дети начали звонко кричать:

– Молоко просят, дадут хлеба! Бабушка, неси молока!
Белых сухарей дадут!

На их крики из юрт выбежали казахские женщины. Скоро они смешались с русскими. Среди тех выделялась высоким ростом и статной крупной фигурой пожилая женщина с крепкими, как у мужчины, руками, с морщинистым властным лицом, загоревшим больше, чем у других. Остальные называли ее Дарьей.

Дарья заговорила с казашками. Передавая им сухари и хлеб, она знаками объясняла, кому налить молоко. Увидев старушку Ийс, она попыталась пошутить с ней, показывая то на хлеб, то на молоко:

– Меники-сеники², – приговаривала она, улыбаясь.

Старая Ийс, жена Базаралы – Одек и жена Даркембая – Жаныл отвечали ей такой же приветливой улыбкой, повторяя по-казахски:

– Вы гости. Берите молоко, ничего не надо!

Некоторые из женщин протягивали монеты, Жаныл, смеясь, отмахивалась обеими руками, выразительно покачивая головой:

– Не надо. Денег не надо, мы не торговцы! Давай налью!

И она тут же начала разливать молоко из своего ведерка с носиком в принесенную русскими женщинами посуду, с улыбкой отстраняя руки, протянувшиеся к ней с деньгами.

² Меники-сеники – мое-твое.

— Глядите-ка, бабы! Ведь видно, что не из богатых, а денег не берут, — растроганно сказала Дарья. — Киргиз гостя уважает, а они гостями нас считают. Ну, кланяйтесь, говорите хорошим людям спасибо!

Она первая стала благодарить старую Ийс и Одек, которые, глядя на Жаныл, тоже даром разливали молоко. Мужчины стояли рядом, одобрительно кивая головами на слова Дарьи.

Афанасьич подошел к Жаныл, которая понравилась ему своей веселой приветливостью, и заговорил с ней на ломаном казахском языке:

— Аул казах джигит бар?

— Что он сказал? — засмеялась Жаныл, повернувшись к остальным.

— Понял кто-нибудь?

— Кажется, спрашивает, есть ли в ауле джигиты! — догадалась Одек.

Афанасьич поспешно закивал головой, услышав ее слова. Поняв, что он хочет поговорить с мужчинами аула, женщины вспомнили про Базаралы, который лежал больным в своей юрте; конечно, Базаралы сумеет поговорить с русскими, он же говорит на их языке! Другие называли имена Даркембая и Абылгазы.

Одек решительно повернулась и махнула рукой Афанасьичу:

— Идите! Сюда идите. Джигит бар! — и пошла к своей юрте.

Тем временем от обоза подходили все новые женщины, некоторые с грудными ребятами. Получив молоко, они медленно пошли по аулу во главе с Дарьей, заглядывая то в одну, то в другую юрту, с любопытством осматривая их скудное убранство. Они пытались заговорить с казашками, но, не добившись толку, ограничивались только улыбками, кивками, взглядами и смехом. Все взаимно поражало и хозяев, и гостей.

Между тем Дарья, заглядывая в юрты, опытным взглядом оценивала благосостояние их хозяев:

— Голь перекатная. Кибитки дырявые. Внутри одни отрепья — ни одежды, ни добра. И чем они живут? А пища-то

— гляньте! — и, жалостливо покачивая головой, она показывала на подростков, встряхивающих над кострами ковши с сухой пшеницей.

Окружающие ее казашки старались понять ее слова.

— Что она говорит? Что это Жарья головой качает? — спрашивали они друг друга, по-своему переделав имя Дарья.

Зато русские женщины сочувственно подхватывали ее слова:

— Видно, сала ни кусочка нет!..

— У них, наверно, только и пищи, что молоко!

— И поди ж ты, сами голодают, а денег не берут.

— Ох, бабы, и куда мы заехали! Одна нищета, а не деревня.

— А чем же тебе не деревня? Нужда такая же, как и в нашей, пензенской.

— Такая же голь! — решительно закончила громким низким голосом Фекла, рослая, как и Дарья, но еще более крепко сложенная, будто литая из чугуна, пожилая женщина. И она послала неизвестно кому крепкое проклятье.

Дарья слушала эти возгласы, кивая головой. Потом она и подытожила все сказанное:

— Киргизская ли нужда, русская ли — видать, все одно! Сразу узнаешь...

Тем временем в юрте Базаралы вокруг русских гостей собрались Даркембай, Абалгазы, Канбак, Токсан, Жумыр и еще несколько мужчин. Беседа шла с помощью Базаралы.

Он все еще был болен. Болезнь свою Базаралы называл “недугом суставов” — “куян”. Боль в пояснице не давала ему встать с постели. Приподнявшись на локте, он кое-как объяснился с крестьянами по-русски и переводил их слова Даркембаю и другим.

Апанас — так выговаривал его имя Базаралы — рассказал, что обоз заблудился в степи.

— Как из Семипалатинска выехали, так, видно, и заплутались, — объяснял он. — Не на ту дорогу попали. Нам бы на тракт.

Апанас просил казахов дать обозу проводника, обещая с ним расплатиться. Поняв со слов Базаралы его просьбу, Даркембай ответил за всех:

– Найдем человека, дадим. Вот Канбак пока свободен. Пусть поедет с ними, за день обернется.

Канбак охотно согласился, и переселенцы тут же сговорились с ним об оплате.

Даркембай решил расспросить сам, откуда и куда едут путники.

– Кода пайдем, Апанас, а-а-а, – с трудом подобрал он слова, но Афанасьич отлично его понял.

– В Семиречье едем, – ответил он и тут же для понятности добавил: – Семирек... Семирек едем!

Даркембай повернулся к остальным.

– Какой это Семирек? Может быть, Ак-Ирек? – старался он разгадать, называя земли соседнего рода сыбан.

В разговор вмешался дед Сергей:

– Лепса, Лепса, – пояснил он.

Теперь Базаралы понял.

– А, Лепсы! Вот они о чем говорят: им надо на Шубар-Агач и Капал!

– Да, да Капал! – обрадовался Сергей. – Капальск. Лепса–Капал!

– Э-э, вот они про Жетысу³ говорят. Ту-у-у, это ведь край земли! Откуда же они едут? – удивился Даркембай.

На вопрос Базаралы Афанасьич широко взмахнул рукой:

– Россия... рассейские... Я из Пензы, а эти вон из-под Тамбова.

Базаралы пояснил казахам, что гости едут издалека: из самой России. Узнав о том, что обоз движется уже два месяца, Даркембай покачал головой.

– Зачем же они так далеко откочевали? Какая сила погнала их с отцовской земли? – поразился старик.

На этот вопрос Апанас только развел руками:

– Плохо там было. Голодали.

– Земли было мало?

Афанасьич с горькой усмешкой кивнул головой и, как бы насмехаясь над своей долей, ответил:

– Земли-то там много. Только для нас-то ее не было.

– А у вас сколько было земли? – расспрашивал теперь сам Базаралы.

³ Жетысу – казахское название Семиречья.

Афанасьич показал ладонь:

– Вот сколько. А нужда была большая, как мой зипун!

Базаралы рассмеялся, оценив остроумный ответ старика, и повернулся к своим:

– Слушайте, что он сказал. Говорит, земли было с ладонь, а нужды как целый чапан!

– Ай, бедный! – слушатели сочувственно зачмокали губами.

– Как метко сказал! Такая она и есть, нужда!

Апанас между тем продолжал с той же горькой усмешкой:

– А беда нависла над головой еще больше... Как вот эта твоя юрта.

Базаралы тут же перевел:

– Он еще говорит: беда у них была над самой головой, большая беда. Как эта юрта над нами. Как же было им не кочевать. Вот и решились.

Даркембай смотрел на Апанаса со все большим доверием и сочувствием.

– Вон как... Значит, как говорится, “если бы год был хорош, зачем архарам⁴ бежать из Арка”.

А Канбак, кивая головой, добавил:

– Разве это он о себе сказал? Это он про нас.

– И верно! – подхватил Токсан. – Не то же ли самое с нами. Только у нас земли много. Зато посеяно – с ладонь. А нужда да беда – это наши постоянные знакомые. Давят, как ярмо.

Базаралы, который с дружеским расположением поглядывал на Апанаса, теперь заговорил по-казахски:

– Эти люди – отважное племя. От правды они не отступят. Родились в бедности, так не станут бахвалиться: “Мы, мол, потомки богатого рода!”

Базаралы тут же принял одно решение. Он повернулся к Даркембаю, Абылгазы и к жене:

– Много хлеба и соли съел я в ссылке у русских. А больше всех кормили меня вот такие же бедняки, как эти. Только с их помощью я добрался до родины, когда бежал с каторги. Я все берег своего единственного подростшего барашка; ду-

⁴ Архар – горный баран.

мал: заколю для какого-нибудь редкого гостя. Что ж, кого лучше я найду. Давайте заколим его и угостим этих людей! Абылгазы, пошли за ним в стадо!

Друзья одобрили его решение. Одек уже готовила чай. Базаралы обратился к Апанасу и попросил его остаться у него в гостях вместе с остальными двумя, а кроме того, пригласить на обед еще пятерых почтенных людей из русского обоза. Апанас поблагодарил за приглашение и сказал, что за остальными сходит Федор.

Базаралы поручил Токсану и Канбаку вечером пройти с гостями на поле:

— Покажите им наши посевы. Мы ведь только ковыряем землю, ничего не понимая в деле. Покажите им нашу землю, расспросите, как надо здесь пахать и сеять!

Под вечер, после угощения, крестьяне вместе с Даркембаем и Абылгазы пошли смотреть хлеба. Дед Сергей, о котором Апанас отозвался как о самом знающем хлеборобе, то и дело показывал головой, сам Апанас, останавливаясь там, где замечал огрехи, показывал их казахам и ворчал:

— Жаман!..⁵ Жалкау!..⁶

А Федор, увидав эти огрехи, попросту ткнул Абылгазы в бок и яростно плюнул, высказывая полное осуждение. И хотя тот не понял смысла слов, сказанных Апанасом, укоризненно повторял их:

— Жаман, жаман! Да чего там — жаман! Просто — плохо.

— Уж до чего плохо, хуже нельзя! Бить тебя надо, Абылгазы, — закончил он и потряс могучей рукой джигита за плечи, показав кулак.

Когда Даркембай возвращался с русскими стариками с поля, зоркий взгляд его заметил на склонах холмов Сары-Адыра огромный табун пасущихся коней. Из табунщиков здесь был только один подросток, дневной сторож. Подъехав к нему, Даркембай, ласково называя его и “светиком”, и “сыном”, предупредил:

— Тут поблизости есть посевы бедняков жатаков. Вон там, видишь, внизу. Как бы не случилось так, что табунщики ночью заснут и не доглядят за конями. Передай об этом ночным табунщикам, объясни им, родной, предупреди!

⁵ Жаман — плохо.

⁶ Жалкау — ленивый.

Молодой табунщик, пригнав коней на вечерний водопой, действительно передал его просьбу товарищам, которые должны были вести табун в ночное. Тут же был и сам молодой хозяин – Азимбай. При имени Даркембая лицо его помрачнело, и он, нахмурясь, слушал джигита. Когда тот закончил, Азимбай приказал гнать табуны на те же места, где они паслись днем, и добавил, что ныне поедет в ночное сам.

В сумерки к склонам Сары-Адыра направилось больше десяти косяков молодняка. С ними ехали байские сыновья, их слуги и табунщики. Тут был сын Акберды – Мусатай, сын Майбасара – Ахметжан, забияка и смутьян вроде своего отца. Были здесь и крикливый Мака, и молодой повеса Акылпеис, и известный конокрад и бездельник Елеусиз.

Азимбай на днях съездил к Сары-Адыру, внимательно осмотрел жатаковские поля и вернулся еще более озлобленным. И теперь он подвел табуны к посевам. Впереди всех шел темно-рыжий лысый жеребец, признанный вожак тысячного такежановского табуна. Часто пофыркивая и подхватывая на ходу траву, он вел свой огромный косяк, за которым тянулись и остальные табуны. Видимо, он учуял близость хорошего корма и теперь уверенно шел, не останавливаясь и даже не опуская головы к земле. Азимбай вполне оценил его поведение и, подозвав к себе своих сверстников и табунщиков предложил:

– Ну, джигиты, давайте теперь отдохнем! Слезайте с коней, полежим тут, побеседуем. Табуны сами видят, куда идти. У скотины языка нет. Если что случится, кому кони расскажут. Соберем их с рассветом и поедем домой.

Он засмеялся с откровенной злобой. Приятели поддерживали его смехом, но один из молодых табунщиков, видимо не поняв хозяина, возразил:

– Тут неподалеку посева. Долго ли до греха?

– Ложись, не болтай! – оборвал его Азимбай. – Если одни вздумали сеять, что же, другим и пасти скотину нельзя?

– Ковыряют землю. Что выдумали: ни отцы, ни деды не занимались этим! – ворчал Мака.

– Стыдно всему народу за этих оборванцев жатаков. Выгнать их пора из нашей степи, – добавил Ахметжан.

— Это дело недолгое, — сказал Азимбай. — Стоит лишь два-три раза подряд уничтожить их поля и прикрикнуть: “Не ройте землю, словно собаки перед чьей-нибудь смертью!” — и они сами куда-нибудь откочуют.

— Верно. А если эти мужики не откочуют, так разлетятся, как пчелы из разоренного улья! — подхватил с хохотом Акылпеис.

Слова его так понравились Азимбаю, что, устраиваясь спать, он несколько раз повторил их вслух. Рядом с ним улеглись молча и его приятели.

Этот мирный отдых в ночной степи, такой невинный на вид, на самом деле был гнусным преступлением.

А кони... Прекрасные, умные животные, полные достоинства и благородства, мирные друзья человека! Если бы только они понимали, чем сделала их злая воля Азимбая! Они становились теперь разрушительной силой, подобной степному пожару, урагану или наводнению. Сплошной темной массой, покрывавшей целое поле, табун двигался в ночи, как некий тысяченогий и многозубый ненасытный разрушитель, лютый айдахар — дракон. И в голове этого гигантского чудовища, как одинокий глаз, светлела грива темно-рыжего такежановского жеребца. Он шел все вперед и вперед, ведя за собою тысячный табун. Спелая густая пшеница распространяла в ночи манящий запах. И весь табун — не только яловые кобылицы, но и жеребята-стригуны — понял уже этот призыв и двинулся на посевы, заливая их сплошной массой от края до края.

Косяки как будто нарочно сохраняют полную тишину. Не заржет ни один жеребец, даже ни один глупый стригун. В глубокой тишине ночи слышны только лишь хрустящий звук перетираемых зубами колосьев да негромкое пофыркивание, словно кони выражают друг другу удовлетворение наконец-то найденным богатым кормом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Обоз переселенцев зашевелился еще на рассвете. Коней запрягли в телеги, готовясь тронуться в путь. Ожидали только Канбака. Он тоже встал чуть свет и пошел за своим ко-

нем, которого с вечера пустил на подножный корм, опутав ему ноги. Подвинувшись на холмик возле посевов, Канбак увидел в пшенице огромный табун и, поняв весь ужас происшедшего, громко закричал, рыдая в голос, и кинулся к аулу.

Навстречу шел Даркембай, который встал пораньше, чтобы посмотреть, не забрел ли какой-нибудь стригунок в пшеницу. За ним шла старая Ийс и еще несколько женщин, вышедших на поле, чтобы нарвать спелых колосьев для утреннего чая. К ним и подбежал Канбак, рыдая и крича.

Весть об этом разнеслась по всем трем аулам. Люди сразу поняли размеры бедствия. Из всех юрт высыпали люди. Дети, хватаясь за подола матерей, путаясь в ногах у взрослых, плакали в страхе, увеличивая общий шум, не понимая, в чем дело, но чуя большое горе.

Громкие проклятия, горестный плач, гневные возгласы... Аул забурился, как будто готовился отразить внезапный враждебный набег.

- Будьте вы прокляты, злодеи!
- Пусть спалит огонь весь род иргизбаев!
- Кто хозяева табунов? Погибель им!
- Пусть их внуки и правнуки в слезах влачат жизнь!
- Да затопят тебя наши слезы, лютый враг!
- Конечно, враг! Только враг мог решиться на это!
- Подлецы... Проклятия сирот на ваши головы!

Во всех аулах раздавались эти крики. С такими же гневными словами вошли в юрту Базаралы его друзья Даркембай, Абылгазы и Канбак.

Базаралы был одет, как будто собирался куда-то в путь, но встать с места не мог, прикованный болезнью к постели. Прислушиваясь к рыданиям и крикам, доносившимся в юрту, он метался по постели, но не проронил ни одного слова. И лишь теперь, когда в юрту вошли мужчины, он заговорил, пылая гневом:

– Несчастный народ мой, народ труда! Да обернутся слезы твои черной кровью в глотках врагов! Но довольно рыданий, опомнитесь! Абылгазы!

И, обводя горящим взглядом своих друзей и вошедших с ними других мужчин, Базаралы заговорил уже тоном приказа:

— Пока косяки не ушли с поля, возьмите арканы и недоуздки, идите туда и изловите тридцать коней, самих отборных! Дело идет о жизни или смерти. Чего нам теперь бояться! Шестьдесят семей засеяли двадцать десятин, каждая десятина дала бы пшеницы стоимостью по крайней мере в полтора хороших коня. Вот и заберите тридцать коней, а потом поговорим. Да коней выбирайте посильнее, может быть, на них же придется и драться с врагами. Ступайте ловите! Не сделаете так, народ вам не простит!

Даркембай одобрил его решение. И не успел бы вскипеть чай, как в аулах уже были привязаны к юртам тридцать самых лучших коней из табуна. Даркембай не успокоился до тех пор, пока всех этих коней не оседлали.

Крики, рыдания и проклятия, стоявшие над аулом, давно уже привлекли внимание переселенцев. В обозе долго поджидали Канбака и, наконец, Апанас, Шодр и Сергей пришли к Базаралы, чтобы узнать, почему задержался проводник. Здесь они услышали о бедствии, обрушившемся на аул. Они близко к сердцу приняли несчастье, постигшее казахскую бедноту. Узнав о распоряжении Базаралы задерживать тридцать коней, все три старика одобрили это.

— За потраву и не так взыскивать надо, — гневно сказал Шодр. — Надо в суд подать на хозяев табуна, пускай отвечают!

Афанасьич предложил составить свидетельское показание о потраве, которое подпишут все переселенцы, и тут же старики пошли к обозу.

Сразу после их ухода в ауле появилось множество всадников. Это были приятели Азимбая, их слуги и табунщики и вдобавок еще десятка полтора джигитов, охранявших по соседству иргизбаевские табуны, — всего более сорока всадников. В руках у них были соилы и шакпары. В аул они въехали, не сбавляя рыси, показывая этим, что не считают его достойным обычных приличий.

Азимбай и его сообщники спокойно спали до восхода солнца, предоставив косяки самим себе. Первым проснулся Мака и увидел, как жатаки, поймав десятка три коней, гонят их к аулу. Он тут же поднял тревожный клич:

— Аттан, аттан! На коней!

Азимбай тотчас вызвал на помощь табунщиков соседних аулов, и когда они появились, повел всех людей к жатакам.

Едва подъехав к крайнему аулу, Азимбай, не сходя с коня, повелительно крикнул:

– Эй, жатаки! Кто тут есть, выходите ко мне!

Это было как раз возле юрты Базаралы. На вызов вышли Абылгазы, Даркембай, Канбак и Токсан. Базаралы, стиснув челюсти, попытался подняться, но боль в пояснице не дала ему двигаться. Весь кипит от гнева, он прислушивался к разговору у юрты.

Азимбай, не поздоровавшись, властно приказал Даркембаю:

– Верни моих коней! Сейчас же! Всех до одного!

Даркембай ответил негодующими упреками:

– Хуже, чем во времена калмыцких набегов! И враги того не сделают!

Но ему не дали договорить. Азимбай, Ахметжан, Мака и Елеусиз закричали, перебивали друг друга:

– А что вы, жатаки, делаете? Чем вы лучше калмыков?

– Мы проспали – что же, за это грабить наши косяки?

– Как посмели угнать коней? На кого ты поднял руку?

– У скотины ума нет, не знает, что ест... А ты, видно, тоже стал скотиной, потерял ум?

– Кончай болтовню, отдавай коней!

Абылгазы попытался перекричать их:

– Дадите вы сказать слово или нет?

– Вот тебе слово! – и Азимбай хлестнул его плеткой по голове.

Абылгазы схватился за плетку, рванул ее так, что петля на рукоятке лопнула, и этой же плеткой замахнулся на Азимбая. Но тут его ударил соилом Акылпеис. Посыпались удары на Даркембая и остальных. Женщины, выглядывавшие из соседних юрт, в ужасе заголосили.

Но весь этот шум покрыл громкий выкрик Абылгазы:

– Агтан!

Это было условным кличем. Держа наготове соилы, тридцать жатаков стояли за юртами у оседланных коней. Услышав призыв Абылгазы, они вскочили в седла и ринулись на врагов с криками:

– Бей, сбивай! Сшибай с коней!

Этот отряд был подготовлен Абылгазы. В нем было и несколько отважных джигитов, которые участвовали в набеге на такежановский табун. И хотя жатаков было почти вдвое меньше, чем врагов, они смело ринулись на азимбаевских людей.

Абылгазы, петляя между юртами, добежал до своей юрты, вскочил на вороного коня, который ходил под самим Такежаном, и, подняв шокпар, с грозным кличем ворвался к гушу врагов.

Даркембай упал с окровавленной головой после первых же ударов. Одек тащила его в юрту. Увидев старика, Базаралы пополз к выходу.

— О, господи... уж возьми лучше мою душу, чем мучить меня так! — простонал он сквозь зубы, пытаясь подняться на ноги.

Одек, хотела остановить его, но огромным усилием воли он встал во весь рост и снял висевший на остове юрты шокпар.

— Уйди! — крикнул он, и, шатаясь, двинулся к выходу из юрты. — Умру в бою с врагом... Эй, джигиты! Сметай, кроши! Свершай свою месть!

Возле двери маленький Рахимтай рыдал на плече бледного окровавленного Даркембая.

Жалобный плач сына заставил Даркембая очнуться. Преодолевая боль, он обнял Рахимтая.

— Не плачь, мой мальчик, не бойся. Все уже прошло, — ласково повторял он.

Бой шел в самом ауле. Возле юрт бились конные противники. Падали с седел и жатаки, и их враги. Бедняки подбадривали друг друга криками:

— Не отступай!.. Не сдавайся! Держись вместе!

— Не жалея! Бей насмерть! — отвечали голоса врагов.

Даркембай, увидев Базаралы уже в дверях, крикнул его жене:

— Иди за ним, поддерживай!

Одек подбежала к мужу. Охватив рукой ее плечи, он, шатаясь, стоял перед своей юртой, в ярости крутил шокпаром над головой и громким криком направлял джигитов туда, где требовалась помощь жатакам.

И все же азимбаевские люди начали одолевать.

Но в тот миг, когда бой мог решиться в их пользу, неожиданно, как ураган, налетела новая сила. Это были русские переселенцы.

Апанас и Шодр закричали на весь обоз:

– Распрягай коней! Вынимай оглобли!

– Айда на помощь!

Через несколько минут больше десятка всадников мчались на неоседланных конях к месту боя, размахивая оглоблями. За ними, схватив лопаты и вилы, бежали на помощь своим новым друзьям Дарья, Фекла и другие женщины.

Подлетев на полном скаку к Абылгазы, Шодр, оказавшийся впереди других, кинулся и тут же получил сильный удар по плечу соилом от Акылпеиса. Он ответил страшным ударом оглоблей. Способы боя на конях соилами и шокпарами Федору были неизвестны. Опытные бойцы бьют соилом и шокпаром по голове или по плечу, чтобы выбить из рук оружие, или по колену, чтобы не дать врагу усидеть в седле, Федор всего этого не знал и добросовестно ухал свой оглоблей по бокам всадников. Впрочем, от его ударов враги слетали с седел, как шапка с головы.

В бой ринулся и Апанас с остальными переселенцами. Азимбаевцы дрогнули. Русские крестьяне налетели на них с зычным криком:

– Урра! Урра!

Подоспевшие союзники едва начали разминать свои крепкие плечи.

– Ой, спасибо вам!.. Хорошие русские люди, дай вам бог удачи!.. Будьте счастливы вы сами, и дети ваши, и внуки!.. – благодарили казашки неожиданных заступников.

Тут в аул прибежали, запыхавшись, Дарья и Фекла со своим бабьим войском. Они смешались с казашками и вместе с ними то и дело провожали увесистыми ударами скачущих мимо азимбаевцев.

– Звери, насильники окаянные! – приговаривала Дарья, опуская лопату на чью-то спину.

– Антихристы! – басом поддерживала ее Фекла.

Мака, скакавший мимо, на ходу огрел Феклу соилом по плечу. Та с неожиданной быстротой ухватила за чембур его коня и, крикнув: “Ах ты, сукин сын!” – другой рукой легко сдернула его на землю с седла.

– Айрылмас!⁷ – заорал Мака, падая навзничь к ногам Феклы.

– Чего орешь? – грозно забасила Фекла и несколько раз пнула его тяжелой босой ногой. Кругом раздались восторженные крики казахских женщин:

– Смотрите на Шоклу! Ойбай, какая Шокла!

– Пяткой рот затыкает, а тот все орет: “Айрылмас!”

Даже маленький Усен, перепуганный и плачущий, в страхе уцепившийся за платье Ийс, и тот рассмеялся от удовольствия.

– Так его, получай! Так, так! – кричал он, наблюдая позорное поражение Мака.

Старая Ийс тоже засмеялась долгим беззвучным смехом, приговаривая сквозь все еще льющиеся слезы:

– Да буду я жертвой для тебя, Шокла... Да осчастливят тебя сыновья и дочери твои.

Так же, как и Мака, в разных местах аула были сбиты с коней еще несколько врагов. Теперь их колотили палками и рукоятками вил русские и казахские женщины.

Около десятка азимбаевцев еще держались вместе, отступая под напором переселенцев к крайней юрте аула – как раз к той, где стоял Базаралы. Здесь стоял сплошной перестук соилов, оглобел и шокпаров.

И тут Базаралы крикнул во всю мочь:

– Бей, не желей! Налетай, жатаки! Не дайте собакам уйти!

Крик его воодушевил сражающихся. Услышав его, обернулись и те жатаки, которые преследовали бежавших врассыпную остальных врагов. Базаралы, с искаженным от боли лицом, но все же размахивающий над головой шокпаром, казался живым призывом к мести. И, повинувшись его призыву, жатаки, а вместе с ними и переселенцы сильным натиском потеснили ряды врагов. Пятеро байских сынков полетели с седел.

Потеряв их, Азимбай решительно повернул коня и пустился в бегство. Абылгазы и Шодр кинулись за ним, однако догнать никак не могли.

Вскоре Абылгазы и Шодр повернули обратно к аулу.

⁷ Айрылмас – не разъединяйся – обычный клич во время боя.

За это время переселенцы под руководством Афанасьяча составили бумагу, в которой свидетельствовали о потраве. На бумаге расписались все переселенцы. По совету Афанасьяча с этого акта тут же сняли копию.

Когда это важное дело было закончено, новые друзья аула стали готовиться к отъезду. Проститься с друзьями прошло население всех трех аулов. К вечеру обоз русских переселенцев, провожаемый благословениями и словами благодарности, тронулся в путь.

Сразу после ухода обоза жатаки устроили совещание. Было решено, во-первых, теперь же послать ходатая к начальству с жалобой и с подтверждающим ее свидетельством переселенцев. Для этого в город ночью должен был выехать ловкий джигит Серкеш, знающий русский язык. Во-вторых, Даркембаю и Абылгазы поручили сейчас же ехать к Абаю и рассказать ему обо всех событиях дня.

Новое преступление насильников вовсе лишило Абая покоя. Им овладели горькие думы: что же, я так и стою на том месте, откуда начал жизнь? Чем больше сражаюсь я со злом, тем яснее вижу, что оно подобно многоголовой змее. Отрубишь одну голову — вырастут две другие. Где же выход, когда же увижу я зарю народную? Или жизнь моя осуждена на бесплодие? Ни одной мечты не дано мне достичь?

Догадываясь о тяжелом состоянии отца, Абдрахман пошел к нему под вечер, когда тот сидел один, погруженный в свои мысли.

— Я понимаю, отец, что вам вдвойне тяжело, — негромко заговорил он. — Мало того, что это зло совершено рядом с вами, на ваших глазах, виновником его вдобавок оказался сын вашего родного брата... И гнев терзает вас, и стыд... Вы мучаетесь молча про себя.

Мягкие слова сына обрадовали Абая, и он посмотрел на него благодарным взглядом, показывая, что готов слушать.

— Нынче, нападая на жатаков, враги наступают на вас. Не так ли?

— Ты прав.

— И вы никогда ведь не отступите от своего пути! — продолжал Абиш, не спрашивая, а утверждая.

— Не отступлю. Умру на этом пути. Это и клятва моя, и убеждение мое.

— Если так, то действуйте и сами. Решитесь на смелый поступок

— Что же мне надо сделать? — в раздумье спросил Абай.

— И мне сесть на коня с соилом в руке?

— Даже и так, — решительно сказал Абдрахман. — Понадобится — сделайте и это! Насилие отступает только перед сопротивлением. Зло побеждается сильной волей. Базаралы показал путь. На этом пути и Даркембай, и многие другие.

Абай ничего не ответил: он обдумывал слова сына.

В этом раздумье и застали Абая Абылгазы и Даркембай. Айгерим растелила скатерть, появился кумыс.

Абай заговорил с посланцами жатаков решительно и коротко:

— Что бы ни случилось с вами завтра, я буду на вашей стороне. Всю свою силу, все умение отдам вам в защиту. Какую бы подлость ни затеяли против вас враги, я буду с вами. Вот и все. Поужинайте и уезжайте к себе.

Тут же Абай послал к жатакам Дармена и с ним еще троих джигитов, приказав им сообщать ему все новости.

Решение иргизбаев повез жатакам Акберды. Ранним утром он с пятью джигитами приехал в аулы жатаков.

— Сегодня к вечеру вы сами приведете всех угнанных коней. Так повелевает род иргизбай! — холодно объявил он. — Если же нет, укажите место для боя завтра утром! Помните, все иргизбаи сели на коней. Разнесем ваши юрты, разорим аулы до тла — вот наша кара, если не придете с повинной.

Разговор этот происходил в юрте Базаралы, где собрались Даркембай, Абылгазы и еще несколько жатаков. Когда Акберды замолчал, отвечать ему стал Базаралы. Даркембай и Абылгазы одобрительно кивали головой, слушая его спокойные слова:

— Не мы начали это злое дело. Мы стали бороться, лишь когда на нас напали. Что же, мы погибнем, но не в слезах и не с мольбой на устах! Сами мы не пойдём на вас. А нападете вы — увидите!

Когда Акберды привел этот ответ, между аулами иргизбаев опять засновали гонцы, на этот раз собирая верховых на бой.

Услышав об этом, и Абай начал действовать. Он позвал к себе Ербола, Акылбая, Магаша и еще несколько человек.

– Садитесь на коней и скачите по всем окрестным бедным аулам. Передайте мой салем беднякам: пусть за эту ночь к утру все мужчины доберутся до аула жатаков. Кто не сможет прийти до них, пусть приходит сюда, в мой аул. Я помогу людям разобраться, кого же больше в степи: иргизбаев или народа?

С этим поручением друзья Абая поскакали в разные концы. И ранним утром к жатакам потянулось множество людей из бедных аулов, расположенных поблизости, на урочищах Ойкудык, Киндикты, Корык, Шолпан, Ералы. Некоторые сидели верхом на клячах, но большинство ехало на верблюдах и на волах, забравшись по несколько человек им на спину. А еще больше людей шло пешком. Но не было ни одного человека без соила или шокпара.

Сила жатаков, таким образом, неожиданно увеличилась во много раз. Узнав о том, что это сделал Абай, Базаралы воспрянул духом. Он даже сумел встать с постели. Как бы забыв о болезни:

– Поднялся народ! Нищий народ мой, ты на верном пути... Не клич рода объединяет нас, а насилие родичей!

К полудню иргизбаи сели на коней. Собралось более полутораста всадников. Это были вооруженные соилами и шокпарами байские сыновья и их приспешники, молодые повесы.

Все это войско двигалось к аулам бедняков неторопливо и грозно. Было видно, что иргизбаи действительно решились выполнить свое обещание – разметать аулы жатаков. Соилы зажаты под мышкой, малахаи со спущенными наушниками туго завязаны, как это полагается в бою.

Жатаки тоже оседлали своих коней, которые у них нашлись, прислонили соилы к седлам и ожидали начала событий. Возле этих всадников, которых оказалось вчетверо меньше врагов, собралась большая пешая толпа вооруженных соилами людей. Став перед юртой Базаралы, они тоже ожидали нападения. Толпа эта совсем не походила на войско – казалось, что народ собрался на какое-то мирное сборище. Но люди смотрели на грозно надвигающуюся лавину со спокойной решимостью.

За аулом, возле потравленных посевов, высился продолговатый холмик. Внезапно на нем показались воору-

женные всадники. Их было не менее сотни. Появление их поразило обе готовые к бою стороны. Кто это? К кому они примкнут?

Не задерживаясь на холмике, верховые решительно повернули к жатакам. И тут во всаднике, едущем впереди, люди узнали Абая.

Вся толпа бедняков с восторгом зашумела:

– Абай! И он сам приехал!

– Будь счастлив, опора моя! – крикнул Даркембай, кидаясь навстречу Абаю.

Тот остановил коня и наклонился к нему:

– Вот, Даке, я с тобой. Пусть попробуют взять нас!

Радостные крики раздавались в толпе. Иргизбай, которые приблизились уже к аулу, невольно придержали коней. Акберды, Такежан и Исхак, ехавшие впереди, обменялись злыми восклицаниями:

– Неужели Абай?

– Вчера молчал, а сегодня вот на что решился!

Такежан издали крикнул Абаю:

– Что же это будет, если два сына Кунанбая начнут воевать?..

Абай не спешил с ответом. Он стегнул коня и выехал вперед. Следом за ним двинулись и приведенные им всадники, и верховые жатаки, предводительствуемые Абылгазы.

Подъехав ближе к иргизбаям, Абай остановил коня и властно закричал, отчетливо выделяя каждое слово:

– Уходи прочь, не заносись! С тобой иргизбай, а здесь бесчисленный народ! Это мой народ, мои родичи! Не позволю насильничать! Опомнись! Иначе схватимся с тобой в бою, хоть ты и сын Кунанбая!

Слова его смутили многих иргизбаев. За спиной Такежана поднялся ропот:

– Разве можно допустить такой грех? Сражаться иргизбаям между собой? Абай душу положит за жатаков! Видно, на все готов.

Первый боевой порыв иргизбаев был сломлен. Бой не мог начаться немедленно. Заметив это, Абай подъехал еще ближе. На лице его не было той ярости, с которой человек

кидается в бой. Нет, это было холодное, спокойное лицо справедливого судьи, выносящего приговор.

— Э-э, иргизбаи! Вы видите этих людей? Они готовы умереть, но никогда не покорятся. Попробуйте кинуться на них — будете опозорены. Так угостит вас разгневанный народ! Отступите и пришлите сейчас же троих людей для переговоров!

Слова его были встречены глубоким молчанием. Часть иргизбаев уже поворачивала коней. За ними последовали остальные, отъехав подальше они начали совещаться. Наконец к аулу выехали три всадника. Это были Исхак, Акберды и Шубар. Узнав их, Абай слез с коня. Сопровождавшие его, так же как и всадники Абылгазы, отступили назад и спешились. С Абаем остались только Даркембай, Ербол и Дармен.

Подъехавшие первыми приветствовали Абая, как младшие по возрасту, и, сойдя с коней, подошли к нему.

Он встретил их с гневной усмешкой:

— “Абай не сядет на коня, не возьмет в руки соила, мужчинами-воинами рождены только мы!” — так думали вы? Ошиблись! Даже из гроба поднял бы меня нынче гнев, если б я услышал, до каких гнусностей вы дошли. Но раз я жив, не уймуся, пока вы не возместите жатакам того, что натворили! Если есть у вас хоть капля совести, скажите вы сами, Исхак и Шубар, как решить вопрос, не таитесь, скажите мне прямо в глаза вот тут же!

Так начались переговоры. Они затянулись до самого вечера, Абай оставался упрямым, несговорчивым и суровым. Он настаивал на своем, ни в чем не уступая.

Только под вечер было достигнуто соглашение: все тридцать задержанных жатаками коней перешли в пользу ограбленных аулов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Нынче утром к юрте Еркежана подскакал посыльный волостного, передал Абаю несколько писем, казенный пакет. Абиш успел уже просмотреть все письма.

— Вам повестка от семипалатинского уездного начальника, — сообщил он отцу. — А это письмо вам от Федора Ивановича, он и мне написал.

Упоминание о Павлове сразу изменило настроение Абая. Абдрахман, не желая, чтобы слышали все, наклонился к отцу и негромко прочитал ему повестку.

Уездный начальник Казанцев по приказанию канцелярии губернатора вызывал Ибрагима Кунанбаева на чрезвычайный съезд представителей Семипалатинского, Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов. Повестка кончалась угрозой, что в случае неявки Абай будет привлечен к ответственности.

Вслед за этим Абиш начал читать отцу письмо Павлова. “Мой совет вам: с самыми высокопоставленными чиновниками держитесь смело, с гордо поднятой головой. У вас есть на это право. Ваша популярность среди степного народа велика, я понял это в беседах с казаками Зайсанского и Усть-Каменогорского уездов. Я ряд этому и горжусь за вас. Народ ваш с вами, а может ли человек мечтать в своей жизни о большей награде? А то обстоятельство, что жизнь есть борьба, — это мы с вами, кажется, отлично поняли”.

Слушая письмо Павлова, Абай словно освобождается от того оцепенения, которое все это время владело им. Павлов своей умной и деятельной дружбой и на этот раз поддержал его.

Магаш, обеспокоенный вызовом Абая к начальству, завел было разговор о поездке, но отец перебил его, снова заговорив о Павлове:

— Вот я слушаю о нем и думаю: что знают о России и о русских наши казахи, все эти Уразбаи, которые преследуют меня кляузными? “Белый царь”, “корпус”, “уездный” — вот все, о чем они твердят! Русских они представляют себе только чиновниками, урядниками, стражниками... А кем считают они таких русских людей, как Павлов?

Лицо Абая побледнело, глаза расширились. Давно уже молодые друзья не видели его в состоянии такого подъема.

— Мне посчастливилось встретиться с хорошими русскими людьми. На них и стал я опираться. Да и не один я. И вы, получая от русских свои знания, тоже опирались на этих людей! Они помогли нам, открыли глаза на жизнь... Но ка-

кое счастье ждет те поколения, которые сменят мое и ваше! Они пойдут к русскому соседу всеми кочевьями. Сойдется народ с народом. История повернет свой путь... Верно ведь я говорю, Абиш? — сказал он, стремительно поворачиваясь к сыну.

Абдрахман, взволнованный, молча кивнул головой. Остальные молодые люди жадно вслушивались в слова Абая, следя за ходом его мысли.

— Если сумею я быть проводником каравана, кочующего на те прекрасные жайляу, труд мой не будет напрасен! — продолжал Абай.

— Пусть наши мусульманские проповедники сотни лет твердят, что наступит конец мира, что близко светопреставление! Нет, близок не конец мира, а конец зла. Нам надо только суметь подготовить к этому свой народ.

Дармен и Какитай не отрывали взгляда от Абая, ожидая, что он будет говорить еще. Они давно не слышали таких слов Абая, такого вдохновенного излияния дум.

— Федор Иванович разбудил вашу мысль, Абай-ага, — сказал восхищенно Какитай. — Да исполнятся все его желания!

* * *

В Кара-Мола Абай взял с собой Ербола, Кокпая и Баймагамбета, а из молодежи Магаша и Дармена.

Абиш за последнее время немало поработал для того, чтобы помочь отцу в предстоящих ему испытаниях. Абиш действовал по совету Павлова, взяв себе в помощь молодых друзей.

И ему, и Павлову было ясно, что ответ, который Абай будет держать перед губернатором, чреват опасными последствиями. Поэтому нужно было иметь оправдывающие свидетельства, ходатайства и другие бумаги, которые чиновничьи канцелярии предпочитали всему.

Именно поэтому Абиш и приступил к составлению некоторых бумаг. В них было написано обо всех злодеяниях и преступлениях, которые вызвали в прошлом году гнев недоимщиков. Все это сообщалось самим пострадавшим народом. В заявлении особенно подчеркивалось то, что Абай боролся только против незаконных “черных сборов”. Упо-

миналось и о том, что лишь вмешательство Абая предотвратило опасное столкновение между уездными властями и степной беднотой. Мирное население степи по многим примерам знает, что Абай всегда справедливо и законно заступался за народ, а поэтому и теперь он оправдывает его перед властями. Подтверждая это, люди всей Чингисской волости и скрепляют бумагу своими подписями. Абай поблагодарил Федора Ивановича за дружеское участие и тут же воспользовался его предложением.

— Нынче в Кара-Мола приедет семипалатинский губернатор, — начал он. — Мне никогда не приходилось встречаться с ним. Что это за человек? Как вы советуете с ним разговаривать: лично или через кого-нибудь из его чиновников? А может быть, защищаться самому мне и не стоит? На меня так много подано жалоб и доносов. Не лучше ли взять адвоката?

Павлов, подумав, ответил:

— Он человек новый, приехал не так давно. Говорят, если он видит, что перед ним трепещут, он и грозен, и беспощаден, но едва почувствует решительность и смелость — резко меняет тон и даже может отступить. Вот что говорят о нем чиновники и адвокаты. Может быть, вам это пригодится.

— Конечно. Хорошо, что вы сказали.

— У вас есть свое сильное оружие, Ибрагим Кунанбаевич. Воспользуйтесь им. Все эти чиновники считают казахскую степь дикой и темной, а людей ее — невежественными. С кем бы вам ни пришлось встретиться и говорить, — покажите им, что в этой степи есть настоящие люди. Пусть знают. Покажите им, что Ибрагим Кунанбаев, который и родился, и вырос в этой степи, лучше их знает, что такое поэзия и искусство, глубже понимает, что такое человеческое достоинство, справедливость. Держите себя с достоинством. Помните, что вы представляете честь вашего народа.

Павлов разгорячился и взволновался. Его большие синие глаза сверкали, он выпрямился.

Разговор был прерван внезапно. Тяжелые шаги и позвякивание шпор возвестили о появлении в ауле постороннего. В дверях юрты показался рослый жандарм с красными вилами шнурами, спускающимися с левого плеча, с шашкой в блестящих ножнах.

— Господин Павлов? — обратился он к Федору Ивановичу. — По личному приказанию его высокоблагородия полицмейстера города Семипалатинска прибыл за вами. Вы привлекаетесь к ответственности за самовольную отлучку в киргизскую степь. Потрудитесь немедленно следовать за мной.

Это неожиданное появление взволновало Абая. Но Павлов, насмешливо сощутив глаза, спокойно посмотрел на усатого толстяка, который напыщенным тоном, казалось, хотел придать себе важности.

— Ну, немедленно я никуда двинуться не могу, — с явной издевкой сказал он. — Вот закончу свои дела, соберусь — тогда и отправимся.

— Мне приказано доставить вас сейчас же... — начал было жандарм.

Павлов перебил его:

— Если вы торопитесь, поезжайте один. Я же сказал, что мне нужно закончить здесь свои дела... Пойдемте, Ибрагим Кунанбаевич, — он повернулся к Абаю, — угостите меня кумысом в последний раз в этом году.

Только в середине дня Павлов смилостивился над жандармом и объявил, что готов ехать.

Абай, прощаясь, крепко обнял друга. Молодежь с грустью проводила дорогого гостя.

Когда тележка с Павловым была уже далеко от аула, Абай и его спутники сели на коней и тоже двинулись в путь.

* * *

Эти дни Базаралы проводил на коне, объезжал аулы. Базаралы пустился в поездку ради Абая. Он посещал один за другим все бедные аулы, везде собирая приговоры в защиту Абая. Решение это было вызвано тем, что незадолго до отъезда Абая в Кара-Мола рассказал ему Дармен. Тот говорил, что число врагов Абая все растет. Такежан и его прихлебатели давно уже объявили Абая отступником от пути Кунанбая и предков, называя его совратителем, обвиняли в кошунстве. А нынче появился новый ядовитый змей — Уразбай. Этот молит о каре Абая уже не бога, а городские власти, обвиняя Абая не в кошунстве, а в непослушании царю. Сейчас

Абая хотят судить за то, что в прошлом году он поднял народ против сбора недоимок.

Выслушав Дармена, Базаралы начал раздумывать вслух:

— “Не сын Кунанбая”, “не потомок предков”, “отступил от пути отцов”... А что же, они ведь правду говорят! Только плохо ли это? Да, он отпал от всех этих Такежанов и ушел к народу. Ради народа он сцепился сейчас с волками-сородичами. Вот за это его и тянут в суд... Но теперь надо и народу вступить за него. Ты ничего не говори Абаю, а я вот сяду на коня и по-своему попробую помочь ему.

Надежды его оправдались.

Во всех бедных аулах он рассказал о том, что Абай попал в беду. Имя Базаралы после его отважного набега на табун Такежана было хорошо известно, и слушали его с доверием и уважением. И везде в аулах Кокше, Мамае, Жигитеке и отдаленного рода Жуантаяк — Базаралы находил сторонников Абая.

— Разве мало помогал нам всем Абай? А можем ли мы сказать о себе, что хоть раз помогли ему? — говорил Базаралы, убеждая решиться на составление приговора.

В другом ауле он говорил:

— Царские власти и наши степные воротилы объединились против Абая, у них один общий клич: “Пусть погибнет тот, кто заступает за народ!” Наши на него клеветают, а те готовят ему кару. А что же народ не заступится сам за Абая?

Там, где его окружали такие же бедняки, как он сам, Базаралы говорил яснее:

— Абай стоит за народ, а народ — за Абая. Если есть за кого поднять шокпары — так за него. Он давно показал нам светлый путь славной борьбы. Не было в степи ничего лучше того, к чему он зовет, есть за что пролить кровь.

Вскоре обе его переметные сумы были набиты бумагами с печатями волостных старшин — приговорами, в которых аульные сходы просили начальство не допустить несправедливости в решении дела Ибрагима Кунанбаева.

* * *

Абай не очень торопится на кара-молинский “шербешнай”⁸. В дороге он рано останавливался на ночевку

⁸ Шербешнай — так произносили казахи слова “чрезвычайный съезд”.

у друзей в разных аулах, поздно выезжал по утрам. Лишь на четвертый день путники выехали на берег реки Чар.

День выдался ясный и теплый. Дул легкий ветерок. Узкая река вилась между крутыми берегами, которые порой переходили в широкие поймы, зеленевшие сочными травами. Прозрачная, удивительно чистая вода бежала по крепко слежавшемуся песчаному дну, колыша травинки, залитые ею. Степь почти вся еще была зеленой; лишь далекие холмы и перевалы покрывал побелевший ковыль. Вблизи же было видно, что сквозь него уже пробивались вспоенные дождями осенние травы, зеленея между белыми или соломенно-желтыми стеблями.

Путники уже дважды пересекли Чар. Кони, идя берегом, фыркали, тянулись к воде. Байкокше, строго следивший в пути за длиной перегонов и сроками привала, теперь приказал:

— Здесь будем поить коней. Больше нам переходить Чар не придется.

Всадники, не слезая с седел, разнуздали коней. Абай тоже нагнулся к удилам, но его опередил Ербол, остановивший коня рядом с ним; быстро перегнувшись с седла, он разнуздал коня Абая.

— Ну вот, сейчас начнут надо мной издеваться: не может, мол, сам напоить своего коня! — шуточно подсадовал Абай и ласково добавил: — Видно, ты до самых седин не перестанешь обо мне заботиться.

— Э-э, наверно, эта привычка в меня выросла, — ответил Ербол. — Сколько уже лет я о тебе думаю: “Бедненький, беспомощный. Надо его пожалеть, ему с таким делом не справиться”.

Все расхохотались: слово “беспомощный” трудно было применить к плотному, дородному Абаю.

Конь Байкокше, опередив остальных, пил чистую, незамутненную воду на самой середине реки. Старик, повернувшись в седле, с улыбкой смотрел на Абая и Ербола.

Байкокше остановился у зарослей ковыля на берегу реки. И пока остальные догоняли его, он успел сойти с коня и пустить его на траву, держа на длинном чембуре.

— Спешивайтесь, дайте коням отдых! — приказал он

всадникам, и Дармен с удивлением услышал, что голос старика стал более звучным и бодрым, чем раньше.

Едва коней пустили пастись, Байкокше, обросив с головы тымак, надтреснутым, но еще сильным голосом запел быстрый и бодрый зачин.

Теперь его слегка раскосо прищуренные глаза горели еще ярче. С первых же слов песня захватила внимание слушателей. Она лилась свободно и быстро, как река. Акын пел ее, повернувшись к Абаю, но глядя выше его головы.

Он пел о том, что в прошлую ночь видел во сне Абая, который одиноко стоял в бескрайней степи. Было ли то утром или вечером, Байкокше не помнит. Где это было, не знает. Лишь, как туманный мираж, видна была одинокая фигура Абая. Казалось, тот, насторожившись, чего-то ожидал... И вдруг пасмурный сумрак вокруг него зашевелился. С разных сторон на Абая кинулись рычащие хищники. Один был похож на свирепого черного пса, второй – на голодного волка с провалившимися боками. Третий был как лиса, которая, чую запах крови, облизывалась, подкрадываясь. Темные крупные тела не то кабанов, не то леопардов кольцом окружили Абая... И снова все затянулось мглой, крутящейся в вихре. И Абай, и чудовища исчезли. У Байкокше зашемило сердце. Глаза его наполнились слезами. “Абай!” – изо всей силы закричал он. Настала тишина. Когда же он в страхе взглянул туда, где был Абай, там все совершенно изменилось. Светило солнце, сияло ясное небо, а в кольце хищников вместо Абая стоял лев. Он закричал, вскинулся в прыжке, снопы огня брызнули от него. Лев прыгнул в самую гущу зверей. Он разорвал в клочья и черного пса, и жадного волка, и коварную лису, и кабана с кривыми клыками, и леопарда. Шерсть летела с них, кровь текла струями. Еще недавно грозные хищники лежали с переломанными хребтами, с окровавленными головами, визжали и стонали в предсмертных судорогах, зализывая раны. И лев, одиноко стоящий на высоком холме, грозно вопрошал: “Остался ли где-нибудь еще враг?” Когтями он царапал скалу, хвостом, как соилом, бил себя по бокам и рычал...

– Вот весь мой сон, джигиты. А теперь по коням! – воскликнул Байкокше, закончив песню, и первым зашагал к коню.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В Кара-Мола приехал и Уразбай. Все заправились уже заранее объединились, крепко держась друг за друга. Жалобы простых аульных казахов должны быть снова положены под сукно и лежать там годы, как лежали и до этого съезда.

Хотя о таком союзе никто не говорил вслух, но само появление всех этих людей в юрте Уразбая на угощении мясом “кок-каска” показывало, что они, забыв недавние раздоры, молчаливо согласились держаться вместе. Беседа шла о начальниках, приезд которых ожидался завтра, или о сопровождающих их толмачах, но уж никак не о жалобах народа.

Улучив подходящий момент, Уразбай осторожно перевел разговор на Абая. Оказалось, что стихи и наставления его были известны даже в самых дальних племенах и родах и что там они не вызывали возмущения, которого он ожидал. Тогда Уразбай решил напугать аткаминеров, трепещущих перед начальством и мечтающих выслужиться.

— Не знаю, выпутается ли Абай из тяжелого положения, — заговорил он так, что нельзя было понять, радуется ли он этому как враг или сочувствует Абаю как сородич. — Говорят, семипалатинский ояз очень зол на него и нарочно его сюда вызвал. Видно, его будет судить областной суд. Наши толмачи писали, что сам губернатор недоволен Абаем.

Говоря это, Уразбай зорко следил за гостями. Он не увидел среди них никакого сочувствия Абаю: наоборот, судя по довольным поддакиваниям многих было видно, что слова эти их обрадовали. Тогда Уразбай, откинув притворство, заговорил уже откровенно. Он начал обвинять Абая и в том, что тот против белого царя и властей, и в том, что он сбивает людей с мусульманского пути, нарушает дедовские законы и обычаи. Он поразил слушателей сообщением о том, что на днях Абай отнял у родных братьев наследство. Не забыл он также обвинить Абая в скупости и корыстолюбии.

— Можно ли поверить, что он даже поскупился на поминки по своему отцу Кунанбаю?! — воскликнул он.

Теперь аткаминеры зашумели и сами начали обвинять Абая. Один из чванливых заправил Сыбана, уже захмелевший от кумыса, взял домбру и, побренчав на ней, спел коротенькую песенку, злобно высмеивавшую Абая.

— Может ли сын ставить себя выше отца? — спросил волостной Ракиш, оглядывая всех. — А вот Абай считает, что он выше Кунанбая, хотя тот, подобно минарету, возвышался при жизни над всеми казахами и пользовался огромным влиянием. Абай и при жизни отца постоянно схватывался с ним, враждовал, а под конец совсем отрекся от него. Немудрено, что после смерти отца он старается уничтожить самую память о Кунанбае. Именно поэтому он не устроил поминального аса. Тут причиной и скупость, и гордыня. Что можно сказать о человеке, который глумился над могилой своего отца?

— Э-э, правильно говорит Ракиш, — одобрил Уразбай. — Этот Абай так загордился, что думает: “Имя мое стало широко известным, значит никто не посмеет осуждать меня. Что бы я ни сделал, все сойдет”. Но если дурной человек совершает дурной поступок, на него есть управа. Неужели власти станут терпеть такого выродка, который нарушает мирное течение жизни народа, грабит родных, глумится над памятью отца и все это называет “добром”, “справедливостью”? Какое же это добро, если все вы, почитаемые народом аткаминеры, готовы изгнать его?

Так Уразбай расчищал себе путь, давая понять, чего он хочет. Когда гости разошлись, он, сидя один перед юртой и прихлебывая в вечерней прохладе кумыс, самодовольно разглаживал свою длинную бороду, любуясь искорками седины, видя в них как бы сверкание зрелой мудрости.

Во-первых, было уже ясно, что ни один из влиятельных аткаминеров всех трех уездов не заступится за Абая. Во-вторых, когда завтра Уразбай подаст свою жалобу на Абая, каждый из бывших у него воротил поддержит его перед начальством на любом допросе. И, в-третьих, после двух этих угощений кругом стали говорить: “Теперь самый значительный человек в Тобыкты — Уразбай. Слово его — закон”. Таким образом, степные воротилы будут делать то, чего хочет он. Что же касается городских начальников и чиновников, то, подкупленные взятками, они давно были на его стороне.

В этот вечер и приехал в Кара-Мола Абай. Хотя он появился без всякого шума, сопровождаемый лишь неболь-

шой группой друзей, о приезде его тотчас же стало известно Уразбаю.

Обычно на подобных съездах аткаминеры других уездов, опасаясь, как бы Абай, пользующийся таким уважением народа, не стал главным бием съезда, приходили к нему “поздравить с приездом”, “выразить свое уважение”. Но сегодня у него появились лишь простые аульные казахи, услышавшие о его приезде.

В день открытия “шербешная” возле белоснежных юрт, приготовленных для приезжающего начальства, с полудня выстроилась большая толпа степной знати всех трех уездов. На груди у волостных блестели большие медные знаки на медных же цепях — знак их власти. Некоторые из аткаминеров были одеты в расшитые галунами кафтаны, другие накинули на плечи богатые парчовые халаты, полученные в награду. Такие же халаты и старинные мундиры надели на себя и потомки султанов, тюре и прочих высокопоставленных особ.

На таких сборах казахи привыкли сидеть, расположившись полукругом. Сейчас же, встречая начальство, они вынуждены были стоять. Прошел уже час с тех пор, как волостные и аткаминеры выстроились в ряд, а грозное начальство все еще не показывалось. Однако никто не ворчал, не жаловался на усталость, все стояли покорно и терпеливо, как во время намаза. У больших юрт, покрытых белоснежной кошмой, не было заметно ни малейшего движения. Истуканами торчали возле них стражники в красных шапках, заранее приехавшие из города, да старшины, которых карамолинский пристав назначил сторожить юрты, поставленные для начальства.

Наконец, вздымая пыль и звеня бубунцами, мимо выстроившейся знати промчался шумный поезд начальства. Скакали десятки всадников, гремели колесами закрытые кареты, катились повозки, в которые были запряжены тройки. Большинство встречавших должно было признать, что такого внушительного прибытия начальников еще не приходилось видеть. Даже когда на съезд приезжал один уездный и три крестьянских начальника, и то бывал немалый переполох. А сейчас на “шербешнай” приехало сразу три уездных начальника, с каждым из них по пять—шесть

крестьянских начальников, подчиненных им, приставы, урядники, стражники, переводчики-толмачи, посыльные. И, кроме того, нынче на съезд прибыл сам новый “жандарал” – генерал, военный губернатор, начальник всей области. Полицмейстер, который придавал особенное значение этому первому выезду генерала в степь, добавил к обычной свите еще множество жандармов и полицейских. Вместе с “жандаралом” приехали и его советники, переводчики, секретари. Толпа чиновников и полиции затопила всю территорию Кара-Молинской ярмарки.

Увидев столь пышный и блестящий поезд, волостные и аткаминеры оживленно загудели, выражая свой восторг. Они продолжали стоять, ожидая, когда прибывшее начальство выйдет из юрт для встречи с ними. Однако это произошло очень нескоро. Видимо, начальство проводило себя в порядке после долгой пыльной дороги.

Абай, которому следовало быть среди встречающих, пошел к ним тогда, когда начальство уже прибыло. Проходя к толпе аткаминеров, он встретил знакомого толмача и спросил его, приехал ли с губернатором Лосовский. Тот, зная, как дружески относится Лосовский к Абаю, ответил, что он здесь, и взялся передать ему просьбу Абая о свидании.

Лосовский действительно вышел из юрты и подошел к Абаю. Но сегодня чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе совсем не был похож на прежнего советника Лосовского. Он поздоровался с Абаем сухо и надменно и тут же, не дав ему раскрыть рта, холодно сказал:

– К сожалению, нынче я ничем не могу быть вам полезен. Ваши дела плохи. Вы сами должны понять, почему. Человек вы знающий, опытный, умный. И даже образованный человек. Пожалуй, именно поэтому с вас больше и спросится. Больше ничего вам сказать не могу, желаю всего лучшего.

Это было все, чем встретил Лосовский Абая. Абай подошел к Баймагамбету и Дармену, поджидавшим его в стороне.

– Видели вы, как он перепугался? Даже не спросил, чего я от него хочу, – сказал Абай внешне спокойно, но отлично понимая, что может означать такое отношение к нему Лосовского.

– Оказалось, он терпел меня, когда я не был ему опасен, а теперь, когда от меня стали шарахаться даже уездные, и он изменился ко мне.

Он двинулся к толпе ожидающих. Аткаминеры сосредоточили все свое внимание на белых юртах, и почти никто не заметил прихода Абая. Каждый думал только о том, будет ли он на этот раз замечен начальством, услышит ли хотя бы два слова. Мечтая об этом, все они вытягивали шеи, проталкивались вперед, нетерпеливо топтались на месте.

Поведение Лосовского не столько встревожило, сколько огорчило Абая. Кое-кто поздоровался с ним, он ответил только кивком головы.

Наконец возле юрт начальства началась суматоха. Появились полицейские, стражники, засверкали на солнце блестящие пуговицы, ножны шашек, галуны погон. По ряду волостных, как ветерок, пробежал тревожный и подбострастный говор:

– Вот идут...

– Начальство идет...

– Оязы вышли! Все трое!

– Смотрите, смотрите, сейчас выйдет жандарал...

– Умеет начальство придавать себе внушительность...

– Поглядите на жандармов: как глаза плят, как тянутся!

– Кого хочешь напугают! У меня на спине мороз...

Свита губернатора выстроилась двумя рядами от юрт до толпы встречающих, образовала посередине проход. В этом проходе показалась группа надменных гостей, сверкающих мундирами, эполетами, крестами, медалями.

Впереди шел пожилой генерал – военный губернатор Семипалатинской области. Это был тучный, самодовольный человек с седой окладистой бородой. Из-под густых эполет, серебряных аксельбантов, широкого золотого пояса, орден, крестов и медалей, закрывающих всю грудь, его мундира почти не было видно. Свита шла шагах в трех–четыре позади него. Здесь были все три уездных начальника в полицейских мундирах, крестьянские начальники, советники, чиновники в черных мундирах или сюртуках.

Льстивый шепот, похожий на шум камыша, пригибаемого порывом ветра, пролетел по толпе ожидающих:

- Жандарал... Жандарал...
- Белый жандарал...
- Какая осанка!.. Как идет!..

Губернатор подошел к шеренге волостных. К нему подскочил низенький и кругленький толмач-казах с беспокойными раскосыми глазами. Но переводить ему ничего не пришлось.

Первым поздоровался с губернатором волостной Ракиш. Прижав к груди остроконечный малахай, подбитый черной мерлушкой, он быстро кланялся в пояс. Казалось, будто хребет его перебит пулей и он никак не может выпрямиться. Ноги его трясло мелкой дрожью. Хотя он был еще в рассвете лет, но сейчас выглядел дряхлым стариком, не владеющим ни своими движениями, ни языком. Он мог только пролепетать почти шепотом: “Здрасти, господин!..”

И все остальные волостные прижимали к животу или груди свои малахаи и шапки, низко кланяясь, у всех был такой вид, будто у них внезапно схватило живот, и все, так же как и Ракиш, повторяли: “Здрасти, господин... Здрасти, господин...”

Глядя на это, уездные начальники, шедшие за губернатором, не могли удержаться от высокомерной улыбки. Ряд волостных уже заканчивался, но никто не сказал ни одного путного слова. Только и было слышно пыхтенье кланяющихся аткаминеров и полузадушенный испуганный хрип: “Здрасти, господин...”

Теперь губернатор подошел к Абаю, на котором не было ни мундира, ни кафтана в галунах, ни знака на шее, ни медали. Одетый в хорошо сшитый из тонкого серого сукна длинный бешмет городского покроя, Абай, стоявший спокойно и свободно, не изменил своей полной достоинства позы и тогда, когда генерал подошел к нему вплотную. Губернатор окинул его быстрым взглядом. Этот дородный, красивый казах со спокойными умными глазами, так резко отличающийся от всех остальных и одеждой, и поведением, невольно привлек внимание. И когда генерал протянул руку, казах, к его удивлению, не сломился пополам как другие, а лишь наклонил голову и не спеша проговорил:

– Здравствуйте, ваше превосходительство! Ибрагим Кунанбаев, – назвал он себя.

Генерал отступил на шаг, снова посмотрел прямо на Абая.

– Кунанбаев... А-а, тот самый Кунанбаев, который мутит народ? Почему вы так себя ведете?

– Причина простая: закон жизни, которому подчиняюсь не только я, но и вы...

– Какой закон? – генерал нахмурился.

– Борьба. Разве не в борьбе развиваются все живые существа? Борюсь не только я, но и вы, ваше превосходительство.

Губернатор отступил еще на шаг и с нарастающим гневом оглядел Абая с ног до головы. Его раздражало независимое поведение этого казаха. “Видимо, доносы и жалобы имели под собой почву, – подумал генерал. – Может быть, надо тут же приказать арестовать этого вольнодумца”.

И генерал заговорил сурово и резко:

– Против чего же вы боретесь? Я слышал, против власти.

– Нет... Против зла.

– Коли так, почему же вас многие недолюбливают?

– А что тут удивительного, ваше превосходительство. Чего больше в жизни – зла или добра? По-моему, зла и злодеев, творящих его... Значит, и голоса их слышнее...

Разговор их привлек общее внимание. В кучке возле Уразбая тревожно зашептались:

– О чем они там говорят?..

– Уж не выкрутится ли он, если жандарал его слушает? – пробормотал Молдабай.

Уразбай, обеспокоенный, тормозил Жиренше, который тоже не понимал по-русски:

– Что, он уже допрашивает? Ругает, что ли? Не видишь?

Между тем губернатор по-прежнему стоял возле Абая.

– Итак, вы полагаете, что зла в мире больше, чем добра.

– К сожалению, так, ваше превосходительство...

– Значит, вы еще и обвиняете других, вместо того, чтобы защищаться от множества обвинений. И вы думаете, что сможете что-либо доказать.

– Уверен, что сумею.

– Что ж, посмотрим! Идите за мной, – коротко бросил губернатор и пошел вперед.

Абай, выйдя из ряда казахов, твердой походкой последовал за губернатором.

Никто не понял, что произошло. Абай и сам не мог понять, о чем, собственно, хочет говорить с ним губернатор. Ему было ясно только одно: своими ответами он заставил губернатора обратить на него внимание. Готовый к любому допросу, Абай, гордо подняв голову, шел за генералом, решив, что и в дальнейшем будет держаться так же независимо.

Между тем за это время произошли выгодные для Абая перемены. Хотя до сих пор еще никто не знал, с каким намерением повел за собой Абая губернатор, новые ряды волостных и баев, нагибаясь вначале перед губернатором, теперь точно так же протягивали руки и Абаю, выражая угодливое почтение и приговаривая: “Будь счастлив, мирза!”, “Да снидет слава на тебя, мирза!” Абай шел, не произнося ни слова. Но губернатор невольно обращал внимание на то, как относятся эти люди к Абаю.

Абай едва удерживается от насмешливой улыбки, видя, что вокруг творится. Рассчитывая напугать Абая, губернатор, сам того не замечая, насмерть перепугал всех этих смутьянов и мастеров интриг. Так создалось вовсе неожиданное и действительно комическое положение, спутавшее все карты и многих приведших в полное смятение.

Церемониал встречи закончился. Генерал обошел всех, поздоровался с каждым и теперь шел мимо волостных обратно. Встречавшие, сложив руки на груди, снова низко кланялись ему. И мимо них спокойной и полной достоинства походкой шел Абай.

Толпа встречавших видела, как губернатор, уже удаляясь, обернулся, снова сказал что-то продолжавшему следовать за ним Абаю, и оба пошли к белым юртам, сопровождаемые свитой. Уразбай и Жиренше, подавшись вперед, выглянули из ряда аткаминеров. Куда они идут? К себе ли ведет его генерал или возле белых юрт передаст жандармам?

Вдруг Жиренше ударил себя по ляжке сложенной вдвое плетью: губернатор вместе с Абаем вошел в восьмистворчатую белую юрту, отведенную только для “жандарала”. Вся свита остановилась перед входом, нерешительно постояла возле него и вскоре разбрелась по соседним юртам.

Начали расходиться и аткаминеры. Но Жиренше и Уразбай не могли сдвинуться с места, молча ожидая, что будет дальше. Неподалеку от них стояли Дармен, Баймагамбет и молодой джигит Серкеш. Они тоже не отрывали взгляда от губернаторской юрты.

— Хороший знак. Теперь враги полопаются от зависти! — говорил Серкеш, прищулив маленькие раскосые глаза.

Баймагамбет радостно подтолкнул Дармена и показал ему на полицейского, идущего к юрте:

— Э,-э, Дармен, погляди-ка: видишь, урядник несет на подносе чай. Ну, наша взяла!

Дармен и Серкеш расхохотались, а Жиренше и Уразбай, нахмурившись, отвернулись, делая вид, что ничего не слышат, хотя все в них кипело от злобы и досады. К ним подошел Ракиш, которому не терпелось посплетничать, и с ним еще двое волостных.

— Куда увели Абая? Как вы думаете, что это значит, Уразке?

Дармен и Баймагамбет переглянулись и, без слов поняв друг друга, наперебой заговорили, как бы обмениваясь мнениями, но так громко, чтобы и Жиренше с Уразбаем, и другие аткаминеры слышали их:

— Э-э, не зря люди говорили, что Абай и жандарала уговорит!

— Да, так оно и вышло. Видно, этот жандарал других казахов и за людей не считает.

Дармен кивнул головой:

— Ну, а как же.

Ракиш и его приятели с самого начала разговора остановились, прислушиваясь, и знаками подозвали к себе еще нескольких волостных. Не выдержал и Жиренше. Как ни был он зол и раздосадован, он тоже подошел сзади к Дармену и, наклонив голову, словно козел при виде собаки, стоял, стараясь не пропустить ни слова.

Дармен и его друзья, сделав вид, что только теперь заметили волостных, замолчали, как бы не желая делиться новостями с другими. Ракиш и еще один молодой волостной стали приставать с расспросами:

— Э-э, родные мои, значит, сам советник так думает.

— Ту-у, какие наши казахи невежды! — протянул Ракиш.

– Завидуют Абаю... Есть и такие собаки, кто ему зла желает!

Еще вчера в юрте Уразбая он первым начал чернить Абая. А теперь, почуяв, что ветер дует в другую сторону, мгновенно переметнулся. Зная, что Дармен – один из любимцев Абая, он всеми силами старался завоевать его доверие. Жиренше и Уразбай отлично это поняли. Презрительно взглянув на него, они молча отошли, мрачные и настоженные.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

В юрте же в это время между Абаем и губернатором шел необычный разговор.

Губернатор говорил с явным раздражением. Оставшись с Абаем наедине, он не стал скрывать этого.

– “Бороться, бороться”, – гневно повторял он слова Абая. – И вижу, что вы действительно опасный человек. Вас следует убрать из степи! Не рассчитывайте легко отделаться. Отвечайте мне: что вам надо, чего вы добиваетесь, разжигая в степи смуту? Почему со всеми степными властями, поставленными мною, вы враждуете?

– С этими людьми, ваше превосходительство, я борюсь совсем не потому, что они назначены вами, а потому, что они просто злодеи.

Губернатор снова вскипел и постучал пальцем об стол:

– Вы ответите и за это! Какое вы имеете право называть должностных лиц злодеями?

– Если бы вы знали всю правду о них, ваше превосходительство, то не только назвали бы их злодеями, а просто отдали бы их под суд.

– Приведите доказательства! Но помните: если вы занимаетесь пустой клеветой, если вы порочите людей, которым мы доверяем, то вы отсюда же отправитесь в тюрьму!

Абай и тут не потерял спокойствия. Смело глядя в глаза губернатору, он ответил:

– Позвольте мне высказаться полностью и выслушайте меня.

Губернатор резко обернулся к Абаю. Потом он заложил руки назад и начал молча шагать по юрте.

И, пытаясь разобраться в том, кто же такой Абай, он задал ему вопрос:

— Ну хорошо, Кунанбаев, а почему же все те люди, которых вы считаете причиной зла, завоевали наше доверие. Как это получилось, что ваших судей и волостных управителей мы назначили из среды таких преступников?

Он задал эти вопросы холодным тоном, испытывающе глядя на Абая, как бы говоря: “Если это так, стало быть, и мы, кто назначил этих людей, тоже преступники”. Абай почуял ловушку. Откровенный и прямой разговор с этим сановником мог оказаться опасным. “Что надо было, я уже сказал, — подумал он, — а сделать выводы — это уже его дело”.

— Ваше превосходительство, — сказал он, — может быть, я позволил себе что-либо лишнее, что не принято говорить сановнику. Но я считал необходимым рассказать вам о тяжелом положении степи, находящейся под вашей властью. Я хочу сказать вам одно: от встречи с вами для себя лично я не жду ничего, я не собираюсь сам быть одним из правителей. Я ишу лишь справедливости.

Это не удовлетворило губернатора. Он выслушал Абая настороженно и холодно. И он нетерпеливо пошевелился, переведя взгляд к двери. Но тут же на его лице выразились негодование и гнев.

Желая понять, чем это было вызвано, Абай тоже повернулся к двери. В юрте, держа под мышкой тымак и большую кипу листов, стоял Базаралы, а возле него — русский человек средних лет в скромном городском костюме. По холеной, красивой бороде Абай сразу узнал в нем часовщика Савельева из Семипалатинска.

Пока Абай с изумлением смотрел на Базаралы, к губернатору подошел жандармский офицер и, почтительно склонившись, начал что-то шепотом объяснять. Губернатор слушал его невольно и наконец спросил:

— Ну хорошо. И чего же они хотят? — он повернулся к вошедшим.

Савельев, поклонившись, поспешил объяснить:

— Ваше превосходительство, у этого киргиза множество прошений почти из всех волостей Семипалатинского уезда. Все эти просители тоже здесь, но господин офицер разре-

шил пройти только нам: вот ему с бумагами, и мне, чтобы перевести их просьбы.

– А о чем просьба? – сурово спросил губернатор.

– Все они просят не за себя, ваше превосходительство. Ходатайствуют за уважаемого ими человека, за своего поэта, Ибрагима Кунанбаева.

Губернатор негодуя поворачиваясь к Абая. “Уж не сам ли этот загадочный киргиз подстроил все это?” – подумал он. Но лицо Абая выражало только искреннее изумление. Генерал перевел взгляд на Базаралы, внимательно вглядываясь в него. Однако этот высокий, стройный человек с привлекательным и умным лицом и не смотрел на Абая, как будто даже не узнавал его. Он спокойно подошел к столу, положил на него свои бумаги и заговорил сам.

– Таксыр⁹, – начал он, прикрывая указательным пальцем, красивым и длинным, свой левый глаз. – Таксыр, кыргыз степ – слепой, адин клаз ес ето – Ибрагим Кунанбаев...

Базаралы прикрыл большим пальцем левое ухо и продолжал:

– Кыргыз степ – глухой, таксыр, адин ух ес – апят Ибрагим Кунанбаев. Не можно Ибрагим Кунанбаев брать от степ. Не можно! Степ слепой, глухой будет. – И он закрыл пальцами другой руки правое ухо и глаз и, жалобно качая головой, изобразил на лице страдание.

Савельев собрался разъяснить слова Базаралы, но губернатор жестом остановил его, продолжая с негодуящим любопытством смотреть на Базаралы. Тот с огромным трудом продолжал изъяснять свою мысль:

– Каспадин кубернатор нобай шалабек. Не знаит, какой шалабек Ибрагим Кунанбаев... Наш степ много пригауар послал. Много, много просит. Пускай наш пригауар пайдет санат, министр, белый сарь. Степ просит пустить нас Петтербор, министр, сарь... Все пайдом!

Базаралы замолчал. Губернатор снова нахмурил брови и молчаливым движением руки показал Савельеву и Базаралы, что они могут идти. Савельев дернул Базаралы за рукав. Оба попятились и вышли из юрты.

⁹ Таксыр – начальник.

Слова Базаралы заставили генерала задуматься. За сегодняшний день он несколько раз менял свое мнение об Абая.

Холодно кивнув головой, он отпустил Абая.

В тот же вечер, совещаясь со всеми тремя уездными начальниками о завтрашнем открытии чрезвычайного съезда, советник Лосовский предложил назначить одним из биев съезда Ибрагима Кунанбаева.

Его предложение не вызвало споров. Наоборот, Казанцев, семипалатинский уездный начальник, даже поддержал его. Оказалось, что к нему поступило множество заявлений, где жалобщики просили назначить биями таких людей, которые могли бы справедливо разрешить тяжбы и помочь людям получить возмещение за свой труд или насильно отобранный скот. В этих заявлениях чаще всего называлось имя Абая как человека, который пользуется доверием казахов всех трех уездов, знает и хорошо известен им всем. Именно ему и просили поручить разбор жалоб люди, вступившие в тяжбу с богачами и волостными.

Решение начальников почти тотчас же стало известно волостным — через писарей и толмачей уездных начальников. Сам Абай узнал об этом позже от Ербола и Баймагамбета, вернувшихся с ярмарки, где они целый день провели в беседах с жалобщиками. Известие это не произвело на Абая большого впечатления.

Зато Дармен принес ему новость, которая искренно обрадовала Абая: оказалось, что в степи возле ярмарки собралось много людей, пожелавших поздравить Абая с избавлением от опасности. Дармен рассказал, что сбор этот получился как бы сам собой, никто из друзей Абая его не устраивал: люди собрались, вызвали Базаралы и Байкокше и попросили их пригласить Абая.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Когда Абай, сопровождаемый Ерболом, Баймагамбетом и Дарменом, подъехал к небольшому холмику, покрытому пожелтевшей травой, его встретило здесь неожиданно много народу. Было похоже, что происходит многолюдный той, устроенный каким-нибудь богатым племенем. Но весь вид

собравшихся показывал, что здесь были только те люди, кто по полному праву именуется народом.

Одни кони их говорили о многом. Почти все они были худые, заезженные, с выцветшей за лето шерстью — истинные помощники своих трудолюбивых хозяев. А седла их и сбруя еще красноречивее свидетельствовали о скромном достатке их хозяев: разодранные потники, истрепанные войлочные подушки, треснутые луки, погнутые стремяна из черного железа. Среди всей массы этих всадников взгляд не нашел бы ни одной бархатной седельной подушки, ни посеребрянной уздечки или сбруи с черненым серебром, нет здесь и потников, украшенных кожей или разноцветным сукном. И сами люди одеты в серые домотканые ярмаки или в старые, подранные чапаны. Их головные уборы, которые свидетельствуют о принадлежности к тому или другому роду, оторочены ветхой, вытершейся мерлушкой и покрыты или дешевым ситцем, или материей, безнадежно потерявшей цвет.

Эта многолюдная толпа встретила Абая как родного. Его быстро окружили, все с радостью приветствовали его, поздравляя с одержанной победой над врагами. На вершине холма, спешившись, Базаралы и Байкокше с группой почтенных стариков ожидали Абая. Подъехав к ним, он слез с коня. Друзья подошли к нему и обняли его, словно после долгой разлуки.

Абай шутивно обратился к ним:

— Базеке! Уж если я вылез из глубокой ямы, то только благодаря тебе! Сам я на этот раз не только не спасся бы, но увяз бы еще глубже. А твоя сегодняшняя речь по мастерству превзошла речь лучшего адвоката, а по красноречию — знаменитейшего бия! Но скажи, пожалуйста, как же ты пробились в губернаторскую юрту? Как тебя пустили?

— Ойбай! — расхохотался Базаралы. — Да разве есть у семипалатинских властей дверь, которую Сабелей не сумел бы открыть. А ключ, который ему для нее понадобился, помогли сделать вот эти же люди. Собрал и кое-что — цену примерно двух коней — он и сунул их жандармскому офицеру. А уж как тот сумел убедить губернатора — это его дело... Ты не видел, как он ему на ухо шептал.

С новым глубоким чувством благодарности Абай посмотрел с холма на множество людей, окружавших его. Толпа уже разбилась на две части, было видно, что стороны сговариваются, каких силачей-борцов выставить друг против друга.

Глядя на силачей, схвативших друг друга за пояс, Базаралы рассказал Абаю, что собравшиеся здесь люди направили губернатору множество просьб о том, чтобы одним из биев, которые будут разбирать на съезде тяжбы, был непременно и Абай.

Тем временем состязание по борьбе подходило к концу. Победителем оказался Абды. Положив одного за другим трех противников, он получил приз — не слиток серебра и не кусок сукна на одежду, как это бывает на богатых пирах, а новый тымак, купленный тут же на ярмарке. Красивый смуглый джигит, широко улыбаясь, поднялся на холмик к Абаю.

— Абай-ага, — заговорил он, протягивая платок с завязанной в нем шапкой, — я боролся не за себя, а за вас, и победил потому, что боролся, как вы. А еще потому, что уж очень обрадовался за вас! Это и придало мне сил. Значит, и награда принадлежит не мне, а вам!

Абай с благодарностью принял подарок и добавил, смеясь:

— Хорошо, что друзья мои крепки не только телом, но и умом! Хотел бы и я поучиться у тебя, как валить наземь одного за другим своих врагов!

Поступок Абды понравился всем. Вслед за ним и остальные джигиты, кто побеждал в скачках или в борьбе на конях, тоже подъезжали к холмику и с веселыми шутками передавали свои призы Абаю. Некоторые из них, отдавая Абаю награду свою, с душевной искренностью провозглашали свои добрые пожелания. И это и то, с какой радостью подходили к Абаю разнообразные люди, доказывало, каким доверием и любовью народа пользуется он.

Это понимал не только сам Абай. День уже клонился к вечеру, когда Байкокше, сидевший на холмике в кругу почтенных стариков, неподалеку от Абая, заговорил громко, так, чтобы его услышали многие:

— Э-э, люди! Какое драгоценное торжество у нас полу-

чилось, какая истинная радость народа оказалась! И не одна радость, а две. Первая радость — за Абая, за то, что мы спасли его от опасности. А вторая радость — за нас самих, за то, что мы сумели все вместе отстоять благое дело, что смогли добиться своего! Это дорогой пример для всех честных людей! Пусть же всегда будет подобная удача в народном деле!

Все вокруг одобрили эти слова. Громкие возгласы поддерживали мудрые слова старого акына.

Вечером в юрте Абая стали появляться люди, которых ни Абай, ни его друзья не предполагали увидеть у себя. Это были те самые волостные с цепями и бляхами на груди, которые утром встречали губернатора. Первым вместе с пятью—шестью аткаминерами пришел Ракиш. За ним пришли трое—четверо волостных Усть-Каменогорского уезда, потом двое — из Зайсанского.

Все они заискивающе здоровались, повторяя один за другим: “Пришли выразить вам свое почтение”, “Не могли придти раньше, были заняты встречей начальства, только сейчас можем пожелать вам удачи!”, “Все время ожидали вашего приезда, наконец-то выпало счастье повидаться с вами!”

Для них и советник был уже не советник, и уездный — не уездный: всех их заслонил Абай. Казалось, он внезапно превратился в какого-то властелина, который при желании мог возвысить человека или обратить в ничто.

Абай холодно отвечал на приветствия. Гостям подали кумыс. Глядя перед собой и как бы не замечая всех этих людей, Абай вдруг заговорил, словно думая вслух:

— Глубоко несчастен наш казахский народ. Нужд его не перечислить, несчастий его не рассказать. Его притесняют и городские начальники — донимают насилием, разоряют взятками. Всякие толмачи и чиновники держат за горло. А дома, в степи, его кусает за ноги свора волостных, аткаминеров, беков с баями, всяких вельмож. Есть ли среди них такие, кто, кроме своего личного богатства, силы и благополучия, думает о нуждах народа, о его благосостоянии?

Абай перевел теперь взгляд на сидящих вокруг него волостных.

— Высокое положение не всегда зазорно. Деятельность, направленная на благо, должна облагораживать человека.

Этого не дано тем, кто по-собачьи лижет подметки начальству. Если народ будет тебе верить, то признание твоих достоинств придет само и окрылит тебя. На вершину высокого утеса взлетает и орел, заползает туда и змея, всячески извиваясь! Кому из них подобны вы, сидящие здесь люди? Если не можете быть орлами, то, значит, стали змеями для своего народа?

Слова Абая ошеломили волостных, словно тяжелый удар плеткой по лицу. Не было ни одного, кто бы не понял их. Такой открытый вызов, такая горькая правда, сказанная прямо в глаза, словно отняли язык у этих мастеров удара из-за угла. Абай встал, накинул на себя чапан и, позвав Баймагамбета, вышел из юрты.

Слух о том, что Абай осрамил волостных, пришедших выразить ему свое почтение, мгновенно разнесся по всем юртам аткаминеров, приехавших на съезд. Ракиш первым побежал к Уразбаю жаловаться. Тот стал издеваться над ним:

— И поделом! Так всем вам и надо, не будете больше лезть перед Абаем. Жаль, мало он вас отхлестал! Ну что же, идите опять к нему, унижайтесь, еще и не то увидите. Абай вам себя покажет! — Уразбай весь трясся от бессильной злобы.

* * *

В сумерки, когда акыны собрались у Абая и Айгерим, в комнату вошли новые гости. Это были Кокпай и Базаралы — они встретились недалеко от аула Абая.

Неожиданное появление старого друга обрадовало Абая. Он встретил Базаралы с приветливым радушием, посадил рядом с собой.

— Путь был далеким, ты, наверно, устал, Базеке, устраивайся поудобнее!

И Абай, сняв с высокой кровати две большие подушки, заботливо подложил их под локоть гостя.

Базаралы был нынче весел и оживлен. На этот раз он заехал к Абаю не по делу, а просто для того, чтобы послушать новые песни акынов, о чем сказал ему при встрече Кокпай. Устраиваясь поудобнее на толстом атласном одеяле, кото-

рое расстелили на полу нарочно для него, он шутливо ответил:

— Конечно, я должен был бы устать, но на пути такое по-видел, что не заметил и скучной дороги.

— Ну, так рассказывай, — видишь, все готовы тебя слушать, — сказал Абай и облокотился на низкий круглый стол, стоявший перед ним.

Действительно, необычно веселый вид Базаралы обратил на себя внимание всех. Все с любопытством ждали, что он расскажет.

Базаралы не заставил себя ждать. Он приподнялся на подушках. Лицо его, ярко освещенное светлой лампой, горевшей на столе, было оживленно. В комнате было тепло. Базаралы уже отогрелся, на бледных щеках выступил легкий румянец.

— Что же это выходит? — сказал он, смеясь. — Я приехал сюда послушать акынов, а оказывается, они хотят слушать меня.

— Акыны охотно уступают вам очередь, Базеке, — ответил за всех Магаш. — Рассказывайте, пожалуйста!

— Я сел на коня еще до зари, от подножий Чингиса путь далек, — начал Базаралы. — Когда поехал к Кольгайнару было уже светло. Еду по землям Жумана и вдруг на одном холмике увидел такой сбор, который ни во сне не приснится, ни в бреду не привидится. Как бы вы думали, кто собрался на этом съезде? Четыре козла и Жуман...

Все невольно рассмеялись. Базаралы продолжал:

— Все четыре козла привязаны к кусту, а он сидит против них, как мулла перед учениками, и поучает, помахивая палкой. Так увлекся, что и топота моего коня не услышал. Я подъехал ближе — дай, думаю, посмотрю, что это за необычайный съезд у иргизбаев?

Теперь все уже громко расхохотались, засмеялся и Абай, колыхаясь всем своим грузным телом. Но на лице Базаралы не было и тени улыбки.

— Ну, я решил, что грешно не подслушать. Надо же понабраться ума, ведь у иргизбаев Жуман, пожалуй, самый старший! Я тихонько слез с седла и подкрался сзади...

И Базаралы, то и дело прерываемый взрывами смеха, рассказал, что он услышал.

Оказывается, нынче утром, когда Жуман подъехал к своему стаду, Мескара пожаловался отцу на этих четырех козлов, которые не давали козам пастись. Жуман, обругав пастухов, что они не надели на козлов вовремя фартуки, приказал изловить всех четырех и привязать их. То, что ни один из них, видимо, не чувствовал за собой вины, возмутило Жумана, и он привычно многословно начал ворчать. Козлы слушали, наклонив головы, тупо глядя на бороду Жумана и целясь его боднуть. Это окончательно возмутило Жумана, и он разразился бесконечной болтовней, упрекая козлов и порознь, и всех вместе.

Когда Базаралы подсел за его спиной, Жуман говорил, размахивая своей длинной палкой:

– Эй, вы, четыре дурных козла, попробуйте сказать, что вы не мутите всего стада! Бесстыдники, постыдились бы вы бога. Чего ты на меня уставился, черный дурак? Ты из них самый молодой – значит, должен быть и самый скромный. А ты первый смутьян, первый развратник, негодяй!

И Жуман стукнул палкой по рогам молодого черного козла. Тот в ответ яростно затряс бородой и рванулся на привязи, пытаясь боднуть Жумана.

– Вон ты какой! Поглядите-ка на него, выходит, он еще и первый драчун! Молод, молод, а вон какую бородищу отпустил, впору самому Азимбаю!

И Жуман, обрадовавшись своей удачной остроте, сам засмеялся, побряхтывая от удовольствия. Стоило ему назвать черного козла Азимбаем, как и остальные три превратились в его воображении в людей.

Рядом с молодым черным стоял старый рыжеватожелтый козел, отец его. Поэтому он получил имя Такежана. Серый козел, давно известный своей хитростью, был назван Жиренше, а бурого, огромного козла с высокими острыми рогами, злобного и драчливого, Жуман окрестил Уразбаем. И тогда началось то, что заставило Базаралы смеяться всю дорогу от Кольгайнара до Акшоки: Жуман начал обличать неукротимый нрав всех четырех козлов – Азимбая, Такежана, Жиренше и Уразбая – и склонность их ко всякого рода смуте. Старик, словно на холме суда, произнес целую обвинительную речь. Выяснилось, что с утра до вечера эти четыре смутьяна не дают покоя мирным козам, мешают им

пасть, разбивают стадо. Укоряя козлов, Жуман находил все более гневные и горькие слова. И, все повышая голос, он громко обличал Уразбая, Жиренше, Такежана и Азимбая в склонности к разврату, любви к насилию, перечисляя их преступления, и дошел до того, что даже вспомнил Абая:

— Сколько проклятий народа на вашей совести! Прав Абай, когда обвиняет вас, негодяев, смутьянов, насильников! Подождите, будет и на вас управа, понесете господню кару, поплатитесь за слезы несчастных!..

Базаралы рассказал это, искусно подражая и голосу, и повадкам Жумана. Слушатели давно уже хохотали без умолку.

Абай, задышавшись, вытирал глаза, Базаралы закончил:

— Семьдесят пять лет болтал попусту наш Жуман-пустослов, наконец все же доболтался до чего-то путного. Ну, скажите сами, кто из ваших иргизбаев додумался до таких справедливых слов? Вот вам и Жуман-болтун!

— Базеке, а видел он вас? — спросил Акылбай.

— Беда в том, что едва начал он говорить так толково, меня схватил кашель. Он оглянулся и как закричит: “Ты откуда взялся, негодный сын Каумена?” И уж не знаю, потерялся ли старик или просто нрав его взял верх, только он вдруг опять стал самим собой. Показал на гору Догалан и спрашивает меня: “Вот ты много в жизни повидал, а в далеких краях был. Скажи-ка, сколько, по-твоему, весит та гора?”

Снова раздался взрыв смеха. Базаралы продолжал: “Ой, Жумеке, говорю, вот на это-то у меня ума не хватило, не знаю, что сказать. А как вы думаете?”

Он надулся от важности и говорит: “Глаза — весы, а разум — судья: по-моему, вершина Догалана весит пять тысяч пудов...”

Молодежь долго еще продолжала подшучивать над болтливым стариком. Айгерим и Злиха начали приготовления к чаю. За круглым столом все не смогли бы уместиться — его вынесли и прямо на ковре постелили большую скатерть. Круг гостей широко раскинулся, началось чаепитие.

Пора было начинать песни и чтение стихов. Базаралы, как самый старший среди всех, взял домбру и протянул ее

Кокпаю. Самовар, уже почти опустошенный, вынесли, чтобы вскипятить вновь, и Кокпай начал петь свою поэму.

Она оказалась очень длинной. Кокпай восхвалял в ней деяния хана Аблая. Самовар уже успел снова закипеть, его внесли в комнату, а Кокпай все еще продолжал перечислять дела знаменитого хана. Потом он перешел к славословию предков Аблая, но тут Базаралы похлопал увлекшегося акына по колену. Подняв глаза на Абая, Кокпай заметил, что тот слушает поэму со скучающим видом.

Кокпай прервал пение и опустил домбру. Базаралы быстро заговорил:

— Не осуждайте меня, джигиты, что я первым начинаю разговор. Кроме меня, все здесь — акыны, начиная с Абая. Но, как сказал Хожа Насреддин: “Когда кругом много куриц, нужен хоть один петух”. И раз я нынче только один слушатель среди вас, певцов, то я и скажу свое мнение.

Абай одобрил его намерение. Базаралы, недовольно поглядывая на Кокпая, начал:

— Ну что ты пел, Кокпай? Величаешь Аблая “драгоценным ханом”, “мудрым”, готов быть жертвой его духу. Покончил с Аблаем, перешел к его потомкам. Если б я тебя не остановил, ты повел бы нас на поклонение к их могилам. Сказать по правде, не нравится мне все это, Кокпай! Разве мало прославляли ханов и султанов невежественные акыны? Они и прошлые времена истоптали и загадили своими песнями. Не лучше ли нам забыть про это? Не могу я слушать такую поэму после стихов Абая. Не идет она мне в сердце. Может быть, я заблудился, иду неверным путем? Скажите мне сами!

Молодые акыны с первых слов Базаралы внимательно слушали его. Абай задумчиво покачивал головой в знак согласия. И когда Базаралы замолчал, Абай заговорил:

— А ведь эти слова справедливы и верны. Наурызбай, внук Аблая, многих толкнул в беду и в горести. И несчастья его — только кара судьбы за бедствия, которые сам он причинил людям. Не следовало тебе так оплакивать его! А за что ты прославляешь потомков Аблая? Хвалишь за то, что они воевали с русскими? Называешь их заступниками казахского народа? Ложь все это! Легенды о них — яркие обманчивые краски на гнилом дереве. Никогда такие люди не были

заступниками казахского народа! Наоборот, они были маленькой кучкой, продававшей и предавшей народ, пеклись только о своем султанстве, дрожали за свое ханство. И если нынче кто-нибудь из нас сеет вражду между казахами и русскими, он плохую услугу оказывает казахскому народу. Казахи не увидят в жизни света, пока не поймут всей мудрости тех великих идей, которые несут нам лучшие сыны русского народа. К истине нет иного пути, кроме этого. А твоя песня ведет назад, к мрачной дикой старине. Такая песня лежит на моем пути камнем, препятствует стремлениям моим. Не могу я принять этой песни ни душой, ни умом! — закончил Абай, сурово глядя на Кокпая, и потом повернулся к остальным.

Чай остывал, никто из молодежи не притронулся к своей пиале. Все молча ждали, что еще скажет Абай.

Дармен с трудом сдерживал волнение. Наконец обычная смелость заставила его заговорить, хотя он с опасением посматривал на сурово сдвинутые брови Абая:

— Абай-ага, у меня есть одна новая песня. Пока я не читал ее никому. Что, если бы вы послушали ее и сказали, на правильном ли я пути?

Абай с надеждой посмотрел на Дармена:

— Спой! Спой, мы послушаем!

И Дармен начал нараспев читать свою поэму. От сильного волнения он побледнел, глаза его сверкали.

С первых же строк поэмы все стали слушать с нарастающим вниманием. Поэма начиналась с описания знакомых всем урочищ Азбергана и Шуйгинсу. Непроглядная поздняя осень, грозящая людям тяготами и бедствиями, зловещие тучи окутали небо. Аул жадного бая стоит еще на осеннем пастбище. В дырявом шалаше на крае аула иссохшая больная мать крепко прижимает к себе двух полуголых дрожащих малюток. Это Асан и Усен. Тут же горемычная бабушка Ийс. В углу лежит пастух Иса, целый день проходивший вокруг байского стада и продрогший до костей.

Ветер все свирепеет. Начинается буря. Жестокий бай и его злодей сын избивают Ису. Больного, заоченелого, они гонят его за стадом, увлеченным буряном. Леденящий ветер, то ливень, то снег. Сквозь бурю пробирается Иса, спасает стадо. Вдруг волк — один, другой... Целая стая... Отважная

борьба смелого джигита... Отчаянная схватка безоружного человека с матерым волком...

Все в юрте слушали теперь Дармена, затаив дыхание, боясь шевельнуться. Порой были слышны прерывистые вздохи Айгерим и Злихи. Люди и события этой необычайной поэмы были близки и знакомы слушателям — еще так недавно все это волновало их в самой жизни. Теперь искусный поэт рассказывал об этом словами, острыми, как кинжалы, проникающими в самое сердце, покорял людей чувством, пылающим, как огонь.

Неслыханную отвагу проявил Иса, любимый брат, неопенимый сын. Но зачем, ради кого? Ради бесчестных, алчных хозяев? Защищая их богатство? За кого боролся с волком отважный батыр, за волков в человеческом обличье? Зачем ты это сделал, родной?

И вот Иса болен. Недуг все тяжелее. Притихли дети. Стонут в муках жена и мать. А в доме нищета, в семье голод. Горькое горе вместе с болезнью разрывает грудь Исы. Сиротами останутся малютки, нищенками — старая мать и тающая на глазах вдова. Не с людьми, а с волками оставляет он их...

Айгерим не смогла сдержаться рыданий. Слезы выступили на глазах Абая. Дармен продолжал, не замечая, что плачет и сам.

...Предсмертный бред. Последние проблески мысли. Снова идет борьба с волком. Нет, не с волком — с Азимбаем схватился Иса. И в этой последней схватке с вечным врагом гибнет Иса. Погас жаркий пламень могучего сердца. Бесцельно исчезла великая сила. Человек умер.

В ужасе плачут Асан и Усен. Недетская скорбь в их чистых глазах. Их молящие взоры устремлены на людей, на тех, в ком есть человеческое сердце, человеческая совесть... Люди, помогите им!..

Дармен не смог дочитать конца своей поэмы. Закрыв глаза платком, он замолчал. В комнате стояла глубокая тишина. Казалось, будто все только что навеки попрощались с Исой, умершим тут, на глазах у них.

Абай тоже низко опустил голову, не подымая наполненных слезами глаз. Дыхание его прерывалось, плечи вздраги-

вали. После долгого молчания он овладел, наконец, собой и сказал коротко и отрывисто:

— Некрасов... Голос Некрасова... Он так же правдиво раскрывал душу обездоленного русского крестьянина... Пусть не я, пусть другой первым из нас стал на его путь... Будь счастлив на этом пути, брат мой Дармен! — взволнованно закончил он, поразив всех таким обращением к юноше.

ПОСЛЕДНИМ УДАРОМ

Либретто-фабула

I

Готовится передел сенокосных угодий на большом сенокосном участке “Жантек корьгы”. Участок длиной в 15, шириной в 5—6 верст принадлежал аулу Жантека. Бывший волостной управитель, теперешний бай и родовитый аткаминер Асан — хозяин этого участка. Безземельные батраки соседних родов Козыбак, Балта, Сыргелы — находились под пятой у Асана. Иргебай из рода Сыргелы, старый табунщик Асана, имеет двух сыновей — Мукаша и Жумаша. Мукаш — забитый, скромный батрак в ауле. Жумаш — комсомолец, учится в городе. Сейчас Жумаш проявляет активность во время передела. Организует бедняков. Будирует сознание у батраков отсталого, отдаленного от городов уголка.

Батраки только что начинают организовываться, пока не уверены в действиях, медлят. Но значительная часть начинает заражаться пафосом, навеянным Жумашем.

Асан, следуя степной политике, решает действовать исподтишка. Со своей женой стараются воздействовать на старика Иргебая и его жену (родителей Жумаша). Требуют укрощения сына. В аул Асана съезжаются аткаминеры: Хаджи, Айдар, Исатай, Жумыке. Оказывают моральное давление на Иргебая. Айдар, ссылаясь на мнимую старую дружбу, уговаривает стариков Иргебая с женой. Старики поддаются под его влияние и стараются склонить на свою сторону старшего сына Мукаша. Нерешительный Мукаш колеблется. Советуется с Жумашем. Но Жумаш непреклонен. Развивает еще большую агитацию. Разоблачает баев и подводит дело к фактическому переделу. Информировывает батраков о приближении строительства Турксиба к этому району. Турксиб внесет новое в жизнь аула. Бедняки найдут себе заработок там. Не будут экономически зависимы от Асана. Но есть батрак Муса, преданный Асану, агент баев, их ставленник. Во

время передела аткаминеры ухаживают за ним, одаривают его отца конем, туманят головы его родителей и его самого постоянным почитанием и лицемерием. Муса возражает против порядка, в каком ведется передел. Он развивает против Жумаша демагогию, говорит, будто Жумаш старается в пользу своих родственников из рода Сыргелы. Но уполномоченный по переделу доверяет больше Жумашу. И участки делят между действительными батраками беднейших родов.

II

Асан приезжает в уездный город с ходатайством. Беспартийный совработник Хасен, его дальний родственник, сочувствует его горю. Старый друг, завед. уездным зем. отделом Жакыб в приятельских отношениях с Хасеном. Хасен зовет к себе в гости Жакыба. Ходатайствует за Асана. Жакыб поддается его влиянию. Направляет Асана к уполномоченному по переделу губернскому работнику Ниязу. Тот отказывает Асану. И когда приходят с тем же вопросом Хасен и Жакыб, он смеется в лицо Хасену. А поведение Жакыба принимает к сведению.

Асан возвращается в степь. Жумаш в это время уехал учиться далеко в Ташкент. А Мукаш с остальными батраками косит полученный по переделу участок. Асан поручает своему брату убить Мукаша. Его брат Оспан науськивает своих подручных к скандалу. И во время затеянного скандала избивают Мукаша. Батраки решают заступиться за обиженного. Но быстрее их организуются баи. Каждый из них влияет окольными путями на батраков. Призывают во имя целости и спокойствия рода не заступаться за человека из чужого рода. Им удается частично разложить еще не окрепшую организацию батраков.

Для Мукаша выбирают другие меры, меры психологического воздействия. Собрание аткаминеров в ауле Асана закрепляет свой союз молитвой (бата), согласно которой они обязуются всячески преследовать Мукаша и его родителей, если они будут жаловаться правительству. Одновременно пускают слух о том, что невесту Мукаша, сестру батрака Мусы, родители Мусы не выдадут замуж за Мукаша. Свод-

ник Исламбек, брат аткаминера Исатая начинает соблазнять одного батрака невестой Мукаша.

Мукаша опять начинают уговаривать родители. Приехавший из города беспартийный Хасен беретса стать посредником в этом конфликте. Он еще больше способствует умелому разложению среди группы батраков, до последнего момента поддерживавших Мукаша. Ведет двойную игру. И вынуждает Мукаша к отказу от жалобы. Мукаш с 5–6 обиженными, недовольными товарищами уезжает на работу на строительство Турксиба.

III

После о происшедших событиях в ауле Асана узнает секретарь ячейки батрак Исмаил. (Район Асана находился вдали от волостного центра.) Решает отомстить за Мукаша. Но Мукаша не находит. Все же приступает к выяснению факта, старается добыть материалы. Аткаминеры трусят. Ищут путей противодействовать намерениям Исмаила, ревностного, последовательного батрака. В это время избирается председателем Муса. Это плюс для Асана. Исатай – друг Асана, член прод. кооператива, добивается выбора председателем правления кооператива брата Исмаила, Курмана. Слепым орудием для своей игры выбирает кое-кого из середняков. Соблазняет Курмана, неграмотного, наивного человека возможностью разбогатеть через кооператив. Подталкивает к растрате, к присвоению кооперат. имущества. Дядя Курмана – середняк Жаксылык. Его аткаминеры делают сватом с Оспаном, братом Асана. Все совершается во имя того, чтобы опутать Исмаила с расчетом на семейный разлад впоследствии.

IV

Мукаш с товарищами на Турксибе. С огромным темпом развертывается строительство линии по дикой, безбрежной степи.

Будящие призывные гудки. Скачущие стальные колеса, оставляющие за собой станцию за станцией. Длинные цепи вагонов, везущих строительные материалы. Аулы, втянутые

в орбиту влияния строительства. Рабочие артели, тысячи и тысячи трудящихся, избавленных от баев, от родовых пут свободных рабочих, их организации. Культпросветы, инструктора, рабочие собрания. Газеты, газеты, декрет о кооперации.

Рабочие лагеря встречают вести о конфискации. Радостное волнение среди рабочих. Для Мукаша открываются новые горизонты в этой среде.

В это время у аткаминеров: Асан сватает свою дочь Жамилю за сына Хажи. Тайком получает калым. Жамиля вспоминает Жумаша. Пишет к нему письмо. Жумаш в Ташкенте. Недовольная предлагаемым женихом, Жамиля часто думает о Жумаше. Одновременно Асан сватает за сына дочь бая Бейсембая. Тоже против воли невесты. Выдает за нее калым и женит своего сына на ней. Члены правления кооператива Исатай и Жумыке наживаются за счет кооператива. Тайком делят добычу с Асаном. Вредные действия аткаминеров не ограничиваются перечисленным. В ауле Асана есть рабочий Жуматай. Старый отец его Кийкым жалуется Асану на свою невестку Рабигу. Рабига не выносит издевательств байских сынов и самого Асана и хочет уйти от мужа с батраком Жагыфаром. Рабига тоже была выдана за Жуматая под давлением Асана, соблаздившегося внешностью Рабиги. Она и дальше любила Жагыфара. Последний решает увести Рабигу тайком. Асан устанавливает слежку за Рабигой. Устраивает погоню при попытке к побегу. Под Жагыфаром падает лошадь. Сам ночью спасается бегством. А Рабигу Асан приказывает высечь и заковывает на несколько дней в цепи. Старик Кийкым это одобряет. Асан старается заставить жителей своего аула презирать Рабигу. Но его дочь Жамиля и сноха сочувствуют Рабиге. И втроем обещаются отомстить насильникам. Асан передает ее Жуматаю — мужу. За все оказанное “благо” Асан эксплуатирует семью Кийкыма. Не выплачивает за труд его сына, его самого. Так опутаны многие батраки в его ауле. Все изнывают под его гнетом.

V

Подходит время конфискации. Прибывают из города уполномоченные. Одним из них является Жумаш, прибыв-

ший из Ташкента. Доходит линия Турксиба до этой волости. Массы батраков идут наниматься на строительство. В волости большое оживление. С дорогой идет несчастье для байства. Готовится сокрушительный удар по гнилым устоям рода. По вечерам в темноте собираются баи, аксакалы. Трусят. Шепчутся, молятся, но безнадежно. Разлагается вредная, ненужная для новой жизни среда паразитов. Зловеще звучит для баев слово “канпеске”. Слово как знамение времени — незнакомое, но страшное для них. Приезжает в отпуск Мукаш с товарищами с многими.

Уже хорошо организовано большинство батраков — членов кошчи. Выросла активность у всех. Гораздо отчетливей выявилось классовое самосознание. Показывают себя в речах, в действиях, составляют списки баев. Отщепенцев из этой группы почти уже нет. Единодушны. Уверены в себе. Сливаются с этой группой Мукаш с товарищами. Возвращается к ним и Жумаш. С баями не порвал связи только Мусса, под его влиянием зависит от баев еще батрак Жуматай, муж Рабиги. Исмаил и Жумаш во главе бедняков аула. На собрании членов кошчи Жумаш разоблачает баев — Асана и др. Дед Асана Жантек был глава рода. Все лучшие земли в волости закрепил за своим аулом, его жайляу, кузеу и кыстау делятся на десятки верст. Занимался барымтой. Сохранял шайку воров конокрадов. Совершал убийства. Отец Асана 20 лет был волостным управителем. Занимался доносами. Ссылкой бедняков, сопротивлявшихся его воле при помощи уездных, крестьянских аксайников и приставов. Втягивал всю волость в родовую вражду, сеял раздоры между трудовыми казахами, доводил мирно живущие роды до побоищ. Совершал набеги на беззащитные аулы. Сам Асан 9 лет был волостным управителем. Во время призыва на тыловые работы в 16 году брал взятки. Вместо своих родственников посылал бедняков. Сегодня препятствует каждому мероприятию советской власти. Скрыл скот от обложения. Тайком продает свой скот, чтобы показаться середняком.

Собирается выехать из города уполномоченный по проведению конфискации в этом районе. В городе беспартийный. Хасен встречается с уполномоченным. И вместе с Жакыбом хулит население района, обвиняя в испорченности нравов. Называет доносчиками противников Асана.

Уполномоченный не обращает внимания. Иронизирует над ними. О поведении Жакыба информирует контрольную комиссию. По приезде уполномоченного в волость подосланные аткаминерами сыновья баев, именуя себя молодежью волости, пытаются окружить его, составить свиту из себя для уполномоченного. Но уполномоченный их отвергает.

На общем собрании батраков всего района аткаминеры делают последнюю попытку. Чтобы обезоружить Исмаила и Жумаша, составляют поддельные приговоры и через нескольких подставных лиц из числа середняков района показывают на брата Исмаила и на зятя Жумаша как на баев и аткаминеров. Сестра Жумаша замужем за казахом середняком, живут дружно. Их пугают слухи, пущенные баями. Обращаются к Исмаилу и Жумашу. Исмаил и Жумаш защищают их, разоблачая ложь баев. Но подставные лица возражают им, обвиняя Исмаила и Жумаша в защите и укрывательстве своих родственников баев и якобы аткаминеров. Собирают на них материалы. Посылают в город массу заявлений, доносов. Затопливают жалобами все канцелярии, телеграфируют в губернские и краевые учреждения. За все это время агенты Асана ищут защиты у середняков — через аксакалов. Выезжает авторитетная комиссия из города. До ее приезда составлен список выселяемых. Включен Асан, но рядом с ним включены и родственники Исмаила и Жумаша. Остальные аткаминеры хотят взять на себя роль посредников, чтобы мирным путем уладить конфликт между активистами рабочими и баями. Пробуют пустить в ход старую тактику. Жумаш и Исмаил их вытесняют. В этот момент приезжает уполномоченная комиссия из города. Останавливается неожиданно в ауле Асана и приступает к расследованию личности и вредной деятельности аткаминеров и к выяснению личности Асана. Посыпались жалобы от всех обиженных Асаном. Приходит Рабига со своими заявлениями. Сообщает Жагыфар о понесенной обиде. Разоблачает Мукаш. Приходят все батраки, служащие по несколько лет, не получая заработной платы. Многие указывают на скрытый скот Асана, Мукаш пригоняет его из соседних аулов.

Комиссия слушает Мусу, председателя аулсовета, делающего попытку защитить Асана ложными показаниями. Но сторонники Асана всячески чернят родственников Ис-

маила и Жумаша. Они остаются в списке конфискуемых. За день в ауле Асана разворачиваются события с необыкновенной быстротой. Дочь Асана покидает родителей и следует на их глазах с Жумашем. Уходит, презирая своих родителей за все их действия.

Разоблачены и остальные аткаминеры за сокрытие имущества и скота Асана. И сами скрывали скот от обложения. Батраки из аулов каждого из них раскрывают их преступления перед комиссией. Теперь массы организованы по настоящему.

В тот же день получает развод до сего времени насильно удерживавшаяся сноха Асана и уходит к прибывшим жен-работницам.

Разлагается семья, родовитые аткаминеры Асана, все его сторонники, остальные аткаминеры спасают свою шкуру. Взваливают вину на Асана. Разлагается последняя кучка баев. И на последнем собрании бедняков и середняков района присутствующие единогласно голосуют за высылку Асана. Отмежевавшись от аткаминеров и баев, середняки составляют единый союз трудящихся района вместе с батраками.

VI

Асан с семьей ждет отправки в город. На глазах бая распределяется его имущество. По всему покосу “Корыка Жантека” рядами вытянулись косцы, члены новой артели батраков. Скот Асана передается этой артели. Бывшие рабочие наряжаются в драгоценные шубы и халаты Асана, полученные в подарок от начальства зем. представ. Они хранились в сундуках и тюках его. Дразнят самого Асана, расхаживаясь перед ним в этих нарядах. Сидят у телеги три-четыре человека членов семьи Асана. Одинокие, заброшенные даже родными и аткаминерами. Айдар, друг Асана, собирает помощь у родственников для Асана. И сам присваивает. Жумыке, вспоминая давнюю родовую вражду с Асаном, во время которой он потерял своих 1000 лошадей, выражает свое удовольствие.

Исатай с братом Исламбеком способствовали уходу невестки Асана к секретарю нарсуда. И агитировали Жамилю

к уходу от родителей. Хотят снискать благоприятное отношение Жумаша. Но Жумаш их отталкивает от себя.

Жагыфар с Рабигой члены артели. На глазах у Асана входят в белую юрту сына Асана. Становятся хозяевами ее.

В это время подходит к аулу первый поезд Турксиба. Как символ наступающего нового времени на смену уходящему. Последним сокрушительном ударом по вековым устоям патриархального аула. И обновленный аул в лице всех радостных, бодрых и веселых членов артели идет с красным знаменем встречать поезд. Около них проезжает старая телега с семьей Асана. Запряженная худая кляча едва волочит ноги. Рабочие, смеясь, кидают горсть песку в след уходящим.

Из города возвращают родственников Исмаила и Жумаша. Исключен из партии Жакыб. В губернии получают телеграмму о конфискации бая Асана и других.

**“Абай жолы”
роман-эпопеясының
аудармасына
қосымшалар**

К ВСТАВКЕ 1

Ведь это все и есть Россия. И эта Россия не ставит вам условия признавать тебя своим, лишь тогда, когда ты скажешь, что признаешь или поклоняешься белому царю. Наоборот, она к этому вопросу в безразличии. И говорит “приди, приучайся”. И если мы честные сыны нашего народа, то как должны представить эту Россию нашему народу, конечно, должны сказать, что она твой друг. Это и будет истиной нашей и народа.

Значит, эта истина пусть выражает истинно важную для народа.

Мы обязаны сказать народу нашему, что его самый важный друг – это русская культура. Ну ясно, однако, что для Уразбаев во всем сказанном нет ни единой доли истины.

Когда Абай закончил на этом часть своих рассуждений, Ербол понял искренно и про себя с негодованием подумал о Кокпае. Не только Уразбай, а даже Кокпай в одной недавней своей беседе при Ерболе говорил: “Если есть хоть один недостаток у Абая, то это его чрезмерное преклонение перед русскими”. Вот это и вспомнилось было Ерболу сейчас. Дальше Абай переходил к своим выводам из всего сказанного.

ВСТАВКА 1-Я К СТР. 8

Дальше Абай начал расспрашивать о своем друге Павлове.

– Ну, а почему же не приехал Федор Иванович, Абиш?.. Что его задержало? Ведь он крепко обещал мне приехать вместе с тобой.

– Да, он так старался поехать, но не разрешили.

– Хотел же проситься у губернатора?!

– Губернатор передал его прошение на усмотрение полицмейстера, а тот не разрешил выезд. Решил, видимо, что ссыльный может обойтись без жайляу и кумыса.

Абая искренно огорчило отсутствие Павлова.

– Какая досада! Я так ждал его, и здоровье у него неважное. А я хотел, чтобы он хорошенько отдохнул вместе с тобой. Ты что, познакомился с ним по-настоящему?

– Познакомился. Встречались не раз. Бывали случаи, когда беседовали подолгу. Это такой широко образованный и обо всем глубоко осведомленный человек. По-моему, он из самой передовой группы революционеров, и такой ваш хороший друг, понимает Вас и значение Вашего труда лучше многих и многих казахов, – сказал Абиш, сам не мало огорчаясь тому, что не мог привезти Павлова с тобой.

ВСТАВКА 1-Я К СТР. 9

После слов: “завязались общие разговоры”.

Абай заговорил о своем новом русском друге Павлове, с которым он познакомился прошлой зимой в Семипалатинске у Михайлова. Павлов только что прибыл сюда в ссылку после долгого тюремного заключения в Тобольске. Тюрма и этапные пересылки вызвали у Павлова туберкулез легких. Михайлов, рассказывая об этом Абаю, сказал, что Федору Ивановичу было бы очень полезно пожить летом в степи, попить кумыса. И теперь, отправляя Магаша встречать Абдрахмана, Абай передал с ним Павлову приглашение приехать в аул, обещая принять его как почетного гостя.

– Что же ты не захватил с собой Федора Ивановича? – спросил он Абиша. – Когда он приедет?

– Боюсь, что совсем не приедет. Он обратился к губернатору, а тот передал прошение полицмейстеру... Ну, а полиции лучше знать, нужен ли больному ссыльному кумыс...

Абай искренно огорчился.

– А я так хотел, чтоб он у нас подправил здоровье!.. Ну, а ты успел с ним поближе познакомиться?

– Конечно, отец. Мы не раз беседовали подолгу. Это образованный человек, пытливый и глубокий ум... По-моему, из тех людей, кто идет впереди общества... Кроме того, настоящий наш друг, отец. Пожалуй, лучше многих казахов помнит и понимает ваши труды... Жаль, что нынче он не с нами.

ВСТАВКА 1-Я К СТР. 18

Начало 2-й подглавки

Абай старался проводить с сыном как можно больше времени. Ему было радостно думать, что мечта его исполняется, что его любимый сын получает русское образование. Он с удовольствием слушал долгие рассказы Абиша о том новом, что видел тот в России, и расспрашивал его сам о новостях науки, о железных дорогах, о фабриках и заводах, о русских учебных заведениях, о Петербурге и о других больших городах. Часто разговор переходил на русскую литературу, отец и сын говорили о новых книгах Толстого, Достоевского, о стихах Некрасова.

Но порой Абай вдруг становился... (далее текст страницы 19).

ВСТАВКА 1-Я К СТР. 18

С одной стороны, Абай смотрит с радостью на своего сына Абиша, уже успевшего получить хорошее русское воспитание. Радуетя, находя в нем много общего с настоящими культурными людьми, ему приятно слушать, когда говорит подолгу Абиш. С другой стороны, Абая интересует все новое в России. Он расспрашивает про теперешний Петербург, о новостях науки, культуры. Расспрашивает у сына относительно железных дорог, кораблей, про высшие учебные заведения. Хочет узнать о разнице между отдельными большими городами России. Он также интересуется фабриками и заводами России.

ВСТАВКА 1-Я К СТР. 20

Рассуждая дальше, становясь все больше разнообразно находчивым, Абай вспомнил еще об одном примере. Возвышая голос и широко разводя ладони, он говорил:

– И то сказать, как должно представиться по-разному понятие истины для людей одной эпохи, но разных общественных групп?! Для нового примера я возьму, скажем, Россию и русский народ.

Как смотрят на них вот такие, живущие вплотную рядом с нами, люди, как Уразбай, Жиренше и даже наш Такежан? И, с другой стороны, что думает о них казахский народ? По Уразбаю, Россия – это лишь владычество белого царя. Он ей покорен и ее боится. И, угождая ей, все норовит или для себя, или для сына своего выгадать чин волостного управителя, старается нажиться и одновременно через него и уничтожить своих противников – соперников. А про себя он вовсе не друг и этой даже России, связан с нею лишь расчетами. Для всей их группы истина о России только в этом и выражена.

А вот если бы попробовали мы сказать за сегодняшние поколения казахского народа, то как же должна представиться Россия нам?!

Это, во-первых, не говоря даже об известных вам мудрых русских книгах, об известных вам гениях мысли, прежде всего неизмеримая, неисчислимо великая культура... Это – бесчисленные города и наполняющие их школы, лечебницы, библиотеки, великолепие городских зданий. Это железная дорога, теперь пришедшая в Сибирь. Пароходы, плавающие по Иртышу. Это, наконец, российские фабрики, заводы, часть продукции которых вы одеваете на себя, обретаєте для дома.

Вооружаетесь орудиями труда, отдельными машинами тоже оттуда.

ВСТАВКА 2-Я К СТР. 26

Задумавшись немного, Абай заключил: “Это, видимо, новый вид борьбы, рожденный новостями последнего времени. Я не слышал об этом и не читал в книгах до сих пор. И

вправду, такой мощный объединенный труд должен за свое право тягаться так стойко и сильно. Очевидно, это все и есть самая последняя новость России, нужно и важно интересоваться этим, хорошо, что ты осведомлен об этом”.

ВСТАВКА 2-Я К СТР. 29

Уразбаю не понравился теперешний вид Базаралы. Верный своему упорству, он заговорил с лукавством.

– Э-э, значит названные нами пути борьбы не понравились... Ну, – продолжал он, усмехнувшись, – хотел бы я показаться, что с тех сторон, где ты бывал эти годы, быть может, ты привез новые способы борьбы. Но не смею надеяться на это, – засмеялся он выжидательно.

– Почему не смеешь? – посмотрел на него с удивлением Базаралы.

– Ну на какое добро я могу там надеяться? По-моему, все русские, отбывающие наказание связанными или скованными, должны быть настоящими преступниками. Заслужившие кару белого царя, там должны быть такие совратители, что одно общение с ними должно испортить людей порядочных, добрых. Не думаю, чтобы сын казаха достиг чего-нибудь, обучаясь у ссыльного или каторжного русского человека. Раз у него иная вера, то нечему учиться даже и у белого царя. Ведь мы только покорялись ему ради его силы. Вот потому хотел и упрекну тебя. Сам путей борьбы не привез. И почему же не слушаешься нас?

Не желая дальше объясняться, Базаралы возразил с горькой усмешкой.

– Так, выходит все ссыльные, наказанные – это убийцы и грабители караванов, по-твоему?

– Да, я говорю про русских! – оправдывался Уразбай, усмехаясь.

– Думаешь, у русских нет своих Базаралы, преследуемых, изгоняемых своими Кунанбаями, Такежанами и Уразбаями?

– Все равно – их путь – не путь для тебя, не о чем даже рассуждать, – отрезал Уразбай, предупреждая возможные возражения Базаралы.

Базаралы вспомнил тут многих русских каторжников из просвещенных русских людей и из стойких борцов русских крестьян, виденных им на каторге, но говорить сейчас тут что-либо в их оправдание он счел за лишнюю просьбу слов.

ВСТАВКА 3-Я К СТР. 21

Этот вопрос Абиша произвел большое впечатление на сидевших тут молодых людей — Магаша, Какитая, Дармена. Хотя они сами были близки к этим событиям, но не догадывались спросить об их смысле у Абая. А сейчас пытливые вопросы Абиша заставили задуматься и их самих. Причем Магаш и Какитая думали о том, как бы они ответили, если бы Абиш спросил у них. А Дармен, сильно заинтересованный тем, как ответит Абай, нетерпеливо смотрел на него.

ВСТАВКА 3-Я К СТР. 22

Вопрос Абиша заставил Магаша, Дармена и Какитая насторожиться. Они и сами не раз горячо спорили об этом событии, но не догадывались спросить Абая. И теперь джигиты подняли на него глаза, с нетерпением ожидая ответа.

Абай слушал сына... (далее текст).

ВСТАВКА 3-Я К СТР. 36

За время следующих вечеров бесед Базаралы раза два вспомнил случаи своей жизни на каторге. По ходу беседы для примера о человечности и дружеской помощи людям он рассказал о помощи, полученной им от русских людей.

— Решившись к побегу, я раскрыл свою тайну двум старым русским каторжникам. Один из них — старый дуб из русских крестьян Керала, а другой, образованный и мудрый человек Сергей. Они-то и распилили собственными своими руками мои кандалы и сказали: “Лети вольной птицей, носи привет наш твоим степям”.

От меня для них хоть бы пользы на лomanую иголку. А вреда и опасности было с гору... Как назвать такой поступок людей?..

Базаралы сделал паузу на этом своем вопросе, а присутствующие благодарили названных каторжников.

Долго рассказывал дальше Базаралы о помощи, полученной им от других русских людей. На вопрос Абая о поведении русских людей на пути побега Базаралы ответил новыми благодарными воспоминаниями:

— После Иркутска я бежал через одни русские земли. И тут надеждой и опорой мне были крестьяне маленьких поселков. А я взял себе в правило не подходить к богатым дворам. Несчастливого поймет лишь тот, кто сжился с бедой. Стоит только мне, подойдя в сумерках к деревне, стукнуть в окно самой крайней и самой бедной избушки, так пускают как своего постояльца.

Поймут обо всем сразу: и стар, и млад пожелают удачи, такую добрую помощь окажут. Объяснят о дорогах впереди. Но где опасно проходить днем, так укроют тебя до вечера и отправят поздним вечером.

И думал я тогда, что это, видно, и есть хороший нрав хорошего народа. Иначе от меня им не было никакой пользы, но не помню и добра, оказанного моим предком жигитеком также их предкам...

А такая доброта без расчета истинно укрепляла крылья мне! — закончил он.

Подобные воспоминания Базаралы слушал в кругу Абай с особенным волнением.

ВСТАВКА 4-Я К СТР. 25

— Видишь ли, — начал он, — конечно, часть джигитов находятся сейчас еще в большей нужде, чем прежде. Да и сам Базаралы лишился всего. Как говорится, остался на голой земле. Но не это его мучило, а то, что многие из его друзей-сородичей потеряли последнее. Он не раз говорил мне той зимою: “Не пойдя они со мной в набег, сохранили бы свой скот...” Сам-то он не раскаивался в сделанном, не жалели об этом ни Даркембай, ни Абылгазы. И мне кажется, что так

думают и те смельчаки, что пошли с ними в набег против Такежана. Многие из жигитеков... (текст).

ВСТАВКА 4-Я К СТР. 25

Базаралы и сам лишился всего и, что называется, оказался на голой земле. Он ясно сознавал, какие тяжелые издержки понесли его близкие друзья и сородичи. Он неоднократно говорил мне в то лето, как тяжело ему сознавать все это. Поговаривал: “Не пошли бы в набег со мной, терпели бы издевки, насилия, может, сохранили бы в целости одну, другую скотину”. Однако хоть и задумывался так, он ничуть не раскаивался в сделанном.

ВСТАВКА 5-Я К СТР. 45

Было не мало причин тому, что обычно суровый, решительный чиновник Никифоров заколебался тут. Через своих ретивых помощников Сойкана и Кабангарина он и сам был изрядно запачкан. Было уже довольно точно высчитано Никифоровым, сколько следует ему самому скота от черных сборов. Известно, что в соседстве со взяточничеством в каждом человеке живут и опасения, тревожная осторожность. А вмешательство такого честного незамешанного человека, как Абай, с гневной решительностью заступающегося за всех обиженных, заставило Никифорова действовать осторожнее.

ВСТАВКА 4-Я К СТР. 49

Но Керала ведь старшего поколения. А после за последние 7—8 лет сколько понагнали на эту каторгу еще более молодых из новых отважных поколений русских крестьян. Все они терпели страшную обиду из-за земли. От чиновников, от важных господ и многоземельных богатеев.

Не только с ними, а с самим царством вступали в борьбу теснимые нуждой крестьяне. И такая борьба, оказывает-

ся, вспыхивает в России ежемесячно, ежегодно во многих местах. Вот и я видел, как прибывали и оказывались в заточении самые отважные из этих крестьянских вожаков. А борьба их необыкновенная, не в одиночку борются. Обрушиваются на врага целым народным потоком. Много слышался и горя, и надежды, и тайн их, слушая, восторгался ими.

ВСТАВКА 5-Я К СТР. 49

Такежан и Жиренше, поняв, что Абай готов на все, струхнули. Видя, что они молча отъехали в сторону, заколебался и Никифоров. Обычно властный и решительный, на этот раз он чувствовал себя не очень уверенно: в этом грабеже и он сам был порядком замешан, урядник и писарь еще накануне доложили, сколько скота причитается ему самому, как главному начальнику. И мысль о том, что Абай, возможно, дознается до этого, заставляла его быть осторожным. Вдобавок крики бедняков... (текст).

ВСТАВКА 5-Я К СТР. 69

“Обязательно в России когда-то родится необыкновенное доброе дело. И благо от него дойдет до всех уголков, закоулков и краев, подчиненных ныне России”, — сказали же ведь это они.

“Не увидишь сам, так доживет сын, не так ли?” — уверяли они.

ВСТАВКА 6-Я К СТР. 71

Тут и собственные расчеты Шубара выгадываются не плохо. Быть с Такежаном означает быть вместе со всеми влиятельными сородичами, да еще сейчас это значит оказаться в большом, широком общении со всеми родовитыми казахами целого уезда. А выступить одному Шубару, ведя спор от имени всех иргизбаев и кунанбаев, доставит ему особенную славу. Пойдет такая молва... скажут: не Абая, а

его выдвинули для споров потому, что он еще более остер и меток...

Эта мысль особенно волновала и соблазняла Шубара, так падкого к славе и положению.

ВСТАВКА 6-Я К СТР. 76

Они еще обвиняют, что Абай отводит народ от путей отцов и дедов, совращает с пути мусульманской веры; от заветов святых угодников, ишанов¹ и наставников. Да еще говорят, что нынешнее поколение и будущее потомство он хочет обратить в русских. А сами, с одной стороны, через русских чиновников только и норовят засадить отца в тюрьму или сослать куда-нибудь подальше. Про себя же они так враждебны, люто ненавидят все российское. Не себя винят, за то что по своему невежеству и глупости не могут извлечь пользу от русской культуры, а с завистью винят Абая за то, что он говорит о пользе русской культуры и пользуется сам ею.

ВСТАВКА 6-Я К СТР. 76

...с давних пор. Это они говорят о том, что Абай совращает народ с пути предков, с пути мусульманства, что он хочет сделать русскими и нынешний народ, и будущее потомство... Как ни ненавидят они все русское, а перед русскими властями лебезят, пишут им доносы на отца, мечтают посадить его в тюрьму или сослать. Не могут по своей тупости понять, чему можно научиться у русских, вот и кидаются на отца, завидуя, что тот перенимает у русских полезное... Невежды!

И Магаш, удивляя брата ясностью суждений, продолжал объяснять ему, что представляют собой Такежан и Уразбай. Хотя они... (текст).

¹ Ишан — духовный учитель, настоятель мечети.

ВСТАВКА 7-Я К СТР. 71 (II-Я)

Вместе с Базаралы задержали здесь и Шубара по особому расчету биев. Они хотят убедить людей, что они, бии, равно относятся к сторонам. И при этом, однако, делали вид, что будто они не замечают присутствия среди них же двух других сыновей Кунанбая – Такежана и Оспана...

ВСТАВКА 7-Я К СТР. 78

Правда, что он и сам сын Кунанбая такой же аткаминер. Пусть не такой же, но и он участвует в родовых интригах, потому сегодня и волостным стал. Нельзя же того скрывать, потому что он близкий нам человек. Немало должно быть тягот и обид, которые падают на головы бедных людей и от него. Известно же, что значит быть управителем в наших казахских степях. Одно только можно сказать, что он еще не весь испорчен, что еще взяточничество и иное злодейство не целиком вошло в него. Потому, вероятно, в нем еще много наивной доверчивости.

ВСТАВКА 7-Я К СТР. 78

...помириться с Такежаном. Правда, он тоже сын Кунанбая и аткаминер, тоже на прочь оплести других сетью, не даром сумел волостным стать, чего скрывать, хоть он нам дядя!.. А ведь известно, что такое управитель – немало обид и тягот терпят от него люди победнее... Но к чести его сказать, он не таков, как другие аткаминеры, не взяточник, не злодей, порой готов и на добро... Вот я и думаю, что Уразбая он проучит.

Магаш был близок к истине (текст).

ВСТАВКА 8-Я К СТР. 84

... Ведь прошлое для нас темно...

Прищуривав глаза, он некоторое время задумчиво смотрел

на одинокую вершину, высившуюся вдаль, словно видя перед собой давно исчезнувшую во мгле времен жизнь. Вдруг он быстро повернулся и взглянул на молодых спутников.

– Запомните, джигиты, нынче родилось ко мне решение, – твердо сказал он, похлопывая по сапогу плетью. – Начинаю большую поэму об Аблае. Так напишу, что все дети казахов будут преклоняться перед его духом!

К удивлению его, слова эти не вызвали восторга. Дармен покачал головой.

– Тому ли нас учит Абай-ага, Коке? Не лучше ли написать правду, а не славословие?

– На этот раз Абай-ага согласится со мной, – убежденно ответил Кокпай. – У казахов нет более чтимого предка, более великого человека, чем Аблай-хан!

Дармен не сдавался.

– Великого, вы говорите? Мы как будто научились по-новому понимать слово “великий”...

– Э, помолчи, дорогой! – уже начиная сердиться, сказал Кокпай. – Не заноси руку на высокое! Аблай – великий хан казахского народа, и я не потерплю оскорбления памяти его!

– Ну, что же, пока, – улыбнулся Дармен, – видно ваш талант закусил удила и упрямо мчит вас вслед за ханами и султанами. Хотите воспеть ушедшую жизнь? Посмотрим, какая будет поэма... Но раз вы передали поводья хану, смотрите, не оправдалась бы на вас поговорка: “Кто последует за ханом, под конец потащит седло на себе”...

Молодые люди рассмеялись. Кокпай молча повернулся к своему коню и первым тронулся в обратный путь. Джигиты решили... (текст).

ВСТАВКА 8-Я К СТР. 84

Затем Кокпай, взглянув на Абиша, рассказал о своем намерении написать поэму об Аблае.

И сейчас, оглядев всех молодых спутников, объявил о своем твердом решении.

– Запомните, сейчас для себя принимаю большое решение, развязываю большой узел. Теперь я напишу об Аблае

такую большую поэму, что читая ее, все дети казахов будут преклоняться перед духом Аблая!

Такое решение Кокпая казалось Дармену легкомысленным.

– Не лучше ли написать правду, не преклоняясь перед его духом? Не так ли нас учит Абай-ага?

– Нет! На этот раз как бы я не превозносил Аблая, не осудит Абай-ага, не должен осудить, потому что не было более почетного, более священного лица у казахов, чем Аблай.

И этот его довод не убедил Дармена. Молодой поэт вообще не любил упрямый азарт и крайность взглядов Кокпая.

– Священным называете? А по наставлениям, рассуждениям Абая-ага, мы, кажется, учимся по-новому понимать всех святых и пророков.

Эти слова еще пуще раздражили Кокпая.

– Брось, дорогой! Не уносишься так высоко. Аблай – великий хан казахского народа. Я не стерплю обиду, наносимую его памяти, – сказал он, поворачиваясь к своему коню.

А Дармен громко рассмеялся, и дальнейшие его слова поддерживали Абиш и Магаш своим одобрительным смехом. Дармен громко произнес свое возражение Кокпаю.

– Да, Коке, Ваше вдохновение видно закусило удила. И повело Вас на упрямый путь. Решили последовать за ханами тюре? Хотите воспеть сгнившие времена? Посмотрим, когда кончите поэму. Вы передаете свои поверья тюре. Как бы не оправдались слова вашего народа: “Кто последует за тюре, тот наконец, потащит седло на собственной спине”, – сказал Дармен, подмигнув Магашу.

Молодежь поддерживала Дармена одобрительным смехом. В ответ на это Кокпай сурово замкнулся в себе.

ВСТАВКА 9-Я К СТР. 206

Павлов приехал в аул Абая два дня назад. Абай не отпускал его от себя. Искренно соскучившись по нему, отбывая последние два года своей ссылки в Семипалатинске, этот человек много встречался с Абаем и у них установилась

крепкая дружба. По наблюдениям Абая, среди многих виденных им лиц, борющихся против царя, этот человек казался стоящим на более верном пути и он был самым смелым и решительным.

Абай расспрашивал, какие вести привезли в Семипалатинск новые русские ссыльные. Что делается нынче в России? Есть ли успехи в борьбе фабричных рабочих против хозяев? Что слышно о крестьянских бунтах? Кто из передовых русских людей показал себя как защитник народа? Какие интересные книги появились? Что пишут в журналах? Есть ли новые русские поэты и писатели? Можно ли достать их книги в Семипалатинской библиотеке?

Ответы Павлова превращались в долгие рассказы о рабочем движении, о литературе, о жизни в России. У него была способность к метким и злым характеристикам людей, напоминающим острые сатирические портреты Салтыкова-Щедрина. И когда Федор Иванович рассказал несколько анекдотических случаев в канцелярии губернатора, в областном суде, героями которых были взяточники-чиновники, Абай искренно хохотал, видя их как живых.

Особо нравятся Абаю жесты, движения, многие черты и привычки Павлова. Не привыкший сидеть на полу, подвижный, горячий и темпераментный Павлов то рывком садится на колени и говорит разгоряченный, иногда он быстро становится на ноги, зашагает по юрте и, опомнившись, моментально садится на пол. Иной раз он пригнется, опирается на Абая, рассказывает что-нибудь интересное, трясет его за плечи и хохочет вместе с ним. Разгоряченный, он говорит громко. А рассмеется звонким, раскатистым смехом так весело, что его приятный голос и большие голубые лучистые глаза, и разливающийся по его щекам румянец – приятно заражают людей весельем. Его правдивый лик и веселый смех властно увлекают Абая и он смеется от души.

В свою очередь Павлов забрасывал вопросами Абая. Заметна ли перемена в жизни трудовых людей степи, в особенности оседлых жатаков, занявшихся земледелием? Какие формы принимает борьба бедняков против степных воротил – аткаминеров? Есть ли в этом что-либо новое? Его интересовала также и судьба степной бедноты, ушедшей на заработки в город. Как они там устроились, что дает им не-

привычный труд? А как с образованием? Охотно ли отдают родители своих детей в русские школы?

Отвечая другу, Абай сам приходил к новым мыслям. Распросы Павлова заставляли его невольно задумываться над тем, что раньше проходило мимо его внимания. И теперь многое в жизни степи он сам видел по-новому.

И Абай все с большим уважением смотрел на Федора Ивановича. Вопросы того показывали, какого заботливого и верного друга получил в этом русском ссыльном трудовой люд казахской степи. Порой Абай угадывал в его словах свои собственные мысли и поражался, как мог придти к ним Павлов, живущий в городе вдали от степной борьбы.

Лишь на третий день Абай отпустил своего друга к молодежи, нетерпеливо ожидавшей его. Беседа велась с помощью Абиша и Какитая, переводивших Павлову слова друзей.

Густой, хорошо перебродивший... (текст).

ВСТАВКА 9-Я К СТР. 206

Павлов приехал сюда два дня назад. И первую ночь, и следующий день он провел в долгой уединенной беседе с Абаем. Истинно верные друзья, стосковавшиеся друг по другу, они о многом расспрашивали и рассказывали друг другу. Им нечего было умалчивать или утаивать друг от друга. То Абай расспрашивал о новых ссыльных, попавших в Семипалатинск. Он хотел узнать через них о новых путях и видах борьбы, происходящих в России, узнать о тех новостях, которые привезли эти новые борцы, спрашивал у Павлова о новых известных деятелях русских, старался узнать и о новых замечательных книгах, о ценных журналах, обо всех вновь появившихся писателях и поэтах русских. Наконец, он интересовался теми новейшими книгами, которые поступили в городскую гоголевскую библиотеку, чтобы Абай мог выписать их. Раньше Павлов часто рассказывал Абаю смешные анекдотические случаи, происходившие в канцеляриях губернатора, уездного начальника, областного суда. Теперь, когда их беседа переходила к этим новостям города, Павлов передал рассказы о чиновниках-взяточниках, карьеристах-взяточниках, карьеристах-подхалимах. И его

эти рассказы были смешные и ядовитые, точно сказки и рассказы Салтыкова-Щедрина; они не мало смешили Абая. И Павлов, в свою очередь, подробно расспрашивал у Абая о степной жизни. Какие, по наблюдению Абая, происходят перемены в жизни трудовых людей степи теперь? Он особенно интересуется положением жатаков, перешедших в оседлость, занимающихся земледелием. Подробно расспрашивает об их взаимоотношениях и борьбе с аткаминерами аула, какие происходят изменения в сознании этих трудовых людей. Он также расспрашивает про степную бедноту, ушедшую в города на заработки, об их новом устройстве там, также старается узнать Павлов, охотно ли отдают родители теперь своих детей в русские школы, есть ли заметные перемены при этом. Вот такие новости степи интересовали его. Отвечая на такие вопросы своего друга, по поводу некоторых из них, Абай теперь и сам особо задумывался о них, старался глубже прочувствовать их значение.

Вопросы Павлова обнаруживали в нем столь явного заботливого друга, трудового люда степи. Чем больше сознавал это, тем глубже Абай проникался уважением к своему другу, будто еще больше постигал честного, кровно-близкого друга, сходного с ним по одинаковым заботам о казахском народе. Лишь после таких долгих бесед в течение ночи и дня Абай приобщил своего друга к обществу молодежи. Находясь со вчерашнего дня в обществе молодых друзей, Павлов и с ними находил много общих интересов и уже близко сошелся с ними.

ВСТАВКА 10-Я К СТР. 121

И когда Шубар собрался к отъезду, неожиданно явился сюда Такежан. Кроме его джигита с ним был еще Майбасар.

Войдя в большую комнату, где сидел Абай, и увидев здесь Шубара, Такежан вспыхнул от раздражения:

— Это ты тот надежный джигит, так поспешно отправленный нами в город? Думал, уже в Семее², а ты крутишься здесь, играешь в прятки... — и он усмехнулся со злобой.

² Казахи называли город Семипалатинск Семей.

А Шубар, почувствовав себя между Абаем и Такежаном, тут же постарался ускользнуть от прямого объяснения своего поступка:

— Да я послал человека в табун, чтобы сменить лошадей, потому и задержался тут. Еду сейчас же...

Абай, недовольный, выпятил губы. Он вспомнил недавние слова Шубара о том, что тот нарочно заехал сюда, чтобы посоветоваться с Абаем. А теперь перед Такежаном, отступая от сказанного, он показался Абаю двуличным, скользким хитрецом. Покачав головой, Абай усмехнулся иронически.

Дела Такежана были спешные. Он точно, как говорил раньше Шубар, думал проехать в город прямо. Оспана он отправил туда. А сам он решил навалиться на Абая и сделать ему поручение, или же в личной встрече распознать до конца намерения брата...

А Майбасар, давно не имевший дела с Абаем, надоумил Такежана на это и сам приехал вместе.

Такежан сразу объявил, что он не останется ждать еды, а поедет, но что он имеет дело к самому Абаю...

Однако Абай не захотел разговора наедине.

— Сказывай о своем деле! — Решил он, желая, чтобы все присутствующие стали свидетелями их объяснений.

Он не попросил выйти сидевших с ним Магаша и Дармена. Остались на месте и Шубар с Майбасаром.

Тут и Такежан решился на откровенность с недобрым намерением. И то, о чем он думал выяснить у Абая под конец, выложил с самого начала:

— Я приехал за твоей помощью. Едем со мной в город...

— А что хочешь поручить в городе? Мало твоих помощников, ходатаев?

— Они одно, а ты вовсе другое. Для чего заставляешь говорить? Начнется тяжба перед властями, ты нужнее всех.

— А с какими властями я в дружбе? Или ты не знаешь, что мое появление всего больше раздражает их?

— Раздражается, но считается с тобой. Нужен твой вес...

— Мой вес хочешь испытать в огне?

— А я не сгораю в огне? Самый близкий мне родственник и ты хочешь отгородиться?

— Каждый потерпевший должен бы подумать “отчего я

потерпел?” И если при этом он смог бы сказать “терплю без вины”, его слова и поручения были бы особенные. А ты, Такежан, подумал хоть раз, отчего ты терпишь?

Тут Такежан почувствовал раздражение.

– Ну не подумал я, так есть же на то ты, дальновидный... Скажи, отчего я пострадал?

– Так ты потерпел от того, что ввергал в слезы народ... за эти слезы людей ты терпишь все это... – сказав это, Абай облокотился локтями на низкий круглый свой стол и в упор посмотрел в глаза Такежану.

– Когда не перестанешь называть “людьми”, “народом”, “многими” какой-то ничтожный, безвестный сброд?

– Никогда это не перестану. Потому что и бесчисленный люд, казахи, народ мой, род, они... Эта масса... На таких Такежанов их приходится по пятнадцати—по двадцати. Униженные, попранные так же они. Нуждаются в настоящей помощи только они... С кем мне быть, как не с ними?

В этих словах для Дармена почувствовалась настоящая, новая даль целей.

А Такежан вначале не находил слов от удивления и злобы. Но Шубар был явно разочарован, недоволен мыслями Абая.

Теперь Такежан заговорил разгоряченно, задыхаясь:

– Так объявил же тогда, что ты не сын предков, не сын Кунанбая, что ты враг всем знатным людям и сливаешься со сбродом степным!..

– Ты хочешь этого, так я и сказал об этом.

– Скажи лучше, отступил от путей отцов и совращаешь людей. Значит, подтверждаешь обвинение тебя Оразбаем и Жиренше о том, что ты народ уводишь от путей отцов.

– Путь отцов стал путем насилий, коварства и вражды к народу, потому я и сказал, что я не сын этих отцов, а выбираю дружбу с народом. Говоришь, отступил? Да, отступил от кунанбайства.

– Не только сам, но и молодежь ты портишь... Не даром твой сын Акылбай не пошевелинулся и преспокойно поедал куырдак, когда враги угоняли мой табун, он наслаждался этим, как враг... Да и ты, я вижу, не менее рад этому...

– Ну вот, значит оказались заодно и Базаралы, угнавший твой табун в ответ на твои насилия, и я, говорящий прямо,

открыто тебе о справедливости, об истинной причине всех дел...

— Выходит, ты и сам мой враг!..

— Отправляйся тогда, взыщи с Базаралы, а затем враждуй против меня...

— Я и взыщу с Базаралы, а затем и уничтожу его голову.

— Нет, головы не коснешься. Знай и запомни, если ты укажешь на него властям и задержите его, то я пойду открыто бороться на стороне бедняков жигитеков. Дохлого жеребенка не получишь тогда от них. Весь твой табун и будет сочтен, как выплата пени за жизнь дорогого человека.

— До чего ты договариваешься? Ведь он совершил насилие, преступление, вырезав весь мой табун? Разве можно шадить этого врага от какой-либо кары?

— Врагом бы он выступил против вражды, угнетения и злодейства, совершенного тобою.

Тут не выдержал и Шубар.

— Абай-ага ведь он, угнавший чужой табун, вырезавший его поголовно, есть же настоящий насильник!.. Разве может быть большей вражды и злодейства? Ведь шариат мусульман это почитает самым тяжким грехом?

— Если шариат за Такежана, так и это путь заблуждений.

Такежан вышел из терпения от обиды и заругался в гневе.

— И от путей отцов, и от пути шариата, даже от всего мусульманского общества ты отступил, вот что тебе нужно сказать... Уж лучше бы ты сам, Абай, и стал виновником моим и плательщиком пени за убийство.

Сгоряча он ударил своей плеткой по толстой книге, лежавшей на столе перед Абаем. На что Абай нахмурил брови и взглянул на Такежана грозно.

— Ты сказал о плательщике пени? Хорошо затронул. Выдашь Базаралы властям, так я взыщу с тебя пени за Ису, погибшего на днях у твоего порога. Понял?

Когда Абай заговорил об этом, Такежан вдруг растерялся страшно. Он уже носил в себе это большое опасение, что-бы кто-нибудь не заговорил об этой смерти.

Но он постарался представиться удивленным.

— А что, я убил? Какое тебе дело до Исы, до его смерти от божьего веления?

— Нет, в его смерти виновны ты и твой сын, избившие и погнавшие полуголого в буранную ночь... Он погиб от простуды, полученной в ту ночь. Сгорел ради твоего стада. А ты даже последнюю пищу не дал ему, умиравшему на твоих глазах. Разве ты дал ему хоть четырех баранов за убитых им, но отобранных тобою четырех волков? Нет, ты не дал даже дохлого козленка! Разве не убийцей явился ты теперь сюда?

Абай дал понять всем, что он великолепно знает все обстоятельства смерти Исы. Такежан уже струсил, чтобы говорить по этому поводу перед сидящими тут людьми.

Вдруг через чьи-либо уста из этих людей получит огласку подобный разговор и пойдет новым скандальным делом...

Чтобы прекратить разговоры, он теперь поспешил одеться и уехать тут же. Абай, поняв тревогу Такежана, продолжал говорить:

— Кто же народ, ты спросил? Вот он, Иса, и был человеком из народа. Его сироты горемычные, престарелая мать, больная вдова — вот народ. А каким дорогим сыном народа был Иса! Чего стоит только одна эта его отвага ради твоего скота? Разве были бы способны на такой подвиг ты и твой сын Азимбай? Нет, так пусть лучше мысли и цели будут вместе с теми, на чьей стороне добро и справедливость... Да стоите ли вы хоть ломаного ногтя таких людей? А они — сотни, тысячи — и все обиженные и обездоленные! Было бы иное счастливое время, когда бы его общество обрело право, а он был равным со всеми, какое бы доброе чудо совершил тот же Иса. Разве не стал бы мужем, гордостью своего народа? А ныне он исчез, напрасно погубив жизнь ради безжалостных людей, для которых тощий ягненок дороже этого человека... Подумаю, сердце содрогается от жалости и огорчения. До самой смерти он в бреду вел стойкую борьбу с волком... Бедная мать теперь только сообразила и рассказывает о том! И кто знает, только ли волка он проклинал тогда? Не проклинал ли он за свои муки и тебя с твоим, так же хищным, как лютый волк, сыном? — высказав это, Абай и сам не подзревал того, какую душевную чуткость и прозорливость поэта он обнаружил тут. Дармен при последних словах сидел, охваченный тяжелым горестным чувством...

Приостановившись на миг, Абай дальше закончил:

— С кем мне быть, как не с ними? И Базаралы тоже один из этих людей... Запомните... если опять вздумаете лишить его воли, обязательно исполню то, что я уже сказал и о чем, Такежан, хорошо догадываешься ты сам... Подниму такую тяжбу, не порадуешься! — отрубил наконец Абай.

Тут Такежан и Майбасар молча вышли из комнаты.

Разговор об Исе был поднят Абаем не ради того, чтобы избавиться от Такежана, весть об этой смерти его и так волновала не мало. Он сам послал Дармена на его похороны. А Дармен после похорон Исы долго и душевно беседовал с горемычной семьей. Он взял овцу у Оспана и зарезал на пропитание сиротам. Оплакивая с ними тяжелую утрату, он долго ласкал и утешал детей, обещал им свою постоянную помощь в их дальнейшей жизни. Тогда же, расспрашивая у Ийс про волков, про горестные мысли джигита перед смертью, про его последние слова, обо всем рассказывал Абаю подробно. Потому Абай и высказал все, о чем Такежан и не подозревал услышать тут.

Вместе с Такежаном собрался было уйти и Шубар. Но Абай удержал его ненадолго и велел передать всем, кто будет участвовать в этой тяжбе, свои мысли и намерения.

ВСТАВКА 10-Я К СТР. 271

Помимо того, что не понравились слова Абая, губернатор сейчас по одной новой причине отнесся к самому Абаю еще более недружелюбно. Он представлял казахов столь диким народом, которому присущи должны быть грубое хищничество и темное боязливое преклонение перед властью имущими. А этот степной киргиз Ибрагим Кунанбаев будто опровергает такое представление губернатора всем своим видом, своими рассуждениями и внутренним содержанием. Говорит как просвещенный русский человек, не ступает перед губернатором, а держит себя будто равный по уму и воспитанию, да и бешмет на нем по цвету, по дороговизне материала, по покрою своему свидетельствует о городской культуре этого человека. Даже и этот признак Абая раздражал губернатора, якобы утверждая его равенство с ним.

ВСТАВКИ 10, 21 К СТР. 271–274

вместо строки “это не удовлетворяло губернатора”

Губернатор слушал Абая по-прежнему настороженно и холодно. Кроме того, что ему не нравилась речь этого “киргиза”, сам его вид и спокойное достоинство, с которым он держался, заставляли генерала хмуриться. В его представлении степняки — “киргизы” — были людьми дикими и темными, которые перед начальством могли лишь боязливо поклоняться. А этот говорит как просвещенный человек, держится свободно, как равный по положению и по воспитанию. И даже то, что на нем был не чапан или халат, а бешмет из тонкого дорогого сукна, сшитый, видимо, хорошим городским портным, раздражало губернатора. И он нетерпеливо пошевелился, переведя взгляд к двери.

Но тут же на его лице выразились негодование и гнев. Желая понять, чем это было вызвано, Абай тоже повернулся к двери, — и не поверил своим глазам. В юрте, держа подмышкой тымак и большую кипу листов, стоял Базаралы, а возле него — русский человек средних лет в скромном городском костюме. По холеной красивой бороде Абай сразу узнал в нем часовщика Савельева из Семипалатинска.

Савельев (фамилию которого казахи переименовали в “Сабелей”) прекрасно владел казахским языком и пользовался в степи широкой известностью. Он помогал составлять заявления, прошения и всякие “приговоры”. У него были обширные знакомства во всех городских канцеляриях — и среди толмачей и урядников, и среди письмоводителей и чиновников. Говорили даже, что у него есть ход к советникам, а может быть, к самому полицмейстеру. Многие из степных казахов именно ему поручали и написать прошение, и проталкивать его по канцеляриям, утверждая, что Сабелей знает такие легкие дороги, которые неизвестны лучшим городским адвокатам.

Пока Абай с изумлением смотрел на Базаралы, к губернатору подошел жандармский офицер и, почтительно склонившись, начал что-то шепотом объяснять. Губернатор слушал его недовольно и наконец спросил:

– Ну, хорошо... И чего же они хотят? – и он повернулся к вошедшим.

Савельев, поклонившись, поспешил объяснить:

– Ваше превосходительство, у этого киргиза множество прошений почти из всех волостей Семипалатинского уезда, все эти просители тоже здесь, но господин офицер разрешил пройти только нам: вот ему, с бумагами, и мне, чтобы перевести их просьбы...

– А о чем просьба? – сурово спросил губернатор.

– Все они просят не за себя, ваше превосходительство. Ходатайствуют за уважаемого ими человека, за своего поэта, Ибрагима Кунанбаева...

Губернатор негодуяше повернулся к Абаю. “Уж не сам ли этот загадочный киргиз подстроил все это?” – подумал он. Но лицо Абая выражало только искреннее изумление. Губернатор перевел взгляд на Базаралы, внимательно вглядываясь в него. Однако этот высокий и стройный человек с привлекательным и умным лицом и не смотрел на Абая, как будто даже не узнавал его. Он спокойно подошел к столу, положил на него свои бумаги и заговорил сам. С первых же слов удивительный русский язык Базаралы привлек внимание губернатора.

– Таксыр³, – начал он, прикрывая указательным пальцем, красивым и длинным, своей левый глаз. – Таксыр, кыргыз степ – слепой, адин клаз ес е – Ибрагим Кунанбаев...

Базаралы прикрыл большим пальцев левое ухо и продолжал:

– Кыргыз степ – глухой, таксыр, адин ух е – апят Ибрагим Кунанбаев...

Губернатор невольно улыбнулся, но тут же поспешил снова нахмуриться.

– Не можно Ибрагим Кунанбаев брат ат степ... Не можно. Степ слепой, глухой будет... – И он закрыл пальцами другой руки правое ухо и глаз и, жалобно качая головой, изобразил на лице страдание.

Савельев собрался разъяснить слова Базаралы, но губернатор жестом остановил его, продолжая с любопытством

³ Таксыр – начальник.

смотреть на Базаралы. Тот с огромным трудом продолжал изъяснять свою мысль.

— Каспадин губернатор нобай шалабек! Не знает, какой шалабек Ибрагим Кунанбаев... Наш степ много пригауар послал. Много, много просят... Пускай наш пригауар пайдет санат, министр, белый сарь... Степ просит пустить нас Петербор, министр, сарь... Все пайдом!.. Тогда пайдом!

Базаралы замолчал. Губернатор снова нахмурил брови и молчаливым движением руки показал Савельеву и Базаралы, что они могут идти. Видя, что генерал не собирается отвечать на просьбу, Савельев дернул Базаралы за рукав. Оба попятнулись и вышли из юрты.

Но слова Базаралы произвели большое впечатление на генерала. За сегодняшний день он несколько раз менял свое мнение об Абае. Сейчас он окончательно уже пришел к мысли, что если с таким необыкновенным для степи человеком поступить обычным способом, то есть просто выслать или посадить в тюрьму, — то это не останется без последствий. На церемонии встречи губернатор убедился, с какой почтительностью относятся к этому киргизу знатные люди степи. А теперь оказалось, что за него горой стоит и простой народ. Вероятно, этот человек имеет гораздо больший вес, чем многие из управителей... Как знать: накажешь его, а эти... (далее текст страницы 74).

ВСТАВКА 11-Я К СТР. 124

За дорогу в город, куда ехали с ним названные им же Сарбас и Абды, много раз в пути Базаралы вдавался в свои думы. Порой он обдумывает свои мысли в беседе с друзьями, а иной раз глубоко и долго задумывается молча.

Одна из таких мыслей пришла ему в голову в день приезда их в город, когда он сидел на своем сером в яблоках коне и проезжал по плоскогорью Балтатарак. Вокруг тянулись, покрытые снегом, безмолвные просторы.

День не был морозным, но ветер, дувший в спину, крутил хвосты и гривы коней. Путники ехали позади своих спутников, глядя им в спину.

Серый конь в яблоках сейчас хоть не был жирным, но еще был в теле.

Рысцой он идет сейчас мягко и легко, не требуя попукивания. Этим он помогал Базаралы лучше сосредоточиться в его размышлениях.

...Обширные просторы неподвижны и безмолвны, они в скромном покое. Бывает, что так же иные неумные силы, затаив в себе тайны свои, пребывают в ожидании дней своего пробуждения, перемен. Не так ли бывает и с силами народными? Все они таят внутри в себе. А снаружи пусть трещат морозы, выются метели, бушуют бури, все равно мощный круп великана холма не шелохнется, не пикнет. Зато, когда настанет его день, наступит его пора и задуют теплые ветры и добродетельный вешний день зальет все благодатными лучами, разорвутся эти снега, понесутся они текучими водами, поднимутся легкими парами, и эти просторы освободятся от своих оков, холодных покровов. И у народа сейчас такая лютая зима. Бесчисленные сугробы, заледеневшие покровы задавили под собой все живое вокруг.

Но не останется же навечно мир таким? Слышал же я много раз и от Керала, и от многих иных стойких людей русских... Сидя в заточении, они же говорили, что наступит день! Нет, придет, наступит этот день. Нельзя, чтобы ты не наступил. Не может так бесконечно длиться жизнь, существование людей.

Чем же был мой поступок? Или это было тем теплым, первым ветерком, предвестником будущего блага? Пусть бы хоть так и каким это было бы добром... Хоть утешением... Да, будет много затрат, будут тягостны и последствия. Но я видел раскаяния в народе. Одно это — великое счастье. Увидел народ — подобный этим мощным просторам незыблемым и таящий несметные силы в себе. Вот что я познал. Нашел... искал я сам, и обнаружил для самого народа, какой великой силой он обладает, если захочет. Вдруг развернуться... Видно от того, что он почувствовал это, народ не думает дрогнуть ни перед какими тяготами, тяжестями. Пусть это и будет оправданием и опорой для меня. Если суждено мне постичь когда-нибудь счастье, так пусть это и будет названо им...

При этих мыслях он легко воспрянул духом.

И дальше, после этих размышлений, он перестал тревожиться за предстоящий суд. Наоборот, он почувствовал себя на этом подъеме, на своем высоком статном коне, стоящим на много выше и неуязвимее всех своих противников.

ВСТАВКА 11-Я К СТР. 279

Только при дальнейших расспросах Абая Базаралы рассказал о подробностях. Конечно, не для кого не было легким делом пропустить его к губернатору. К нему даже не пропускали уездных начальников и чиновников, а простому смертному просителю Базаралы получить доступ было вовсе невозможно. Но как признался теперь Базаралы, оказывается, дорогу проложили ему деньги – взятка. Ровно час толковал, уговаривал Савельев крупного жандармского чиновника, охранявшего юрту губернатора. Оказалось, что лишь всучив в его лапы крупную сумму, стоимостью двух коней, только и смог пробраться Базаралы к губернатору.

ВСТАВКА 12-Я К СТР. 182

При следующей встрече друзей, возвращаясь к прежнему вопросу о труде, Абдрахман рассказывал о таком новом, что показалось необыкновенно интересным всей компании с самим Абаем во главе. Переходя к этому разговору, Абдрахман напомнил, что и в этом случае примеры русского народа необычайные:

– Нужно знать о большом труде, о людях этого труда и об их борьбе. Поражаешься, когда узнаешь, какие только стойкие силы рождаются и примерные поступки совершаются в России, отец! – обратился Абдрахман к отцу, особенно желая натолкнуть его на новые мысли.

– Люди большого труда в России делятся на два вида. Одни – крестьяне деревень, а вторые – это ежегодно растущие во множестве своим работниками фабрик и заводов. Вот эти обе группы сейчас за свой труд, жизнь и цели свои вышли на упорную борьбу против своих насильников.

В доказательство этих своих слов он сообщал о том, что

во внутренней России за последние десять лет прошли более ста пятидесяти случаев открытой борьбы рабочих, называемой по-русски стачкой.

Он сообщил кратко и о массовых случаях крестьянских волнений, а затем остановился на борьбе рабочих со своими хозяевами на фабриках.

Абдрахман живо и увлекательно рассказал хорошо известные ему события Морозовской стачки в Орехово-Зуево 1885 года.

Когда он сказал, что у этого бая Морозова было одиннадцать тысяч рабочих, молодые слушатели были поражены этой цифрой. Абдрахман добавил, что восемь тысяч из этих работников в один день и в один час прекратили работы и вышли на сопротивление. Напугали они не только бая, но и власти. Поскакали туда и прокурор, и губернатор даже с войсками, хотели взять работников испугом.

А вожатые этих бедняков рассказали о насилиях бая, об обмане, о том, как он обижал, обкрадывал людей. Выдержали тяжбу, не напугались начальства.

Потом из них арестовали шестьсот человек как виновников. Все равно работники не отступали от борьбы. И с тех пор не прекращается подобное сопротивление. Он так же рассказывал, что даже и в настоящем 1890-м году и то каждую неделю то в Петербурге, то в Москве, а то во многих других больших городах России происходят эти стачки.

— Вот какие пути находит борьба, когда она заступает за труд и трудовой народ, — закончил он свое повествование.

Абай с огромным удовлетворением расспросил у сына, каким путем он узнал об этих не оглашаемых событиях. Был удивлен осведомленностью Абдрахмана и Павлов. Он понимал, как находясь в давней ссылке, сам Павлов оказывался вне таких новых дел.

Абдрахман объяснил им, как вначале заинтересовался Морозовской стачкой, а затем стал узнавать о других подобных делах.

А Морозовское дело его заинтересовало из-за речи знаменитого оратора — адвоката Плевако. Этот адвокат защищал на суде рабочих, главарей стачки, спорил и оправдывал их.

А дальше Абдрахман рассказал, как по письму Михайлова он познакомился со старым рабочим Ереминым, который вел долгую борьбу за революцию и был крепко связан с молодыми рабочими борцами. Вот этот Еремин привык к Абдрахману и рассказывал обо многом и поручал молодому человеку, чтобы он передал об этом своим сибирякам.

— По расчетам Еремина, с 1880 до 1890 года состоялось более ста пятидесяти стачек. Вот так умеет бороться в защиту труда тот народ, который и умеет трудиться по-настоящему. Вот у кого бы учиться и брать примеры...

Абай был вполне согласен с сыном и молча одобрительно закивал головой ему.

Павлов напомнил, что в России и крестьянские волнения бывали в самых огромных видах. Абдрахман знал и о них много нового, но, решив поговорить о том в другой раз, сейчас сообщил Павлову, что борьба крестьян против своих насильников имела место и здесь в этой степи.

ВСТАВКА 12-Я К СТР. 280

И такую дружескую встречу народа с Абаем к концу этого сбора по-своему разъяснил старик Байкокше. Окруженный старшими почтенными людьми, Байкокше заговорил своим громким голосом, произнося слова глубокого смысла.

— Да, народ! Это у нас вышло дорогим торжеством. Истинная радость народа тут сказалась. И здесь, с одной стороны, мы радуемся за Абая, порадовались за то, что спасли мы нашего Абая от опасности. Но у этой радости есть и другая сторона! Это радость за нас самих, за то, что мы смогли объединиться во имя благого дела и как честный люд смогли добиться своего. И это было по-настоящему примерным делом самого народа. Пусть же всегда будет подобная удача в народном деле, аминь!

Народ вокруг искренно одобрил эти слова, кругом раздалось много дружных радушных голосов, так громко подержавших дорогие слова старого акына.

ВСТАВКА 13-Я К СТР. 200

На всех жайляу бокенши, жигитеков, котихахов не было бедного аула или единственной лачуги, которых не коснулось бы это бедствие.

На урочище жигитеков Суыкбулак находился многочисленный бедный аул, в котором жили такие люди, как Базаралы, Абды, Сержан, Аскар и старик Келден.

О слезах и страданиях бедного люда окрестных аулов, об этом зле, именуемом недоимки и черные сборы, слышали и в этом ауле.

— Что мы скажем, когда доберутся до нас? Денег на руках нет. Все, что есть здесь, это считанные козы дойные, да коровенки по одной на две семьи. Говорят, что у людей отбирают даже такую опору.

Разве посчитаются с тем, что мы в прошлом году еще тяжело пострадали от поборов Такежана? Как поступать тут? — говорил с опаской Келден, больше думая не о себе одном, а про все полуголодные семьи этого аула, про детишек, у которых могли отнять последние источники существования.

Когда он высказал эти слова Базаралы, тот, одолевая свои боли, неторопливо приподнялся на постели и ответил успокоительно:

— Пусть приедут и глядя на них решим, как нужно поступить. Не может быть, чтобы в ком есть живая душа в груди и так бы просто отдал последнюю опору в жизни. Одно я скажу пока, пусть никуда не отлучаются из аула такие джигиты, как Абды, Сержан, Аскар. А тех, кто приедет, пошлите вначале ко мне. Путь поговорят со мной, приведите прямо сюда.

Опасение Келдена оказалось не напрасным. В полдень и сюда прискакали сборщики. Их было трое. Самый свирепый из них был бесноватый рассыльный Далбай с огромной медной бляхой на груди и с пустой огромной кожаной сумкой на боку. Для важности он часто ударял рукояткой своей плетки по сумке и прохаживался, наводя страх на детей и женщин. Кидаясь и поддразнивая лающих собак, он нарочно поддерживал шумную тревогу в ауле. С ним приехал аульный старшина жигитеков, тоже задиристый и глупова-

тый Дуйсен. Они взяли сопровождающим для себя безмолвного джигита Салмена.

Рассыльный и старшина сразу же начали свои дела с самых крайних юрт, нагоняя на них беды. Кидались и отбирали коз, оказавшихся на дневном привале возле аула, тащили на поводу дойных коров, стоявших между рваными лачугами.

К ним тут подошли Келден и Абды.

— Вас зовет Базаралы. Пройдите, обмолвитесь хоть словом с ним. Ведь вы тоже люди, дайте опомниться. Идемте к Базаралы! — сказал Келден. Но Далбай заорал и закрутил плеткой над головой Келдена:

— Не пойду! Какой там Базаралы? Пусть не важничает, а заявится сам, посмотрю я на него!

— Базаралы болен, не может подняться на ноги, потому и зовет вас, — говорили ему. Но Далбай не стал и слушать, а продолжал отбирать собственными руками скотину каждой юрты.

Скоро от Базаралы пришел сюда Сержан и тихо передал Абды и Аскару:

— Базаралы велел схватить и приволочь к нему их обоих... Давайте, возьмитесь за них!

С этими словами он шагнул к Далбаю и, схватив его за плечо, повернул к себе.

— Эй, джигит, постой же ты... — начал было, но тут Далбай крикнул, занося над Сержаном плетку... А Сержан, схватив моментально за плетку, так ее сильно дернул, что замотанная за кисть руки петелька чуть не вырвала руку Далбаю и он грохнулся лицом вниз.

Тут хотел было кинуться с окриком старшина Дуйсен, но его теперь крепко схватил за ворот Абды и сразу потащил за собой. Сам поставив Далбая на ноги, Сержан зацапал его и быстро поволок туда же.

А скромный джигит Салмен, удивленный и напуганный, сам торопливо зашагал за ними.

Базаралы не стал тратить много слов на них.

— Я со вчерашнего дня еще слышу, какими волками вы накинулись на народ... и довольно!.. Нечего толковать! Повалите собак! — приказал он...

И тут же Абды и Сержан грохнули у очага на землю двух виновников, уложили ничком.

— Сорвите с них чапаны, рубахи, оголите зады! — кричал Базаралы, весь выпрямившись, суровый и бледный от гнева.

— За слезы всех несчастных хоть уничтожу вас, палачей... Возьмите в руки плетки, Абды и Сержан!

Тут на Далбая и Дуйсена насели Аскар и другие джигиты, а Абды и Сержан, засучив рукава и плюнув в свои ладони, взяли в руки здоровенные плетки и, показав их в глаза осужденным, широко замахнулись ими.

Когда дело дошло до этого, напуганные до смерти Далбай и Дуйсен взмолили перед Базаралы.

А Базаралы, подмигнув своим джигитам, пока еще не разрешал им опускать плетки на спину виновников.

Немного послушав их мольбу, теперь Базаралы наседали на них:

— Как наказать вас, собаки?! А-а? Убью вот, кто сейчас отнимет вас из моих рук?

— Мы виноваты!

— Только прости нас!

— А приедете снова в этот аул, будете отбирать коз и коров?

— Нет, нет, да будем прокляты сем...

— Пусть умрем гяурами, если заявимся...

— А будете жаловаться вашему начальству?

— Нет... не будем!

— Не скажем, что даже видели вас... только пощади! Клянемся, не скажем!

— Знаете вы, что одной поркой загоним вас сейчас в могилу? А дадите смертную клятву не жаловаться?..

Дуйсен испуганно кричал, что он готов поклясться даже на Коране... И Далбай повторял то же самое за ним.

А Базаралы выпытывал не спеша:

— Ну а если сейчас поклянетесь, а завтра придете с властями, тогда какую кару приготовить вам?

— Пусть будем истерзаны...

— Будем прокляты.

— Тогда вы будете согласны на то, чтобы вас послезавтра ночью в ваших же юртах мы зарезали как баранов?

– Станем такими собаками, зарежьте...
– Тогда сейчас поклянитесь на Коране... Клянетесь?!
– Пусть...
– Согласны.
– Так вы скажите вашим, что этот аул укочевал за Чингисские горы и что вы не могли его догнать, это раз. Второе, никому не скажете о том, что перенесли у нас... это наше решение, да? – спросил Базаралы у Келдена...

А Келден и Абды подтвердили:

– Это! Это!
– Ну, значит, клянетесь Кораном? – крикнул нарочито грозно Базаралы.
– Клянемся...
– Давайте, несите тогда Коран! – крикнул Базаралы своим.

– Разве водится Коран в этом ауле? – усмехнулся в сторону Абды...

Но Базаралы подмигнул ему и сердито крикнул:

– Почему не водится Коран?! Подайте, вон он! Дайте сюда тот Коран сверху!

Саржан шагнул к стенке юрты, вытащил растрепанную толстую книгу и подал Базаралы. Эта книга не была Кораном, а было переписанным по просьбе Базаралы собранием стихов Абая и по нему все в этом ауле читали и слушали песни Абая. Но безграмотный Далбай и не подумал, что поднесенная Базаралы книга не может быть Кораном, и Дуйсен, все еще лежавший ничком, тянулся к этой книге спасения...

Базаралы теперь раскрыл книгу, поднес к Далбаю:

– Поцелуй этот Коран... И повторяй за мной: “Если нарушу только что данные слова, пусть я стану гяуром и пусть сдохну, не увидев моей жены и детей”. Скажи!

И оба негодя, дав свои клятвы, поцеловав “Коран”, спасли свои шкуры.

Оправдались расчеты Базаралы, кара властей не коснулась на сей раз этого бедного аула.

Но остальной бедный люд стонал от злодейств... А хищники продолжали путь дальше, творя свои гнусные дела.

ВСТАВКА 13-Я К СТР. 292

Поешь, что казахи русских истребляли, будто опять нового Азрет-Али ты нашел. Еще стараешься его назвать заступником всего казахского народа. Неправда — это! Все ложные, обманчивые краски! Они не пеклись за казахский народ, наоборот, были маленькой кучкой, продавшей и предавшей казахский народ, они пеклись только за ханство-султанство свое. Всякий, кто сегодня в нынешнем поколении сеет вражду среди казахов против русских, тот не окажет дружескую услугу казахскому народу.

Казахи не увидят света, пока не достигнут истинную пользу и все значение русской культуры. Нет кроме этого никакого пути и истины. А эта песня, лживая и неверная, и она целиком упрямо и упорно восстает против всего моего жизненного пути, против моих стремлений. Иначе я не могу оценить ее! — сказал Абай раздраженным жестким голосом, глядя явно недовольным взглядом на Кокпая.

ВСТАВКА 14-Я К СТР. 204

Тяжелые бедствия, обрушившиеся на степную бедноту с этими недоимками и черными сборами, за последние дни не давали покоя и Абдрахману.

Раз он пришел к отцу и наедине, только одному Абаю высказал о своих новых размышлениях. По его словам выходило, что если часть причин бедствий народных истекала от насильников в степи, то другая крылась в делах царских чиновников. Он рассказал, что точно такие же насилия терпит и многомиллионное русское крестьянство в России. Потому-то и происходят ежегодные беспрестанные крестьянские волнения там. И об этом, оказывается, Абдрахман узнал от старика Еремина, который говорил, что царские канцелярии хоть и стараются это все скрыть от народа, а оно выпирает... Потому что широкий мир людей охвачен этим духом сопротивления...

Тут же Абдрахман пояснил отцу побольше о Еремине. В годы, когда Михайлов был еще пылким юношей, студентом-революционером, Еремин был молодым рабочим. Тогда он

слышал много нового от Евгения Петровича. А сейчас, — говорил Абдрахман, — петербургский рабочий Еремин гораздо больше знает обо всем, чем ссыльный Михайлов. Он так далеко ушел и так изменился в своем росте с тех пор, как признается сам Еремин.

При этих словах Абдрахман еще пояснил, что этот Еремин является родным братом его квартирной хозяйки, у которой во время каникул живет Абдрахман в Питере. Поэтому и были у них частые встречи. И об этом обстоятельстве Абдрахман сказал отцу наедине. Из слов Еремина теперь он передавал отцу:

— За последние только семь—восемь лет произошло более трехсот крестьянских волнений, восстаний. Они состоялись в шестидесяти одной губернии, как открытая тяжба, борьба и война против насильников баев и против царства... А крестьяне, например Киевской, Черниговской, Полтавской губерний, во время такой своей борьбы заявили одной из своих целей не платить налоги царству. Не платить те же налоги, недоимки, что здесь взимались вчера.

— Вспомн..... обо всем этом, — заключил Абдрахман, — и думаешь, как бы легко и быстро засохли и перешли те же слезы в яростный гнев и месть народа, если бы повел их какой-нибудь отважный, зоркий вожатый. Но еще не пробудился для всего подобного наш народ. И нет же еще дум и дел, которые бы будили народ для этого! — сказал Абдрахман с огорчением.

Абай выслушал и эти слова своего сына с огромным вниманием. Он тоже подумал с сожалением о том, что жить и трудиться ему приходится не в среде того народа, кто подготовлен к такой борьбе. Не находят ни выхода, ни сил и в себе, чтобы непокорной волей повести людей за собою. Сознание этого еще больше удручало его.

ВСТАВКА 15-Я К СТР. 207

Боясь гнева Абая, Оспан сейчас скрыл от него об одном недавнем обстоятельстве. На самом деле, когда явился в волость Никифоров, Оспан еще был вместе с ним. А тот со всей строгостью повелевал, чтобы недоимки и черные сбо-

ры были собраны немедленно. Растерянный Оспан тогда не знал что предпринять, а тут навалились на него со своими советами Такежан и Жиренше, все решившие за спиной Оспана через посредство Кабангарина с Никифоровым и Сойканом.

Оспан вспомнил тут, что часто народ бедствовал при таких сборах, и сильно колебался, не зная, как поступить. Под конец он думал о том, как бы хоть себя спасти от проклятий людей. А Кабангарин, узнав об этом от Жиренше, пожаловался Никифорову. Тогда вызвали к себе Оспана Никифоров с Сойканом и накинулись на него с угрозами, Никифоров заявил ему:

– Ты стал плохим управителем, не смог собрать налоги царские. За это, если мы представим рапорт уездному и даже губернатору, ты не только будешь смещен, а как идущий против интересов казны будешь отдан еще под суд... Скажи, что ты выбираешь?

Затем и согласился Оспан на сборы не только недоимок, но и черных сборов. Но когда он пожаловался Такежану и спросил у него совета, как спастись ему самому от жалоб людей, Такежан дал ему хитроумный совет.

– Когда нет волостного, бий первого аула может заменить его. Давай останусь с властями я, да пусть будет и Жиренше. А ты объяви, что уехал с волостными съездами в такие далекие аулы, как Сак-Тогалак, и уезжай туда, подалее.

И Оспан в эти бедственные для народа дни скрывался под этим предлогом в дальних аулах. А теперь, смущаясь Абая, он не решался рассказать ему об этой своей тайне.

ВСТАВКА 16-Я К СТР. 276

Скоро губернатор отпустил Абая, холодно кивнув головой. Оставаться на съезде генерал не собирался – вполне достаточно было и того, что он показался участникам его. Вся работа должен был вести Лосовский вместе с уездными начальниками. И беседа с ним перед отъездом, генерал удивил его неожиданным для того решением: назначить Ибрагима Кунанбаева одним из биев чрезвычайного съезда.

К этому решению генерал пришел вынужденно. Ему было ясно, что Абай — очень крупная и влиятельная фигура в степи и что обойти его при назначении биев съезда означало вызвать новые жалобы и прошения, которых и так было достаточно. Но тут же он твердо решил, что в Семипалатинске займется судьбой этого неприятного и беспокойного человека.

В тот же вечер... (текст).

ВСТАВКИ 17, 11, 12 К СТР. 277–280

После слов: “Известие это не произвело на Абая большого впечатления”.

Зато Дармен принес ему новость, которая искренно обрадовала Абая: оказалось, что в степи возле ярмарки собралось много людей, пожелавших поздравить Абая с избавлением от опасности. Дармен рассказал, что сбор этот получился как бы сам собой, никто из друзей Абая его не устраивал: люди собрались, вызвали Базаралы и Байкокше и попросили их пригласить Абая.

Когда Абай, сопровождаемый Ерболом, Баймагамбетом и Дарменом, подъехал к небольшому холмику, покрытому пожелтевшей травой, его встретило здесь неожиданно много народу. Было похоже, что происходит многолюдный той, устроенный каким-нибудь богатым племенем. Но весь вид собравшихся показывал, что здесь были только те люди, кто по полному праву именуется народом.

Одни кони их говорили о многом. Почти все они были худые, заезженные, с выцветшей за лето шерстью, — истинные помощники своих трудолюбивых хозяев. А седла их и сбруя еще красноречивее свидетельствовали о скромном достатке их хозяев: разодранные потники, истрепанные войлочные подушки, треснутые луки, погнутые стремяна из черного железа. Среди всей массы этих всадников взгляд не нашел бы ни одной бархатной седельной подушки, ни посеребрянной уздечки или сбруи с черненым серебром, нет здесь и потников, украшенных кожей или разноцветным сукном. И сами люди одеты в серые домотканые армяки

или в старые, подранные чапаны. Их головные уборы, которые свидетельствуют о принадлежности к тому или другому роду, оторочены ветхой, вытершейся мерлушкой и покрыты или дешевым ситцем, или материей, безнадежно потерявшей цвет.

Эта многолюдная толпа встретила Абая как родного. Его быстро окружили, все с радостью приветствовали его, поздравляя с одержанной победой, с избавлением от угрозы врагов. На вершине холма, спешившись, Базаралы и Байкокше с группой почтенных стариков ожидали Абая. Подъехав к ним, он слез с коня. Друзья подошли к нему и обняли его, словно после долгой разлуки.

Абай шуточно обратился к ним:

— Базеке! Уж если я вылез из глубокой ямы, то только благодаря тебе. Сам я на этот раз не только не спас бы себя, но увяз бы еще глубже... А твоя сегодняшняя речь по мастерству превзошла лучшего адвоката, а по красноречию — знаменитейшего бия!.. Но скажи, пожалуйста, как же ты пробился в губернаторскую юрту? Как тебя пустили?

— Ойбай! — расхохотался Базаралы. — Да разве есть у семипалатинских властей дверь, которую Сабелей не сумел бы открыть? А ключ, который ему для нее понадобился, помогли сделать вот эти же люди... Собрали кое-что — цену, примерно двух коней, — он и сунул их жандармскому офицеру... А уж как тот сумел убедить кубернатора — это его дело... Ты же видел, как он ему на ухо шептал?

С новым глубоким чувством благодарности Абай посмотрел с холма на множество людей, окружавших его. Толпа уже разбилась на две части и расселась двумя широкими лагерьями друг против друга. Было видно, что стороны сговариваются, каких силачей — борцов выставить друг против друга. Тут же группа всадников готовилась начать скачки. Дармен сообщил, что будет и борьба на конях, и другие состязания. Словом, было все, что полагается на всяком многолюдном творчестве, кроме угощения и выставленных цепочкой юрт.

Глядя на силачей, схвативших друг друга за пояс, Базаралы рассказал Абаю, что собравшиеся здесь люди направили губернатору множество просьб о том, чтобы одним из биев, которые будут разбирать на съезде тяжбы, был непре-

менно и Абай. Этим и объяснялось то, что Лосовский назначил Абая бием.

Тем временем состязание по борьбе подходило к концу. Победителем оказался Абды. Положив одного за другим трех противников, он получил приз — не слиток серебра и не кусок сукна на одежду, как это бывает на богатых пирах, а новый тымак. Красивый смуглый джигит, широко улыбаясь, поднялся на холмик к Абаю.

— Абай-ага, — заговорил он, протягивая платок с завязанной в нем шапкой, — я боролся не за себя, а за вас, и победил потому, что боролся, как вы... А еще потому, что уж очень обрадовался за вас! Это и придало мне сил, значит, и награда принадлежит не мне, а вам!

Абай с благодарностью принял подарок и добавил, смеясь:

— Хорошо, что друзья мои крепки не только телом, но и умом! Хотел бы и я поучиться у тебя, как валить наземь одного за другим своих врагов!..

Поступок Абды понравился всем. Вслед за ним и остальные джигиты, кто побеждал других в скачках, в борьбе на конях или в подъеме на скаку монеты с земли, тоже подъезжали к холмику и с веселыми шутками передавали свои призы Абаю. Некоторые из этих людей совсем не были ему знакомы, но каждый из них, отдавая Абаю свою награду, с душевной искренностью провозглашал свои добрые пожелания. И это, и то, с какой радостью подходили к Абаю другие люди, доказывало, каким доверием, любовью народа пользуется он.

Это понимал не только сам Абай. День уже клонился к вечеру, когда Байкокше, сидевший на холмике в кругу почтенных стариков, неподалеку от Абая, заговорил громко, так, чтобы его слышали многие:

— Э-эй, люди! Какое драгоценное торжество у нас случилось, какая истинная радость народа сказалась! И не одна радость, а две. Первая радость за Абая, за то, что мы спасли его от опасности. А вторая радость — за нас самих, за то, что мы сумели объединиться для благого дела, что смогли добиться своего!.. Это дорогой пример для всех честных людей! Пусть же всегда будет подобная удача в народном деле!

Все вокруг одобрили эти слова. Громкие возгласы поддерживали мудрые слова старого акына.

Дальше текст стр. 280: Вечером в юрте Абая...

ВСТАВКА 19-Я К СТР. 210

Абзац: “Шубар был старше других...”

Шубар был старше других, пользовался среди родичей уже большим влиянием, и никто из молодежи не рискнул ему ответить. Только Абдрахман, который слушал его, едва скрывая раздражение, не удержался:

— С каким гневом вы обрушились на бедного Дармена! Неужели его поэма так возмущает вас?

— Конечно, возмущает! Нынче поносят почтенных биев, завтра начнут обливать грязью ханов и султанов, а потом подымут руку на законы отцов, на мудрость ислама!.. И все это — с глупой приговоркой: “Правда — у русских, Кааба — у русских... Жизнь и счастье — все у русских...” Куда мы идем, наконец? Куда ведем и наше поколение, и будущие? Во что же превратился, в самом деле, этот аул?

Абдрахману было понятно, что все эти обвинения направлены не на Дармена и не на “этот аул”, а на самого Абая. И, отвечая Шубару, он тоже не назвал имени отца.

— Значит, по-вашему, этот аул ведет народ в пропасть? Нет, он ищет для народа выход из невежества и нищеты! — горячо сказал он и добавил с насмешкой: — Да что вы так накинулись на русских? Сами-то вы — разве не от русских начальников получили и власть, и почет, и право грабить других?

Шубар пожал плечами.

— Что ж делать, в их руках — сила...

— Если все русское плохо, зачем же наши степные ворота лебезят перед царскими чиновниками? Готовы на все, только бы получить печать волостного и сесть на спину своим сородичам... Лижут у городских властей пятки, а перед народом клянутся в верности исламу, обычаям предков! Вдвойне лгут — и народу, и властям... а сами вдвойне

давят народ — и законами старины, и именем царя... Как же должен давят назвать народ таких людей?

Абдрахман даже побледнел от негодования.

— Вон до чего ты договариваешься! — угрожающе протянул Шубар.

— А что же мне — молча слушать ваши слова? Ни у Такежана, ни у самого Уразбая еще и в мыслях этого нет, а у вас такая ядовитая клевета на “этот аул” уже на языке!..

Гневный упрек Абиша смутил Шубара. Не в его расчетах было открыто рвать с Абаем, и он предпочел промолчать, чтобы не обострять разговора.

Абдрахман взволнованно продолжал:

— Да, и этот аул, и я сам — мы говорим: “Правда — у русских, Кааба — у русских” и говорим верно. Но у каких русских? Не у Казанцева и Никифорова, не у губернатора и у урядников, а у других русских. У тех, кто хочет помочь нашему отсталому, несчастному народу... Кто принесет в нашу невежественную степь просвещение, знания... И сами мы тоже должны помогать народу понять, кто у него друзья и кто — враги. Надо говорить ему правду о темных силах степи, и Дармен сказал эту правду! Он — на верном пути!

Шубар, хмуро смотрел на Абиша, ничего не ответил и вышел из юрты.

**Вставку к встрече Абая с Павловым нужно вписать сразу
после первого абзаца вслед за фразой
“Им было о чем поговорить”**

— Гляжу и не могу наглядеться на вас, Федор Иванович, — начал Абай.

Он тут же подумал, что по-русски так, может быть, объясняются скорее мужчина и женщина, чем двое мужей... Но для своих теперешних чувств он находил самыми подходящими именно эти слова и потому добавил в пояснение:

— Когда подумаю о вас, обо всем вашем личном и подумаю о том, что через вас доходит до меня, до нашего народа о России — могу сказать иначе, как о своей ненасытности.

— О-о Ибрагим Кунанбаевич, дорогой мой. Если бы я был уверен, что смогу так помочь вам.

Абай тут перебил слова своего друга.

— Подумайте... Ведь наша степь — это трагический глухой. Трагедия его в том, что он не осознал еще, что он калека. И судя по себе он полагает, что все человечество так и сотворено глухим и несведующим. Сколько времени я не был в Семипалатинске!.. Уже вот четыре месяца. Разве только привез некоторые новости Абдрахман, а то ведь оторвался от мира, света. А когда я так отрываюсь от таких, как вы, друзей, от гоголевской библиотеки, от русской книги, временами себя чувствую слепцом, которого на время покинул его зрячий поводырь...

Павлов был растроган таким признанием Абая. Его так же поразили сравнения друга.

— Какие сопоставления, какие интересные и глубоко-мысленные сравнения вы привели, Ибрагим Кунанбаевич... Но вы же знаете, что я приехал из Семипалатинска. А российская, и особенно сибирская провинция, и сама ведь не уступит в этой глухоте никому.

— Да, об этом я слышу много раз. Но как-то собравшись со своими мыслями по поводу своих стремлений и поисков многих лет, я заключил, что моя Кааба постепенно перекочевала с востока на запад. По сравнению с самой степью и с тем исламским Востоком, которым я интересовался в юные годы, даже и та провинция, о которой вы сейчас говорили, с одними лишь своими библиотеками, школами и той культурой, настоящей, видимой на глаз, доступной для рук — дает ведь неизмеримо многое из неисчислимых нужд моего народа.

Потому и учтите, что даже те гостинцы, которые вы привезли из самого Семипалатинска, и те уже особо ценны для меня... А то, что привезли в Семипалатинск новые ссыльные, это ведь уже само по себе.

— А-а, вот тут вы правы. Лишь недавно прибыли новые партии ссыльных, это из новых, молодых сил наших...

Они-то привезли массу нового из Питера и Москвы. Вот именно, вот тут-то, конечно, вы, вероятно, оторвались от многих новых явлений... Так расспрашивайте, а я постараюсь стать вестником для вас.

ВСТАВКА К СТР. 111

В самый разгар этой общей смуты на аул Такежана обрушилась новая напасть. На этот раз удар последовал не от людей, а начался с неба, с непогоды. Хотя в эту пору все соседние аулы давно уже перешли в свои теплые зимовки, Такежан и Азимхан, считая за большую выгоду пастьбу своего скота на землях бедных аулов, не откочевывали. Считая эти аулы виновниками всех своих бед, они не пускали не одной своей скотины к своей зимовке, пасли обильные стада и табуны лишь около зимовок бедняков, разоряя их в конец.

Снега в этих районах еще не было, а бесснежный холод они решили еще потерпеть.

Беречь свои выпасы для зимы и по возможности пользоваться чужие земли в такую пору бывало мечтой любого такого расчетливого, жадного аула. А теперь уже этот потерпевший и от того злой бай прежние свои козни оправдывал тем, что он пострадал. Такие люди обычно до последнего своего вздоха, до встречи лицом к лицу с самой смертью, даже умирали, враждуя, негодуя и обвиняя самую смерть.

Однако сколько бы не были расчетливы Такежан и Азимбай, на этот раз их расчеты перешли свои грани, и на новую беду напоролись уже сами.

Когда короткий осенний день клонился к вечеру, на далекие и бескрайние волнистые гребни Чингисских гор надели черные тучи. И очень скоро эти тучи, расширяясь и поднимаясь все выше клубами, обволокли весь южный край неба.

А часть этих облаков, надвигавшихся на Мусакул и Шуйгинсу, казалась угрожающе страшной, двигалась постепенно с упрямой яростью. То громадная, как целая горная вершина, черная туча стремительно наступает на внезапно возникшую белую гору облаков, то они сливаются в неведомой, взаимопоглощающей борьбе и рвутся неудержимо вперед. На небе, так быстро потемневшем сейчас, будто горы двинулись в нашествие и нагоняли все разрушительные силы и беды взбунтовавшейся стихии. И подобно холодному дыханию, подобно скорой разведчице надвигающихся адских сил, задул порывистый, студеный ветер.

Начинался ураганный ветер, непрерывный и с каждым шагом все крепче холодеющий.

В эту пору весь скот уже ютился в ауле, искал защиты у слабой, тонкой изгороди между юртами. Сегодня так незаметно быстро наступили сумерки и так же моментально наступила ночная темень.

Глаз человека теперь не улавливал ужасов небесных, неведомо что творилось с облаками. Но зато теперь уже неистово бушевал ураган. Свирепо шумели, свистели порывы ветра, стонали с невероятным шумом также густые чии и кустарники, колючки, будто весь мир кругом превратился в воющий, буйно шумящий и все уносящий поток страшных звуков.

Напуганные ночной темнотой и стужей, беспрестанно блеяли, мычали стада, яростно лаяли собаки, неукротимый гвалт и шум царил так же и над аулом.

А Такежан и Азимбай, укутавшись в теплые одежды, беспрестанно окрикивали людей и носились по аулу.

– Настала непогода! Берегись!

– Берегите скот! Пусть не сгонит ветром!

– Следите за перегородками! Мужики, бабы, все, все на улицу!

– Выходи скорей на улицу! Не своди глаз со скота!

– Поддерживайте загородки, иначе не удержим скот!
– так во все горло кричали на ходу дрожащие за свой скот баи.

Выставив на улицу и расставив по разным концам загона не только мужчин, женщин, но и даже детей, Такежан еще приказывал всем:

– Кричите почаще... Подавайте голоса овцам: “шайт-шай”, загоняйте с краев коз! Пусть скот чувствует, что сторожат за ними! Волки, лишь бы волки не налетели. Кричите во все горло! Голосите! Не прерывайте крика! – сам Такежан все еще носился из края в край аула.

Сейчас уже были на улице все сторожа, доильщики, верблюдопасы, поильщики скота, истопники, служанки. Одетые в дырявые одежды, лохмотья, дрожа и ежась от холода, они пеклись за байское добро.

Сильно продрогший за весь день пастьбы овец один Иса пока оставался в юрте, он все дрожал, будучи не в силах ото-

греться. Понимая состояние своего сына, Ийс проклинала баев:

– Умираешь от холода, родной мой, из-за скота этих злодеев! Будь они прокляты, их овцы, почему не сгинут они, как их лошади! Сдохли бы все... Глотни хоть горячего!.. – и она подносит сыну лишь один чай с даже засохшим жестким творогом, подает ему прямо ко рту...

В юрте нет и путного костра. Жестоко продувает черную лачугу во все ее дыры стремительный ветер, это не жилье с теплом, а словно беззащитное открытое поле, все тут слилось в комок, содрогаясь в ужасе...

Большая женщина горестно сдвинула брови, прижала к своим бокам и все прикрывает подолами драной купы (шуба из верблюжьей шерсти) своих двух малышей. Иса так же ласкал мальчиков, то и дело старается помочь жене прикрывать мерзнущие ручонки, ножки детишек. Временами, поддерживая заклинания матери, приговаривает:

– Звери проклятые... Все норовят сожрать последние остатки бедных аулов, доконали всех... Не переселяются в зимовку, стоящую рядом, а бедовать людям... Пришла бы еще новая напасть на них, сдохнуть бы им! Старая мать, детишки, все вы, родимые мои, неужели замерзать теперь вам?

Тут послышался окрик Такежана возле юрты. Он уже успел пересчитать всех людей аула, кто на улице. За исключением одной семьи Ийс все семьи были им согнаны на сторожку. Теперь он свирепо кричал на людей этой лачуги:

– Почему из этой юрты люди не выходят? Померли все? Где ты Ийс? Иса?!

Старуха подбежала к двери и начала пояснять:

– Иса весь промерз от дневной пастьбы! Напою хоть горячим, выйдет!

– Выходи! Пусть выходит поскорее! Скот в опасности... Живей!

Не будучи в силах устоять против гнева бая, Ийс сама схватила драную шубенку, заторопилась на улицу:

– Ну выйду, хоть сама выйду... Вот, вот бегу сама!.. – спешила она на улицу...

Старуха не послушалась сына, который удерживал ее словами:

– Не ходи! Помереть хочешь?!

Она уже выбежала на улицу. Придвинувшись спиной к углям давно потухшего костра, не раздетый Иса прилег тут же. Добродушный, сердечный, он хочет ласково успокоить жену и детишек, тихо приговаривает: “Вздремните хоть малость... все напуганы, светики мои!” – так уложил он рядом их всех возле себя. Мальчиков он устроил посередине и беспрестанно кутал их рваным, единственным одеялом.

Смышленный старший мальчик Асан не может заснуть от боязни. С каждым порывом ветра он все больше жмется к отцу.

– Папа, папенька, не снесет юрту бураном? Посмотри, как дрожит юрта. Что с нами будет, если свалит ее?!

В самом деле, давно уже безбожно трещали все уйки (верхние жерди), плясал шанырак (купольная часть юрты), а войлочный покров беспрестанно вздымался и хлестал слабый деревянный сеток лачуги. Весь маломощный и убогий кров этой семьи под страшным натиском ночного урагана будто пугливо содрогался и болезненно стонал неугомонным скрипом жердинок...

Иса хоть и сам внутренне опасался, думая, как бы не снесло юрту, но сейчас высказал сыну уверенно:

– Юрта не свалится. Все веревки крепки натянуты... Засни, родимый, ну засни! – добавил он, так мягко похлопав и поласкав сына...

Заснув крепко, Иса не помнит, сколько он проспал, вдруг явилась мать с тревогой:

– Ойбай, ожет мой Иса! Овец угоняет бураном. Сорвало загородку! Азимбай зовет тебя, кричит, беснуется так.

Иса встал и сказал матери:

– Ну, я ухожу!.. Но зато сама уже не шевелись... Сдохнуть хочешь, вся до ниточки промокла. Ложись! На мое место ложись! – так уложив мать, он снял с кереге черный шокпар (длинный кистень) и выскочил на улицу.

Тут же подоспели Такежан с Азимбаем, с руганью искавшие его.

– Где ты был до сих пор, негодный?! Как ты смеешь лежать дома, собака! – закричал Такежан...

– Да я же целый день был со скотом.

– Отвечает... Ишь, отвечает! – крепко выбранил Азим-

бай. — ...Злоумышленник! Уничтожу тебя, такую собаку! — кинулся Азимбай.

— Помирать что ли без отдыха?!. — начал было Иса, но тут ударил его по плечу толстой палкой Азимбай... И когда Азимбай замахнулся снова, Иса быстро схватился за палку. Они оба сцепились за нее и тут на придвинувшемся лице разъяренного Азимбая зловеще выступила его широкая черная борода, она была подобна спустившемуся забралу темного зла... В темноте блеснули хищные, скрежетавшие зубы гневного хозяина. А белая повязка на лбу, скрывавшая недавнюю рану на виске Азимбая, казалась неиссякаемым источником его теперешней ярости. Всем своим лицом он подобен какому-то ночному чудовищу, ненавистному для мирных людей. Иса не отпустил палку, и тут Такежан остановил своего сына, а Исе он приказал:

— Иди, Иса... отбилась часть овец... Угнало бураном много овец... Беги!.. Беги же поскорее за ними!.. Догони... останови!..

Тут Иса оттолкнул Азимбая с его палкой вместе и побежал... В руках он держал свой шокпар. На нем был только один изношенный чапан. Истоптанные сапоги были дырявые, убегая, он заметил, как коснулась холодная вода его обеих ног сзади... Но он уже не думал об этом. Он сжалился над угнанными овцами и бежал во всю мочь.

Овцы в ауле тоже вот готовы были ринуться лавиной. Там все люди тесно окружили гурт и, беспрестанно покрикивая, теснили их к юртам.

Никто еще не знал о количестве угнанных бураном овец. Известно только одно, когда внезапно сорвало среднюю загородку, испуганно шарахнулась группа овец и, оторвавшись от людей и аула, побежала.

Не было никого, побежавшего за ними. И тут Такежан с Азимбаем вспомнили Ису и побежали за ним.

Иса бежит теперь с криком. С одной стороны, это может удержать овец, а с другой, если поблизости волки, чтобы отпугивать их. Иса знал, что в подветренную сторону сейчас далеко относит его голос.

Только теперь он заметил, как с бушевавшим ветром вместе полил холодный дождь. Тут же он перешел в ледяные крупинки снега... Открытые части лица, шеи и рук Исы

эти крупинки хлестали как прутья... порой они ударялись, покальывая живое тело сотнями иголок... Как это стерпеть овцам?

Поддавшись воле урагана, опустив низко свои головы, подставив ветру только свои спины, они стремятся заслониться друг другом и, стараясь перегнать друг друга, несутся быстрой лавиной.

Не прерывая своего крика, запыхавшись до изнеможения, Иса наконец догнал этих овец... Покрикивая “шайт! шайт!”, он хотел пробиться в середину овец. Но тесно прижавшиеся, продрогшие и быстро несущиеся овцы не дали ему проходу... Тогда, помахивая шокпаром и приостанавливая крайних овец, Иса перебежал наперед гурта. Только тут, повернувшись впервые против ветра, Иса понял, какой силы ураган стоял в этот час. Не повернуть лица. Холодный, бушующий порыв ветра разрывал ворот его чапана, ледяной стужей обжигало шею, лицо и руки... Но несмотря на это, борясь упорно и приостанавливая переднюю группу овец, он теперь успокоительно подавал голос чабана “шайт! шайт!” Временами он сгибает голову и наклоняется невольно, так как порыв ветра чуть не сбивает его с ног... Часто кутая себе грудь, Иса уже почти приостановил было движение овец.

Но в этот самый момент слева стремительно ринулась темная масса, своим потоком она обрушивалась на овец. Собранных Исаем овец было около пятидесяти голов. Вот эти овцы теперь в один миг кинулись врассыпную с истошным, испуганным блеянием. Иса только теперь сообразил, что эта темная лавина и была, всегда в такую пору ожидаемая пастухами, стая волков. Когда они пронеслись мимо Исы, он отчетливо услышал страстное дыхание, лязг зубов этих кровожадных истребителей. Лавина несущихся с блеянием овец будто в страхе молила защиты у Исы. Пусть стадо бая, собаки Азимбая, но какая вина у несчастных овец?!

У Исы, который сызмальства вырос с этими мирными животными, сейчас сердце сжалось от жалости. Он уже опомнился. И неожиданно для себя, заметив новый небывалый прилив сил и отваги в себе, он кинулся с грозным окриком на волков. Пеший, одинокий Иса имел дело с лютой стаей, состоявшей из пяти волков.

Пробежав во всю мочь мимо Исы, они не посмотрели на его крик и набросились на овец. Иса спешит за ними. Не успел он и оглянуться, как белая матерая волчица ловко и быстро повалила рослую овцу... Остальные волки рванулись дальше за овцами, мотавшимися поблизости. Заметив, что волки не считаются с его криком, Иса теперь перешел к другому расчету.

Волчица изрядно повозилась с большой овцой, рвавшейся и трепетавшей под ней, наконец она перегрызла горло этой овце и только собралась кинуться дальше и в этот самый миг бесшумно добежавший Иса ударил волчицу со всего размаху по носу.

Разъяренный джигит моментально занес свой шокпар для нового удара. Но тут он увидел, как неожиданно для него перекувырнулась огромная волчица. Сложив свою голову рядом с головой растерзанной ею овцы, она грохнулась замертво.

Иса много раз слышал от людей о том, что и собаки, и волки не переносят удара по носу. Он учитывал это, когда наносил удар не по спине, по голове, а именно по самой ее морде. Джигит был доволен собой.

— То-то... Получай! И лежи! — он еще два-три раза ударил волчицу по носу и пустился бежать дальше.

А овцы несутся неудержимым потоком. Они забыли и ураган, и стужу. Напуганные до смерти, они мечутся то взад, то вперед. При каждом их повороте за ними остаются волки, повалив по овце, торопливо разгрызая им горла и несутся вновь за следующими жертвами...

В таких случаях нападения, будь хоть один волк или стая, они бывают охвачены одной глупой алчностью, убивать и убивать побольше. Будто им позволят потом поедать спокойно все побитое, они забивают на вечный запас.

Так же поступали теперь четверо волков. Еще ни от одной овцы они не успели полакомиться их горячей кровью, потрохами, а лишь побивали.

То ли овцы искали защиты от Исы, бежавшего к ним молча, они ринулись навстречу к нему. И тут подбежавший первый волк кинулся в гущу овец, разбивая их на две половины и пробегая рядом с Исой. А он опять со всего размаху ударил шокпаром прямо в морду хищника и он тоже пере-

кувыркнулся моментально. Это был молодой волк, один из трех выводков этого года у той белой волчицы. Ставшие жадными, сильными зверями, они впервые сегодня имели дело с целым стадом и действовали с азартной беспощадностью. Добив и этого волка новыми смертельными ударами, Иса опять кинулся за овцами.

Пусть он пока не защитил овец, но зато он был крайне доволен собой, и в пешем виде уничтожавшим по одному из этих лютых зверей. Все тело его горело в кипучей отваге, он давно забыл про бурю и мороз. Он теперь только обнаружил в себе, какая таилась в нем стойкая, крепкая и великая сила, еще ни разу не испытанная, не примеренная им против ненавистного врага. Не приходило в голову ему и опасение в том, что пеший и одинокий он скоро может напороться на смертельную опасность в этой схватке с волками. Забыта и мысль об опасности. Стиснув зубы, он решил только на одно: бороться, биться и стерпеть, что бы ни случилось. С новой жадной азартной схватки он опять кинулся вперед. Опять молча подбежал он к овцам в ту пору, когда еще один молодой волк повалил овцу. Исе, подбежавшему сзади, на этот раз волк пришелся спиной и он смог ударить волка только по темени... Волк зарычал и хотел кинуться на него, но ноги его подкашивались от сильного удара. Разгоряченный боем, Иса добил и этого волка молниеносными ударами верного шокпара, так же повалил волка насмерть.

Не переставая блеять, теперь овцы бегут вокруг Исы.

Не прошло и мига, как теперь на этих овец накинута уложивший не мало жертв и давно не попадавший на пути Исы огромный матерый волк. Опьяненный кровью, с затуманенными от ярости глазами, он так же не замечал молчаливого Исы. Это был самый кровожадный вожатый стаи. С начала набега он один уложил около десяти овец про запас.

Хоть стоял полный, жутко темный, слепой мрак, зоркость Исы была необыкновенной и он давно примечал этого злодея, норовил встретиться с ним поблизости, но тот все не попадался ему.

Сейчас этот хищник, избрав себе новой жертвой тучного, огромного барана, с невероятной силой грохнул его на землю... Когда подбежал Иса, волк опять стал не боком, а спиной к джигиту, неистово барахтался, разрывая в клочья

кожу и живое мясо барана. Иса, проделав то же самое, что с последним волком, изо всей силы ударил волка по темени. А волк, тут же бросив барана, зарычал грозно и кинулся на Ису. Хоть и струей лилась кровь из головы, но волк был во всей своей мощи. Только теперь обнаружилась повадка волков при ранении кидаться на человека в смертельную схватку. Уже было поздно нанести удар шокпаром на зверя, бросившегося из близости. Охваченный гневной яростью и неожиданной решимостью, джигит подставил поперек свой шокпар и сам тоже рванулся навстречу врагу. Кидаясь прыжком, лязгая зубами, волк рывкнул и норовил схватить Ису за левое плечо... Иса быстро подался вправо, и зубы волка, не задевая его тела, хватили за рукав старого чапана, разодрали весь рукав и весь левый подол его. Иса моментально вытащил руку из болтавшегося рукава и бросив гневный, обычно пугающий волков окрик, успел еще раз ударить волка. Но опять его торопливый удар пришелся не по морде, а по голове волка.

Вновь покрыло струей горячей крови глаза волка. Несмотря на это, хоть теперь движение его было более замедленным, волк снова прыгнул прямо на Ису.

“На жизнь или на смерть связала меня судьба с тобой, ну пусть так!” – подумал Иса, и бросив шокпар, он стремительно кинул руки вперед, и пока зубы волка не успели коснуться его тела, Иса сжал ему горло обеими руками, оттолкнул и держал пасть зверя на расстоянии от себя. Хотя волк наступал, порываясь вперед, но стоя только на задних лапах, не смог сразу одолеть сопротивление упорного, крепкого джигита. Иса все крепче стискивал зубы и железными клещами своих пальцев сжимал горло хищника.

Держа на расстоянии и сжимая все сильнее, он угрожающе кричал в морду зверю. Пусть перед ним лицом к лицу надвинулась великая опасность, но он еще ничуть не дрогнул сердцем.

А кровь, струившаяся из головы волка, горячо и липко протекала по рукам Исы. Но волк все еще не ослабевал, не думал падать.

Успев напугать его, Иса грозно кричал, угрожал ему, не прерывал своего гневного окрика. И неизвестно, сколько прошло времени. Когда ослабели онемевшие пальцы, а сам

Иса был готов свалиться от изнеможения, пришла, наконец, помощь. За ней был послан из аула еще один бедняк, сосед Канбак. Подбегая к овцам, он услышал крик Исы и спешил к нему. Иса только молвил:

— Нож... вонзи вот в сердце!..

Канбак вытащил длинный черный нож и нанес два смертельных удара прямо в сердце вытянувшегося вверх волка. И тут же огромный, как стригун, хищник повалился легко и моментально, как срубленный тальник. Но тут грохнулся на землю и Иса. Собрав всю силу духа и тела на одно стойкое, неотступное сопротивление, он еще не ведал, насколько были нечеловеческими его усилия и насколько истощились его силы.

Застыли, как лед, и заоченели оголенные левое плечо и левый бок его. Поняв все муки джигита, обычно дружившего с ним, Канбак глубоко сжалился над Исой. Сняв со своего плеча верхний армяк, он одел и окутал товарища. Как только Иса пришел в себя, они быстро собрали уцелевших овец. Из пятидесяти овец пострадавшими оказались около двадцати. Зато были убиты четыре волка. Пятый был тоже молодой волк. Заметив, что среди овец не бегают другие волки, он бежал сам по себе. Не все из двадцати овец были ранены смертельно, некоторых еще можно было залечить.

Теперь уже наступало утро, и ветер начал постепенно утихать, а земля белела первым покровом ночного снега. Скоро Канбак и Иса погнали овец к аулу. А четырех волков они связали по паре и, таща за собой, приволокли в аул.

И прежние события аула Такежана были в эти дни на устах у всех. А теперь снова разносились невероятные слухи об угнанных бураном стадах, о нападении на них стаи волков. Но среди этих новых вестей особо разносилась слава о пастухе Исе, с богатырской силой и отвагой боровшегося со стаей волков пешим и истребившего в схватке четырех лютых хищников. Говорили о его храбрости и силе, выдержавшего отчаянную схватку с матерым вожатым и одолевшего зверя. Люди считали, что ничего подобного они не знали, не слышали на своем веку.

А бедный люд, знавший бессердечность и алчную жестокость Такежана и Азимбая к своим слугам и соседям, судил по-своему:

– Разве оценят его труд эти людоеды?
– Достойный джигит, как напрасно гниет у порога ненавистных...

– Хоть бы раз он направил эту свою силу не против волка, а против самого Азимбая! Что за труд и отвага против зверя?! Пропадающая сила! – рассуждали иные вдумчивые люди...

– Как же ему быть?.. Сжалился над невинными животными. Разве можно устоять, когда волки терзают овец? – говорили другие, получше понимавшие состояние Исы.

Но не доходят все эти пересуды до слуха Исы теперь. По истечении трех дней после бури Иса повалился в постель с тяжелым недугом. Сейчас он лежит не в юрте, а в маленькой, как трубка, узкой землянке. Низкий потолок этого жилища покрыт прокопченными дочерна, кривыми тонкими жердняками. А между ними свисали грязными лохмотьями клочки старого камыша. Перед этой землянкой, именуемой в ауле жилищем пастуха, вплотную расположилась овчарня Такежана. В двери врывались лишь одни запахи овечьего пота и навоза. И днем, и ночью не доходила до землянки ни одна свежая струйка чистого воздуха.

Нет и пола, а вместо него выступала сырая, каменистая земля. Нет и окна здесь, а его заменило лишь одно разбитое стекло из окон байских комнат. И это стеклышко было прямо без рам вклеено черной глиной в узкое отверстие наружной стены. В каждом углу убогого жилища ютились сумрачные тени подземелья или места наказания. Стены не ведали побелки. Заметна лишь грубая мазня одной темной глиной. Печи также не было в сырой гробоподобной землянке, в одном углу стоял бесформенный низкий очаг с вмазанным казаном.

Скромная обездоленная семья была довольна даже этим жилищем. Они рады были своему избавлению от неимоверного холода и непрерывного страшного воя осенних ветров над их головами.

На другой день после бури, боясь повторения новых ужасов, Такежан поспешно переправился всем аулом в зимовку. А старуха Ийс въехала в эту землянку, навсегда определенную для пастухов бая. У Исы еще в день перекочевки аула чувствовалась тяжесть во всем теле, а голову все давило

и пригибало к земле. И на другой день после переезда в землянку под вечер его разом повалило в постель.

Тут же начало бросать его в сильный жар, захватывало дыхание и он корчился в муках. Давно не видавший дневной жизни своей маленькой семьи, дорогих его сердцу родных, Иса на другой день своей болезни страдал от нее, видел призрачное существование домашних.

Стараясь скрыть свое горе, отравленный в душе, он беспрестанно хмурит брови и терзается молча. Единственная кормилица семьи, серая коровенка, уже перестает давать молоко. Нет пищи в доме. Старая мать приготовила спозаранку чуть подбеленную молочком горячую воду, опустила туда затвердевший иссохший творог, и семья утешилась этой скудной пищей. Дети не играют, угрюмые малыши бессловесны. Напившись кипятку, они сели по углам и, пугливо оглядываясь на мать, на отца, съжились неподвижно.

Больная жена, подшивая рванье, покашливает частенько... Вся семья за день ждет Ийс, ждет со слабой надеждой ее возврата из байского дома. Несчастливая старуха всю осеннюю стужу дубила кожу для байской нужды, а теперь по поручению хозяйки Каражан треплет шерсть, вьет веревки, готовит недоуздки, аркан.... Зиму и лето Каражан не освобождала ее руки от таких своих поручений. Теперь нагружала ее новыми делами.

Возвращаясь от непрерывного, тяжелого труда в середине дня и в сумерки, бабушка приносит детишкам ничтожную еду.

Она приносит из остатков байской скатерти, из объедков сухую пшеницу, безвкусный творог, остатки супа, недоглоданные кости. И только этим подкармливает домашних.

Временами приходя и себя Иса осознает весь этот ужас и вздыхает часто, беспомощно. Он часто царапает свою грудь, терзаемую болезнью и неизбывным горем.

И когда в сумерки мать со вздохом присела к его изголовью, Иса не смог скрыть своих страдальческих дум:

— Апа, родимая, как тяжело нам! Так и прошли дни у чужого порога... Что станет теперь с тобой?! О, неужели угасну с этим горем? Хоть бы оставил вас у порога добрых людей, а не у этих зверей...

Тут мать и жена, напуганные до смерти словами Исы,

зарыдали в голос... Они бросились обнимать голову, целовали руки ему и проливали горячие слезы свои.

В страхе тяжелого предчувствия закричали их детишки. А Иса ясно чувствовал всю тяжесть и угрозу своей болезни.

На пятый день он пылал в жестокой горячке, прерывалось его дыхание, и он лежал уже на исходе. Теперь к его терзаниям присоединился тяжкий бред. Запекшиеся губы больного шепчут что-то невнятное... Горемычные мать и жена нагибаются к нему и еле улавливают какие-то бессвязные слова борьбы, упорства и гнева.. Не могут понять, что происходит с ним. А он продолжает отрывистые слова спора, ссоры с кем-то...

Между тем, в эти минуты Исе казалось, что он ведет непрерывную борьбу-поединок с матерым волком. Лежа со слабо открытыми глазами, он все видит перед собой нападающего на него лютого врага. Раскрыв свою пасть, оскалив зубы, вот-вот схватит за лицо и голову его этот кровожадный злодей. То кровь струей заливает глаза волка.

Еще через миг ему мерещится, что кровавая рана этого хищника повязана белым платком, а под раскрытой пастью и острыми зубами вдруг возникает широкая черная борода... Волчья пасть, пошевеливая красные губы, произносит страшное бранное слово, угрожает Исе... сильно ударяет его чем-то вроде палки... А он, будто крепко схватился за палку, упорно борется за нее. И волк с той же волчьей пастью и зубами превращается в Азимбая. Недавно избивший, обругавший и безжалостно погнавший Ису за овцами, Азимбай теперь то и дело перемежается или сливается с матерым волком. То волк, то Азимбай, а то наполовину Азимбай, наполовину волк, этот беспощадный противник страшно насадет на него...

Одни угрозы рычат они ему.

Измученный этими ужасными видениями Иса потерял сознание. И уже больше оно не возвращалось вновь.

К утру его дыхание перешло в предсмертный хрип и скоро, вытянувшись, он лежал без движения, безмолвный, постепенно холодея всем телом.

Итак, на шестой день своей болезни скончался безвестный человек с большим сердцем, с великой мощью отважного джигита.

И тут же в обмороке лежала истомленная несчастная мать. Безутешно рыдая, осталась больная вдова... С трепетной душой в голос плакали малолетние детки-сироты...

ВСТАВКА К СТР. 268

После фразы “Баймагамбет правил конями”

В эти дни, находясь в Семипалатинске, Уразбай часто посещал канцелярию Казанцева. После перенесенной от Оспана обиды, он погнал целый косяк коней, продал их и даже успел пустить в ход часть денег для толмачей при канцеляриях уездного начальника мирового судьи и губернатора.

Через этих лиц он сейчас стал известным ходатаем, просителем для некоторых чиновников из названных канцелярий.

На днях Уразбай побыл и у самого Казанцева. На этот раз он принес жалобу не на одного Оспана, а главным образом на Абая.

Обнаружив свое знание тобыктинцев, Казанцев спросил:

– Жалуешься на всех Кунанбаевых?

На это Уразбай ответил, что жалуется не на всех, например, он не враждует с Такежаном и с бывшими управителями Шубаром и Исаком.

А главный-то враг его даже не Оспан, который его покарал, а другой, не должностной человек – Абай.

Узнав об этом, Казанцев заметил, какие сложные замыслы должны быть в этом человеке. Уразбай должен быть человеком, умеющим расставлять сети против своих врагов, а в борьбе не брезгающим никакими средствами, у него должна быть волчья хватка.

Когда Казанцев спросил, какие преступления у его противника, Уразбай быстро сдвинул брови, выразив этим свое удивление, и заговорил.

При этом он ударил по локтю черноусого рябого переводчика, чтобы тот доводил точнее его слова:

– О господин начальник, разве не известно вам о нем? Ведь это стало явно во время лишь одного дела о недавнем черном сборе?

– И что же, один Ибрагим Кунанбаев был виновником тех столкновений?

– Конечно, он один. Иначе подумайте, почему это произошло только на жайляу, где живет Ибрагим Кунанбаев? А было что-нибудь подобное в других местах, скажем, на жайляу, где находился я? Разве подал кто-нибудь голос или посмел шевельнуться против налогов белого царя? Не было этого. А Абай же возмутил всех бедняков, поставил их против управителей и против начальства, посланного Вами.

Он тут оправдывал Такежана и Жиренше, а Абая хулил долго:

– Вы не думайте, что я один только против Абая! Его осуждают и все другие почетные люди степи – аксакалы и карасакалы (белобородые и чернобородые), знатные люди. А мы, верные рабы нашего белого царя. Абай же сеет смуту и против нашего почитаемого белого царя.

Казанцев спросил через переводчика: “Скажут ли эти почетные люди свои, подобные слова, против Кунанбаева, придя в царские учреждения?”.

Уразбай этот вопрос понял так, что Казанцев не только спрашивает, а хочет, чтобы были такие жалобщики. Подобный оборот являлся и для него самым исходным, рассчитанным.

И теперь он старался скорее поладить с Казанцевым и действовать по его желанию.

– Про Кунанбаева Абая, как он идет против степных властей, знатных людей, против самого белого царя и даже против нашей веры и путей наших отцов, скажу не только я, но и многие другие лица!

– Даже напишут об этом?

– Напишут. Понадобится, и приговоры дадут. Не только Вам, но подадут жалобы и другим большим властям и судам. Напишут самому губернатору. Только скажите, господин начальник, можно ли, нужно ли писать об этом везде?.. Не осудят нас, если скажем, что сидит среди покорного вашего народа неукротимый злой человек и мутит в степи?

Этим своим хитроумным вопросом он выяснял, насколько можно было бы взять в советники самого Казанцева. Не ускользнуло от Казанцева и это его намерение. Уездному начальнику теперь уже все ясно. Этот остроглазый решительный киргиз с крупным носом и седеющей черной бородой при случае надобности придумает любое обвинение, любое зло против Ибрагима Кунанбаева.

Но уездный начальник не дал сегодня, как и раньше, свое решающее слово. Он лишь дал понять, что недовольные Кунанбаевым почетные, как и сам Уразбай, люди пока могут подавать жалобы на Абая. Так же напомнил, что для этого есть не только его канцелярия, а и другие, повыше.

Зная, что Абай является известным человеком в его уезде, а для наказания его не легко сразу придумать обвинения, сейчас он счел важным постепенно увеличивать число недовольных жалобщиков. Хотя и тут они не договаривались до конца, но оба поняли друг друга.

И расстались, как носитель власти из города и злобный смутьян из степи, внутренне объединенные во враждебном чувстве к Абаю.

Пока Казанцев решил все дела и разборы об Абае вести не снова, с долгой, но верной подготовкой.

Из-за этого допрос о недоимках снимал с Абая он сам. А старому, опытному своему помощнику поручил, чтобы тот допрашивал Кунанбаева не до конца и чтобы не вызывать подозрений Абая, допрашивать коротко, не затягивая. Пока не будут собраны в руки все иные улики, обвинения, не надо эту его явную вину особо подчеркивать, а наоборот, лучше делать доверчивый вид и легким допросом устранить всякую всеможную подозрительность Абая.

А когда придется решать вместе с высшими властями вопрос о большом наказании Абая, тогда это дело остается верным козырем Казанцева.

Между тем Абай возвратился в степь после допросов и не подозревал того, что за его спиной возникали неприглядные тучи долгой вражды.

ВСТАВКА К СТР. 287

После слов: “...который сказался сейчас в Даркембае”

Относясь сейчас с особенным доверием и дружбой к старику, Абдрахман начал рассказывать ему о волнениях русских крестьян. От земельной нужды, от насилий властей и от долговечной обиды, нанесенной дедами, отцами от баев-хозяев, время от времени поднимается гневная сила крестьян. Оказывается, они так борются уже сотни лет. Тут Абдрахман кратко сообщил и о Пугачеве – крестьянине, пошедшем открыто против самой царицы. Он рассказал, как за последние только десять лет поднимались на борьбу крестьяне нескольких уездов. И когда он сообщил:

– В шестидесяти губерниях прошло триста с лишним волнений крестьян... – Даркембай поддержал его с одобрительным смехом и добавил:

– Вот это рассказ! Мы говорили про дела Базаралы, что триста лет бедняки, может быть, так не объединялись... Какая же темная глушь эта казахская степь! Что мы знаем? Думали, что сотворили: бывало а ты говоришь шестьдесят губерний! Ведь это же целое государство. А каждое из трехсот волнений ведь не меньше, чем сделал Базаралы. Какое дело! Где труд, там и выносливость, выносят богатырями. Сильный и примерный же народ эти русские! Недаром Абай говорит – все перенимете от русских... Сказать он так сказал!.. – закончил Даркембай.

Абиш вспомнил тут о Базаралы.

ВСТАВКА К СТР. 322

После слов “зверской свою месть...”

К Даркембаю, сидевшему прислонившись к решетке юрты с побледневшим окровавленным лицом, прибежал Рахимтай. Бросившись к отцу и обняв его грудь, плакал мальчик от обиды. За ним вбежали и двое сирот Исы – Асан и Усен. Они любили деда Даркембая, как родного деда. Дар-

кембай тоже часто ласкал этих двух сирот, много заботился о них.

Эти трое мальчиков до начала драки стояли, глядя из дверей юрты старухи Ийс, боялись высунуться на улицу. А когда Азимбай и его люди начали избивать Абылгазы, Рахимтай выскочил из юрты. Он испугался за своего отца и побежал, не помня себя, к нему.

Увидев злого всадника, ударившего старика, он кричал на бегу:

— Не трогай моего отца! Злодей! — Горячие слезы брызнули из глаз.

Забыв о боях, которые начались в ауле, он и двое других малышей добежали до этой юрты Базаралы.

Даркембай сразу опомнился, как услышал жалобный плач своего сына. Он с силой одолел свою боль.

— Зрачок мой! Не плачь, не пугайся! — и, обняв Рахимтая, прижал его к своей груди. Он притянул в свои объятия и двух остальных мальчиков, еле сдерживавших свои слезы сожаления к деду.

Рахимтай бормотал сквозь слезы:

— Ата, я вырасту и тогда разобью голову этому скверному Азимбаю.

Его поддержал и Асан:

— Пускай, посмотрим... станем и мы большие... Тогда мы отомстим за деда.

А на улице в эту пору раздавались сильные возгласы и грохот побоища.

ВСТАВКА К СТР. 328

Услышав о трудном настроении отца, Абдрахман под вечер пришел один, когда и Абай сидел наедине.

Сейчас Абай не скрыл от сына своей горечи.

Оказалось, что и Абдрахман пришел к нему с решениями, он и начал высказываться об этом:

— Отец, ныне и зло, и злодеи очутились рядом, около вас. Оттого, что насильником оказался ваш родной брат, вы терзаетесь еще со стыда. Вы мучаетесь молча, про себя. А я хочу вам сказать, — при этом он близко придвинулся к отцу.

Абай тоже сегодня ждал подмогу и опору от сына, потому глядел на него с пристальным вниманием.

— Вы решили защитить мирный народ от властей, от насильников. Потому они — враги ваши, наступают еще пуще, злее. Нападая на знатоков, они считают, что наступают и на вас. Разве не так?

— Ты прав?

— Ну, а вы не хотите же отступить от своего пути? — спросил Абдрахман, уверенный в ответе отца.

— Не отступлю, умру на этом пути! Это клятва и мечты мои!

— Так решитесь на смелый поступок. Особенно, если это будет сделано ради народа, он еще лучше пробудит народ, расшевелит его мысли. Постепенно приучит его к борьбе. Если взять в пример русских, то видишь, что и борьбу рабочих, и волнение крестьян всегда поддерживают все лучшие умы и силы борющихся за всех бесправных обиженных. Они вмешиваются со всей решительностью, чтобы самим массам показать, какую они силу представляют, чтобы их убедить в том, как они бывают сильны, когда объединяются. Попробуйте именно в этот раз применить этот же способ и вы!

— А как советуешь при этом? И мне сесть на коня с соилом в руке? — спросил Абай, подумав о том, что его годы не те.

— Понадобится, сделайте и это! — сказал со всей решимостью Абдрахман. — Такое зло отступает лишь только перед одной сопротивляющейся сильной волей. Базаралы с Даркембаем начали это. И вы теперь не грустите, сидя в юрте, а если понадобится, то покажитесь и на коне. Ваших друзей много. Попробуйте спросить себе помощи у таких же обиженных, бесправных людей, как жатаки! Посмотрел бы я, кто бы не явился лишь на один ваш клич! А враги только тогда опомнятся и отступят. Покой народу и себе вы получите только через это!

Абай в мыслях одобрил этот совет сына и уже начал думать о возможностях решительных дел в эти часы.

ВСТАВКА К СТР. 330

После слов “Побывали в ауле Абая с новостями”

По приезде к жатакам Дармен остановился у старухи Ийс. Аул состоял из тех бедняков, которые вчера поддержали отважный бой с тем Азимбаем, про которого говорят “враг с клыками в шесть пядей!” Дармен не только знаком со здешними людьми, но и дружит с некоторыми из них.

Не только главные лица жатаков, как Базаралы, Даркембай, но многие стойкие джигиты, как Канбак, Сержан, уже рассказали ему о многом. И Дармен почувствовал, какое упорство, крепкая решимость и сомкнутые плечи объединяют этих людей.

Даже в ироническом рассказе Ийс про крикливого Маке, оживленной насмешке над ним чувствовалось, как встряхнулись и оживились в своем сопротивлении все здешние семьи. Видно было, как сознание справедливой мести разогнуло давно согнутые спины.

Дармен успел обстоятельно поговорить со старухой Ийс. Она передала ему со слов Даркембая, как двое маленьких сирот обещали деду отомстить за него, когда вырастут.

Дармен слушая ее, подозвал к себе Асана, одобрительно похлопал его по спине.

— Ты станешь хорошим джигитом. Вырастешь храбрым молодцом. Твой папа Иса был богатырем. И ты, как он, не будешь бояться никого и ничего.

Несогласный с тем, что Дармен ага хвалит одного только Асана, маленький Усен прикоснулся к Дармену и, похлопав его по колену, заявил:

— Ну Дармен ага, а я кто?! Разве только один Асан? И я буду храбрым. Буд богатырем, как мой папа!

Хоть рассмешил этими своими словами бабушку и Дармена, сам Усен не улыбался, а насупился, такой серьезный, обиженный.

Глядя на него, Дармен теперь ясно заметил о большом сходстве мальчика со своим отцом. Его веки, глаза и носик нынче определились очень похожи на Ису.

Дармен сказал об этом своем наблюдении бабушке, а затем повернулся к Усену.

– Родненький... Ты прав, таким и будешь непременно. Тебя ведь я не забыл. А хотел сказать о тебе отдельно, особо... – посмеялся он.

Вспомнив через Усена о лице Исы, Дармен теперь крепко задумался о нем.

Был бы жив Иса, с каким гневом бился бы в эти дни. С какой справедливой мезтью заносил бы он свой кокпар!

А удары его по Азимбаю и Такежану были бы самой заслуженной ими карой. Была горька и безмерно печальна мысль о том, что он умер, не дожив даже до такого дня.

Но тут же в душе Дармена родилось большое светлое чувство уважения к этим людям – обитателям бедных лачуг, детям, рожденным среди прокопченного лохмотья. К чему песни о далеком?... Нет, мне лучше взять советы у Абая и воспеть смерть Исы... – решил он.

Но хотя в этот тревожный, скандальный день он натолкнулся на эту счастливую мысль, однако вдумываться в нее не было возможности. Получив еще новую весть о настоящей подготовке иргизбаев к набегу, он снарядил нового человека к Абаю.

ВСТАВКА К СТР. 379

Но несогласный с этими словами и задумавшийся обо всем наоборот Абдрахман посмотрел на Шубара с раздражением.

– Шубар, вы произнесли эти слова с таким гневом... Выходит, что все это так возмущает вашу душу, да?

– Говорю с гневом, именно возмущает! Сегодня поносят почтенных предков – баев, завтра начнут отпугивать от славных ханов, султанов, будут называть темными, невежественными, дикими и отпугивать от законов отцов! Еще будут отводить от учений веры, от мира ислама! И все это будем делать, повторяя “русские и русские”, “Кааба у них”, “благо в них”. Куда же мы идем, наконец?! Куда ведем нынешний народ и будущие поколения? В кого же превращается, наконец, этот ад? Куда он пошел? – так он высказал обо всем, что перебродило в нем, таким ядом стало в нем, таким неразрешимым узлом.

Постигнув эти мысли Шубара, Абдрахман был сильно разгневан, была задета честь, особенно когда он понял, что эти обвинения Шубара относятся к его отцу. Но тот говорил, не упоминая имени Абая. И Абдрахман тоже вначале говорил не называя отца.

— Значит, этот аул вам кажется заблудившимся, сеющим смуту? Нет, родной! — сказал он по-казахски, хотя думал по-русски. — Не отступил от Каабы, а наоборот, ищет и видит самую верную для всего народа Каабу — этот аул! Вы хотите напугать русскими. А сами-то вы только вчера из рук царского управления волостью получили блага и доходы.

— Это была дань времени, оттого, что мы зависимы.

— Нет, лично вы ни отчего не были зависимы. И не только мы одни, а в казахских степях и раньше были, и теперь водятся подобные.

Они, с одной стороны, получив власть в руки, давят свой народ, а с другой — пакостят от имени мусульманства, ислама и обветшалых законов старины. И у этих людей, стоящих на ложном пути всю жизнь, нет ничего, кроме лжи перед народом и другой лжи перед властями. Они думают только о своей глотке, силе и власти. Все в этом ауле и все иные люди, думающие за народ по-новому, должны прежде всего считать подобных вам людей несчастьем для своего народа.

— До чего же ты договариваешься?

— И должен договорить... Не могу говорить иначе, когда вижу, что вы несете такую зловонную отраву, до которой, быть может, еще не полностью дошли мысли Уразбая, Такежана, а у вас это уже на языке!

Сейчас Абдрахман был строго бледен от раздражения.

— А ты сам не с русскими? Куда же идешь ты сам? — Шубар задал иронический вопрос. Голос его теперь раздавался гораздо тише, чем в начале этого спора. Он сознательно сдерживал себя, чтобы возмутившие Абдрахмана слова не дошли сразу до Абая.

— Да, как этот аул, так и я стоим за русских. Но какого русского за друга считаем, это уж не уездные начальники Казанцев, да губернаторы. Мы любим тех русских, которые помогут нашему темному отсталому народу и принесут в эту убогую, беспомощную степь свет знания и блага. И нет, кроме них, без них никакого иного друга и иной Каабы. Потому

и надо сказать всю правду о серьезных и настоящих темных силах степи. Надо и таким путем раскрывать глаза народу. И Дармен стоит на правильном пути! И мой отец тоже идет по этому пути, — закончил он.

Шубар теперь решил не отвечать ему и, сорвавшись быстро со своего места, ушел тут же.

ВСТАВКА К СТР. 403

Эти же дни и Базаралы проводил больше на коне. В час побоища с Азимбаем хоть вышел из юрты, еле волоча свое тело, а под конец боя, охваченный гневом, он бросил мужественный клич, будто уже сам готовый и годный к сражению.

А дальше, когда все заботы и тяжбы навалилась на его плечи, он начал постепенно забывать о своем недуге. Когда же вмешался в дело Абай и дело жатаков хоть на время взяло верх, он совсем воспрянул духом, стал чувствовать себя крепче и здоровее.

Кроме того, все прошлое лето по совету Даркембая он лечил и свои боли суставов. Почти рядом с урочищем Гайлакпай находилось соленое озеро Ушкара. Зная от народа, что грязи этого озера самое верное средство против суставных недугов, Даркембай неустанно лечил своего друга, укладывая его в деревянное корыто.

И вот последствия этого лечения сказывались теперь и уже возвращали Базаралы к нормальной жизни. Поэтому Базаралы подшучивал нередко:

— Точно пугливый жаворонок боялся взлетать, а думал спастись, сжась у пучка травы... Так и я, оказывается, зря дрожал перед этой болезнью.

— Вылечился грязью⁴?

— Грязь-то и стала лекарством? — шуточно спрашивали у него, а он отвечал новой остротой о себе...

— Ну ясно же! Ведь издавна так со мной; не ведал ни ясных, теплых лучей, ни весны, ни лета. Кому-то больше вез-

⁴ Здесь дальше идет игра слов на двойном смысле слова «сор» — это и грязь, и бедствие.

ло от таких бедствий, ударов, насилий надо мной, не правда ли?

А теперешний его беспрестанный объезд множества ближайших аулов имел свой особый смысл. Он сейчас трудился ради Абая. Это решение он принял в тот день, когда к жатакам приехал Дармен, собирал приговоры в защиту Абая. Расспросив наедине у Дармена об опасности для Абая, он ускорил приговоры жатаков, а сам тут же принял новое решение для себя.

Дармен передал ему, как после скандала Такежана с сородичами объявили Абая отступником от пути отца Кунанбая, предка Иргизбая, называли врагом аруаха (духа предков), сородичей, совратителем людей от заветных законов старины.

А сейчас Абая обвиняют власти за прошлогодние черные сборы, недоимки, говорят, что он тогда уговорил и повел бедняков на сопротивление... Есть еще ядовитый змей, хоть издали, но не сводящий свой взор от Абая, это Оразбай. Для него все эти обвинения Абая только на радость.. Дармен рассказывал обо всем этом, как о самых последних тайнах вокруг Абая... Базаралы тут же начал раздумывать вслух:

– Не сын Кунанбая, не потомок предков... Отступил от путей отцов... – они говорят – так это все правда! Но плохо ли, что он отпал от них? Он ушел к народу! Ради народа он сцепился со своими сородичами-волками. За это его потянут к ответу, к суду. Ну постоитте тогда. Вижу, что тут и народу надобно идет на все, и отдает все. Ты ничего не говори Абаю самому. А я вот теперь сажусь на коня, соберу от несметного народа гору приговоров и своим путем поборюсь за Абая...

После этого в течение целой недели он объездил все окрестные кузеу – осенние урочища, населенные сейчас многочисленными аулами.

Видя Базаралы вновь сильным и бодрым, искренне радовался стар и млад всех бедных аулов и лачуг... Там везде, пересказывая о передовой стойкой схватке Базаралы и жатаков с Такежаном, уже добавляли множество своих преданий, украшений к поступкам Базаралы.

Пересекая урочища родов мамый, кокше и множества других вплоть до жуантаяков, в каждом ауле Базаралы нахо-

дил в пользу Абая новые разные и трогательные слова дружбы к нему.

– Многократно мы говорим о пользе и помощи, полученной нами от Абая. А если нам рассказать в ответ хоть об одной помощи, оказанной вами Абаю? А вот это и есть за тот наш долг перед ним! – убеждает он одних, собирая приговоры...

В другом ауле продолжает:

– Власти и степные воротилы объединились общей камчой против Абая. Отсюда клеветают на него, а там готовят жару... Злятся, говорят, заступаешься за народ... а народ так и не шелохнется ради Абая?

В другом ауле, сидя и окружении одних лишь бедняков, он говорил:

– Абай за народ, а народ за Абая поборются... Это и есть самый светлый путь сладкой борьбы и тяжбы. Я еще не знал казахов этой степи, чтобы когда-нибудь боролись за что-нибудь лучшее...

Собрав такими объездами наполнившие его широкие переметные сумы (коржуны) приговоры, Базаралы тоже отправился в свой дальний путь.

ВСТАВКА К СТР. 441

Внутренне настроенный враждебно против Абая, губернатор внешне распорядился использовать влияние Абая при решении степной сложной тяжбы. Сознывая, что это решение он принимает вынужденно, генерал еще более ожесточился на Абая и запомнил твердое намерение заняться с этим Кунанбаевым в Семипалатинске, вдали от народа.

ВСТАВКА К ПРЕЖНЕЙ ВСТАВКЕ К СТР. 443

К первой странице ее, после фразы “Это были люди, приехавшие на ярмарку ради своего потерянного, ограбленного добра, самые скромные и многочисленные просители”.

Весь их вид говорил о том, что тут было мирное, трудовое большинство, которое именуется народом в настоящем смысле.

Одни кони их говорили о многом. Почти все они были засаженные, с выцветшей за лето шерстью, единственные трудовые помощники своих хозяев. А седла сбруи на них говорили еще красноречивее... Истрепанный войлочный покров на седлах, разодранный потник, узда из старой сыромятной кожи и стремяна — то медные, то из черного железа, а то и деревянные — свидетельствовали об очень скромном достатке этого люда.

Здесь не попадались на глаза бархатные подушки на седлах, нет посеребренных уздечек, подавно нет сбруи с черным серебром, нет и потников, покрытых кожей или сукном разноцветным.

И верхняя одежда людей сплошь серая или из домотканых армяков, или из выцветшего чапана (халата). А головные уборы, свидетельствующие своими формами о родовой принадлежности людей, подбиты старой мерлушкой... Покрыты они то дешевым ситцем, то иной подранной бесцветной материей.

И такая многолюдная толпа сейчас встретила Абая своим, родным.

ВСТАВКА К СТР. 443

Зато когда явился Дармен и сообщил самые свежие новости, Абай искренно порадовался.

Оказывается, сейчас сам народ, знающий и уважающий Абая, устраивает самочинное увеселение в честь него. Это задумали люди, искренно порадовавшиеся за избавление Абая от опасности. Никто ничего не требовал, ни на какое торжество не звал народ, а он сам все затеял.

Среди этой толпы были Базаралы и Байкокше. Они-то и послали Дармена, чтобы он привел Абая к этому дружелюбному народу.

Абай с Ерболом, Баймагамбетом и Дарменом выехали на ярмарку, на желтый холмик на западе. Народ, собравшийся добровольно, случайно здесь достиг такого множества, как

это бывает на обычных пирах, торжествах. Это были люди, приехавшие на ярмарку не ради чинов, а ради своего потешного, ограбленного добра, самые скромные и многочисленные просители. И весь этот люд быстро окружил Абая, приветствовал его с радостью, поздравлял с победой над врагами. А на вершине холма, спешившись с коней, сидели, ожидая Абая, Базаралы и Байкокше. Слез с коня и Абай, а друзья подошли к нему и здоровались, обнимаясь (как это бывает у почтительных людей после долгой разлуки). Абай шутливо обратился к друзьям:

— Базеке и Байкокше, ведь только вы вдвоем вытащили меня из этой глубокой ямы. А собственным умением на этот раз я не только бы не спасся, но запутался еще пуще. А, Базеке, твоя сегодняшняя речь превзошла всякое красноречие и изворотливость любого адвоката. Как сказал и вознес меня, то будто головой коснулся самого неба.

Тут Базаралы наказал собравшимся устроить увеселение. Он объявил, что пусть оно будет нашей встречей Абая, благополучно спасенным в нашей среде.

А толпа тут быстро разбилась на две группы, обе стороны выставили своих силачей борцов и, как водится на торжествах, началось состязание борцов.

Тут же готовились группы для очередного состязания по конной скачке.

Отдельно готовились ловкие джигиты для доставания монеты на скаку, для борьбы на конях.

Среди этих приготовлений Абай спросил у Базаралы:

— Ну как же ты пробрался?! Как тебя пустили к губернатору?

— Ойбай, да разве есть двор у семипалатинских властей, которые мы с Сабелеем не открывали?

Как я был раз, когда нашел тут Сабелея. Сговорился он с урядником, сказал, что пришли от всех казахов этой ярмарки, и пропустили... Что за жизнь, если даже от гонений нет крохотной пользы?

А за день тот же Савельев писал массу приговоров, ходатайств и посылал толпами людей к уездным начальникам. Эти люди, радостно встретившие сейчас Абая на холме, и были теми многочисленными ходоками-просителями, тре-

бовавшими, чтобы в разборе тяжёбных дел одним из судей здесь непременно был Абай.

Узнав обо всем этом, Абай теперь начал смотреть на борцов.

А среди них сейчас выделялся и силой, и ловкостью рослый, плотно сложенный смуглый джигит, это был Абды. Одолев в борьбе трех противников одного за другим, он получил завязанный в узелок свой приз и, широко улыбаясь, подошел к Абаю:

— Абай-ага, за то, чтобы в борьбе вы одолевали своих врагов так же, я боролся за вашу честь. А поборол их от радости за вас, потому и свой приз подношу вам!

Абай принял его подношение с благодарностью и добавил:

— То-то, не только силой, но и умом крепки также мои друзья. Пусть я научусь от тебя одолевать в борьбе.

Люди весело поддержали эти шутки. Вслед за этим все джигиты — победители по доставанию монеты, по скачке, по борьбе на конях весело подскакивали к Абаю. Многие из них не были знакомы ему, каждый из них искренно громко провозглашал свое пожелание Абаю и подносил ему свой приз.

Все это увеселение так ясно, радостно и просто говорило об особенно близком слиянии Абая со своим народом.

ВСТАВКА К СТР. 434

Тут же отводя от Абая свой холодный взгляд в сторону входа, губернатор нахмурился.

Повернулся и Абай, сидевший спиной к двери. А у дверей внутри юрты стоял Базаралы, держа свой тымак и кипу бумаг под мышкой, около него стоял одетый в скромный штатский костюм русский человек средних лет с красивой холеной бородой.

Абай был поражен этим появлением Базаралы. А русско-го человека он узнал только теперь. Это был семипалатинский часовщик, прекрасно владеющий казахским языком. Казахи его звали Сабелей, искажая фамилию Савельев.

Он всегда помогал казахам, составляя им заявления, прошения, приговоры и необыкновенно широко знал все

высшие и низшие ведомства области и уездов... Имел большой круг знакомых во всех канцеляриях, начиная со стражников, урядников, толмачей, кончая письмоводителями, советниками и некоторыми иными крупными чиновниками. Много было у него знакомых скромных людей из казахов, которые говорили, что у Сабелея “дорога легче” (в смысле: рука легкая), чем у многих адвокатов, и ему поручали писать свои прошения, ходатайствовать за их дела.

Губернатор посмотрел на вошедших с раздражением, но несколько удивленный. Русский и киргиз, у обоих под мышкой кипы бумаг. Киргиз высокий, стройный, у него красивая борода с проседью и широкий белый лоб, привлекательное, дородное лицо. А за ним, не войдя в юрту, но почтительно наклонив головы и глядя на губернатора, стояли около десятка других просителей. Все они по внешности были похожи на вошедшего в юрту Базаралы, люди приятные, на вид почтенного возраста.

— Что это? Кто же они? — спросил губернатор, а Савельев начал быстро пояснять:

— Ваше превосходительство, это явились к вам киргизы многих волостей Семипалатинского уезда, просители... Все они к вашему превосходительству явились с одним прошением. А меня просили перевести вашему превосходительству об их ходатайстве. Сами не понимают по-русски...

— О чем их просьба? Какое ходатайство?

— Они, ваше превосходительство, ничего для себя не просят... Ходатайствуют все за уважаемого ими человека, за своего поэта Ибрагима Кунанбаева... — Тут генерал молча протянул руку к бумагам ходатаев.

Дальше Савельев и Базаралы поспешно поднесли свои бумаги, положили их на стол к губернатору. Тут губернатор кинул вкось свой взор на Абая и подумал: “Не он ли это подстроил, этот загадочный киргиз?” Но на лице Абая он не заметил ничего, кроме одного искреннего удивления. А Базаралы сейчас представился, будто вовсе не видел Абая и не знает даже в лицо его и начал по-своему, по-русски пояснять губернатору о деле. Губернатор невольно прислушался к словам киргиза, забавного в речах и движениях. Но тот, поражая Абая новым своим умением, заговорил по-русски:

— Киргиз степ слепой, таксыр, — при этом он прикрыл

своим красивым белым длинным пальцем один глаз свой — токмо адин клаз ес, он — Ибрагим Кунанбаев! Кыргыз степ глухой, таксыр! — и снова тем же пальцем он прикрыл левое ухо...

Тут губернатор невольно чуть улыбнулся. Оригинальный проситель кажется еще таким находчивым. Базаралы начал говорить увереннее. Указывая пальцем на другое ухо, он продолжал:

— Токлю адин ух ес... он Ибрагим Кунанбаев... Он не бойдет... — эти слова Базаралы говорил так, как будто в этой юрте не было Абая. — Не можно! — Тут он изобразил самое тяжелое состояние, упрямо покачал головой.

— Степ томнай, глухой бойдет, — снова качая головой добавил, — не можно!

Савельев теперь и сам улыбался и хотел уже перевести, лучше передать слова Базаралы, но губернатор жестом руки запрещал ему говорить, отводил его слова за ненадобностью. А сам все смотрел на Базаралы, который продолжал изъясняться с огромным трудом.

— Каспадин курбнернатор нобай шалабек! Наш прогауар много... много степ послал... Много, много стел просит, наш пригауар пускай пайдет санат, министр, белый сарь... Степ просит пустит нас министр, Петербор, сарь! Все пайдом! Тогда пайдом, — закончил он.

Губернатор теперь снова свел брови и сделал знак Базаралы, что он понял, и ему с Савельевым подал знак, чтобы они удалились. Ни ответа, ни обнадеживающего вида не последовало. Просители попятнулись и вышли из юрты.

ВСТАВКА К СТР. 448

Приехавшие пораньше акыны днем читали, пели друг другу свои песни.

А такие поэмы, как “Енлик — Кебек” Дармена, “Медгат — Касым” Магаша и “Козы Корпеш” Бейсембая Абай тоже прослушал заново. Но пока никому он не высказал своих мыслей.

Известно, что сегодня вечером все это общество сойдется около Абая и Айгерим в их комнате. На вечер подъедут

еще новые гости и будут спеты все новые песни. К тому времени берег еще одну новую свою поэму Дармен, самый тревожный и требовательный поэт. Закончив поэму в последние дни, он еще никому не говорил о ней, даже о названии ее. В себе он имел лишь одно желание — спеть поэму после всех.

В этот же день, в сумерки, приехали новые гости. Это были Базаралы и Кокпай.

Абая особенно порадовало появление Базаралы, и он принял этого гостя своего очень тепло и приветливо. На этот раз Базаралы приехал без приглашений, без особых дел, только чтобы спокойно побыть около Абая. Его особенно заинтересовало сообщение Ербола о том, что скоро съедутся акыны и споют Абаю свои песни.

Явившись с бодрым видом, с полушутливыми приветствиями, Базаралы внес в дом веселое оживление. Абай усадил его повыше, справа от себя, и тут же сам достал с высокой кровати пару подушек, а Айгерим попросил разостлать одеяло потолще для сиденья Базаралы.

Он и старший в этом кругу, и самый уважаемый Абаем человек, поэтому все в комнате были почтительно внимательны к Базаралы.

— Путь был далекий, ты устал, Базеке, облокотись сюда! — сказал Абай, пододвигая к нему две белые большие подушки.

А Базаралы вспомнил что-то и отметил с улыбкой:

— Да, должен бы устать! Но я по пути увидел такое веселое, что это всю дорогу занимало и отгоняло усталость!

Все присутствующие и Айгерим в том числе уже ожидали от Базаралы чего-то необычно веселого.

Абай облокотился на круглый большой стол, близко придвинутый к нему, повернулся к гостю:

— Ну рассказывай, Базым! Ты видишь вон, — окинул он сидевших вокруг, — как увидели тебя, так и ждут с нетерпением твоих новостей.

Базаралы не стал затягивать. У него не было таких привычек при подобных случаях. Наоборот, все знали его особенность высказывать откровенно и немедленно обо всем, что он замечает и думает.

Сейчас он приподнялся от подушек.

В большой комнате было тепло, на круглом столе горела очень светлая лампа и она мягко оживляла лица и обстановку. Согревшееся после холода широкое, белое лицо Базаралы сейчас покрылось легким румянцем. Приступая к своему рассказу, он обратился к молодежи:

— Я понимаю, что сегодняшний вечер принадлежит акынам. А я тоже задумал послушать все вместе с Абаем. Но я же нетерпеливый и сам уже намекнул о чем-то новом, так давайте уже выложу все...

Магаш учтиво наклонился к нему:

— Базеке, акыны всегда охотно уступят вам свою очередь...

И тут Базаралы приступил к своему рассказу:

— Я сегодня выехал из подножий Чингиса. Путь далекий, поэтому и сел на коня еще до зари. А засветло доехал до Кольгайнары, проезжал мимо земель Жумана и вдруг на одном холмике вижу сбор такой, что ни в каком бредовом сне даже не приснится. А в сборе были четыре козла и Жуман. Привязал к маленькому кустарнику, низко склонив их головы, четыре козла, а напротив них, усевшись на камень, как мулла перед мальчиками, размахивает своей белой палкой старик!

Слушатели уже сообразили, что рассказ будет о самом неожиданном и смешном и уже начали посмеиваться. А Базаралы уже начал говорить громко, четко и со всей присущей ему живостью.

— Дул ветер. А я подъехал с подветренной стороны, старик сидел спиной ко мне, и не услышал топота коня. И вижу, размахивая своей палкой, Жуман рассуждает. Ну, думаю, тут идет необычайный совет иргизбаев⁵, — и Базаралы оглядел слушателей, подхвативших его иронию дружным смехом. Уже тряслось от смеха и большое тело Абая... Раскрасневшись от смущения, громко и звонко смеялась также и Айгерим.

А на лице Базаралы не было ни тени смеха, он продолжал:

— И тут я решил, что грешно и позорно было бы для Базаралы покинуть такое. Надо же понабраться ума! Да он —

⁵ Иргизбай — род Абая и его сородичей.

один из самых старших ныне живых иргизбаев! И тут, отъехав книзу, стреножил коня, а сам потихоньку подошел и подсел сзади.

В доме уже стоял неудержимый, веселый смех. А Базаралы рассказывал не спеша обо всем происшествии. А было вот что. Оказывается, когда утром Жуман подъехал к стаду, его сын Мескара пожаловался отцу на этих козлов, они не давали пастись овцам и козам.

Сообразив, что аул опоздал привязать фартуки к козлам, теперь Жуман приказал схватить козлов и вот держал их на привязи.

А козлы стояли, наклонив головы, наставив рога. По виду они ничуть не смущались своих поступков, наоборот, глядя тупо и упрямо на бороду Жумана, только и норовили как бы боднуть его в эту самую бороду.

Жуман и без того рассерженный, сейчас, почувствовав их намерения, обвинял и укорял козлов и порознь, и всех вместе.

Когда подсел Базаралы, длинная палка Жумана засвистела над головами всех козлов.

— Послушайте вы, четыре козла! Попробуйте сказать, что вы не мутите целое стадо?! Не портите всех?! А унимались? Постыдились вы бога и духов предков, аруахов?! — тут голос Жумана переходил в убедительный, разгоряченный тон самого красноречивого спорщика. Вдруг палка Жумана стукнула по рогам молодого черного козла. — Черный козел, ты самый молодой и стал самым неугомонным смутьяном!

В ответ на это черный козел, потрясая своей бородой, прыгнул, нетерпеливо завертелся и все порывался к Жуману... Но и Жуман тут разъярился пуще.

— Посмотри-ка на него! Сам же злодей и сам же упрямец. И бороду отрастил сызмалу, подобно Азимбаю, — при этой своей мысли Жуман и сам закричал от самодовольства.

Сейчас его воображение заняли действительно замечательные вещи.

Стоило ему назвать Азимбая, так дальше все его козлы уже превращались для него в живых людей.

Черный козел Азимбай, а рядом с ним стоял его отец желтый козел, которого Жуман тут же окрестил Такежаном. А серого козла, стоявшего дальше, Жуман назвал Жирен-

ше... Четвертым стоял огромный, с высоченными рогами, бурый козел. Его Жуман назначил Уразбаем.

И дальнейшие прения Жумана с козлами показались Базаралы самыми остроумными.

Тут перечислялись неукротимые, ненавистные страсти к смутам таких козлов, как Азимбай, Такежан, Жиренше и Уразбай.

Оказалось, что они с утра до вечера не дают покоя мирным овцам и козлам, разбивают стадо, не дают пастись, только и знают пакостить...

Смело укоряя их в глаза, увлекаясь, вскоре Жуман задвигался от удовольствия и, еще больше повысив свой голос, уже теперь обвинял Уразбая, Жиренше, Такежана и Азимбая за их злые дела и козни против Абая...

Тут же сам Жуман превращался в Абая и бросал обвинения в глаза четырем козлам.

— На нашей шее (совести) проклятия народа! За то я виновен перед вами, что заступаюсь за несчастных, мешаю нам мутить народ! Но вы поплатитесь за слезы людей, понесете господнюю кару!..

Базаралы рассказывал сейчас обо всем этом так живо, искусно меняя голос и движения, что его слушатели давно уже хохотали без умолку. Иные из них закатываясь, валились на бок. От неудержимого смеха у Абая прослезилась глаза, задыхаясь и трясясь, он прислонился к Айгерим, которая тоже заливалась звонким смехом.

Заканчивая свой рассказ, Базаралы добавил:

— Семьдесят пять лет болтал и болтал человек попусту и все же наконец доболтался до чего-то путного... Вот какого Жумана я видел... Скажите, пусть хоть перед самим господом богом, какой же иной иргизбаевец додумывался до таких справедливых слов?

Хотя Базаралы закончил на этом, Акылбай все же спросил его:

— Ну, Базеке, все то увидел он наконец или нет?

На это Базаралы ответил еще новым, но коротким сообщением:

— Когда слышу, что он уже говорит толково, я громко кашлянул над самым его затылком и быстро приподнялся. А он оглянулся и крикнул на меня: “Эй, негодный сын Кауме-

на! Кто тебя сюда позвал? Откуда ты взялся?” А я, чтобы не смущать его, не подавал никакого виду. И не знаю, от того ли, что растерялся, он тут же моментально перешел опять к своей бестолковой болтливости и спросил:

— Послушай, ты многое перевидал, нагляделся. Посмотри-ка на ту скалистую вершину горы Догалан и скажи-ка мне, сколько, по-твоему, пудов потянет эта гора?

Снова раздался взрыв смеха. А Базаралы рассказывал:

— Ой, Жумеке, — говорю, — вот на это-то у меня и не хватило ума... Уж лучше объясните сами. А он сказал: “Знаешь, глаза — весы, а разум — судья, и, по-моему, эта вершина Догалан весит пять тысяч пудов”.

На этом было и закончено повествование Базаралы.

Придумать, чтобы гору взвешивать на пуды казалось акынам таким немислимым и бредовым примером болтливости, что еще долго в этой компании продолжали подшучивать над этим.

Теперь Айгерим и Злиха приготовились устроить чай. Но за круглым столом было бы трудно устроиться всем и Абай распорядился убрать стол, разостлали длинную, широкую скатерть на ковер.

Скоро многочисленный круг гостей этой просторной комнаты устроился, широко раздвинувшись, и началось чаепитие.

Первым его закончил Кокпай.

Заметив это, некоторые из молодых людей начали поговаривать, что пора бы начать песни. По своему обыкновению в подобных случаях, Базаралы достал домбру и протянул Кокпаю.

А дальше, не заставляя людей упрашивать и ожидать, Кокпай запел свою поэму. Обычное долгое чаепитие еще не заканчивалось. Но большой самовар сейчас был вынесен на время, чтобы долить кипятку, в этот перерыв песня была кстати.

В начале своей длинной песни Кокпай восхвалил деяния хана Аблая. А когда снова внесли самовар, он переходил к потомкам Аблая и начинал свое славословие и им. И тут Базаралы похлопал Кокпая по колену, чтобы остановить его. Взглянув теперь на Абая, Кокпай заметил, что об этом

же хочет сказать и Абай, давно уже слушавший песню без воодушевления.

Кокпай остановился сразу же.

И теперь быстро заговорил Базаралы:

— Не осуждайте, джигиты, что я заговорил раньше всех, я вижу — кроме меня все вы тут акыны во главе с Абаем. Как сказал Хожа Насреддин, нужен ведь хоть один петух, когда кругом так много куриц. Вот и я только один слушатель на всех вас певцов, потому и выскажу свое! — при этом он посмотрел на Кокпая недовольным взглядом.

Абай одобрил слова Базаралы и попросил его высказать свое мнение.

— Сказать, так... — начал Базаралы, — Кокпай, ты и величаешь “алдияр”, и называешь “драгоценным ханом”, да и молишься еще “жертвой твоего аруаха я стану”. А дальше от Аблая переходишь к его потомкам, и, чувствую, что пойдешь на поклонение и к их могилам. Скажу правду свою, не нравится, Кокпай, все это у тебя. Не правда ли Абая, что не мало хвалили, бляели долго невежественные акыны про ханов, султанов?.. Они и то время потрепали, истоптали изрядно! Не лучше ли было нам теперь после песен Абая забыть ту песню? Не входит в мою грудь, потому что душе непригодна. Ну если я заблудился, скажите сами! — и он посмотрел на Абая.

Люди перестали пить чай и с самого начала речи Базаралы прислушивались к нему молча. Абай одобрил мысли Базаралы и, задумавшись, покачивал головой в знак согласия.

— А эти слова, пожалуй, самые верные и справедливые. Пусть одни из нас сложили песню об этом, а другие нет, но мысли Базаралы относятся ко всем нам, — немного подумав, он холодно посмотрел на Кокпая.

— А Наурызбай многих вверг в несчастье. И за жестокости и злодеяния свои получил достойную кару для себя. За бедствия, причиненные массам, потерпели все мятежники... За них особенно не следовало расточаться тебе! — сказал он, явно недовольный сейчас Кокпаем.

Чай остывал у акынов. Они молча ждали еще новых мыслей, наставлений Абая.

А он в раздумье заговорил тихо, размеренно. Несмотря

на выступавшую бледность, его лицо выражало горячее волнение.

— О батырах, героях, о девушках волнующих, о любви всевластной вы пишете! — начал он, разом упоминая все прочитанные сегодня поэмы. — Будете писать... Пишете! Но этого мало! Мало! — уже жестко и холодно заметил он... — Это не речи жизненных дел, а речи сновидений, сладких сновидений. И не нами одними, но есть не достигнутое и мною не сказанное. Это горести наших дней, все, что около вас и что нависло над народом — черная, позорная мгла и лютое зло вокруг. Будто вал за валом легли они на пути. А мы не помогли народу познать его пути, идеалы борьбы. Отважные в мыслях и делах, лучшие сыны русского народа уже нашли, находят эти пути. А мы лишь в покое и беспечности поем песни забавы. Не борцы мы! Не сумели стать и зовущими к борьбе! Вот на что нужны наши силы! Ищите, берите достойный пример на самого нового, что явило нынешнее новое русское общество. Вот о чем моя речь!

Он остановился на этом, направляя мысли поэтов на самое передовое в новом поколении русского общества.

Акыны поняли, что пока Абаем не одобрена ни одна поэма. Кокпай пожаловался на головную боль и вышел из этой комнаты.

Глядя на наклоненную у выхода округлую спину его, Абай подумал, что он уходит с обидой. И в ответ на это раздражался и сам.

Среди опечаленных акынов сидел Дармен, с трудом сдерживая свое особое волнение. Хотя он и опасался этих суровых бровей, но его смелый и отважный характер брал свое и благодаря этому он высказал Абаю свою просьбу.

— Абай-ага, хотя я не думаю, что получилась такой, как надо, но у меня есть одна скромная песня... Пока не читал ее ни одному человеку. Что если послушаете ее и укажете пути?

Абай посмотрел на Дармена с надеждой:

— Спой! Спой-ка ты!

И дальше начал читать нараспев свою поэму джигит, подобный быстрокрылому ястребу с острым искрометным взглядом, с бледно-матовым красивым лицом. Все в доме прислушались к его чтению с большим вниманием.

Эта поэма с самого начала заговорила об урочищах и зимовках, знакомых всем слушателям, и направила их внимание на Азберген и Шуйгинсу.

...Ураган бушевал в этот суровый день. Непроглядная, поздняя осень сегодня к вечеру несла людям тяготы.

Грозные тучи, окутав все небо, надвигались стремительно. Аул насильника и злодея бая оставался еще в юртах, надеялся на свои перегородки. А на краю его в деревенской лачуге иссохшая, больная мать крепко прижала к себе двух полуголых, дрожащих малюток. Это Асан и Усен... Тут же горемычная бабушка Ийс. Вернулся прошедший за байским стадом весь день и продрогший до костей джигит Иса...

И дальше – буран этой ночи, свирепевший час от часу все пуше над лачугой голодной, мирной и безвинной семьи.

Тут же жестокий бай и его сын-хищник.

Избиение Исы. Несчастные овцы, угнанные бураном, а за ними в погоне Иса.

И будто на зло людям все крепче холодеющий ветер, то ливень, то снег...

А затем волки... волки... Отважная, самоотверженная борьба храброго Исы. Отчаянная схватка, поединок с последним матерым волком.

Когда поэма дошла до этой картины, люди затаили дыхание, замерли без движения.

Лишь порой раздавались частые вздохи и тревожный шепот Айгерим. Все люди и события этой, так неожиданно близко придвинувшейся поэмы, лишь недавно наводившие на грустные думы этих слушателей, сейчас так крепко схватили их за сердце.

Искусный певец нанизывал строки из острых, как лезвие, слов, из пылающих огнем чувств, он покорял людей.

Родной Иса, неоценимый брат, явил неслыханную отвагу... Но зачем он явил? Ради кого? Неужели ради бесчеловечных, алчных врагов, ради этих волков в людском обличье?!

Что ты сделал, родимый?!

И болен Иса... Все тяжелее недуг. Напуганные дети. В стенании мать, в муках жена... А в доме убого, голод в семье. Грудь Исы раскалывают неизбывное горе, заботы. Сиро-

тинушками остаются ребятки-малютки, престарелая мать, приговоренная к смерти вдова... Не с людьми, а у логова лютых волков остаются они...

Тут зарыдала Айгерим и не только она, прослезился и Абай. Лились слезы и из собственных глаз Дармена.

Бред... Волк... Нет, не с волком, это с Азимбаем схватился он. И в этой схватке угас большой пламень в этой могучей груди... Отошел человек!

Закричали в ужасе Асан и Усен. Не на зверей, а на людей, на тех, в ком есть совесть и сердце человеческое, устремлены их молящие, безвинные взоры!

Дальше не смог прочесть конца своей поэмы Дармен, он замолчал, закрыв глаза платком.

В доме будто стоял траур, как будто все эти люди только сейчас попрощались навечно с Исой, отошедшим тут, в эти минуты.

В сердцах глубокая печаль.

Абай тоже низко опустил голову, глаза его были наполнены слезами. В дыхании его заметна дрожь, он часто тяжело вздыхает.

Будто содрогнулась и широкая грудь, и все его существо. Посидев в долгом молчании, он с трудом собрался со своими мыслями и сказал коротко и отрывочно:

– Некрасов! Это будто голос Некрасова! Все время вспоминаю его, так правдиво и ясно раскрывшего душевные раны обездоленного люда у русских!.. А я не дошел и все думал: не я, так другой бы хоть стал на этот путь... И будь счастлив на таком пути, брат мой Дармен!..

Задумчивого и молчаливого Абая сейчас заняла одна мечта. Мысли и мечты отца, брата, поэта воскресили необычную картину.

На голой вершине самого высокого утеса в крепчайшие морозные дни кладет свои яйца самая сильная, могучая орлица. Так повествует народ. И всю зиму терпеливо ждет мать-орлица, не греет своим телом эти яйца. Не выдерживая мороза лопается одно, затем другое из этих яиц. Не переносит, лопается и третье. Хорошо, если остается, выживает одно. Только этого одного в теплый нежный день начинает греть своим телом орлица и выращивает орленка. Проходят нередко годы, когда лопаются все яйца, и она летает одинокая, бесплодная, с опаленной грудью.

Сейчас на миг Абай представил народ и себя на месте этой орлицы.

Разве нет подобных состояний вокруг него самого?

Разве мало лопнуло яиц? Одним из них представился Шубар, лопнул он не просто, а распространяя заразу, гадких червей, гнили, разложения.

Не станет ли другом этот Кокпай, ушедший сейчас отсюда, даже не послушав Дармена?

И многие из сидящих тут не станут теми потомками, о каких мечталось... лопнут и они, кончается бесследно... Лишь единственная мечта, хоть бы один... только один остался бы за ним... И это казалось мольбой и мечтой матери-орлицы...

И вот разве не он, этот один?.. Разве не Дармен это?! Может, тебе суждено пролететь дальше и достичь тех заветных краев за теми пределами, до которых доносили меня мои крылья. Лети же дальше, вперед – в даль бескрайнюю... Познай больше, чем я постигал, лети, достигай и познавай для того, чтобы за тобой пошли туда поколения, народ...

И все это заветное в том направлении, которое ты сегодня почувствовал своим правдивым сердцем. Пожелаю тебе, чтобы ты не только почувствовал, но и достиг бы тех пределов...

Эти волнующие, заботливые думы сейчас согнали с его души обычные сомнения грусти...

ВСТАВКА К САМОМУ КОНЦУ РОМАНА К СТР. 11 ПРЕЖНЕЙ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТАВКИ СТР. 448

После фразы “И будь счастлив на таком пути, брат мой Дармен!”

Сейчас Абай не случайно вспомнил Некрасова. С начала этой зимы, после переезда в зимовку, Абай сам много читал Некрасова... И бывали дни, когда Дармену наедине он подолгу с увлечением пересказывал поэмы, переводил стихи Некрасова. Он пояснял, что о русских крестьянах, об их нужде и горькой доле лучше всех и примернее пел этот акын. Слушая Абая с жадным вниманием, Дармен еще тогда и вновь почувствовал, какой горячей волной всколыхнулось в нем воспоминание об Исе...

**ҒЫЛЫМИ
түсініктемелер**

“Күндей жылы, нұрдай жарқын дәурен (1936 ж.)”

М. Әуезовтің бұл мақаласы 1936 жылы “Қазақ әдебиеті” газетінің 4 желтоқсандағы санында шыққан. Шағын мақаланың қолжазбасы сақталмаған, кейін еш жерде жарияланбаған.

1936 жылы қараша айында өткен Советтердің бүкілодақтық VIII съезінде И.В. Сталин КСРО Конституциясының жаңа жобасы жайлы баяндама жасаған. Осы баяндама, жаңа конституция жобасы, съезд жұмысы жайлы Кеңес Одағының барлық мерзімді баспасөздері бетінде көптеген материалдар беріліп жатты. “Қазақ әдебиеті” газетінің аталған санының бір беті түгелдей осы сипаттағы материалдарға арналған. Осы бетте Ілияс Жансүгіровтың “Сағындырған сөз” өлеңі, сондай-ақ Жақан (Сыздықов болуы мүмкін), Оспантай атты авторлардың өлеңдері берілген. Аталған шығармалардың бәрі дерлік газеттің сұрауымен жазылған болуы керек. Отызыншы жылдардағы газет тігінділерін қарау барысында Сталинді дәріптеу, жеке басқа табыну үрдісі 1936 жылдың екінші жартысында етек ала бастағаны көрінеді. М. Әуезовтің бұл мақаласы да осы кезеңге келіп тұр. Мақалада Сталин аты еш жерінде аталмаған, негізінде қабылданбақ конституция жөнінде айтылған.

М. Әуезовтің академиялық толық шығармалар жинағының бұл томына газеттегі мәтін сол қалпында берілді.

Р. Әбдіғұлов

“Тамаша кітап (1949 ж.)”

Бұл шағын мақала “Пионер” журналының 1949 жылғы 5-ші санында (12–13-бб.) тілшіге берген сұхбаты ретінде жарияланған. Қолжазбасы сақталмаған, басқа ешқайда жарияланбаған.

Ғылым мен техниканың, әдебиет пен көркемөнер қайраткерлерінің озат, үздік деген еңбектеріне жыл сайын Мемлекеттік (Сталиндік) сыйлықтар беру дәстүрі бойынша 1948 жылы КСРО Министрлер Кеңесі қаулы қабылдады. Соның ішінде көрнекті жазушы М. Әуезовтің “Абай” романына бірінші дәрежелі сыйлық берілді. Жазушы тілшімен сұхбаты барысында “Абай” романы және өзінің болашақ жоспарлары туралы әңгімелейді.

Бұл томға журналдағы мақала мәтіні негізге алынып, ішінара орфографиялық түзетулер жасалынып, толық жіберіліп отыр.

С. Майлыбай

“Основоположник казахской лингвистики (1957 г.)”

Бұл М. Әуезов пен І. Кеңесбаевтың бірігіп жазған мақаласы. “Учитель Казахстана” газетінің 1957 жылғы 7 желтоқсан күнгі санында жарияланған. Мақаланың “Қазақ лингвистикасының негізін қалаушы” деген атпен жазылған қазақша нұсқасы елу томдықтың 36-томына енді (36–42-бб). Сонымен қатар М. Әуезов пен І. Кеңесбаев Қ. Жұбановтың шығармашылығы жайында “Ірі оқымысты” деген мақала жазған болатын (36-том. 42–46-бб.). Осы аталған мақалаларда академик Қ. Жұбановтың қазақ тілін зерттеуге қосқан үлесі, зерттеу еңбектерінің маңыздылығы, яғни оның ірі ғалым екендігі, педагогтік қызметі кеңінен сөз болады.

Сонымен қатар мақала авторлары Қ. Жұбановтың тұңғыш рет ана тілінде мектептік бағдарлама мен оқулығын жасаушылардың бірі ретінде қазақ совет тіл білімінің тарихында алатын орнын, ғылыми, қоғамдық жұмыстары мен атқарған қызметтеріне де тоқталып өткен. Ғалымның терең білімі мен қажыр-қайраты, еңбегі қазақ тілінің терминология, әдістеме, тіл білімінің фонетика, лексикология, грамматика (морфология және синтаксис) салаларының көкейтесті мәселелеріне арналғаны айтылады.

Мақала мәтіндеріне текстологиялық салыстыру жасау барысында оның қазақшадан орысшаға жолма-жол аударылғаны анықталды. Бұл мақала жазушының өз аудармасы болғандықтан осы томға ұсынылып отыр.

А. Болсынбаева

“Жазушыны жауапты ойлар бастасын! (1959 ж.)”

Жазушының бұл мақаласы 1959 жылы “Қазақ әдебиеті” газетінің 6 наурыздағы санында шыққан. 1954 жылы Қазақстан жазушыларының III съезінде сөйлеген сөзінің қысқартылып, ықшамдалған нұсқасына біраз өзгерістер енгізіп, алда болатын IV съезге дайындық кезеңіне орай қайта жазылған.

Мақалада партияның XXI съезі болып өткендігі, Бүкіл-одақтық жазушылар ұйымының III съезі болғалы тұрғандығы айтылып, съезд бен съездің аралығындағы әдебиеттегі оң өзгерістер жайлы берілген есеп іспетті дайындалған.

Газеттің осы санында сонымен қатар “Әділ сынау – ауызбірлік дәнекері” сияқты театрдағы жана қойылымдар туралы топтамалары берілген.

Қолжазбаның машинкаға басылған толық нұсқасы “Әуезов үйі” ҒМО-ның қолжазба қорының 240-бумасында сақтаулы. “Қазақстан жазушыларының III съезі” (Алматы, 1956. 3–5-бб.) кітабында, М. Әуезовтің жиырма томдық (Алматы: Жазушы. 1985. 19-т. 296–299-бб.) және елу томдық шығармалар жинақтарында (Алматы: Жібек жолы, 2008. 34-т. 5–8-бб.) қысқартылмай, толық берілген.

Бұл томға газеттегі мәтіні негізге алынып, ішінара орфографиялық түзетулермен жіберіліп отыр.

С. Майлыбай

“Бұл күлкіге дән ырзамыз (1959 ж.)”

1959 жылы 5 сәуірде “Лениншіл жас” газетінің ұсынуы бойынша Қазақтың академиялық драма театры көрерменге жас драматург Қалтай Мұхамеджановтың “Бөлтірік бөрік астында” (қоюшы режиссері – Ә. Мәмбетов) пьесасын сахналап, сонынан үлкен конференция өткізеді. Бұл конференцияны КСРО халық әртісі Қ. Қуанышбаев кіріспе сөзбен ашып, оған Ш. Айманов, Қ. Бадыров, С. Қожамқұлов, К. Қармысов, Ш. Жандарбекова сияқты атакты сахна шеберлері қатысып отырған. Қорытынды сөзді сол кездегі Қазақстан Жазушылар одағының хатшысы Ә. Тәжібаев сөйлеген.

Ал конференцияны Қ. Жандарбеков басқарған. Осындай мәртебелі жиынға себепкер пьесаға тілек, пікір білдірушілер көп болғандықтан, айтылған сөздердің бәрі бірдей газет бетінде басылмады.

“Лениншіл жастың” 1959 жылғы 12 сәуірдегі санының толық бір беті “Бөлтірік бөрік астында” және “Лениншіл жастың” театр көрушілер конференциясы” деген айдармен жарық көріп, онда Ә. Тәжібаевтың, Б. Құндақбаевтың, Ә. Нарымбетовтің, Ш. Уәлихановтың және басқа да көрермендердің жылы лебіздері іріктеліп жарияланған.

М. Әуезов “Бұл күлкіге дән ырзамыз” атты ой-толғанысында жас драматург Қ. Мұхамеджанов пен режиссер Ә. Мәмбетовке сәттілік тілеген. Бұл ақжолтай мақала газеттің арнаулы бетінде Ә. Тәжібаевтың қорытынды сөзімен қатар берілген. Жазушы конференцияға тікелей қатысып отырмағанымен, газеттің түсініктемесінде айтылғандай, “өз пікірін редакцияға жазып берген” сияқты. Бұған мақаланың жинақы және қысқа болса да негізгі талдауларын толық қамтыған жазушының жазба стилі дәлел.

Аталған мақаланың қолжазба нұсқасы сақталмаған және бұдан кейін еш жерде жарияланбаған. Жазушының академиялық толық жинағының 49-томына “Лениншіл жастағы” (1959 ж. 12 сәуір) жарияланымы өзгеріссіз тұңғыш рет ұсынылып отыр.

Е. Қаныкейұлы

“Стенограмма Пленума Союза советских писателей Казахстана 30 ноября 1949 года”

Қазақ совет Жазушылар одағының IV пленумы 1949 жылы 30 қарашада Алматыда өтті. Пленум М. Әуезовтің кіріспе сөзімен ашылды. Сөздің стенограммалық мәтіні ҚР Мемлекеттік мұрағатында сақталған (1778-тізім, 538-іс, 49-бума, 318-б.).

М. Әуезов өзінің мұқият дайындалған сөзінде қазақ совет әдебиетінің жетістіктері жайында жан-жақты баяндап, 1949 жылы 10–19 мамырда Мәскеуде өткен қазақ әдебиеті мен өнері декадасының нәтижелері туралы айтып берді. Пленумның көтерген негізгі мәселесі “Қазақ совет әдебиетіндегі сынның жайы мен міндеттері” тақырыбында болғандықтан (бұл мәселе жайындағы негізгі баяндаманы С. Мұқанов жасаған), М. Әуезов те кіріспе сөзінде осыған қатысты соңғы партиялық құжаттар мен Ждановтың баяндамасына тоқталды. 1947 жылы қаңтарда шыққан БКП(б) Орталық Комитетінің “Қазақ КСР Ғылым академиясының Тіл және әдебиет институтының жұмысындағы өрескел саяси қателер туралы” қаулысынан және Жазушылар одағының проза және драматургия секциясында (1947 ж. 15 желтоқсан) М. Әуезовтің “Абай” романын талдаған жиналыстағы С. Мұқановтың сөзінен кейін Әуезовке қарсы сындар күшейіп келе жатқан. Осындай жағдайда өзіне айтылған сындарға байланысты ресми сөз айту қажеттілігі туған болатын. М. Әуезов бұл сөзінде осы тұрғыда нақты, ғылыми тұжырымды ойларын жүйелі түрде айтып шыққан.

Р. Қайшыбаева

**“Стенограмма заседания Ученого совета
Института языка и литературы Академии наук
Казахской ССР 9 ноября 1951 г.”**

1951 жылы тамыздың 21 күні Қазақ КСР Ғылым академиясының президенті Қ.И. Сәтбаевтың басқаруымен Академияның кезекті жалпы жиналысы болады. Онда қаралған негізгі мәселе Қазақстан Орталық партия Комитеті бюросының 1957 жылы 10 сәуірдегі қабылдаған қаулысына сәйкес және “Правда” газетіндегі “За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана” атты мақалада көтерілген мәселелерге байланысты көп томдық “Қазақ әдебиетінің тарихын” дайындау жайы талқыланып, жұмыс барысына жетекшілік ету Мұхтар Әуезовке тапсырылады. 1951 жылы 19 қыркүйекте Тіл және әдебиет институтының кеңейтілген Ғылыми кеңесінде “Қазақ әдебиетінің тарихының” бірінші томының жазылу барысы талқыланып, томның проспектісін қайта қарап, толықтыруды М. Әуезов бастаған Н.С. Смирнова, М.С. Сильченко, М. Ғабдуллин, С. Нұрышов тәрізді ғалымдарға тапсыру жөнінде қаулы (№ 27 хаттама) қабылданады.

Осы жылдың 9 қарашасындағы кеңейтілген Ғылыми кеңестің № 28 хаттамасындағы мәліметтер бойынша, “Қазақ әдебиетінің тарихының” бірінші томы талқыланып, баяндаманы филология ғылымдарының докторы Н.С. Смирнова жасаған.

Біздің бұл томға дайындаған материалымыз осы жиылыста сөйлеген сөздердің стенограммадағы көшірмесі бойынша толық жіберіліп отыр. Стенограмма мәтіні Республикалық Ғылым академиясының мұрағат қорынан (80-қор, 7-тізбе, 74-іс, 7, 3–4, 5–8, 10–11-п.) алынып берілді.

1. 29-б. **Смирнова Нина Сергеевна** (29. 6. 1908, қазіргі Ульянов облысы, Дмитровград қаласы – 5. 2. 1978, Алматы қаласы) – әдебиет зерттеушісі, филология ғылымдарының докторы (1951), профессор (1953), Қазақ КСР ҒА-ның корреспондент мүшесі (1956). Қазақ фольклористика ғылымының әртүрлі

салалары – қазақ ауыз әдебиетінің жанрлары, фольклор мен жазба әдебиетінің байланысы, қазақ фольклористикасының тарихына арналған “Қазақ әдебиетінің тарихы” (1968. 1-т.), “Қазақ фольклористикасы” (1972), т. б. еңбектерді шығаруға қатынасқан.

С. Майлыбай

“Я имел удовольствие в текущем году побывать в Соединенных Штатах Америки... (1960 г.)”

М. Әуезов мұрағатындағы қолжазбалар қорында (219-бума, 17–18-бб.) сақталған мәтін. Сөз машинкадағы теріммен бір жарым бетті құрайды. Соңына автор аты-жөнін және уақыт мөлшерін “1960 г., май” деп көрсеткен.

Қолжазба тексерілген. Мәселен 1-абзацтағы “...с нашими колхозниками – полеводцами” деген сөз бастапқыда үтір арқылы жазылған да, ол түзетілген. Осы абзацтағы “...в столице моей родной республики...” деген жолдардағы соңғы сөздің аякқы әрпі “а”-дан “и”-ға өзгертілген. “...так и на местах...” деген фразадан кейін үтір қойылған. “...как мирное творческое созидаение ума...” деген тіркестегі “созиданиенің” алғашқы “и” әрпі бұрынғыны өшіру арқылы айқын етіп қосылған. Осыдан кейін келетін бірынғай сөйлем мүшесі “...познания, умения людей, народов нашего века бескорыстно одобряется народами всего мира...” іспетті оралымда “людейден” соң үтір көрсетілген (қолмен), “умения” сөзі бастапқы екі әріптен кейін жөн қалпына келтірілген.

Үтір түріндегі біраз пунктуация қателері ережеге сәйкестендіріледі. Ал осы ұзақ абзацтың соңғы жолындағы “...принципы общечеловеческого оптимизма, гуманизма...” тіркесіндегі “общечеловеческого” ұғымы “общественного” деген мағынасы біршама бөлек сөзден өзгертіліп, жөнделген.

Мәтінде “Америка әсерлеріне” қатысты ойлар, шағын ұлттар әдебиетінің ірі мемлекеттер тіліне аударылмай жатуына реніш сезімі қамтылған.

Б. Майтанов

**“Выступление казахского писателя лауреата
Ленинской премии Ауэзова Мухтара
(Дели, здание Вишай Бхаван, 1961 г. 24 марта)”**

Жазушының Индияға сапары кезіндегі бір мәртебелі жиында сөйлеген сөзі. Қаламгер мұрағатындағы 219 бумада, 13–14-беттер ретімен сақталған. Мәтін машинкаға терілген. Бұл – үстінен өңдеу жүргізілмеген нұсқа.

М. Әуезов үнді әдебиетінің әйгілі классигін халық неге ұнататынын, оның шығармашылық мәнін ашып сөйлеуге ұмтылады. Р. Тагор есімінің халықаралық көлемде танылу сырын түйіп айтады. Аударма, тіл мәселелерін қозғайды. Ұлттық өнердің жалпыадамзаттық биікке көтерілу себептерін Р. Тагор мысалында оның бойындағы ұлық қасиеттермен байланыстырады.

Б. Майтанов

“Әуезовтің сөзі”

Жиындағы баяндамашылардың өз шығармаларына қатысты айтқан сындарын қабыл алатындығын білдіріп, әсіресе Мұрат, Бұхар, Шортанбайлар тұрғысынан айтылған жайттардан қатты сескеніп, арыла, ақтала сөйлеген жазушының бұл сөзі ҚР Орталық мемлекеттік мұрағатында (1788-қор, 2-тізбе, 9-іс, 60–72-бб.) сақталып қалған. Машинада таза терілген, жалпы көлемі 12 бет болатын “Әуезовтің сөзі” еш жерде жарық көрмеген және қолжазбасы сақталмаған.

Ауызекі айтылған бұл сөздің өн бойынан жазушының сөз қолданысы, негізгі стилі, талқыға түсіп отырған басты мәселелер анық болғанымен, қандай жиында, әрі кімнің баяндамасына байланысты қашан және қай жерде сөйленгені белгісіз. Аталған сөз стилі жағынан да, көтеріліп жатқан тақырыптарды жүйелі баяндау тұрғысынан да ала-құла және шашыраңқылау болып шыққан. Алайда сөйленген сөздің ішінде “Қобыланды” (1943), “Бекет” (1939) пен “Абай” (1940) пьесаларының аталуына, сондай-ақ “Шаяхметов жолдас баяндамасында бес нәрсені атап кетті: “Қыз Жібек”, “Ақан сері”, “Қозы Көрпеш”, “Ер Тарғын” қайта қаралсын деп” дейтін сөйлемдерге қарап, “Әуезовтің сөзі” шамамен елуінші жылдардың алғашқы жылдарында айтылып, стенографияланған деуге болады. Өйткені мұнда 1947, 1950–1953 жылдардағы кейбір жолдастардың (С. Бәйішев, С. Нұрышев, Ж. Шаяхметов, М. Балақаев, Ғ. Мұсабаев, т.б.) өзіне айтылған сындары мен пікірлерін мойындай, ескере сөйлеген ыңғай байқалады. Және Ж. Шаяхметовтың аталған ескертпелері жайында 1953 жылы 13 сәуірдегі қазақ эпосына қатысты баяндамасында да тоқталып өткен.

Бұл сөз жазушы шығармаларының академиялық толық жинағының 49-томына ешбір өңдеусіз, аталған нұсқа бойынша сол қалпында тұңғыш рет ұсынылып отыр.

Е. Қаныкейұлы

“В приемную комиссию Союза писателей СССР”

М. Әуезов кеңестік кезеңдегі ұлттар әдебиетінің көрнекті өкілі ретінде КСРО Жазушылар одағының қызметіне кеңінен араласып, пікір білдіріп отырды. Түрлі пленумдар мен съездерде, одақтық әдебиет мәселелерін талқылаған маңызды жиындарда сөз сөйледі. Осы жиындар кезінде, ғылыми ізденістер, зерттеу мақалалар жазу үстінде басқа ұлттар әдебиеті мен мәдениетіндегі жаңалықтарға назар аударып, қазақ әдебиетіндегі өзгерістерді жұртшылық назарына ұсына білді. Осы бағытта сол кездегі қазақ әдебиетінің ірі өкілдерімен коса, туысқан елдер әдебиетінің көрнекті жазушыларының еңбектері жайлы көптеген әдеби сын зерттеу мақалалар жазып, олар жайлы оқырманға таныстырғаны мәлім. Осындай тығыз қарым-қатынас нәтижесінде басқа елдерден шыққан көрнекті зерттеуші ғалымдар мен жазушылар қазақ әдебиетінің жақын досына айналды. Олардың көпшілігі М. Әуезовпен әдебиет тарихы мәселелері жөнінде хат алысып тұрды. Сол арқылы қаламгер басқа халықтар әдебиетімен тығыз байланыстар жасай алды.

М. Әуезов кавказ әдебиетінің өкілі, әдебиет зерттеуші А.А. Петросянды осындай жан-жақты, тек өз елінің ғана емес, өзбек, түрікмен, қырғыз, қазақ әдебиетінің білгірі ретінде танып, кепілдемеде оған жоғары баға береді. КСРО Жазушылар одағының қабылдау комиссиясына арналған пікірде жазушы оны жан-жақты таныстыра отырып, мүшелікке алу жөнінде ұсыныс білдірген.

М. Әуезовтің ұсыныс пікірі елу томдық басылымға өзгеріссіз, қолжазба қорында сақталған нұсқа бойынша дайындалды.

К. Рахымжанов

“Отзыв о научной деятельности З.С. Кедринной”

Әдебиет зерттеуші ғалым З.С. Кедринаның ғылыми еңбектері жайлы пікірінде М. Әуезов оның Одақ көлеміне белгілі еңбектерін, Қазақ КСР Ғылым академиясында қорғаған диссертациялық еңбегін атай келіп, осы қызметі үшін кезекті аға ғылыми қызметкер дәрежесін беруге лайық екенін айтып, ұсыныс білдірген.

Кеңестік әдебиет сыншысы, ғалым, аудармашы З.С. Кедрина кейін «Октябрь», «Новый мир» журналдары мен «Литературная газета» редакциясында, Мәскеу мемлекеттік университетінде қызмет етті. 1957 жылдан КСРО Ғылым академиясының М. Горький атындағы дүниежүзілік әдебиет институтының аға ғылыми қызметкері болды. Оның қатысуымен қазақ, өзбек, әзірбайжан, татар, қырғыз әдебиеттерінің тарихы, көп томдық «Көп ұлтты совет әдебиетінің тарихы» (4 т.) орысша басылып шықты.

З. Кедрина әдеби қызметін 20-жылдары бастаған. Кузнецк металлургия зауыдының салынуы жайлы очерктер, өлеңдер жазып бастырды. Қазақстанға 1931 жылдары келіп, А. Пушкин атындағы мемлекеттік көпшілік кітапханада қызмет істеді. Осы кезде М. Әуезов, І. Жансүгіров, т.б. жазушылардың еңбектерімен танысып, алғашқы аударма, ғылыми еңбектерін шығарды. М. Әуезовтің орыс тіліндегі 5 томдық таңдамалы жинағын, «Өскен өркен» романын бастыруға атсалысып, әдеби байланыстардың дамуына үлес қосты.

М. Әуезов пікірінде З. Кедринаның алғашқы кездегі ғылыми еңбектерін көрсетіп, жоғары баға берді. Пікір елу томдық басылымға машинкада терілген нұсқасы бойынша өзгеріссіз берілді.

К. Рахымжанов

“Отзыв на книгу И. Каракулова “У индийских друзей”

Совет-индия мәдени қоғамы бірлестігінің ұйғарымымен 1959 жылы 7 қарашада академик Н.В. Цицин басқарған үнді еліне сапар шегетін делегацияның тізіміне медицина ғылымдарының докторы, академик Ишанбай Қарақұлов дәрігер ретінде ендіріледі.

Бұл делегация 1960 жылы наурызда үнді елінің астанасы Делиде болып, денсаулық мәселесіне байланысты жер-жерде өткізілген бірнеше ғылыми конференцияларға қатынасады. И. Қарақұловтың жол сапары кезінде алған әсері, көрген, сезген жайлары жайынан мағлұмат беретін, естелік типте жазылған кітабының қолжазбасына үнді елінің мәдениеті, табиғаты, салт-дәстүрімен етене таныс М. Әуезов пікір айтқан. Пікір 1961 жылы қаңтардың 10-ы күні жазылған

Қолжазба 1962 жылы Қазақ мемлекеттік баспасынан 222 бет көлемінде “У индийских друзей” деген атпен кітап болып басылып шықты.

Бұл томға кітаптың 7-бетіндегі жазушының шағын пікірі толық жіберіліп отыр.

С. Майлыбай

Студенттердің дипломдық жұмыстары туралы пікірлер

Мұхтар Әуезовтің ұстаздығы оқытушылар семинариясының шәкірті болып жүрген кездің өзінде-ақ, оның жазушылығы мен драматургтығы, ғалымдығы мен аудармашылығынан бұрын басталды. Семинария оқушысы болып жүргенде, 1916 жылы Шаған болысында мектеп ашып, болашақ эпопеяның ең әсерлі, ең көркем кейіпкерлерінің бірі Тоғжанның үйінде тұрып, бір жылдай бала оқытты. Келесі жылында оқуын қайта жалғастырғанда “Қазақ тілі” (сонынан “Семей таңы”) газеті мен “Абай” (редакторы), “Шолпан”, “Сана” журналдарын шығарысады, Ленинград университетінің студенті бола жүріп, Ташкен мен Семейдегі техникумдарда ұстаздық қызметін қоса атқарады. Ол семинария, техникумда оқыған жылдарында үлкен білімпаздар айтатын ойды айта да, жаза да білді. Осы кезде жазғандарында ол ғылым мен философияның, халық әдебиеті мен ағарту ісінің, ғылым тілінің, кәсіптік шаруашылықтың мәселелерін қамтыды. Көпшіліктің елдікке, тәуелсіздікке ұмтылысын, оқығандардың істерін үлгі ете ой қозғады.

Студент деген аты ғана. Өйткені бұл кездегі білімі мен дүниетанымына карағанда, университет сатысынан өтіп қойғандай еді. Университетте бірге оқыған Ираклий Андроников жаңадан қабылданған шәкірттер үшін жүздеген әдебиеттер көрсетілген тізімнен М. Әуезовтің үш-төртеуін ғана жазып алғанын көреді. Жапа-тармағай көшіріп жатқандардың қасында бұл мүлде окшау мінез, әрекет болып көрінеді. Сонынан оқылған лекциялардың бәріне бірдей қатыса бермейтіні байқалды. Тыңдайтындары Малов, Бартольд, Эйхенбаум, Марр, Пропп, Карский сияқты академиктер. Студент атанып жүруінің себебі, біріншіден, жоғары білім алғандығын растайтын куәлік үшін, екіншіден, мақсат ұстанымын бетке басар іліп-қақпайдан қашып, осында жүре тұруды ойлағандықтан сияқты. Ең жақсысы, бұл ілім-білімге мейлінше терендеп көңіл аударуына мүмкіндік туғызған кезең болды. Ұстаздығын Орта

Азия университетінің аспиранты болып жүргенде, отызыншы жылдардың басында Қазақ малдәрігерлік институтында, Абай атындағы педагогикалық институтында, одан кейін Қазақ мемлекеттік университетінде өмірінің соңына дейін жалғастырумен болды. Екі жылдық және сырттан оқитын бөлімдеріне қазақ, орыс тілдерінде сабақ берді. Елуінші жылдардың бас кезінде Мәскеу университетінде де шәкірттер тәрбиелеуге атсалысты.

Көп жағдайда оның шәкірттер алдында емін-еркін сөйлеп, толғаныс, көсілістерге бара беруіне мүмкіндігі болмады. Өйткені әрбір іс-әрекеттерінен қателікті ғана іздейтін жүйе сондай халге түсірді. Оның ұстаздығы тек жоғарғы оқу орындарымен шектелмеді. Қазақтың өнер адамдарына оқыған лекциялары да өз алдына бір университеттей болды. Олардың көпшілігі Әуезов университетінен өтті. Әуезовтің дәрістері олар үшін бәрінен де терең, бәрінен де мағыналы, мәнді болып көрінді. “Театр – менің лабораториям, бейнелерді микроскоппен көріп отырғандай боламын” дейтін ол бір институттың салмағындай міндет атқарды. Шын ұстаздық ұлан-ғайыр білім-біліктіліктен өзек алады, оның орнын ешнәрсе толтыра алмайды. Көне дәуірдің Сократ, Платон, Аристотельдері білгендері мен білімдерін алдымен шәкірттер көкірегіне орнықтырды. Бұл ретте М. Әуезов өзінің толғаныстарын қазақтың шешен билерінің сөз оралымдарымен, Еуропа мен Шығыстың арғы-бергі замандардағы сөйлеу үлгілерімен байланыстырды, сонда ғана сөз бен ойдың қайталанбас үйлестігі туатынын ұғынды; бірін-бірі қайталамайтын, біріне-бірі ұқсамайтын ой мен сөз кестесінің өрнек-өрімін таптыру, оған жана мазмұн, жаңа сипат, жаңа қасиет дарыту білімдінің білімділерінен ғана табылады. Ол замандарды ойласа, гректегі Георгий, Исократ, Фрасимах, Фемистокл, Перикл, Демосфендер, Римнің Квантилиан, Тацит, Цицерондары есіне түседі. Өзімізге жақын ислам әлемін алса, оның алғашқы дәуірлеріндегі Әли Ахнаф Ибн Кайс, Әли Ибн Әбуталиб, Зия Ибн Забихтардың шешендік үлгілері қазақ билерінің толғаныстарына көп жақын келетінін көрді. Пайғамбарымыз (ғ.с.) хазіреті Расул Мұхаммед те исламның ескі үлгімен емес, жаңа ой, жаңа толғаныс, жаңа сөз оралымдарымен насихатталуын жөн көрген. Осы тұстағы ақ өлеңнің пайда болуы сол ойдың жүзеге асуына және арабтардағы шешендіктің қатты дамуына серпін береді. Егер осы тұрғыдан келсе, ХІХ ғасырда Еуропада Уильям Гладстон, Роберт Блюм, Пьер Берье, Распайль Анри Дюфур, Генри Пальмерстондар да осы саланың көңіл аударатын ірі тұлғалары. “Егер ертең Польмерстон қаза тапса, онда бүкіл Англия жеңіліс тапты дей бер”

деген сөз қалған. Ресейде сот ісінде Плевако, Кони, Урусовтар сөз бен ойда шеберлік пен шешендік танытты. Осылардың ішіндегі А. Конидың сөздері Лев Толстойдың да назарын аударды. Т.А. Грановский, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский лекциялары қайталанбастығымен тарихта қалды. Философ, дін ісінің асқан білгірі Вивекананда батыс пен шығысқа бірдей танылды. Американдық ғалым Генри Райт “Біздің профессорлардың барлығын қосқанда оның білімділігі әлдеқайда асып түсіп жатады” дейтін.

“Шешендік – ұдайы шындалып, жетілдіріліп отыруды қажет етеді, әйтпесе тот басады, қартаяды, қуаттылығы солғындайды. Бір мезгіл, бір дәуірде қолбасылар немесе басқа маман иелерінің небір көрнекті өкілдері қаулап шыға алады, ал нағыз шешендер ғасырларда ғана туады, себебі нағыз шешен солар білетіннің барлығын білуі, бойына жинақтауы, сіңіруі тиіс, сонда ғана болып жатқан жағдайға ықпал етіп, тегершікті қалаған жағына айналдыра алады”, – дейді Цицерон. М. Әуезовті Мәскеу университетінің шәкірттері алғашында салқын қабылдайды. Ол шын тұлпардың шабысын біртіндеп көрсетеді, келе-келе дәріс қызығына берілгені сонша, мөлшерлі уақыт өтіп бара жатса да, шәкірттер қыбыр еткілері келмейді. Осындай сәтке кезіккен академик Виноградов өз кезегін Әуезовке беріп, студенттермен бірге отырып дәріс тындайды, онда кенересінен асып төгілгендей ғажап бір молдықтың тасқыны ақтарылады. Ұлттық намысы қандай дүлейінді орап алар көл-көсірлікке барғыздырды. Осында қарақалпақ, түрікмен, тәжік, татар, өзбек, башқұрт, армян сияқты ұлттардың жастары өздерінің құрметі мен ықыластарының қаншалықты деңгейде екенін көрсетті. К. Иманалиев, Ж. Таштемиров, З. Мамытбеков, Т. Суванбеков, М. Нұрмұхамедов, Х. Османов, Ғ. Абсалямова, Тақташ сияқты көптеген жастар Әуезовті өздеріне жетекші етуге тырысты. Мұрағатында отызыншы жылдардың екінші жартысынан бастап кімдерді оқытты, қай кезде зачет немесе емтихан қабылдады, курс, тәжірибе сабақтарын жүргізді – көпшілігі бар. Сондағы оқыған лекциялары фольклор мен әдебиет, абайтану мен туысқан халықтар әдебиеті, орыс тілі мен әдебиеті, философия жөнінде болды. Алдынан өткен шәкірттеріне философ, психолог суреткердің көзімен қарады, әрбір қимыл-қозғалыс, жүріс-тұрыс ерекшеліктерінен, сөйлеу мәнерлерінен өзіндік ой, түйін түйеді, мінез, характерлерін таниды, білетін-білмейтіндерін өң-пішіндеріндегі құбылыстарынан таныды, әсіресе өздеріне сенімді қыздар сөйлегенде аса сұлуланып кететіндерінен көрді. Ұқыпты, білімге құмар жастарды өзіне жақын тартты. Атақ-даңқының әсері ме, әйтеуір алдынан

өткен шәкірттердің көпшілігі жоғары, өте жоғары бағалар алып жүрді, орташалары аз.

Алғашқы ұстаздық құрған жылдардан бастап, алдынан өткен шәкірттердің барлығының аты-жөндері қойын дәптерінен орын алды, жай орын алып қана қоймай, сынынан, сүзгісінен өтіп, әртүрлі белгі-сызуларға ие болды. Ондай белгілерде болашағы болжанғандығы көрінеді, солардың көпшілігі ойлағанындай болып шыққан. А. Нұрқатов, М. Базарбаев, Б. Сахариев, К. Аханов, К. Қазыбаев, Ж. Смағұлов, М. Дүйсенов, Т. Жанұзақов, З. Қабдолов, З. Ахметов, С. Омарбеков, Ә. Болғанбаев, С. Жүнісов сияқтыларға ең жоғары бағадан кейін плюс белгісін, С. Ордалиев, М. Томанов, Б. Уахатов, А. Байтанаев, Б. Ысқаков, Ә. Дүйсенбиев, А. Дәулетова, Т. Кәкішев, С. Шаймерденов, Т. Молдағалиев, К. Ысқаков, С. Садырбаев, М. Мағауин, А. Шамкенов, Ә. Жұмабаев, Р. Рүстембекова, Ш. Сәтбаеваларға таза бестік баға қойыпты. Тағы да біраз белгілерінің нендей мақсатты білдіретінін нақтылап, болжап айту қиын. Егер соңынан плюспен белгілесе, онысы бестен де артық біледі деп риза болғандағысы. Белгілі ғалым, акын-жазушылардың ішінен Н. Шакенов пен Ш. Сарыбаев алғашында орта баға алғандардың қатарынан көрінеді. Келесі сынақта бұл олқылықты тез түзеп, өте жоғары деген бағаға ие болды.

Ол көптеген студенттердің оқу бітірердегі дипломдық жұмыстарына жетекшілік етті. Солардың ішінде Есбаев Құлмағамбеттің “Абай поэзиясының халықтығы жайлы” (495-бума), Ғазизова Гүлжиханның “Илияс Жансүгіровтың “Құлагер” поэмасы» (369-бума), Рахымжанов Төлегеннің “Жұлдыз” журналындағы сын” (495-бума), Құмарова Шәрбанудың “Образ және образдылық” дейтін жұмыстарына төрелік жасады.

Шәкірттермен етене араласудың бір жолы — тәжірибе сабақтарын өткізу. Бұл ретте М. Әуезов тақырыптар беріп, реферат жаздырады. Жасаған баяндамаларын, жарыссөздегі пікірлерін тыңдайды. Шәкірттердің талқысына салады, осындай жолмен баяндаманың да, пікір білдірушінің де білім деңгейін анықтайды.

“Абай шығармаларының ерекшеліктері” деген тақырып бойынша сөз алған Мұхтар Мағауинге — 5, “Абай — Лермонтов” тақырыбында баяндама жасаған Несіп Ахметоваға — 5, “Крылов аудармасы” жөнінде сөйлеген Ибрагимова Шараға — 4, “Жастарға арналған өлеңдер” туралы баяндаған Нәбианова Күләшқа — 4 бағасын қойған. 1958 жылдың 3 желтоқсанындағы тәжірибе сабағында Қабиболла Сыдықовтың “Абайдың акын

және ақындық туралы ойлары” деген рефератын “беске” бағалайды. Оппонент ретінде сөйлеген Қосанов Әнуарбек туралы “Бес-алты өлең айналасына үйістірген, қайшылық сөзі болды. Пушкин, Лермонтовты аз айтты, сөйлемі ұзақ, қиындау” десе, Шегебаев Сәбиттің жұмысын “Баяндама тілі жаман емес, ақын туралы ойы көмескі, тақырып үлкен”, Әуелбеков Шәріптің баяндамасын “Жаман жазылмаған, қамтылмаған жерлер бар, өлеңдегі шеберлік аталу керек еді” деп бағалайды. Сонда алдыңғы екеуінің сөздеріне – 4, соңғысына – 5 қояды және “Цитата ұзағырақ”, “Өзгеге көңілімді” жақсы пайдаланған” дегенді жазады. Бұдан кейін Нұрқанов Жараспайдың “Абайдың пейзажы” деген баяндамасы жөнінде тағы да сөйлеген Сәбиттің сөзін жоғары бағалап, “Төселген, көсіліп сөйледі” дейді. Қорытындысында шәкірттерінің беталысы мен таным-деңгейлерінің өскендігіне ризалық білдіреді, олардың әдебиет сыны мен әдебиет ғылымына араласуына мүмкіндіктерінің барлығына тоқталады. Ұстаз үшін де, шәкірт үшін де сын болып көрінетін мұндай шаралар өзінің осындай нәтижелілігімен қуантты, үміттерін оятып, әлдебір күштің тылсым қуаты жігерлерін қамшылағандай болды.

“Шәкіртсіз ғалым тұл” деген белгілі қағиданы ешқашан жадынан шығарған емес, ретті жерінде көркем шығармаларына жол таптыруға тырысты. Өзі сияқты эпопеясында да ақынға шәкірттеріне тақырып бергіздірді. Басына іс түскен қиын жылдарда шыр-пыры шығып, жанын беруге дайын шәкірттері мен сыр білдіргендердің болғанын ұмыта алмайды. Өз басы, өз жан-дүниесінің небір иірімді сәттері романдағы ақын толғанысына, мұң-шеріне ауысты. Онда ақынды табиғаттың катал қысымына, барлық ыстық-суығына шыдаған ана қыран сияқты етіп көрсетті. Ол баулыған шәкірттер көк қанат емес, буыны бекіген, дауыл мен жауын-шашын, боран-оқпанға қарсы ұшатын жас қырандар. Бұлардың алдында өзін ақпанның қақап тұрған аязында жұмыртқасын биік шындарға салған ұябасар сияқты сезінеді. Аман қалып, қыс аязын бастарынан өткерген балапан кейінгі мамыражай күнді шаттықпен қарсы алады. Өзі болса шәкірттерінен осы балапандардың төзімділігін көргісі келеді, сондағы жетпегенінен жеткендерінің көп болғанына қуанады.

Ұстаздығы да, шығармашылығы сияқты, кең әлемге айналды, оған үнілу өзіндік бір өріс, өрлерге бастайды. Өмірі мен шығармашылығы, ойшылдығы, қайраткерлігі, ұстаздық саладағы ұлылығы биіктерден көрінер шексіз бір әлем, дүние болып қала берді.

Т. Әкім

“У подножья Текше (1922 г.)”

Бұл шығарма “Текшенің бауырында” атты әңгіменің орыс тіліне жолма-жол аудармасы. Бұрын еш жерде жарияланбаған күйі Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер архивінде (ф. 613, оп. 1, ед. хран. 5434, л. 44.) сақталған. Әңгіме қазақ тілінде “Қыр әңгімелері” деген атпен 1923 жылы “Шолпан” журналының 6–7-сандарында жарияланғаны белгілі. Шығарманың аударылу мерзімі соңғы бетінде “1922 ж.” деп көрсетілуіне қарағанда, қазақ тіліндегі нұсқасы жазылып бітісімен, бірден орыс тіліне аударылған деуге болады.

Аударманы қазақ тіліндегі нұсқамен салыстырып қарағанда, қаламгердің оған көп өзгешеліктер енгізбей, түпнұсқадағы оқиға желісін сақтай отырып, айтайын деген негізгі ойларын көркем етіп жеткізе білгенін көруге болады. Әңгіменің бас жағында бірнеше адам қалаға салт атпен келе жатады. Олар бірнеше жолаушы – үлкені Сүлеймен, Қали, екі оқушы және атқосшы Бейсенбай. Күндіз бірталай жол жүріп, күн кешкіре бір шағын ауылда демалып, түнгі салқынмен жолаушылар жолды өндірмек болып сапарға одан ары аттанады. Түнгі ұзақ жолды қысқартпақ болып осы кезде Сүлеймен өзінің жастық шақта басынан кешкен қызықты әңгімесін бастайды. Негізгі оқиға желісіне кіріспе сияқты болып тұрған осы бірер бет беташар суреттерді қаламгер аударған кезде, белгісіз себептермен қалдырап кеткен. Аударма бірден түнгі жол үстіндегі жолаушылардың табиғат аясында келе жатуынан басталады. “Кештен бергі отта тынығып, белі көтеріліп қалған аттар, түнгі жүріске өте көңілді сияқтанды” – деген жерден бастап, оқиға сюжеті әңгіме аяғына дейін көркемдік талапқа сай аударылып берілген.

Жоғарыда атап өткен сөйлемнен кейін түнгі өлке бойын суреттейтін шағын пейзаж берілмеген. Бұдан кейінгі сөйлемдер бұрынғы мазмұн бойынша өзгеріссіз сол қалпы жалғаса береді. Қысқарған пейзаж мазмұны төмендегідей:

“Бүгінгі түн жарық, айлы. Қалғып қана тыныс алған майда түн еді. Көңілге әлдеқайда: тоғайлы, ұйқылы, маужыраған сайда күбірлеп сөйлеп, сұлдер құрып, үзіліп тұрған көздерді еске түсіргендей еді. Түн сондайлық өзгеше демалыстың, жанды сағаттың түні еді-ау! Шіркін, құрбының сондағы тілі тәтті еді-ау! — деген әлсіз арман ойға леп-леп ұрады” — деп суреттеледі.

Көркем әңгімедегі табиғат суреттері, кейіпкер әрекетіндегі ішкі көңіл күй иірімдері, адамдардың қарым-қатынасы мен сөз сөйлеу мәнері, көшпелі тұрмысқа тән ұлттық салт-дәстүр ерекшеліктері орыс тіліне өз бояуын жоғалтпай, барынша шынайы күйінде жеткізілген. Аударма соңында орыс тілді оқырманның ұлттық таным ерекшеліктері ескеріліп, Текше, насыбай, бәйгеторы, қапта-қапта, бас көзді, шокпар, кәпір, екінді, ақшам, тымақ, айбалта, нөкер деген сияқты сөздерге қысқаша түсіндірме берілген.

Аударма М. Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық жинағына машинкаға басылған нұсқасы бойынша теріліп, ешбір өзгеріссіз сол күйінде берілді.

К. Рахымжанов

“Жамиля (1923 г.)”

М. Әуезовтің “Кім кінәлі” әңгімесінің авторлық аудармасы. Әңгіме мәтінін М. Әуезов қоры Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатынан алдырды (ф. 613, оп. 1, ед. хран. 5434, л. 29). Әңгімеге 1923 жыл датасы қойылған. М. Әуезовтің 20-жылдардағы әңгімелері туралы әдебиеттануда казак әдебиетінің бірегей құбылысы деген баға қалыптасқан. Бұл тақырыпта М. Әдібаев “М.О. Әуезовтің жиырмасыншы жылдардағы повестері мен әңгімелерінің поэтикасы” атты диссертация қорғады.

М. Әуезов “Жамиля” әңгімесін қазақша нұсқадағы мотивтер мен сюжеттік желісін сақтай отырып аударған. Бас кейіпкер Ғазизаның атын Жәмилә деп өзгерткен. “Кім кінәлі” әңгімесінің мәтіні мен ғылыми түсініктемесі М. Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық басылымының 2-томында берілді.

Жәмилә атты кейіпкер М. Әуезовтің “Оқыған азамат”, “Сөніп-жану”, т.б. да шығармаларында кездеседі. М. Әуезов 20-жылдардағы әңгімелерінің шығармашылық тарихы жайында “Мен 1922 жылдың күзінде Ташкенттегі Орта Азия мемлекеттік университетіне еркін тыңдаушы болып орналастым. Сол кезде “Шолпан” журналымен араласып, сонда ескі казак аулының жиіркенішті әлеуметтік-тұрмыстық бейнесі жайында бірнеше әңгіме жарияладым” деп жазды. “Жәмилә” (“Кім кінәлі”) әңгімесі осы қатардан.

М. Әуезов шығармаларының академиялық толық басылымының бұл томына әңгіме мәтінін Мәскеудегі Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатынан алдырылған нұсқа бойынша беріп отырмыз.

Р. Қайшыбаева

“Кровавая ночь”

Мұхтар Әуезовтің “Барымта” әңгімесінің орыс тіліндегі нұсқасы. Бұл нұсқа мәтінінің көшірмесін Мұхтар Әуезов қоры жазушының елу томдық академиялық толық шығармалар жинағының соңғы томдарына беру үшін Мәскеуден алдырды. Әңгіме көшірмесінің әр парағының екінші бетінде “Копия, Российский Государственный архив литературы и искусства, ф. № 613, опись № 1, ед. хран. № 5434, л. 202 (228), с подлинным верно: Директор РГАЛИ Т.М. Горяева” деген жазулы штамп қойылған.

А 4 пішімдегі қағазға машинкамен басылған мәтіннің бірінші бетінде шығарма тақырыбының үстінде “М. Ауэзов” деп жазылған. Машинкамен басылған 27 беттік әңгіме мәтінінің үстінен М. Әуезов өз қолымен қаламмен түзетулер жасаған. Барлық беттерде кездесетін түзетулер шығарма стилін өңдеу, сөздердің орнын ауыстыру, жеке сөздер мен сөз тіркестерін қосу, алып тастау түрінде болып келеді. Автор өз қолымен машинкадан кеткен орфографиялық, пунктуациялық қателерді жөндеген. Машинка басушы қолжазбаны танымағандықтан болар, ашық қалдырған жерлерге автор өз қолымен тиісті сөздерді кіргізген. Әңгіме мәтінінде кездесетін, басқа ұлт оқырмандарына түсініксіз болуы мүмкін сөздерге (түндік, керме, жұт, құрық, екінді, ұзынкұлақ, ақсарбас, төр, аттан, т.б.) беттің төменгі жағында түсіндірме берілген. Бұлардың біразы автордың қолымен жазылған.

Осыларға және бірінші бетте әңгіме тақырыбының үстінде “М. Әуезов” деп жазылуына қарағанда, бұл мәтін “Барымта” әңгімесінің М. Әуезовтің өзі жасаған аудармасы. Бұл жерде аударма деп айтудың өзі шартты. Орыс тілін еркін игерген М. Әуезовтің орыс тілінде жазған көптеген мақалалары, ғылыми жұмыстары, көркем шығармалары бар. Бұлардың тілі, көркемдік дәрежесі, мағынасы жазушының қазақ тілінде жазған шығармаларынан төмен емес. Осы себепті М. Әуезовтің өзі орыс тіліне аударды деп жүрген шығармаларын аударды дегеннен гөрі орыс тілінде жазды деген дұрыс болады. Бұлардың

қатарына М. Әуезовтің елу томдық академиялық толық шығармалар жинағының өткен томдарында сөзбе-сөз аударма деп берілген “Абай” трагедиясы, “Еңлік – Кебек” пьесасы, т. б. да шығармаларды жатқызуға болады. Әуезовтің Мәскеуде “Художественная литература” баспасынан шыққан бес томдық шығармалар жинағындағы әңгіме, повестер, пьесалар басқа аудармашылардың аударуында берілген. “Барымта” әңгімесі де осындай. В. Дудинцев пен Н. Гордееваның аударуында аталған бес томдықтың 1-томында (1973. 112–120-бб.) шыққан орысша нұсқаны Мәскеудегі Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағаты қорынан Әуезов қоры алдырған нұсқамен салыстырғанда, негізгі оқиға желісі, кейіпкерлер сақталғанмен, дәлме-дәл келетін бірде-бір сөйлем немесе абзац кездеспеді. Біз қарастырып отырған әңгіме мәтінінің Мәскеудегі мұрағат қорына автордың көзі тірісінде түскені анық. Оны мәтін үстінен автордың өз қолымен жасаған редакциялық жұмыстары дәлелдейді. Егер Дудинцев пен Гордеева “Барымта” әңгімесінің М. Әуезовтің өзі жасаған орысша мәтінін жолма-жол аударма ретінде пайдаланған болса, стильдік өзгерістер болғанмен, кейбір тіркестер, сөйлемдер сақталып қалар еді. Әсіресе сөйлем, абзац көлемдері көп өзгеріске ұшырай қоймас еді. Орыс тіліндегі екі мәтінде мұндай дәл келетін жерлер жоқтың қасы.

Осының мысалы ретінде әңгіменің қазақ, орыс тілдеріндегі нұсқаларының алғашқы абзацтарын салыстырып көрейік:

“Барымта. Жарық айлы түн еді. Аспан бұлтсыз ашық. Мың сан жұлдыз тұңғиықтанған түн аспанында алыстағы оттай таласып жылтылдап тұр. Июль жұлдызының аяғы болғандықтан, жайлаудағы шеткі қоныстарға өрістеп барған ел енді күзекке таман қайта көшуге айналып, бір-бір қоныс кейін шегініп келіп отырған. Қайтадан елдің бес-алты аулы Кеңөзекке кешелер қонған болатын. Кеңөзек жайлаудағы шалқар қоныстың бірі еді. Бұның жері биік, кең төскей болатын. Терісаққанның елі жиылып көшкенде, кей кездерде Кеңөзекте он бес-жиырма ауылдай ел сыйып кететін қоныс бар еді. Қойнын ашып, төсін керген жалпақ шалғынды өзектің ортасында Кеңөзектің жіңішке суы ағатын. Бұл қоныстың өзге жайлаулардағы қоныстардың ішінде ең ерекше жері – жаздың қандай ыстық күні болса да, өзге жерден ерекше бір салқыны болатын. Солтүстіктегі биік таулардан асып келіп, үзіліп-үзіліп майысып соғып тұратын қоңыр салқын желі болушы еді. Өзектің айналасындағы төбелер ылғи жасыл шөпке оранып, мәңгі жастық түсінен айрылмайтын сияктанушы еді”.

Дудинцев пен Гордееваның аудармасы:

“Барымта. Тихая лунная ночь. С безоблачного светлого неба мигают тысячи далеких огней. Созвездия видны четко. Приметливый глаз тотчас угадывает — наступил август. Самая пора теперь перекочевывать с далеких пастбищ поближе к осенним становищам.

В урочище Кенозек еще два дня назад разбили юрты пять аулов. К концу перекочевки их скопится тут до двадцати. Очень уж хороши джайляу на Кенозеке. Долина просторна, до глубокой осени зеленеет сочными травами. Извилистая речка всегда полна свежей воды. А дышится здесь как! Воздух чистый, прохладный. Даже в самый знойный день веет горный ветерок, прилетает сюда с высоких ледников. Не вянет трава на холмах Кенозека. Так и кажется, навсегда останутся они свежими, юными”.

М. Әуезовтің өзі жасаған нұсқа:

“Кровавая ночь. Светила луна.

Тысячи звезд на бездонном небе мерцали как дальние огоньки в безбрежных степях.

Был конец июля и кочующие аулы с дальних урочищ — жайляу, уже возвращались к осенним выпасам.

Несколько таких аулов прикочевали вчера на широкий лог Кен-Озек — одно из лучших жайляу в этой местности.

Кен-Озек мог вместить добрых 20 аулов волости “Терис-Аккан”, когда ее многочисленные роды кочевали сразу густыми потоками стад и всадников. Посредине Кен-Озека, обильно поросшего сочной травой, протекала узкая речка. Здесь всегда — даже в самый жаркий летний день — царила приятная прохлада. С севера, из-за высоких гор, непрестанно доносилось влажное дыхание прерывистого ветерка. Окружающие холмы, одетые густой травой, никогда, казалось, не потеряют своей молодой зеленой свежести”.

Қазақша нұсқадағы “Жарық айлы түн еді” сөйлемі бес томдықта “Тихая лунная ночь”, М. Әуезовтің өзі орыс тілінде жазған нұсқада осы сөйлем “Светила луна” деп берілген. Дудинцев пен Гордеева аудармасы мұнда қазақша нұсқа мағынасына жақын. Әуезовтің мәтіні ықшам, айлы түннің суретін бергенмен, мұнда түн анықтауышы жоқ. “Июль жұлдызының аяғы болғандықтан...” деп келген мезгілдік хабар беретін сөйлемнің июль анықтауышының орнында бес томдықтағы нұсқада “Приметливый глаз тотчас угадывает — наступил август”, — деп оқиға мезгілін келесі айға жылжытқан. Әуезов нұсқасында “Был конец июля...” деп қазақша нұсқадағы мезгілді береді. Бұл келтірілген мысалдардың орысша екі нұсқасы да қазақша

нұсқадан көлемі аздау, ықшамдалып аударылған. Осы ықшамдап аудару үрдісі бес томдықта әңгіменің өн бойында сақталып, көлемі аздау болып шыққан. Қысқарта аудару көбіне табиғат суреттерін беретін, кейіпкерлерге қатысты баяндау, талдау тұстарына қатысты. Әңгіменің автордың өзі жасаған орысша нұсқасының көлемі қазақша нұсқасымен қарайлас. Мұнда табиғат, ауыл суреттерін беруде, образдар ашуға қатысты детальдарды мұқият беруде қазақша нұсқадан кейде көлемділеу тұстар да кездеседі. Дудинцев, Гордеева аудармасында некен-саяқ кездесетін кейбір дәл аударылмаған, еркіндеу кеткен жерлер Әуезовтің өз нұсқасында қазақша нұсқаға сәйкес.

М. Әуезовтің шығармалар жинақтарында “Барымта” атымен беріліп жүрген әңгімесі алғаш 1925 жылы “Таң” журналының 1-санында “Қанды түн” деген атпен шыққан. М. Әуезовтің өзі жасаған аударманың “Кровавая ночь” деп аталуы осыдан болу керек. 1936 жылы шыққан “Қараш-Қараш” жинағында және 1960 жылы шыққан осы аттас жинақта әңгіме мәтіні редакцияланған. Стильдік өзгерістер жасалып, кейінгі басылымдарда кою суретті, тәптіштеле баяндалған жерлер қысқартылып, баяндауында дәлдік, нақтылық жағына көңіл бөлгені байқалады. 1936 және кейінгі 1960 жылғы нұсқаларда ұлттық-этнографиялық сипаттарға қатысты суреттеулер, әңгіме кейіпкерлері Доспол, Айдарларға қатысты кең психологиялық талдаулар қысқартылған. Әңгіменің 1925 жылғы нұсқасында қазақы қақтығыстарды, ру араздығын, барымта, ұрлық табиғатын реалды көрсетіп, малшы, жылқышылар бейнесін, барымташы жігіттер образдарын нақты ашса, кейінгі жинақтарға кірген, 1960 жылғы нұсқада кенестік кезеңнің аздаған идеологиялық әсері байқалады.

Бес томдықтағы орысша нұсқада осы идеологиялық әсердің кей жерлерін тереңдете түскен мысалдары кездеседі. “Глаз не смыкает сын кедея – бережет байские табуны... Вот каков Калбагай, бедняцкий сын!.. Одна будет горевать – в белых байских юртах о ней не вспомнят” деген сөйлемдер, таптық жікті көрсететін сөздер қазақша әңгіме мәтінінде және М. Әуезовтің өзі жасаған орысша нұсқада жоқ.

М. Әуезовтің өзі жасаған орысша нұсқаның көлемді болуы, кейбір бөліктердің мол бояулы, күрделі суретті келуі, әңгіменің “Кровавая ночь” деп аталуы автордың бұл нұсқаны жасағанда, алғашқы, 1925 жылғы “Таң” журналында шыққан нұсқаға да сүйенгенін көрсетеді. Үш нұсқаның өзіндік ерекшеліктерін ашуға әңгіменің финалдық абзацы айқын мысал бола алады. Қазақша нұсқа:

“Жасканып атқан оқ дәл жүрегінен тиген Қалбағай да мылтықтың түтіні айыққанша ат үстінде жоқ болып, Қонақайдың қасына бүктетіліп түсті. Жоламан Қонақайдың аты мен боз айғырды іліп алып жүріп кетті. Одан әрі айналуға уақыт тығыз еді. Өйткені қуғыншы тобы шулап келіп қалып еді. Боз айғыр жау қолында кете барып, Қалбағай жоқ болған соң ұрысып жүрген жылқышының бәрі: “Ой, бауырым!” — салып, Қалбағайдың басына жиылып қалды... Жау кете барды. Кейінгі қуғыншы да Қалбағайдың басында шулап жылап, үйіліп қала берді.

Жарық айлы бүгінгі түн қаралы қанды түн болды. Өз намысы оянбаған екі бейбақ, асығы түгел әлдекімнің намысына итаршылық жасады да, жайрап түсті қос арыс!”

Дудинцев пен Гордееваның аудармасы:

“А Жоламан уже метит в лоб серого. Да мотнул тот головой, испугался. Пуля пролетала мимо и пробила грудь Калбагаю. Схватил Жоламан под уздцы обеих коней и прочь ускакал.

Бледнели звезды, гасла луна, уходила ночь. Возмутили ее покой люди, сделали мирную ночь кровавой. А зачем?

Вот лежат на сухой степной траве рядом два врага, два уснувших навек батыра. Раскинуты руки, недвижим взор. Что не поделили между собой эти два сына кедеев? Байский табун? Не переступят они порога своих ветхих юрт, не дождутся сегодня их матери. Много слез прольет Умсын — старая мать Калбагая. Одна будет горевать — в белых байских юртах о ней не вспомнят”.

М. Әуезовтің өзі жасаған нұсқа:

“Между тем, вражеская рука, испуганно нажавшая на спуск револьвера, сделала свое дело.

Пуля попала в самое сердце Халбагая. Когда дым выстрела рассеялся, — седло белого жеребца уже опустело. Безжизненное тело Халбагая упало, распластавшись поперек неподвижно лежавшего Ханахая.

Жоламан быстро намотал на ладонь поводья лошади Ханахая и белого Халбагаева жеребца и поскакал прочь.

Он дорожил каждой минутой. Преследователи, выехавшие из аулов, были уже совсем близко.

Табунщики, дравшиеся вместо с Халбагаем, горестно восклицая: “Ой, баурм!” собрались над его телом...

Топот вражеских коней смолк, поглощенный туманной дальюю.

Бледные лунные блики медленно скользили по мертвому лицу Халбагая...”

Бес томдықтағы нұсқада “...Қалбағай да мылтықтың түтіні айыққанша ат үстінде жоқ болып, Қонақайдың қасына бүктетіліп түсті” деген сөйлем жоқ.

Бұл жер М. Әуезов жасаған нұсқада “Когда дым выстрела рассеялся – седло белого жеребца уже опустело. Безжизненное тело Халбагая упало, распластавшись поперек неподвижно лежавшего Ханахая”, – деп дәл, біраз ұлғайтумен аударылған.

Бес томдықтағы “Барымта” әңгімесінің финалдық соңғы абзацтарынан аудармашылардың еркін аударма әдісін қолданғандығы анық көрінеді. “Что не поделили между собой эти два сына кедеев? Байский табун? Не переступят они больше порога своих юрт, не дождутся их матери. Много слез прольет Умсын – старая мать Калбагая”, – деген жолдарды аударушылар жұмыс барысында әңгіме мазмұнына сүйеніп өздері қосқан.

М. Әуезовтің орысша мәтінінің финалы қазақша мәтінге жақын. Тек әңгіменің 1936 жылы “Қараш-Қараш” жинағында берілген нұсқасында қосқан соңғы абзац берілмеген.

Текстологиялық салыстыру жұмысының негізінде М. Әуезовтің орысша нұсқаны жазғанда әңгіменің алғашқы, 1925 жылғы нұсқасына да, кейінгі редакциялаған нұсқаларына да сүйенгені көрінді. Әуезовтің өзі жасаған орысша нұсқаның қазақша нұсқадан көркемдік жағынан да, көлемдік жағынан еш кем емес екеніне, бұл орысша мәтінде стильдік, грамматикалық ешбір кемшіліктердің жоқ екеніне қарап, томға беріліп отырған бұл әңгімені аударма деуден гөрі орыс тілінде жазылған шығарма деген тоқтамға келдік. Әңгіме мәтіні М. Әуезовтің қолымен жасалған редакциялық жұмыстарын түгелдей ескере отырып дайындалды.

Р. Әбдіғұлов

“Ол күнгі Алматы (1936 ж.)”

М. Әуезовтің 1936 жылғы ұлт-азаттық көтерілістер тақырыбына жазған әңгімесі. “Қазақ әдебиеті” газетінің 1936 жылғы 29 қарашадағы және 4 желтоқсандағы сандарында шыққан. Араға ұзақ жылдар салып барып М. Әуезовтің жиырма томдық шығармалар жинағында (Алматы: Жазушы, 1981. 8-т. 47–51-бб.) жарияланды. Мұнда әңгіменің екінші жартысы берілген. Осы томдағы әңгімеге берілген түсініктемеде: “Жазушы архивінде бұл очерктің асыл түпнұсқасы сақталмаған... Бұл томға очерктің “Қазақ әдебиеті” газетінің 1936 жылы 4 декабрьде басылған нұсқасы ғана ендірілді. Өйткені очерктің “Қазақ әдебиеті” газетінің 1936 жылы 29 ноябрьде басылған нұсқасы табылмауы себепті толық түрде бере алмадық” делінген. М. Әуезовтің елу томдық академиялық толық басылымының 11-томына да осы нұсқа берілді (Алматы: Ғылым, 2003, 11-т. 96–100-бб.). Елу томдыққа “Ол күнгі Алматыны” дайындау барысында Ұлттық кітапхана, ҚР ҒА Ғылыми кітапханасы, ҚР Мемлекеттік мұрағаты, Кітап палатасы, т.б. мекемелерден әңгіменің алғашқы жартысы іздестірілді. Бірақ табылмады. Әңгіменің қолжазбасы да сақталмаған. Әңгіменің екінші жартысының мазмұнына, көркемдік деңгейіне, алған тақырыбының өткірлігіне, актуалдылығына қарағанда, “Қилы заман” повесі сияқты, “Ол күнгі Алматы” әңгімесінің де көркемдік кестесі М. Әуезовтің жиырмамыншы жылдардың аяғы мен отызыншы жылдардағы прозалық шығармаларының стилінен өзгешелеу екені байқалады. Әңгіменің жарияланған бөлігінің жоғарғы көркемдік деңгейіне, газет бетіне шыққаны туралы анық деректің болуына, библиографиялық көрсеткіште берілуіне байланысты “Ол күнгі Алматының” алғашқы жартысын табу мақсаты М. Әуезовтің елу томдық академиялық шығармалар жинағын дайындаушы ұжымның алдында үнемі тұрды. Академиялық жинақтың соңғы бірер томының ғана қалып, жұмыстың бітуге таялуына орай әңгімені қайта іздеу талабы туды. Ұлттық кітапханадан “Қазақ әдебиетінің” 1936 жылғы сандарының тігіндісі алынып қаралғанда, 29 қараша-

дағы газет саны тағы да жоқ болып шықты. Кітапхананың басқа қалалардан материал алдыру мүмкіндігі болу керек деп, сондай қызметпен айналысатын бөлімге барып, Мәскеу, Бішкек қалаларынан алдырып көру туралы әңгіме көтерілгенде, кітапхананың сирек материалдар қорына қайта өтініш айтылды. Кітапхана қызметкері “Ол күнгі Алматы” әңгімесі шыққан газеттің датасын алып, келесі тігіндіні әкелгенде 29 қарашадағы газет саны шықты. Тігінді өте қатты тозып кеткен, қағазы үлбіреп, қол тисе шашылып кететіндей күйде болып шықты. Іздеген әңгіме мәтіні сақталыпты. Кітапханада 1936 жылғы “Қазақ әдебиеті” газетінің үш тігіндісі бар екен. Бұл тігінді не оқырманға берілмейтін данасы, немесе өте тозып кеткені болу керек. Газет парақтары түгелге жуық папирос қағазымен желімделген. Шеттері, бұрыштары үгіліп түсіп қалған. Сонымен қатар газеттің кейбір сандары, парақтары жоқ. Кей парақтардан ұқыпты түрде материалдар киып алынған. Біраз белгілі адамдардың (бәрі дерлік отызыншы жылдардағы репрессия құрбандары) аты-жөндері, суреттері, жазғандары сызылған. “Бүлдірудің” адрестеріне қарағанда, бұл тәртіпсіз оқырманның қолы емес, сол кездегі солақай идеологиялық цензураның қайшысы болу керек. 29 қарашада шыққан газет санындағы “Ол күнгі Алматы” атауының астында жақшаның ішінде “әңгіме” деп қойған. Ал М. Әуезов шығармаларының жиырма томдық шығармалар жинағының 8-томында очерк деп берілуіне әңгіменің томға енген екінші жартысында өмірде болған тарихи оқиға, 1916 жылғы ұлт-азаттық көтеріліс басшыларының бірі Бекболат Әшекеұлының Алматы түбіндегі Боралдай төбеде дарға асылуының жазылғандығы себеп болған болу керек. Әңгімені толықтай алғанда, оның прозалық шығарма, көркем әңгіме екені айқын көрініп тұр.

“Ол күнгі Алматы” әңгімесі “Қазақ әдебиетіне” 1936 жылдың соңына қарай, солақай идеологиялық саясаттың, Сталинге табынудың мейлінше өршіген кезінде шығып отыр. Әңгіменің алғашқы жартысын іздеген кезде “Қазақ әдебиетінің” 1934–1938 жылдардағы тігінділері түгелдей қаралды. Сонда отызыншы жылдардың идеологиялық науқанының 1936 жылдың ортасына қарай қарқын алғаны көрінді. 1937 жылы одан әрі дамып, 1938 жылы газет көлемінің үштен бірі шамасындайы ғана қазақ әдебиеті мен өнеріне қатысты материалдарға берілген. Дәл осындай кезеңде орыстар дарға асқан Бекболаттың ерлік өлімі, қазақ халқының Ресейдің отаршылдық саясатынан қорлық көруі, тоналуы суреттелген әңгімені М. Әуезовтің жариялауға ұсынуы көптеген сұрақтар тудырады. 1928 жылы Қызылордада басылып шыққан “Қилы заман” повесінің НКВД бұйрығымен

жойылып жіберілуінің өзі жазушыны сақтандыруы керек еді. Сонымен қатар ұлтшыл деген айып тағылып, әйгілі 58-статьямен екі жыл абақтыда (1930–1932) тергеуде отырған М. Әуезов 3 жыл шартты мерзіммен сотталып шығады. 3 жылдық мерзімді 10 жылға созып, тек 1942 жылы ғана соттылықтан босаған. 1936 жылы М. Әуезов әлі шартты мерзіммен сотталып жүрген адам. 1930 жылы қамалғанда таңылған айыптардың ішінде “Еңлік – Кебек”, “Қарагөз” пьесалары бар. Бұл екі пьеса да “Қилы заманға”, “Ол күнгі Алматыға” қарағанда Ресейдің, орыс ұлтының алдында тіптен бейкүнә шығармалар, ешбір байланысатын жері жоқ. Осы тұрғыдан келгенде М. Әуезовтің, қанша қауіпті болса да, қайта-қайта 1916 жыл оқиғасына, ұлт-азаттық күресі тақырыбына орала беруі оның адами табиғатынан, гуманистік ойынан, ұлтжандылығынан болу керек.

М. Әуезовтің өмірі мен шығармашылығына осы тұрғыдан қарағанда, ұлт-азаттық қозғалысына қатысты кейбір деректерді келтіре кету керек. 1918 жылы Семейде 1916 жыл оқиғасынан кейін Қытайға ауып, аса ауыр жағдайға тап болып, сонда қырғынға ұшыраған Жетісу қазақтарына көмек ұйымы құрылады. Әлихан Бөкейханов, Міржақып Дулатовтармен бірге М. Әуезов те осы ұйымға мүше болды. 1918 жылы “Абай” журналының 9-санында шыққан “Қазақ қашан жетіледі” мақаласында қазақ халқының ұлттық мінезі жайында этнопсихологиялық талдаулар жасай келіп, қазақты ұлт ретінде ұзаққа созылған қиыншылық, ауыр соғыс жылдары ширатады деген ойының мысалы ретінде “Қырғын көріп жатқан Жетісу елінің жансебіл ерлігі бұған дәлел” дейді. Мұнда 1916 жыл дүрбелеңіне қатысты айтып отыр. 1925 жылы “Қазақ тілі” газетінің 23 сәуірдегі санында шыққан “Әдебиет ескілігін жинаушыларға” атты мақаласының “Әдебиет жайынан жазып алатындарың” деген тақырыпшасында “1916 жыл уақиғаларымен жалғас туған әңгіме, өлең сияқты сымбатты сөздер” деп, “Тарих жайынан жазып алатындары” деген тақырыпшاداғы 5-пунктің төртіншісінде “Қазақ даласының әр жеріне келген переселендер. Алғашқы жер алуы. Ол кездегі қазақ пен келімсектер арасы. Алғашқы қағысулар. Бұл уақиғалар тұсындағы рулардан шыққан ерлер” деп, бесіншісінде “1916 жылдың сыртқы жайынан білетін әңгімелер. Елдің берілгісі келмеген жалтағы, алысқа көшу, басшылары. Қарулы әскермен соқтығысу, соғыс суреттері. Көтерілістің арты” деген. 1916 жыл оқиғасын зерттеудің нақты ғылыми жоспары деңгейіндегі мәселелерді атап өткен. 1930 жылы жеке кітапша болып шыққан “Қазақстандағы ұлттар” атты көлемді мақаласында Ресейдің

отары болған қазақ ұлтының жайы ғылыми, реалды талдаудың объектісі деңгейіне көтерілген. Отаршылдық пиғылдың, империялық астамшылықтың халыққа әкелген әлеуметтік, демографиялық зобалаңын нақты сандық деректердің негізінде талдаған. Қазақтарды шұрайлы жерлерінен айырудың барысы, жолдары, мақсаты, жергілікті халықтың санының азаюы, 1916 жыл оқиғасының себептері жан-жақты көрсетілген. Осы сияқты басқа да деректерге қарағанда, 1916 жылғы ұлт-азаттық көтерілісі мәселесі М. Әуезовтің ойында үнемі болған.

“Ол күнгі Алматы” әңгімесі 1936 жылы жарияланғанмен, бұрын жазылған болуы да мүмкін. 1927 жылы шілде айының аяғында М. Әуезов Алматыға келіп, Қазақстан өлкелік оқу-ағарту комиссариатының арнайы жолдамасымен Жетісу өңірін аралап, Кенесары Қасымов бастаған ұлт-азаттық қозғалысы және 1916 жылғы Ресей империясы патшасының бұратана халықтардан Бірінші дүниежүзілік соғыстың кара жұмыстарына адам алу туралы жарлығына қарсы көтерілістер жайлы ел арасынан деректер жинайды. Осы жайында сол кездегі “Тілші” газеті “Алматыға Мұхтар Әуезов келді” деген мақала берді. Мақала деректеріне қарағанда, тамыз айында 15-20 күндей Қарқара, Мынжылқы, Шырғанақ, Саты, Асы, Қараш-Қараш жайлауларында болып, 1927 жылы соңғы рет ашылған Қарқаралы жәрменкесін көреді. Елді Ілияс Жансүгіровпен бірге жүріп аралайды. Жәрменкеде Өлкелік партия комитетінің хатшысы Ораз Жандосовпен, Жетісу губерниялық атқару комитетінің төрағасы Ыдырыс Көшкіновпен кездеседі. Осы іс-сапарда 1916 жылғы Қарқара-Албан көтерілісі жайлы мол деректер жинаған. Ол кезде Ленинград мемлекеттік университетінде оқитын Әуезов 1927 жылдың желтоқсаны мен 1928 жылдың қаңтар айында “Қилы заман” повесін жазды. “Қилы заманның” алдында “Қараш-Қараш оқиғасын” жазған. Сонымен қатар осы сапардағы жинаған деректерінің негізінде “Казахское народное творчество и его поэтическая среда” атты көлемді мақаласын, “Бүркітші” әңгімесін, “Түнгі сарын”, “Октябрь үшін” пьесаларын жазуына да осы сапардың әртүрлі деңгейде әсері болды. Бұл шығармаларын жазуға Қарқарада бірге болған Ілияс Жансүгіров, Ораз Жандосов, 1916 жыл оқиғаларына қатысты көп материал жинап, бірнеше көлемді материалдар жазған Тұрар Рысқұлов, Смағұл Сәдуақасов, т.б. алған, жинаған деректері көмектесті.

Қарқарада болған аз күннің ішінде жергілікті халықпен, көтеріліс куәгерлерімен кездесіп, көптеген естеліктер жазып алған. “Ол күнгі Алматы” әңгімесінің жоспары да сол кезде пайда болған болу керек.

“Килы заман” повесінің баспадан шыға сала НКВД бұйрығымен бүкіл таралымының (3000 дана) жойылуы “Ол күнгі Алматы” әңгімесінің баспа бетіне шығуын кешіктірген сияқты. “Ол күнгі Алматы” әңгімесінің негізгі оқиғалық желісі бір күнді қамтиды. Кейіпкердің ішкі ойымен берілетін бір ғана шегініс бар. Алматыдағы бір үлкен диірменнің жұмысшысы Балташтың соғыстың қара жұмыстарына алынғандағы әкететін обозға (арба, көліктер) бара жатқан кезіндегі оқиғалар. Шегініс “Сонымен алдыңғы күн таңертеңнен Балташтың жалғыз арманы сол болысты енді бір тауып ап, жалғыз-ақ ауыз сөз айтып, содан фронтқа әзірлене бермек еді...” деп басталды. Бірінші дүниежүзілік соғыстың майданына қара жұмысқа адам алу туралы Ресей патшасының жарлығында адамдары алынатын ұлттарды географиялық аймақтары бойынша атап, олардың ішінде алынбайтындардың да тізімін берген. Сол тізімнің бір пунктінде кәсіпкерлерге (орыстарға) жалданған жұмысшылар бар. Және сол тізімге ілінген өндіріс орындарының қатарында диірмендер бар. Осы тізімге барлық жағынан сай келіп тұрған Балташты болыс (қазақ) басқа пара берген біреудің орнына жіберіп отыр. Алған параның бір бөлігін болыс диірменнің қожайынына берген. Болысты базардың ішінен тауып, бір сыбап алған Балташты бүкіл базарды жапқызып жүрген көп стражниктер болыстың айтақтаумен базардағы елге қосып, Боралдайға айдап әкетеді. Шегіністе Боралдайда болған сұмдық оқиға суреттеледі:

“Боралдайда ол күні мұның көргені әлі көз алдынан кетер емес, жігерін қайнатқан ызаның молы сол. Балташтың көз алдында Ұзынағаш, Қастектің сегіз азаматын дарға асты. Қайран Бекболат! Аяқ-қол байлаулы күйінде дардың астында тұрып, дәл басына қап кигізер жерде сұп-сұр боп ап, дауысын саңқ еткізіп: — Қайран ел, қош, — деді”, — деп тарихи нақты оқиғаны көрсеткен. Қазақ жерінде 1916 жылы, тарихшылардың айтуларына қарағанда, жүз шамасында көтеріліс болған. Осы көтерілістердің ең белгілілері, көп зерттеліп жазылғаны Торғайдағы Амангелді Иманов бастаған көтеріліс, Қарқара — Албан көтерілісі және Бекболат Әшекеев басында тұрған сол кездері Верный уезі Жайылмыс болысы (қазіргі Жамбыл ауданындағы Қарғалы өзенінің аңғары, Бекболат аулы (Қарасай ауданы), Үшқоңыр жайлауы қазақтарының көтерілісі. Амангелді бастаған Торғайдағы ұлт-азаттық қозғалысы қатысқан адам саны, әскери нәтижелері жағынан бірінші орында тұрғандықтан көп зерттелді, әдебиетке тақырып болды (әсіресе халық ақындары тарапынан). Қарқара — Албан көтерілісінің көп зерттелуіне М. Әуезовтің “Килы заман”

повесінің шешуші ықпалы болғаны анық. Бекболат Әшекеев бастаған көтерілістің кеңінен танымал болуына кезінде мектеп бағдарламасына кірген, неше рет жарияланған “Бекболат” поэмасының әсері көп болды. Бірақ бұл көтеріліс те “Қылы заманда” суреттелген Қарқара – Албан көтерілісіндей детальды түрде терең, жан-жақты, монографиялық деңгейде зерттеле қойған жоқ. Газеттік, журналдық деңгейдегі мақалалар жазылды. М. Әуезовтің “Ол күнгі Алматы” әңгімесі толығымен берілмей келгендіктен, әдеби, тарихи тұрғыда арнайы зерттелген жоқ. Әңгімеде суреттелген дарға асу сәті “Бекболат” поэмасында да бар. Әңгімедегі “Қайран ел, кош”, – деген жер поэмада:

“Дұғай сәлем тапсырам көп Дулатқа,
Ағайын бірге туған Шапырашты,
Албан мен сәлем айтам Суан жаққа.
Сәлем де Орта жүздің баласына,
Кіші жүз Орынбордың қаласына.
Ағанды асып отыр Алматыда,
Зарыма құлағынды саласың да.
Дұғай сәлем айтайын қырғызыма,
Жауға қарсы шабатын құндызыма!
Жас баланы бергенше қырылып қал,
Құрбандық болмайсың ба ұл-қызыңа”, –

деп берілген.

1936 жылғы “Қазақ әдебиеті” газетінің 25 қарашадағы санында Ілияс Жансүгіровтің газеттің екі айқара бетіне басылған “Қазақстан астанасы Алматы” деген мақаласы берілген. Мақалада Алматының ертеден бергі тарихын шағын тақырыпшаларға бөліп, жеке очерктер түрінде баяндап шыққан. Сондағы “Алматының 1916 жылы” атты бөлімінде “Елдің басы байлауға, малы айдауға түсті. Жетісу жері ердің қанымен, елдің жасымен суарылды. Алматының түрмесіне қазақ, қырғыз топ-тобымен тоғытылды. Осы күні Алматы аэродромы тұрған Боралдай төбесінің басында Алматы көтерілісінің бастықтарынан сегіз кісі – Бекболаттар дарға асылды. Ел көңілі басылды...” деп жазылған.

Тарихшылардың еңбектерінде 1916 жыл оқиғасына байланысты отаршыл әкімшілік соғыс жағдайын жариялап, осыған сәйкес соттарды әскери соттарға айналдырғаны, әскери соттар өлім жазасын дарға асу жолымен іске асыруды қолданғаны, әскери соттардың үкімімен 347 адам өлім жазасына (дарға асуға), 168 адам қаторғаға, 129 адам абақтыға кесілгені архивтік құжаттардың негізінде көрсетілген. М. Әуезовтің “Ол күнгі

Алматы” әңгімесі мен Ілияс Жансүгіровтың мақаласында Бекболатпен бірге дарға асылған сегіз адам делінеді. Бекболат Әшекеев өмірін, Алматы маңындағы 1916 жылғы ұлт-азаттық қозғалыстарын зерттеуші ғалымдардың, журналистердің жұмыстарына қарағанда, Боралдайда көтерілісшілерді бірнеше рет дарға асқан. Тарих ғылымының кандидаты Әбдіәшім Оспанов “Бекболат Әшекеев” атты мақаласында (Жалын. 1972. № 6) Қазақ КСР Орталық мемлекеттік архивіндегі материал (76-қор, 510-іс, 3-б.) бойынша дарға асылған 14 адамның аты-жөнін келтіреді. Архив құжатында Үлкен Алматы болысының қазағы Байбосын Тамабаевтың дарға асылғаны жайында да айтылған. Тағы бір архив құжаттарында Боралдайда бірнеше қырғыз жігіттерінің дарға асылғаны жайында деректер бар. “Лениншіл жас” газетінде (1967, 17 қаңтар) шыққан “Бекболат туралы бірер сөз” мақаласында осы мәселені көп жыл бойы зерттеген Есберген Естаев “Боралдай деген жерде Бекболат Әшекеев, Байбосын Тамабаев, Қалығұл Сыпатаев үшеуі дарға асылды”, – деп жазды. Басқа да материалдарға қарағанда, Боралдайда ондаған көтерілісшілер дарға асылған. Дарға асу бірнеше рет болған. “Ол күнгі Алматыдағы” Балташты, базардағы, қаладағы елді Боралдайға айдап баруы тарихи факт. Көтеріліс басталғаннан кейін отаршылдық әкімшілік әрекеттерінің бірі “устрашение” болған. Әкімшілік бұл сөзді термин дәрежесіне көтерген. Бұл термин-әрекеттің бірнеше салалары болған. Мысалы, алдынан шыққан ауылды, елді көтеріліске қатыссын-қатыспасын, “басқалар қорқу үшін” қырып, жойып жіберіп отырған. Және бұл әрекеттер жайлы ресми құжат – бұйрықтары бар. Дар құрылған жерге елді айдап бару да осы саясаттың бір пункті. Архивтік мекемелердің мұқият, ықтиятты жұмыстарының арқасында көтерілісшілерді жазалау туралы құжаттар сақталған. Сол құжаттардың бірі Бекболат Әшекеевке шығарылған үкім: “Әскери соттың уставындағы № 302, 910, 1147, 1155-баптарына, Мемлекеттік айыптау ережелерінің № 13, 17, 18, 118, 262-талаптарына, Түркістан әскери округінің 1916 жылғы № 466 бұйрығына сәйкес қабылданған Жетісу әскери гарнизонының осы жылғы № 33 нұсқауын басшылыққа ала отырып, сот үкім етеді: 1) Верный уезі Жайылмыс болысының төртінші аулының қырғызы Бекболат Әшекеев көтерілісті ұйымдастырғаны және басқарғаны үшін барлық хұқынан айырылып, дарға асу арқылы өлім жазасына кесілсін...” Үкімнің екінші пунктінде “дарға асуға шыққан шығын үкімет қазынасынан бөлінсін” дейді. Үкім 7 қыркүйекте жарияланып, 9 қыркүйекте Бекболат Әшекеев дарға асылды. Осы деректерге сүйеніп, шартты түрде “Ол күнгі Алматы” әңгімесі оқиғасының негізгі уақытын 11 қыркүйекте

өтті деуге болады. Әңгімеде айтылған “Ұзынағаш, Қастектің сегіз азаматын дарға асу” Бекболат Әшекеев дарға асқан күннен бірер күн бұрын болған болу керек. Жайылмыс болысындағы көтеріліске Ұзынағаш, Шығыс Қастек, Батыс Қастек, Тайторы, Ботпай болыстарындағы (қазіргі Алматы облысының Жамбыл ауданы аумағында) көтерілісшілер қосыла алмаған. 1916 жылы 10 шілдеде Үлкенсаз жайлауында Шығыс, Батыс Қастек, Ұзынағаш, Бидалы, Қарғалы, Ботпай, Тайторы, Ырғайты, Күрті болыстарының адамдары қатысқан жиын болады. Жиында соғысқа адам бермейміз деген шешім қабылданады. Жиын салыстырмалы түрде құпиялылығын сақтап, шұғыл қимылға кіріседі. Шілденің аяғы мен тамыздың басында Самсы, Шиен станицаларына шабуыл жасалып, Верный мен Қордайдың арасындағы почта бекеттерінің бәрі қиратылып, телеграф байланысын екі аптадай уақытқа үзіп тастайды. Осы соғыстардың хабары көрші қазақ болыстарына, қырғыздарға жетіп, олардағы көтерілістің етек алуын жылдамдатты. Ресей отарлаушы әскери әкімшілігі басқа жерлердегі көтерілістердің тұтануына себепші деп осы аймақтың көтерілісшілерін мейлінше өшпенділікпен жазалаған. Қарсыластарын адам шығынына ұшырату жағынан алдыңғы орын алған көтеріліс — осы Ұзынағаш, Қастек аймағындағы көтеріліс. Осы себепті Жетісу облысының әскери губернаторы генерал Фольбаум Түркістан өлкесінің генерал-губернаторы Куропаткинге берген жеделхатында “Все побережье Иссыккуля, долина Кебенья, северные склоны Александровского хребта, долина Кастекского участка, долина Каркара обильно политы русской кровью. Значит ли, что все эти пространства станут в близком будущем запретными для киргиз” деп жазды. Көтеріліс басылғаннан кейін аталған аймақтарды қырғыз, қазақтардан шұғыл босату қолға алынған және бұл шара мейлінше аяусыз түрде жергілікті халықтың малын айдап алу, дүние-мүлкін тонау, себепсіз қан төгу жолымен іске асырылып жатты. Бұл әрекеттерге отаршыл әкімшілік еркін жол беріп қойды. Бұл тек 1917 жылғы Ақпан төңкерісінен кейін ғана тоқтаған. Алғашында жеңіске жеткен Ұзынағаш, Қастек аймағындағы көтерілісшілер жақсы қаруланған орыс әскері келгеннен кейін жеңіліске ұшырап, тауға шегінді. Оңтүстіктен, Ыстықкөл бойынан шегінген қырғыз көтерілісшілері де тауда болатын. Осы кезде көп елді қырғынға ұшыратпау мақсатымен көтеріліс басшыларының тірі қалғандары өз еркімен берілуге мәжбүр болған. “Ол күнгі Алматы” әңгімесіндегі дарға асылған Ұзынағаш, Қастектің сегіз жігіті осылардан болу керек. Қазақ жеріндегі 1916 жылғы көтерілістердің көбі сияқты Ұзынағаш, Қастек аймағындағы көтерілісті зерттеушілер жоқтың қасы. Әдебиетте тек Әуезовтің әңгімесі ғана.

М. Әуезовтің әңгімесінде 1916 жылғы көтеріліс жеңілгеннен кейінгі қазақ халқының қиын тағдырының негізгі көріністері түгел дерлік камтылған. Қысқа, штрихтық түрде болса да көрсетіліп, реалистық баға берілген. Әңгімеде сол кездегі Алматы қаласының кейбір суреттері, өндіріс орны, қазақ халқынан шыққан алғашқы жұмысшылар, қаладағы орыстар (диірмен қожайыны, стражниктер), қазақ болысы, тілмашы, дүрбелеңнен кейін қаладан өтпек болған қазақ шаруасының тоналатыны, жүйелі түрде қазақ ауылдарына шабуылдап, тонаушылықпен айналысқан қазақ-орыстар, осы “кәсіппен” байып алғандар, генерал-губернатордың үйі тұрған көшемен “қазақтар мен иттер жүруге болмайды” деген бұйрықтың салдары, т.б. мәселелер камтылған. Әңгіме стилінде очерктік сипат бар. Бұрын жарияланған әңгіменің екінші жартысының очерк деп берілуі осы себептен болу керек. Суреттеу өте үнемді, ұстамды, дәл штрихтармен жасалған. Аз көлемде болса да қазақ жұмысшысы Балташтың, азын-аулақ малымен қаладан өтіп бара жатқан момын қазақ шалының, кемпірінің, болыстың, стражниктердің образдары ықшам, дәл, нақты стильді мәтінде танымды, психологиялық тұрғыда дараланған кейіпкерлер болып шыққан. “Ол күнгі Алматы” әңгімесі М. Әуезовтің прозалық шығармаларының ішінде көркемдік табиғаты жағынан “Қилы заманға” ұқсас.

Әңгіме мәтінде бірнеше сөйлемдерден, абзацтардан кейін көп нүкте қойылған. Осы тыныс белгісіне, келесі сөйлем, абзац мазмұнына қарағанда, әңгімені газетке бергенде біраз жері қысқартылғанға ұқсайды. Әңгіме мәтінде диірменнің иесін (орысты) “бай” деп, қазақ-орыстарды “стражник”, “қара мұрт”, “семіз қызыл”, т.б. деп, бірде-бір жерде ұлттың аты берілмеуіне қарағанда, цензуралық талапқа орай редакциялық жұмыс жасалғаны айқын көрінеді. Мұндай цензуралық қысым жетпісінші жылдарда ғана қайта жарық көрген “Қилы заманға” да жасалған.

М. Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық басылымының бұл томына “Қазақ әдебиетіндегі” (1936, 29 қараша) мәтін бойынша берілді. Газет парағының бұрыштарындағы, шеттеріндегі жыртылған жерлеріндегі бірнеше сөз оқылмады. Әңгімені томға дайындау барысында толықтай беру туралы шешім қабылданды. Әңгіменің газеттің 29 қарашада шыққан алғашқы жартысы “Өйткені-соңғы үш айда ауылға бір барсам, күніне елу сом айналады, – деді” деген сөйлеммен бітеді.

Р. Әбдіғұлов

“Разящий клинок (1945 г.)”

Бұл М. Әуезов пен Ғ. Мүсіреповтің бірігіп жазған әдеби сценарийі. Осы тақырыпта 1945 жылы “Разящий клинок” және “Қынаптан қылыш” деген пьеса жазған. Пьесаның қазақша және орысша нұсқалары елу томдықтың 47-томына енді.

ҚазКСР Халық Комиссарлар Кеңесі Өнер бөлімінің 1945 жылғы 10 қаңтардағы Қазақстан Республикасының 25 жылдығына қатысты ұйымдастырылған мерекелік іс-шаралар жоспарында:

“Управление имеет договор с писателями на драматические пьесы на тему Великой Отечественной войны:

1. Ауэзов и Мусрепов – “Момыш-Улы”.

Нач. управления по делам искусств при СНК КазССР С. Толыбеков” (М.О. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресі. Алматы: Ғылым, 1997. 281-б.) – деген мәлімет берілген. Осыған карағанда, Ұлы Отан соғысы тақырыбын көтеру, совет жауынгерлерінің ерліктерін мадақтау мақсатында көркем шығармаға арнайы тапсырыс беріліп, жазушылармен келісімшарт жасалған. Осы келісімшарт негізінде аталмыш пьеса жазылып, 1945 жылы 21 қараша күні премьерасы болып, басқа да облыстық театрлардың репертуарына енді.

Сонымен қатар Алматыдағы көркемфильм киностудиясының Сценарий бөлімі де екі жазушымен келісімшартқа отырып, “Волоколамское шоссе” деген киносценарийді жазуға тапсырыс берген. Ол туралы мынадай деректер бар:

“24 апреля. Постановление Сценарного отдела Алма-Атинской киностудии художественных фильмов.

В связи с тем, что работа писателей М. Ауэзова и Г. Мусрепова “Волоколамское шоссе” (“Стальное оперение”) оказалась неудачной, и авторы ограничились сдачей первого варианта сценария и не внесли поправок и доработок по указанию Сценарного отдела, Сценарный отдел постановляет: 1. Расторгнуть договор на сценарий “Волоколамское шоссе с М. Ауэзовым и Г. Мусреповым. 2. Предложить авторам внести в кассы кино-

студии авансы, взятые в счет договора. Начальник сценарного отдела (Матвеев)” (сонда, 310-б.).

Бұл қаулы 1946 жылы 24 сәуірде қабылданған. “Разящий клинок” әдеби сценарийі де осы тапсырыс негізінде жазылған сияқты. Бұл сценарийде Қазақстанда құрылған батальонның Волоколамскі қаласын неміс басқыншыларынан қорғауы, жауды Москваға өткізбеу үшін соңғы демі таусылғанша күрескен жауынгерлер ерлігі баяндалады.

Бұндағы басты кейіпкер Әзімханның (Азимхан) іс-әрекетінен қаһарман батыр Бауыржан Момышұлының, генерал Рокотовтың өн бойынан генерал Панфилов бейнелерін көруге болады. Сондай-ақ жазушылар Краев Александр деген кейіпкердің де шынайы болмысын беруге тырысқан. Ол – генерал Панфилов басқарған дивизиядағы екінші рота командирі, Б. Момышұлымен соғыс шебінде бірге болған Семен Краев. Ол туралы Бауыржан Момышұлы өзінің “За нами Москва” деген кітабында жазған.

Сценарий мәтіні негізінен қолмен жазылған, кейбір жерлері машинкамен басылған, қысқартып, қосқан жерлері де кездеседі. Пьеса мен әдеби сценарий мәтіндеріне салыстыру жүргізілді. Сценарийде пьесаға қарағанда көп кейіпкер жоқ, сондай-ақ кейбірінің аттарын өзгертіп, жанадан қосқандары кездеседі. Әдеби сценарийдің аяқталуы мен мазмұнында өзгешеліктер бар. Бұл екі жанрда жазылған шығармалар болғандықтан, оқиға желісінің өзгеруі заңдылық.

Бұл әдеби сценарий бұрын еш жерде жарияланбаған. Қолжазба күлгін сиямен жазылған. Автордың және бөгде адамның қолымен түсірілген түзетулер бар. Қосылған беттер, жазбалар көп. Сарғыш жазу қағазы, түптелген. Мәтіннің қолжазбасы жазушының мұрағатындағы 165-бумада (автордың беттеуінде 1–77-бб., архив беттеуінде 1–48-бб.) сақтаулы. Жазушының елу томдық шығармалар жинағының осы томына қолжазба нұсқасы ұсынылып отыр.

А. Болсынбаева

“Ақын азамат (1954 ж.)”

М. Әуезовтің осы атпен 1952–1954 жылдары ақын Абай Құнанбаевтың қоғамдық қызметі мен халық өмірін терең бейнелейтін шығармашылық жолы туралы жаңадан кино түсіруге арнап жазған сценарийі бұрын еш жерде жарияланбаған. Оның машинкаға басылған нұсқасы Орталық мемлекеттік мұрағатта сақталған (1708-қор, 1-тізбе, 995-іс, 1-парақ). Абайдың ақындық, азаматтық тұлғасын жұртшылыққа сахнадан, кино экраннан көрсетуге арналған еңбектер ішінде қаламгердің пьеса, либретто, әдеби сценарий түрінде жазылған шығармалары белгілі. Соның ішінде 1946 жылы көрерменге жол тартқан “Абай әні” фильмі ақын бейнесінің қыр-сырын халыққа жақынырақ таныта түсті. Онда XIX ғасырдағы көшпенді халық тұрмысының салт-санасы анық көрсетіліп, уақыт қиындығына қарамастан, ескілік күйіне жаңа заман көзқарасымен әсер еткен Абай ойларының таралуына жантала-са қарсы шыққан дүлей күш иелерінің бейнесі көркем образдар арқылы терең бейнеленді. Қаламгер осы алғашқы фильмге сценарий жазу барысында оны бірнеше рет өзгертіп, толықтырып, қайта жазып шыққаны мәлім. Соның нәтижесінде осы киноны түсіруге арналған бірнеше көркем шығарма дүниеге келді. Оның ішінде әдеби сценарийдің нұсқалары орыс тіліне де аударылған.

Абай туралы алғашқы кино түсірілген соң біраз жыл өткенде, қаламгер ойында тағы да осы тақырыпты қайтадан, жаңа қырынан қолға алу туралы мақсат оянады. Көп ұзамай, кино саласы мамандарына айта жүріп, жаңа кино түсіру туралы ойларын жүзеге асыру мақсатымен оны мемлекеттік жоспарға енгізеді. Тиісті орындарға арнап жазған өтінішіне қоса алдағы түсірілетін “Абай” фильміне арнап аннотация жазып тапсырады (Орталық мұрағат. 1678-қор, 2-тізбе, 52-іс, 6-бума, 3–26-бб.). Онда Абайдың өмірі мен шығармашылығының мән-мағынасын айта келіп, 1946 жылғы түсірілген киноның кейбір кемшіліктерін атап өткен.

“Выпущенный в 1946 году Алма-Атинской киностудией фильм “Песня Абая” страдает существенными недостатками. В фильме слабо отражены острые классовые конфликты в казахском ауле того времени, также слабо показана глубокая связь Абая с народом и передовыми русскими людьми, последователями Чернышевского. А также фильм страдает существенными художественными недостатками”, – деп айта келіп, алдағы түсірілетін кинода назар аударылатын негізгі тақырыптарды көрсетіп, оның жалпы мазмұнын баяндап берген.

Осы аннотацияда айтылғандай, жаңа сценарийде Абай өмірі кеңірек алынып, оның Әйгерімге үйленген шағы, ақын аулына Біржан салдың келіп қонақ болуы, әкесі Құнанбаймен арадағы көзқарас алшақтығы, оның Меккеге қажылық сапарға аттануы, Семей қаласындағы жатақтар тұрмысы мен жұқпалы індет тараған мезгілдегі Абайдың халық арасында жүргізген жұмыстары, ақындық қызметіндегі азаматтық, әлеуметтік сарынның молая түсіп, өнерлі жастарға ұстаздық көзқарас білдіруі сияқты оқиғалар жоспарланып, суреттеліп көрсетілуге тиіс болатын.

Осы аннотацияда айтылып, алға қойылған игі максаттардың бәрі жаңа сценарийдің мазмұнына сыя бермеген тәрізді. Қаламгер ерекше тоқталып атап кеткен Салиха-Сәмен дауы, Семей қаласындағы Сарымолданың қайтыс болу оқиғасы, А. Пушкиннің Татынаның хатын аударып, ән шығаруы сияқты эпизодтар аннотацияда айтылып, жоспарға алынғанымен, сценарийге енбеген. Сол сияқты Біржан, Құнанбай, Әйгерімге қатысты оқиғалар да шығарма желісінен орын алмаған. Сценарий көлемінің шағын болуы себепті жазушы Абайдың Қарамолада оязбен кездесуі мен Дәркембай бастаған жатақ аулының тірлігін, Байкөкше бастаған ақындардың өнерін көрсету арқылы көркем әдебиеттің халықтық дәстүрде жаңаша даму барысын ел өмірімен сабақтастыра суреттеп берген.

Көлемі алты бөлімнен тұратын сценарий жатақ аулындағы кедей тұрмысты бейнелеуден бастап, бірте-бірте олардың жоғын жоқтап, сөзін сөйлеген Абайдың халық өміріне араласуын, дала шонжарларының халыққа қарсы жасап отырған қылмысты істерін әшкерелеу әрекеттері барысында түрлі қиындықтарға тап болып, жеңіп шығу жолында күресуін баяндайды. Шығарма соңында Абай шәкірт ақындар арасында көрсетіледі, Дәрменнің халық арманын, кедей тұрмысын сөз еткен өлеңдерінен орыс ақыны Некрасов үнін, жаңалық үнін естігендей шабыттанып отырған күйімен сценарий аяқталады.

Жазушы өзі анық жоспарлап, аннотацияда айтып берген, алға қойған максаттарын орындау жолында барынша

тыңғылықты еңбек еткен. Сценарий соңында Абай өмірінің қиын кезеңін, қайғылы күйін көрсетпек болған тілегін аннотацияның мына жолдарынан көруге болады:

“Но дни личной жизни Абая становятся все мрачнее. Тупая злоба сильных, богатых сородичей отравила существование ему и его близким людям. Умирает любимый сын-поэт Магавья, надломлен и сам Абай. Подбиты жизнью его крылья. Он умирает. Однако умирает чувствуя наступающую зарю новой истории. Последним своим вздохом он создает бессмертную песню обращения к людям будущего, к тем иным людям, которые будут жить в иную эпоху и души которых будут окрылены светлыми порывами, а мысли будут озарены повышенными думами.

Умирает великий человек, устремленный всеми делами, мечтаниями в будущее.

Унаследовал его песню сын народа поэт Дармен”, – деп шабытты сөздермен аяқтайды. Сценарийдің ең соңғы эпизодында келешекке арналған Абай әнін оның сүйікті жары Әйгерім орындайды. Жазушы жоспары бойынша шығарма осылай аяқталу керек болатын. Алайда шығармашылық ізденіс барысында бұл ойлар өзгертіліп, сценарий Дәрменнің халық өміріне арналған күрескерлік өлеңдерімен ұстазы Абайды разы етіп отырумен аяқталады.

Сценарийдің жазылу мерзімі 1954 жыл деп берілген, осы шығарма бойынша кино түсіру жоспарланған, алайда бұл ойлар түрлі себептермен жүзеге асырылмаған. М. Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық жинағына сценарий машинкаға басылған нұсқасы бойынша, ешбір өзгертусіз сол қалпында әзірленіп берілді.

К. Рахымжанов

“Поэт гражданин (1954 г.)”

Қазақ халқының классик ақыны Абай Құнанбаевтың қоғамдық, ағартушылық қызметі жайында жазылған “Ақын азамат” сценарийінің орыс тіліне жолма-жол аудармасы осылай аталады. Сценарий бұрын еш жерде жарияланбаған. Оның машинкаға басылған нұсқасы Орталық мемлекеттік мұрағатта сақталған (1708-қор, 1-тізбе, 81-іс). Аударма негізіне қазақ тілінде жазылған сценарийдің мазмұн желісі алынып, сценарийге арқау болған оқиғалар сюжеті тәржіме кезінде айтарлықтай өзгеріске түспеген. Кино түсіруге арналып жазылған шығармада қаламгер Абайдың ақындық қызметінің қоғамдық мәнін, ел өмірімен байланысын кеңірек көрсетуді мақсат еткен. Сол себепті сценарийдегі оқиғалар кедей, жатақ аулында, ояздың жиыны өтетін Қарамола жәрменкесінде, өнер қуып, ақындықты мұрат еткен жастар арасында өтеді. Сөйтсе де, орыс тіліндегі аударма өзінің көлемі жағынан қазақша нұсқаға қарағанда біршама ықшамдалып, қысқара түскені байқалады. Бірақ ол қысқартулар көзге көрінерліктей болып, оқиға желісіне айтарлықтай әсер ете қоймаған. Аударма көлемі қазақша нұсқадағы тәрізді алты бөлімге бөлініп берілген. Сценарий аудармасын қазақша нұсқамен салыстырғанда бірінші, екінші бөлімдер көлемі жағынан орайлас болып келеді. Тек екінші бөлімде әр жерден сөйлемдер қысқарту нәтижесінде бір-екі бет қана қысқарғаны көрінеді. Көзге көрінетіндей өзгеріс үшінші бөлімнің соңындағы бір беттен аса қысқартуда ғана байқалады. Мысалы:

“Дәрмен, Мағаштар таң-тамаша, қайран боп тұр.

Олар енді: “Әттең, есіл сабаз”, “Айтқаның келсін, дуалы ауыз!”, “Асылым, дегенің болсын!” – деседі. Сүйсінген сөздерін бітіре алмай жатты.

Абай мен Ербол үндеместен Байкөкшенің соңына ерді. Кеш тақау, қоналқалық жерге әлі де жүре түсіп, жету керек. Байкөкше енді артағыларды қатарына ілестірмей, алға өзі түскен бойында, күдері бел күреңін ұзын қамшысымен қатты соғып қалып, бұлаңқұйрыққа салды. Борт-борт желіп жөнелді.

Арттағыларының бәрі де созыла шұбатылып, еріксіз қатты желіске түсті. Байкөкше алда жалғыз келе жатып, енді ғана езу тартты.

Бұны өз үйінде қонақ қып отырып, Дәркембай барлық жайға қандырған болатын. Сонда Абайдың Қарамолаға шақыртумен бара жатқанын айтқан.

– Қырда – қаракөңіл қазақ жуаны боп, қалада – парашыл төре, ұлық жуаны болып, бәрі қосылып Абайды қамағалы тұр! Сен осы жолы қасына ер. Есебін тауып Абайға қанат бігір, қайрат бер! Дәл осы күні өзгенің сөзі емес, дәл екеуміз дем беруіміз керек. Жалғыз Абайды сүйейтін кезіміз жетіп тұр! – деген. Байкөкше бұл сырын әлі бірде-бір жолдас, жолаушыға ашқан жоқ-ты. Күрең аттың екі жағында кампиган қоржын бар. Ондағы күтіп, сақтап келе жатқаны Абайды ақтаған қалың елдің арызы, приговоры, актілері”, – деп келетін жерлер орысша аударма келгенде мағынасы басқа сөйлемдердің құрамына сіңісіп кету себепті аударылмаған күйі қалып қойған.

Орысша аудармада Абайды сөзбен сынамақ болған байшыкеш ақынның сөзі бірер сөйлеммен берілсе, қазақша нұсқада бұл жарты бетке жуық көлемде суреттеледі.

Сценарийдің төртінші бөлімі бес-алты беттей қысқарған, бірақ ол өзгерістің аражігін ажырату қиын. Өйткені аударма мағынасы түпнұсқадан онша алшақ кетпейтін жолма-жол аудармадан гөрі еркін аудармаға көбірек ұқсайды. Сол себепті кейбір оқиға, диалог, эпизодтардың орны ауысып, олар өзгеріп, басқа мағынамен келіп отырады. Мұндай шығарма көлемін оның мағынасындағы негізгі ойларды жоғалтпай ықшамдаулар алтыншы бөлімде де байқалады. Қаламгер аударма барысында мәтүшке, арқар, жаман, жалқау, айрылмас, шербашнай, тақсыр сияқты бірқатар сөздерге түсіндірмелер беріп өткен.

Сценарий М. Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық жинағына машинкаға басылған нұсқасы бойынша теріліп әзірленді. Ондағы кейбір қате жазылған сөздер түзетіліп, қазіргі орфографиялық ережелерге сәйкес жөнделіп берілді.

К. Рахымжанов

“Последним ударом”

М. Әуезовтің өз қолымен кара қарындашпен жазылған қолжазбада сюжетті көркем шығарманың жоспары берілген. (“Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қоры, 406-бума). Бумада басқа материал жоқ. Ені А 4 пішімдегі қағазбен бірдей, ұзындығы 5 см артық сарғыш жазу қағазына жазылған (6 парақтың екі бетінде). Сақталуы орташа. Парақтың шеттерінде, бұрыштарында өшіңкіреген жерлері бар. Мәтіннің үстінен түсі солғындау, үшкір ұшталған кара қарындашпен, күлгін сиялы қаламмен редакциялық жұмыс жасалған. Мәтіннің кей беттеріне парақтың реттік санын, кей беттеріне беттің реттік санын қойған. Мәтін тақырыбының астында “либретто-фабула” деп жазылған. Тексі рим цифрларымен алтыға бөліп, соңында “Девиз – Искра, Ушкын, Маяк, “Знамя” деп жазылған. Искра, Ушкын, Маяк сөздері сызылып, тырнақшаға алынған “Знамя” сөзі қалдырылған. Қолжазбаның еш жерінде дата жоқ. М. Әуезовтің аты-жөні, қолы да қойылмаған.

Мәтін соңында девиз атауларының берілуіне қарағанда, М. Әуезов бұл материалын жасырын конкурсқа дайындаған болу керек. Конкурстың шарттары бойынша социалистік тақырып, таптық күрес мәселесі, байларды кәмпескелеу, өндіріс суреттері берілу керек болғанға ұқсайды. Мұны девиз ретінде алынбақ сөздер мен шығарма жоспары мазмұны дәлелдейді. М. Әуезовтің “Последним ударом” (қолжазбада “Вторым ударом” деген атау сызылған) атымен жазылған либретто-фабуласының мазмұны осындай тақырыптар төңірегіндегі оқиғаларды қамтитын жүйеде дамытылады. Жалпы мәтіннің өн бойында конкурстық тапсырмаға келеді-ау дейтін екі фабулалық бөлік, бірнеше эпизодтар ғана бар. Эпизодтарда байлар мен батырақтар арасындағы күресте соңғылары жеңіле бастағанда, Түркісіб темір жолы құрылысының осы аймаққа жетіп, батырақтарға жұмыс табылып, байлардан құтылуы, немесе алғашқы Түркісіб пойызының келуінің әсері сияқты

символдық образ-әрекет бірнеше рет қайталанады. Қалған фабулалық бөліктер күрделі эпикалық прозаға келеді.

Либретто-фабула дегенмен, қолжазба мазмұнының операға келетіндей еш жері жоқ. Драмалық шығармаға да келе қоймайды. Себебі оқиғалық, фабулалық бөліктер өте көп. Оқиғалардың кеңістіктік ауқымы, орын ауыстыру сипаты күрделі эпикалық үрдісте жылжиды, жиі-жиі ауысып отыратын уақыттық өзгерістерде прозалық шегіністер кездеседі. Либретто-фабула деп берілген материалда кейіпкер сөзімен, диалогпен беретін көркемдік мазмұннан гөрі эпикалық баяндауды, динамикалы, шұғыл, күрделі әрекетті оқиғаларды суреттеуді, пейзаж беруді, т. б. анық прозалық көркемдік құралдарды талап ететін жерлері көп. Сонымен қатар мағыналық-фабулалық бөлімдердің көптігі, әр бөліктің көлемдік мүмкіндіктерінің әртүрлілігі сахналық перделерге, суреттерге реттеп бөлуге қиын. Мәтінде кейіпкерлер саны да драмалық шығарма үшін көп.

Либретто-фабулада шартты түрде алғанда белгілі бір кеңістікті, мезгілдік аумақты қамтитын 15 оқиғалық бөлік бар:

1. Экспозиция. Оқиға өтетін негізгі аймақтың аумағы, тұрмыстық-әлеуметтік қызметі, қарсы тұрған екі топ: жердің иесі – жердің иесіне жұмыс істеушілер тобы. Тартысқа түсетін кейіпкерлер тобының параллелі берілген.

2. Көзі ашық, оқыған Жұмаштың жер иесі байларға, Асандарға қарсы күресінің басталуы.

3. Асанның қалаға барып арызданып, таныстар іздеп, жасырын әрекетке кірісуі.

4. Асанның ауылға қайтып келуі. Жұмаштың қалаға оқуға кетуі.

5. Асан ауылдағы аңқау адамдарды әртүрлі амалдармен, айламен айналдырып, арасында күш көрсетіп, ел ішіне іріткі салуы.

6. Ауылдағы күрделі, ескі қазақы үрдістегі тартыстар, психологиялық иірімдер.

7. Асандардан, байлардан қысым көрген батырақтардың Түркісіб теміржол құрылысына кетуі. Байлардың батырақтарды ұстау тетіктерінен айрыла бастауы.

8. Ауылдағы күрделі тартыстар, интригалар, тартыста әртүрлі қулық, аярлық, саясат, құдалық, зорлық, т. б. әрекеттерді пайдалану. Динамикалы, детективтік сипаты бар оқиғалық бөлік.

9. Кәмпеске оқиғалары. Қарсылық, қаладан өкіл келу. Тағы да Түркісіб әсері.

10. Батырақтардың ұйымдасуы, кәмпеске барысы, Түркісіб құрылысының ел ішіне әкелген өзгерістері. Оқиға күрделі,

динамикалы, кеңістік жағынан шектеулі аумақта, аз уақытта өтеді.

11. Конфискация кезіндегі жалпы жиналыс, мал-мүлкі тәркіленгендердің әрекеттері, арыздануы, әдістер іздеуі.

12. Тағы да беделді комиссия келіп, байлардың әрекеттері іске аспай қалуы.

13. Әлеуметтік өзгерістердің әсерінен отбасының бұзылуы (байлардың тоқалдарының, келіндерінің кетуі, т. б.), байлардың, аткаминерлердің арасына іріткі түсуі, сатқындықтар.

14. Асан кәмпескеленіп, айдалу алдында. Туыстары ол үшін ел ішінен жылу жинап, өздері пайдаланып кетуі.

15. Түркістің бірінші пойызының келуі. Бұл екінші соққы болды. Либретто-фабулада “Вторым ударом” деп жазылып, үстінен сызылған. Конфискация сәтті аяқталды. Бұл финалы.

Бұл бөліктердің көлемдік даму мүмкіндіктері әртүрлі. Үш-төрт оқиғалық бөліктің фабулалық жеке элементтерін М. Әуезовтің қалыптасқан көркемдік қолтаңбасына, сюжетті дамыту, оқиғаны суреттеудегі көлемдік, көркемдік стиліне салғанда, образ ашу, портрет жасау, оқиғаға қатысушы кейіпкердің диалогтық дамытылуының қалыптасқан мөлшеріне, пейзаждық суреттер жасау ерекшелігіне, психологизміне, т.б. да көркемдік категорияларына қарағанда, олардың әрқайсысы көлемді повеске айналар еді деуге негіз бар.

Солардың бірінші мысалы:

“В это время у аткаминеров: Асан сватает свою дочь Жамилю за сына Хажу. Тайком получает калым. Жамиля вспоминает Жумаша. Пишет к нему письмо. Жумаш в Ташкенте. Недовольная предлагаемым женихом, Жамиля часто думает о Жумаше. Одновременно Асан сватает за сына дочь бая Бейсембая. Тоже против воли невесты. Выдает за нее калым и женит своего сына на ней. Члены правления кооператива Исатай и Жумыке навиваются за счет кооператива. Тайком делают добычу с Асаном. Вредные действия аткаминеров не ограничиваются перечисленным. В ауле Асана есть рабочий Жуматай. Старый отец его Кийкым жалуется Асану на свою невестку Рабигу. Рабига не выносит издевательств байских сынов и самого Асана и хочет уйти от мужа с батраком Жагыфаром. Рабига тоже была выдана за Жуматая под давлением Асана, соблазненного внешностью Рабиги. Она и дальше любила Жагыфара. Последний решает увести Рабигу тайком. Асан устанавливает слежку за Рабигой. Устраивает погоню при попытке к побегу. Под Жагыфаром падает лошадь. Сам ночью спасается бегством. А Рабигу Асан приказывает высечь и заковывает на несколько дней в цепи. Старик Кийкым это одобряет. Асан старается заставить

жителей своего аула презирать Рабигу. Но его дочь Жамиля и сноха сочувствуют Рабиге. И втроем обещаются отомстить насильникам. Асан передает ее Жуматай — мужу. За все оказанное “благо” Асан эксплуатирует семью Кийкыма. Не выплачивает труд его сына, его самого. Так опутаны многие батраки в его ауле. Все изнывают под его гнетом”.

Көркемдік, көлемдік мүмкіндіктері осы деңгейдегі төрт-бес оқиғалық бөліктің болуы, басқа оқиғалық бөліктердің де жақсы эпикалық прозаға бастап тұрғанын ескергенде, “Последним ударом” либретто-фабуласының көлемді бір томдық романның материалы, жоспары екені анық.

Жоғарыда шартты түрге 15-ке бөлген шығармалық жобаның екі оқиғалық бөлігі, Түркісіб теміржолына қатысты эпизод-образдар сол кездің саяси жағдайына, идеологиялық талаптарына орай ұйымдастырылмақ конкурстың шарттарына байланысты берілген болу керек. Солардың бірі — финалдық эпизод:

“В это время подходит к аулу первый поезд Турксиба. Как символ наступающего нового времени на смену уходящему. Последним сокрушительным ударом по вековым устоям патриархального аула. И обновленный аул в лице всех радостных, бодрых и веселых членов артели идет с красным знаменем встречать поезд. Около них проезжает старая телега с семьей Асана. Запряженная худая кляча едва волочит ноги. Рабочие, смеясь кидают горсть песка в след уходящим.

Из города возвращают родственников Исмаила и Жумаша. Исключен из партии Жакыб. В губернии получается телеграмма о конфискации бая Асана и других”.

Қолжазба шығарма жоспары ғана болғанның өзінде, бұл идеологиялық сипаты айқын бөліктер басқа реалистік эпикалық прозаға келетін бөліктерден ерекшеленіп тұр.

Қолжазбада дата берілмеген. Либретто-фабулада суреттелген оқиғалар 1928–1930 жылдарға келеді. Бұл материал бұрын еш жерде жарияланбаған. М. Әуезов шығармашылығын зерттеушілер жұмыстарында да аталмайды. Осындағы оқиғалармен дәлме-дәл дамитын шығарма М. Әуезовтің баспа бетін көрген шығармаларының ішінде жоқ. “Последним ударом” либретто-фабуласының мазмұнына, оқиға тандау ерекшелігіне, кейбір идеологиялық сипатты эпизодтарына қарағанда, 1930 жылдары жазылған болу керек. М. Әуезов 1932 жылы абақтыдан шығысымен тапсырыспен кенестік такырыпқа “Октябрь үшін” пьесасын, “Түнгі сарын” драмасын, сол кездің саяси-идеологиялық ахуалына келетін бірнеше мақала, очерк, әңгімелер жазған болатын. Осыған қоса конкурс түріндегі

шараның да әсері бар осы фабула-жоспар дайындалған болу керек.

1932 жылы абақтыдан 3 жыл шартты мерзіммен сотталып шыққан М. Әуезовтің бұл сотты мерзімі 1942 жылға дейін созылған. Осы өмірі қыл үстінде тұрған қауіпті кезеңде бірталай ойында бар жоспарланған шығармаларын жаза алмаған. Сонымен қатар бұл жоспарында идеологиялық талаптарға сәйкес жасалған фабулалық элементтер болған соң да толыққанды көркем шығармаға айналдыруға ұмтылмауы да мүмкін. Бұл кезде өмірінің басты жұмысы – “Абай жолы” роман-эпопеясының жұмысы да басталып кеткен болу керек.

Дегенмен жоспар түрінде ғана қалған мәтіннен Қазақстандағы конфискация кезеңіне қатысты дәлдігі ғылыми дерлік деңгейдегі көркемдік шындықты, адами-әлеуметтік қарым-қатынастарды, танымды мол образдар галереясын, нәзік, терең психологиялық талдауларды көре аламыз. Либретто-фабула деп қана дайындаған материалдың өзі-ақ қазіргі кезде “микро роман”, “мөлтек роман” деп жүрген жанрға жақын. Тек кейіпкер сөздері, диолог, сәл ғана тарата баяндау қосылса, әлгідей роман деңгейіне жетіп тұр.

М. Әуезовтің елу томдық академиялық толық шығармалар жинағының бұл томына қолжазба мәтіні жазушының редакциялық өзгерістерін түгел ескере отырып берілді.

Р. Әбдіғұлов

“Абай жолы” роман-эпопеясының аудармасына қосымшалар”

“Абай жолы” эпопеясының көп беттерін, тарауларын М. Әуезов өзі аударған. Шығармасының орыс оқырмандарына өз қалпында және тезірек жетуін ойлаған ол қолғабысын барынша тигізіп отырудан жалыққан емес. Бұл жұмыс ең алғаш романның екінші кітабының соңғы тарауы “Татьянаның қырдағы әнін” аударудан басталып еді. Соңынан бұлар Воронцов пен Соболевтің аудармалары ретінде жарияланды. Олар автор аудармасының бірсыпыра сөздерін ғана өзгерткен, орыс оқырмандарына тезірек жетсін деген болу керек, бұл жерде автор өз еңбегін бұлдаған емес. Сондағы негізгі ой-мақсаты түсіністікпен жұмыс істесетін сыйлас, пікірлес аудармашыларды тарту ғана болған сияқты. Осындай ұстаным, осындай ой-ниетпен томдардың көп тұстарын өзі жолма-жол аударып беріп отыруға атсалысқандығы көрінеді. Романның үшінші кітабы (“Ақын аға”) 1950 жылы баспадан шыққан соң, орыс журналдары жарияламақ болды. Ал қазақ тіліндегісіне әртүрлі пікірлер, әрқилы сындар, ескертпелер айтылып жатты. Солардың айтқандарынан туындаған өзгертулерін, қосымшаларын, толықтыруларын орыс тіліндегі жариялануына (“Знамя” журналы) енгізбек болды. Мәскеуде тапжылмай жатып, түзетулері мен өзгертулерін, жанадан туған ойларын, қосымшаларын қосты, күн демей, түн демей тынымсыз еңбек етті. Бұл сәттер жайлы ғалым Ысқақ Дүйсенбаевқа жазған хатында былай дейді: “Мен Москвада ойлағанымнан 20 күндей артық бөгелдім. “Знамя” романымды подстрочник күйінде оқыса да, қабылдап алып отыр екен. Қазақша шыққан кітаптағы қалпынан бір бетін артық көрмей түгел алыпты, соның үстіне екі-үш жерге азын-аулақ қосымша сұрап еді, мен өзім қосқан соң жарытып қосайын деп $\frac{1}{3}$ б.т. етіп, жаңа сценалар қосып бердім. Соның қазақшасын да жазып, подстрочнигін де өзім аударып бердім. Қысқасы, 13 күн ішінде орысша-қазақшасы аралас 7 баспа табақ жазып өткердім, өнімді, шапшаң еңбек болды. Бір топ

сыншы мен жазушылар өте ырза боп алып қалды. Қысқартпай басамыз дейді. Не ноябрь, декабрь сандарында, немесе 51-жылдың бірінші номері осы романмен басталады.

Өздері мен келмес бұрын жақсы қабылдап отырған соң, ендігі орысша шығуын жаналап, толықтырып шығарған изданиеге айналдырдым. Өзі тіріде кісі әр изданиеге оң бере беру қажет деп түсінушем. Осы жолы соны толық қолданғандаймын, қазақ оқушысы да енді осы орысша изданиені соңғы редакция деп тағы қоса оқу қажет болады.

Кисловодскіге кеше келіп едім... Өзім жаздайғы тығыз, ұзақ істердің кезінде және Москвадағы еңбекте қатты шаршаппын. Курортқа келгенге екі күн болды — тек балаша он болысымен ұйқы басады” (366-бума).

Сондағы қосқан қосымшаларының көлемдісі он беттен асса, шағыны бір-екі сөйлем мен абзацтан ғана тұрады, олардың жалпы саны алпысқа тақап қалады: “Вставку к встрече Абая с Павловым нужно вписать сразу после первого абзаца вслед за фразой “Им было о чем поговорить” (7–10 стр.); “Вставка к прежней вставке 443 страницы к первой странице ее после фразы: “Это были люди, приехавшие на ярмарку, ради своего потерянного ограбленного добра, самые скромные и многочисленные просители” (168, 375 стр.); “Вставка к 268 странице после фразы “Баймагамбет правил конями” (142–145, 369–370 стр.); “Вставке к самому концу романа к 11 странице. Прежней последней вставки (448 стр.) после фразы “и будь счастлив на таком пути, брат мой Дармен” (176, 377 стр.); “Вставка к 287 странице, после слов: “...Которые оказались сейчас в Даркембае” (150, 379 стр.); “Вставка к 330 странице после слов “Побывали в ауле Абая с новостями” (161–160, 369–370 стр.) деген сияқты болып келеді. Осындай қосқан қосымшаларына кейін кітап етіп шығарарда тағы да өзгерістер енгізіп, көлемді-көлемді, кесек-кесек бөліктер қосқан.

Т. Әкім

МАЗМҰНЫ

I. МАҚАЛАЛАР	3
Күндей жылы, нұрдай жарқын дәурен (1936 ж.).....	5
Тамаша кітап (1949 ж.).....	7
Основоположник казахской лингвистики (1957 г.).....	10
Жазушыны жауапты ойлар бастасын! (1959 ж.).....	16
Бұл күлкіге дән ырзамыз (1959 ж.).....	18
II. СӨЗДЕР	21
Стенограмма Пленума Союза советских писателей Казахстана 30 ноября 1949 года.....	23
Стенограмма заседания Ученого совета Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР 9 ноября 1951 г.	29
Я имел удовольствие в текущем году побывать в Соединенных Штатах Америки... (1960 г.).....	35
Выступление казахского писателя лауреата Ленинской премии Ауэзова Мухтара (Дели, здание Вишай Бхаван, 1961 г. 24 марта)	37
Әуезовтің сөзі	39
III. ПІКІРЛЕР	49
В приемную комиссию Союза писателей СССР	51
Отзыв о научной деятельности З.С. Кедринной.....	52
Отзыв на книгу И. Каракулова “У индийских друзей”	53
Отчет о проделанной годичной работе аспиранта Востфака САГУ Ауэзова Мухтара	54
Филология факультетінің студенті Д. Қасеновтың диплом жұмысы жөнінде	57
Қазақтың С.М. Киров атындағы мемлекеттік университетінің филология факультетінің студенті Есбаев Құлмағанбеттің дипломдық жұмысы туралы пікір	59

С.М. Киров атындағы Қазақстан мемлекеттік университетінің филология факультеті студенті Ғазизова Гүлжиханның дипломдық жұмысы туралы пікір	61
ҚазГУ филология факультеті студенті Рахымжанов Төлегеннің “Жұлдыз” журналындағы сын” деген тақырыптағы дипломдық жұмысы туралы пікір.....	62
ҚазГУ филология факультетінің студенті Құмарова Шәрбанудың “Образ және образдылық” деген тақырыпқа жазған дипломдық жұмысы туралы	63
ҚазССР Ғылым академиясының Тіл-әдебиет институтының директорына	64
IV. ӘНГІМЕЛЕР	65
У подножья Текше (1922 г.)	67
Жамиля (1923 г.).....	75
Кровавая ночь	97
Ол күнгі Алматы (1936 ж.).....	118
V. СЦЕНАРИЙЛЕР	129
Разящий клинок (1945 г.).....	131
Ақын азамат (1954 ж.)	193
Поэт гражданин (1954 г.)	253
Последним ударом (либретто-фабула).....	307
VI. “АБАЙ ЖОЛЫ” РОМАН-ЭПОПЕЯСЫНЫҢ АУДАРМАСЫНА ҚОСЫМШАЛАР	317
VII. ҒЫЛЫМИ ТҮСІНІКТЕМЕЛЕР	401

ӘУЕЗОВ МҰХТАР ОМАРХАНҰЛЫ

Шығармаларының елу томдық толық жинағы

49-том

Академиялық ғылыми басылым

*М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының
ғылыми кеңесінде бекітіліп, баспаға ұсынылған*

Баспа жобасының жетекшілері:
С. Назарбаева, Б. Қананиянов

Редакторлары: *Б. Хабдина, Б. Мұсахан*
Компьютерде беттеген *И. Селиванова*

Басуға 11.03.2014 ж. қол қойылды.

Пішімі 84x108 $\frac{1}{32}$, Офсеттік қағаз.

Қаріп түрі “Таймс”.

Шартты баспа табағы 23,9.

Таралымы 4000 дана.

Тапсырыс № 1183.

ЖШС РПБК «Дәуір», 050009,
Алматы қаласы, Гагарин д-лы, 93а.
E-mail: rpik-dauir81@mail.ru

“Жібек жолы” баспа үйі
050000, Алматы қаласы, Қазыбек би көшесі, 50.
Тел.: 272-65-01, 261-11-09.

ISBN 978-601-294-191-3

9 786012 941913